

БАЛИНТ МАДЬЯР

библиотека
журнала

СОЦИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный
запас

АНАТОМИЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО МАФИОЗНОГО ГОСУДАРСТВА

На примере Венгрии

Балинт Мадьяр

Анатомия

посткоммунистического

мафиозного государства на

примере Венгрии

© Б. Мадьяр, 2016

© П. Борисов, пер. с венгерского, 2016

© ООО «Новое литературное обозрение», 2016

Оглавление

Слова благодарности	4
1. При каком режиме мы живем?	5
1.1. Посткоммунистическое мафиозное государство	6
1.2. Эволюционные типы коррупции	8
2. Крах третьей Венгерской республики в 2010 г	17
2.1. Структура ценностных ориентаций венгерского общества	17
2.2. Правые и левые: борьба двух анахронизмов	19
2.3. Разрушенные площадки рационального общественного дискурса	20
2.4. Состав нового слоя собственников – неустойчивость собственнической структуры	24
2.5. Ответственность коалиционного правительства социалистов и либералов	27
2.5.1. Отсутствие символической, коллективообразующей политики	28
2.5.2. Раздача бюджетных средств и ее несостоятельность	31
2.5.3. Ущербность свободы и отсутствие перспектив для социальных аутсайдеров	32
2.5.4. Управленческая недееспособность, различные аттитюды двух коалиционных партий	35
2.6. Несовершенство гарантийных институтов системы сдержек и противовесов	38
2.7. Партия «Фидес» как политический суперхищник	40
2.7.1. От малой семьи из университетской общаги к большой приемной семье в политике, от бунтаря-альтернативщика к Крестному отцу	41
2.7.2. Социалисты: эрозия социальной базы, либералы: испарение общественной поддержки, «Фидес»: укоренение в обществе	44
2.8. Политическая холодная война: расшатывание институциональных сдержек и ограничительного принципа конституционного большинства до 2010 г	48
2.8.1. Политическая холодная война	48
2.8.2. Экономическое окопное братание: 70/30	51
2.8.3. Смена коррупционных режимов	52
3. Опыты интерпретации режима: от перебоев в функционировании демократии до критики режима[21]	54

3.1. В плену интерпретации, опирающейся на противопоставление «демократия – диктатура»	54
3.2. Переход к субстанциальным понятиям описания режима	55
3.3. Ограниченная действенность исторических аналогий	56
3.4. Провозглашение венгерского «нелиберального государства»	57
4. Определение посткоммунистического мафиозного государства	61
4.1. Посткоммунистическое	61
4.2. Мафиозное государство	63
4.3. Расширение прав главы патриархальной семьи: мафия, мафиозное государство	63
5. Особенности мафиозно-государственного подтипа автократических режимов	65
5.1. Концентрация власти и накопление богатств	65
5.2. Ключевые фигуры мафиозного государства: властная элита и ее непосредственные придатки	67
5.2.1. Полигарх[42]	67
5.2.2. Олигарх	68
5.2.2.1. Крупные предприниматели versus олигархи	68
5.2.2.2. Типология олигархов	70
5.2.2.3. Конфликт между Орбаном и Шимичкой: первая мафиозная война внутри организованного криминального «надполья»	75
5.2.3. Подставное лицо	80
5.2.3.1. Глава политической семьи и семейная VIP-ложа	87
5.2.3.2. Бизнес близких к власти олигархов, полигархов и их подставных лиц	90
5.2.4. Брокер-коррупционер[80]	92
5.2.5. Семейные телохранители и секретная служба	94
5.3. Присвоение политической семьей государственных и обеспечивающих демократический контроль баз данных	97
5.4. Полипбюро вместо политбюро[92]	100
5.4.1. Отграничение властной элиты мафиозного государства от других исторических аналогий	101
5.5. Law of rule вместо rule of law	105
5.5.1. Конституционный путч – институционализация произвола	105
5.5.2. Захват учреждений публичной власти	107
5.5.3. Правительство не выносит решений, а лишь проводит в жизнь решения политической семьи	108

5.5.4. Законотворчество мафиозного государства как пошив одежды по индивидуальным заказам	109
5.5.5. Ликвидация контрольных функций других органов публичной власти	113
5.6. Управление: фавориты и доверенные заместители политической семьи вместо профессиональных бюрократов	117
5.6.1. Средства устрашения бюрократического аппарата	117
5.6.2. Макс Вебер об историческом пути к современному бюрократическому управлению	117
5.6.3. Развал современного бюрократического управления в условиях мафиозного государства	118
5.6.4. Почему мафиозное государство не может считаться патримониальным режимом?	120
5.7. Ликвидация общественной автономии	122
5.7.1. Ликвидация местных автономий: «хозяйственно-эксплуатационные конторы» вместо органов самоуправления	122
5.7.2. Разрушение автономного пространства интеллектуальной деятельности: культуры и образования	124
5.7.2.1. Культура	125
5.7.2.2. Образование, наука	128
5.7.2.3. «Одомашнивание» гражданских организаций	131
5.8. Патронажно-клиентарные отношения вместо классовых	134
5.8.1. Метаморфозы материальной незащищенности	134
5.8.2. Богатство форм патронажно-клиентарных отношений	136
5.9. Средние слои властной пирамиды мафиозного государства: «новый национальный средний класс» – служилые дворяне, придворные поставщики	141
5.9.1. Служилые дворяне	141
5.9.2. Придворные поставщики	144
5.9.3. Прочность «нового национального среднего класса», подавление сопротивления	145
5.9.4. Главное преступление – нелояльность	147
5.10. Поборы как экономическая политика: система особых налогов	149
5.10.1. Некоторые типы особых налогов до 2010 г	150
5.10.2. Систематическая эскалация особых налогов после 2010 г	153
5.10.2.1. Основные типы особых налогов[126]	155
5.10.2.2. Косвенные особые налоги	161
5.10.3. Государственные санкции в ответ на социально-экономическую реакцию, вызванную особыми налогами	164

5.10.4. Особые налоги «наоборот»: стратегические соглашения или взаимные льготы	164
5.11. Насильственный отъем – ротация экономической элиты	166
5.11.1. Союз партии «Фидес» и «христианского среднего класса»	167
5.11.2. Уникальность применяемой мафиозным государством техники отъема имущества	169
5.11.3. Ротация и подчинение элиты собственников	170
5.11.4. Предложение, от которого нельзя отказаться	172
5.11.4.1. Индивидуальный отъем собственности	174
5.11.4.2. Групповой отъем собственности	180
5.11.5. Типы огосударствления в зависимости от его функции	189
5.12. Властная логика versus иррациональность политики в различных сферах жизни	195
6. Легитимационный дефицит мафиозного государства и средства его компенсации	197
6.1. «Одомашнивание» СМИ	198
6.1.1. 2010–2014: контроль над СМИ в период складывания мафиозного государства	199
6.1.2. Изменение контроля над СМИ после 2014 г. в условиях сложившегося мафиозного государства	204
6.2. Манипулирование избирательной системой[192]	209
6.2.1. Изменение избирательного закона после 2010 г	210
6.2.2. Прокуратура как отдел избирательного штаба	213
6.2.3. Создание институциональных возможностей для подтасовок на выборах	214
6.2.4. Парламентские выборы весной и муниципальные выборы осенью 2014 г	215
6.2.5. Методы позднейшего непризнания результатов выборов	216
7. Легитимационный идеологический арсенал мафиозного государства	218
7.1. Режим, управляемый идеологией, versus режим, пользующийся идеологией	218
7.2. Целевые идеологические клише: Бог, Родина, семья, трудовое общество	221
7.2.1. Национализм, антисемитизм, расизм	221
7.2.2. Идеологическая пирамида	223
7.2.3. Религия	228
7.3. Инструментальные идеологические клише: «Система национального сотрудничества» и «национально-освободительная	230

борьба»	
7.3.1. Система национального сотрудничества (СНС)	231
7.3.1.1. Сущностное, ценностное оправдание СНС – «новый принцип справедливости»	231
7.3.1.2. Оправдание СНС с точки зрения технологии власти – «искусство дружбы»	233
7.4. Национально-освободительная борьба	237
8. Преступное государство	241
8.1. Венгерское уголовное право о преступных организациях	241
8.2. Палермская конвенция	243
8.3. Мафиозное государство как один из типов преступного государства[251]	244
8.3.1. Пример: отъем собственности преступной организацией	245
8.4. Типизация организованной преступной деятельности	247
9. Пирамиды – пределы мафиозного государства	253
9.1. Экономическая пирамида	253
9.1.1. Автократия и автаркия	255
9.2. Внешнеполитическая пирамида – «танец павлина» и «венгерское хитроумие»	257
9.2.1. Дилеммы Евросоюза	258
9.2.2. Открытость на Восток	263
9.2.3. Различная логика санкций ЕС и США	269
9.3. Хрупкое равновесие мафиозного государства: делегитимационная спираль и предел применимости насилия	276

Слова благодарности

Настоящая книга является объединенным, расширенным и обновленным вариантом моих вступительных статей к сборникам *Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam 1. és 2.* (Венгерский полип – посткоммунистическое мафиозное государство 1–2) (Noran Libro, 2013 и 2014). Незаменимую помощь в ее создании оказал Мартон Козак. Хочу также поблагодарить Михая Андора, Аттилу Ара-Ковача, Ласло Бекеша, Иштвана Чиллага, Андраша Дёрдя Деака, Чабу Гомбара, Пала Юхаса, Миклоша Карпати, Юлию Кирай, Яноша Корнай, Балажа Кремера, Тамаша Латтмана, Ласло Лендела, Адама Ц. Надя, Ивана Петё, Эстер Радаи, Акоша Рона-Таша, Кароя Аттилу Шооша, Ивана Селени, Еву Вархеди и Имре Вёрёша за высказанные ими критические замечания.

1. При каком режиме мы живем?	5
1.1. Посткоммунистическое мафиозное государство	6
1.2. Эволюционные типы коррупции	8

1. При каком режиме мы живем?

Нельзя определить личное, а тем более политическое отношение к безымянному режиму. Если мы не способны к понятийному осмыслению своей реальности, то становимся пленниками реальности чужой. Ведь, как пишут Стивен Хокинг и Леонард Млодинов в своей книге «Высший замысел», *«не существует концепции реальности, не зависящей от картины мира, или от теории. Мы же вместо этого примем точку зрения, которую станем называть моделезависимым реализмом...»*^[1]. Ниже они добавляют: «Никакой моделезависимой проверки реальности нет. Следовательно, хорошо построенная модель создает собственную реальность. (...) Моделезависимый реализм применим не только к научным моделям, но и к сознательным и подсознательным мысленным моделям, которые все мы создаем, чтобы интерпретировать и понять повседневность»^[2].

Если так обстоит дело в природе, то это тем более справедливо и в отношении человеческого общества. Смысл изучаемому придают когнитивные механизмы нашего сознания. Не располагая соответствующими языковыми, понятийными рамками, мы превратимся в пассивных статистов в сконструированной чужим языком, навязанной нам реальности, отрицающей наши ценности. Создание языка, основанного на нашей собственной системе ценностей, является первым и неизбежным шагом на пути к обретению нами самоидентичности и свободы. Это элементарная предпосылка для того, чтобы индивидуум или социум не был вынужден дрейфовать в чужой для него, не поддающейся интерпретации реальности, построенной с помощью продиктованного другими языка.

Во время смены общественного строя, сопровождавшего крах коммунистических режимов в Восточной Европе на рубеже 1989–1990 гг., формула перемен казалась ясной: был совершен переход от **однопартийной диктатуры**, которую характеризовала государственная монополия на собственность, к многопартийной парламентской демократии, основывающейся на частной собственности и рыночной экономике. Эта модель, образцом которой служат западные демократии, получила название либеральной демократии, причем независимо от того, идет ли речь о президентской или о парламентской ее форме, ведь суть обеих этих форм составляют такие институциональные гарантии, как разделение властей, сменяемость правительства и нормы добросовестной политической конкуренции в сфере политики, а также преобладание частной собственности, прозрачность экономической конкуренции и обеспечение безопасности собственности в области экономики.

Если система норм **либеральных демократий** повреждается, то в случае хорошо действующей демократии эти повреждения с бóльшим или меньшим успехом исцеляются с помощью механизмов институционального контроля и

разделения властей. В этом случае подобные «отклонения от нормы» не достигают критической массы, угрожающей всей системе в целом. Однако если эти отклонения от нормального функционирования либеральной демократии носят не только массовый характер, но и воплощают главные ценности и цели правительства, то данные доминантные характеристики формируют уже новую систему. Разумеется, многие пытаются охарактеризовать ее посредством какой-либо метафоры или аналогии, ведь новые явления необходимо идентифицировать, и для этого привлекаются уже известные образцы. Поэтому некоторые усматривают прообраз режима Орбана в южноевропейских авторитарно-корпоративистских режимах 20–30-х гг., какими были, например, португальский, испанский и итальянский, или в во многом родственном с ними режиме Хорти в Венгрии. Другим явления, наблюдающиеся в Венгрии после 2010 г., напоминают псевдодиктатуры и настоящие диктатуры в странах Латинской Америки или смягченные варианты коммунистических режимов. Однако действенность подобных исторических аналогий сильно ограничена, они могут дать представление о природе того или иного явления изучаемого режима, но не способны описать режим в целом.

1.1. Посткоммунистическое мафиозное государство

В настоящее время Венгрия представляет собой **посткоммунистическое мафиозное государство**. В этом выражении эпитет «посткоммунистическое» указывает на обстоятельства и исходные предпосылки возникновения этого государства, то есть на то, что этот режим хотя и с опозданием, но все же возник в результате разложения однопартийной диктатуры, сопровождавшейся монополией государственной собственности. Эпитет же «мафиозное» определяет природу функционирования государства. Процессы, начавшиеся во время первого правления «Фидес» с 1998 по 2002 г. и развернувшиеся в полной мере с 2010 г., в наибольшей степени сродни тому, что происходит в большинстве государств на территории бывшего СССР, в путинской России, в Азербайджане или бывших советских среднеазиатских республиках, хотя траектория политической эволюции этих государств со времени смены режима была иной. Следовательно, в случае Венгрии речь идет не просто об искаженной, урезанной демократии или о ее дефиците, ведь в этом случае это все же была бы демократия, хотя и ограниченная. Однако режим, который можно охарактеризовать как мафиозное государство, не вмещается в традиционные рамки интерпретации, описывающей отношение между демократией и диктатурой. К тому же оно не вмещается в коррупционные рейтинги стран мира, которые, как правило, составляются международными организациями, ведь при их составлении обычно предполагается, что речь идет о различных степенях одного и того же качества, что измеряется распространенностью некоего однородного явления. Между тем современная

венгерская политическая система представляет собой уже совершенно иное качество, и упомянутые рейтинги лишь отвлекают внимание от ее сущности. Это новое качество можно описать только путем четкого выделения системной специфики, в объяснительных рамках нового типа.

Объяснительная модель посткоммунистического мафиозного государства стремится охватить всю систему в целом, не ограничиваясь отдельными явлениями, которые могли встречаться и в других режимах, но в других отношениях, по существу эти исторические прообразы сильно отличаются от складывающегося мафиозного государства. Его главной характеристикой является лежащая в основе всех действий логика расширения власти и обогащения, по которой одновременное наращивание политической власти и имущества приемной политической семьи осуществляется государственными средствами, с использованием монополии на насилие в атмосфере мафиозной культуры, возведенной в ранг государственной политики.

1.2. Эволюционные типы коррупции

В случае *повседневной коррупции* частные интересы реализуются нелегитимным путем, посредством решений о государственном и муниципальном распределении средств, заказов, концессий и полномочий. Так, заключаются нелегальные сделки между отделенными друг от друга экономическими игроками и государственными должностными лицами, чиновниками различных уровней. Повседневная коррупция – это серия отдельных явлений: принимающий решения чиновник получает или просит деньги или иные льготы в обмен на благоприятное для коррумпирующей стороны решение дела. Режим считается коррупционным в том случае, если таких случаев много или если проблемы граждан и вопросы бизнеса можно решить в основном с помощью *взятки*. В годы после смены режима граждане вряд ли могли сказать, что чиновники изменяющейся Венгрии неподкупны. Благодаря политическим связям можно было получить собственность, безвозвратный кредит, самые различные преимущества, но, как бы часто ни встречались случаи коррупции, они не складывались в системообразующую силу. Конечно, если для получения заказа необходимо «подмазать» делопроизводителей, то это отравляет жизнь общества, но, оставаясь в рамках личной сделки между подкупающим и подкупленным, еще не подрывает основ демократического устройства, еще не затрагивает сущности режима, так как совершенно ясно, что речь идет о нарушении общепринятых, легитимных норм поведения. (Коррупция, связанная с партийным финансированием и нередко встречающаяся даже в устоявшихся демократиях, а также коррупция среди чиновников одинаково считаются отклонением от нормы.) Помимо защитных и карательных мер со стороны государства для борьбы с такими отклонениями используются антикоррупционные службы, которые посредством разоблачительной деятельности прессы и иных приемов пытаются раскрыть проявления коррупции и перевести их из негласной сферы в гласную, предполагая, что в результате разоблачения виновный понесет достойное наказание.

При социалистическом строе, до смены режима коррупция была не системообразующим элементом, а типичным сопутствующим явлением системы. В рамках плановой экономики сосуществовали три экономики:

- Основанная на государственной собственности *«первая экономика»*, которая в результате национализации конца 40-х гг. имела определяющее значение в экономике страны.

- *«Вторая экономика»*, образованная многообразием форм связанного с государственным сектором частного предпринимательства, заполняла рыночные щели всеобщего дефицита, порожденного системой центрального планирования, в мелкой торговле, в сфере обслуживания и в семейных хозяйствах при сельскохозяйственных кооперативах, так называемых приусадебных хозяйствах.

- А термином *«третья экономика»* можно было охарактеризовать множество торговых «лазеек» в сфере товаров повышенного спроса, которые возникали на фоне экономики всеобщего дефицита и функционировали в режиме коррупционных сделок. Самые различные формы коррупции и взаимной коррупции практически равномерно пронизывали все общество от вахтеров до чиновников и партсекретарей. При государственной монополии экономики дефицита почти во всех точках экономических связей у кого-то имелись предлагавшиеся к продаже вещи, услуги или компетенции принятия решений, за которые можно было получить чаевые, «подмазка» или коррупционную ренту. Бытовые венгерские названия, как, например, подмазка, одновременно указывали и на то, что если механизм не подмазать, то вся система плановых директив будет парализована. Обязательный для функционирования режима характер взаимных услуг, колебавшихся между законным и незаконным, делал этот клубок коррупционных сделок морально допустимым. Ведь эта система действовала по принципу псевдоравенства, поскольку в условиях экономики, основанной на монополии государственной собственности, возможности нелегитимного обогащения высших руководителей были тоже сильно ограничены, в то время как сотни тысяч людей на нижних уровнях системы могли собирать «ренту» благодаря имевшимся у них мини-монополиям.

Однако *смена режима* породила невиданное ранее неравенство не только в материальном отношении, но и в отношении позиций, открывающих возможности для коррупции. После того как экономика дефицита прекратила существование в отношениях между игроками частного рынка, пространство коррупции перешло в экономическое русло отношений между государственно-муниципальным и частным секторами. Но в этой обменной торговле заказчиками все чаще были уже не мелкие потребители режима Кадара, а круг богатевших предпринимателей от мелких арендаторов муниципальных торговых помещений до крупных воротил, заказывающих нужное им правовое регулирование. В рамках повседневной коррупции, сложившейся после смены режима,

- во-первых, сузился круг коррумпируемых, коррупция потеряла всенародный характер и затрагивала главным образом работников государственной администрации и политический класс в широком смысле этого понятия;

- во-вторых, изменилась структура принятия решений, подверженных коррупции: вместо преимуществ, связанных с повседневным потреблением, на передний план вышла государственная поддержка, обеспечивающая преимущества в конкурентной борьбе за обогащение, например при приватизации, получении государственных и муниципальных заказов, успешном участии в тендерах, изменении статуса недвижимости, оформлении официальных разрешений;

- в-третьих, значительно возросла прибыль, получаемая от отдельных коррупционных решений: теперь за определенную взятку можно было получить не просто белый фарфоровый унитаз из-под прилавка, а целый завод по

производству унитазов вместе с принадлежащей ему сетью магазинов, да еще за счет государственного кредита;

- в-четвертых, роли в коррупционных сделках четко разделились: теперь уже нельзя было говорить о том, что «все» коррумпируют и коррумпируются в широком социальном пространстве, порожденном дефицитом; инициаторы коррупционных сделок из экономической и гражданской сферы сами обращались с предложениями к государственным работникам.

К *аномалиям в области партийного финансирования* и коррупционной зараженности этой области привели ошибочные предположения и неточные представления. На основании западных образцов в процессе смены режима возникло убеждение, что *членские взносы и легальные пожертвования* обеспечат партиям значительные доходы. Хотя было очевидно, что действовавшие после смены режимы партии даже в совокупности не смогут достичь рекордного количества членов бывшей коммунистической партии, Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), насчитывавшей 800 тыс. человек, а также суммы выплачивавшихся ими в обязательном порядке членских взносов, никто не думал, что даже на пике 1990–1991 гг. совокупное количество членов новых партий достигнет лишь десятой доли этой рекордной цифры. В дальнейшем реальная численность членов партий непрерывно сокращалась. Больше того, вследствие сокращения общественной активности между избирательными кампаниями, ухудшения материального положения граждан, роста безработицы и инфляции приходилось ограничиваться лишь символическими членскими взносами, так как в противном случае из партий как бы исключались те, кто не мог их вносить, а причиняемый этим организационный и коммуникационный ущерб существенно превышал бы прибыль от форсированного сбора членских взносов. Сокращение членства в новых партиях неизбежно сопровождалось уменьшением суммы членских взносов, вследствие чего возникали трудности в поддержании даже минимальной организационной инфраструктуры.

В то же время годовая бюджетная система государственного финансирования партий не учитывала реальных нужд *избирательных кампаний*, уже начиная с 1994 г. покрываемая из государственного бюджета доля растущих расходов на кампании была незначительной. Поначалу объем партийных затрат на избирательную кампанию не лимитировался. Лишь в 1996 г. был установлен действовавший до 2013 г. лимит в 1 млн. форинтов на каждого кандидата. Он стал проблематичным не только потому, что не изменялся в соответствии с действовавшей тогда двузначной инфляцией, но и потому, что расходы, тем или иным образом связанные с избирательной кампанией, вышли за рамки как юридически установленных сроков кампании, так и непосредственно относящихся к ней событий. Все это вместе привело к эскалации расходов на проведение кампании и невозможности контроля за этими расходами. К тому же Государственная счетная палата имела право контроля лишь за заявленными партиями расходами на выборы, то есть

возможность проверки правильности суммирования отдельных расходных статей.

В результате недостаточности официального партийного финансирования всевенгерские партии, пытающиеся обеспечить свою деятельность только за счет членских взносов и государственных дотаций, заранее обрекались на недееспособность, хотя в мэрии небольшого городка работало больше служащих, чем во всевенгерском аппарате крупнейших партий, участвовавших в смене режима. Необходимость в дополнительных источниках средств и практическая бесконтрольность неофициального, небюджетного финансирования привели к «размытию» бюджетного барьера партийного хозяйствования. Пределом или стимулом привлечения материальных ресурсов становились реальное и ожидаемое политическое влияние, а также напористость партий, а в действительности – лишь их способность к самоограничению.

Ожидаемые доходы партий от членских взносов и бюджетных дотаций не покрывали расходов, выходящих за рамки обеспечения их основных функций. Помимо непрозрачных доходов, о которых можно было догадываться на основании огромных затрат на выборы, частью системы финансирования стали значительные кредиты. При получении кредитов партийное руководство заранее рассчитывало на то, что сумеет погасить задолженность за счет продажи недвижимости, полученной, как правило, бесплатно, или на льготных условиях, или за счет капитала связей, образующегося при овладении властными позициями. В то время как *бескорыстная поддержка партий, основанная на политических симпатиях, постепенно исчезала, задолженность партий росла, а коррупция, связанная с партийным финансированием, неизбежно расширялась*. Центр тяжести доходов, получаемых вне государственных дотаций, не просто сместился от членских взносов в сторону иных, идущих из сферы экономики поступлений. В этих поступлениях все яснее наблюдался непосредственный экономический интерес и расчет на ответные услуги, выходящие за пределы возможных политических симпатий.

Теперь уже инициатива стала двусторонней, не только экономические акторы искали связей с членами нового политического класса, но и наоборот. Эта взаимная помощь оказывалась в широком пространстве, колеблясь между законным и незаконным. Подобные связи несли в себе не только перспективу партийного хозяйствования в обход законов, но и возможности личного коррумпирования членов политического класса.

Опасность переплетения интересов возрастала там, куда не доходили ресурсы из центра. Поскольку избирательные кампании членов местных муниципалитетов, бургомистров также требовало и значительных затрат, аномалии партийного финансирования из центра проникали во все уголки страны. К тому же при использовании денежных средств на местах круг потенциальных спонсоров партий еще непосредственнее совпадал с кругом лиц, получавших льготы на основе взаимности. Хотя распространение

коррупции в значительной степени привело к потере доверия к политической элите, ее *рутинное функционирование* все же не превратилось в *системное функционирование*, в основном определяющее политические цели. Эта коррупция скорее породила слабо контролируемый из центра мир, в котором властные позиции обеспечивали хаотичную автономию и часто вспыхивала внутренняя конкурентная борьба. Партии, за исключением Союза молодых демократов («Фидес»), не создавали собственного доходного бизнеса, а лишь изымали ренту, выкачивали деньги из экономических предприятий. Правда, это они делали крайне систематично.

Появление *организованного криминального подполья, мафии*, означает качественную перемену по сравнению с миром повседневной, «свободноконкурентной» коррупции. Теперь организованные преступные группы пытаются методично установить свое влияние над носителями государственной власти. Если это им удастся, то можно говорить о том, что организованное криминальное подполье нашло подходы к высшей, политической сфере государственной власти и пытается повлиять не просто на вынесение отдельных решений в области распределения средств и доступа к ним, но и на сам механизм регулирования, на законодательство. В таких случаях очень трудно провести ясную границу между легитимным лоббированием и давлением, оказываемым организованным криминальным подпольем путем подкупов и шантажа. В отличие от повседневной коррупции, а деятельность этого подполья основано не просто на добровольном согласии сторон, на взаимном предоставлении незаконных преимуществ. Оно стремится принудить к исполнению его воли с помощью угроз и насилия: шантажирует, собирает плату за «крышевание», старается установить контроль над обещающими крупные прибыли отраслями бизнеса. Пытаясь монополизировать определенные сферы незаконной экономической деятельности, оно действует на рынке, сегментированном как в территориальном, так и в отраслевом отношении, то есть не в состоянии распространить свое влияние на всю экономику или на всю страну. Тот факт, что раздел рынков достигается путем прерываемых войнами соглашений между мафиозными семьями, которые иногда принимают институциональную форму совета глав семей, не упраздняет иерархического характера внутрисемейных, внутриклановых отношений. (В заокеанских, обновленных формах мафии, то есть организованного криминального подполья, постепенно изживаются присущие традиционным формам «коллективные» функции.)

Мафия уже не просто создает для себя экономические возможности незаконной прибыли с помощью взяток, но и накладывает дань, принуждая платить за «крышевание». Представителей государственной власти она стимулирует взятками, а акторов экономики принуждает платить за «крышевание». Классическим примером этого служит сицилийская мафия, полипообразные щупальца которой снизу обвивают мир политики. Организованное криминальное подполье уже представляет собой опасное, трудноустраняемое явление, однако оно изменяет характерные для правового

государства установки лишь в том случае, если его представители получают доступ к политической власти. Даже при наличии, причем в немалом количестве, продажных чиновников и политиков может сохраняться непоколебимая вера в то, что государство борется с мафией. Иначе говоря, отдельные люди могут оступаться, но государственные институты ведут борьбу с преступными группами организованного криминального подполья. В таких случаях ситуация еще более однозначна: методы организованного криминального подполья, мафии, не служат в глазах политических носителей государственной власти образцом для систематического подражания. Однако если инфильтрация на продолжительное время выходит за определенную границу и некоторые ответственные политики оказываются завербованными экономической, то есть не берущей на себя публичной политической роли, мафией, то происходит пленение государства, или по-английски – *state capture*. В таких случаях может быть принят целый ряд законов, правовых норм и решений для реализации нелегитимных частных интересов.

После смены режима организованные криминальные группы, пытавшиеся добиться политического влияния, появились и в Венгрии, однако в этом случае нельзя говорить о *state capture*. Правда, в первой половине 1990-х гг. некоторые, воспользовавшись иногда искусственно сохранявшимися пробелами в законодательстве, разбогатели на нелегальной торговле нефтью, деятельности ночных увеселительных заведений или оказании охранных услуг. Однако организованное криминальное подполье не стремилось к главной политической роли, причем не стремилось уже потому, что в 1990-х гг. наблюдалось активное проникновение на молодой венгерский рынок иностранных (главным образом российских и украинских) организованных преступных группировок. Организованное криминальное подполье намеревалось прежде всего расширить и безнаказанно вести свою нелегальную деятельность. На рубеже столетий новая политическая элита, сложившаяся после смены режима, отчасти покончила с этим подпольем, а отчасти установила ему определенные границы и приручила его. Источник огромных доходов от нефтяных махинаций был закрыт законодателями уже в 1995 г. А вследствие рыночных войн и разборок между охранными фирмами, наемными из отставных работников службы безопасности и правоохранительных органов, кто-то из представителей этих фирм сел за решетку, а кто-то стал министром.

Зато *организованное криминальное «надполье», мафиозное государство*, уже далеко выходит за пределы аномалий партийного финансирования и стремления криминального подполья к политическому влиянию. В этом случае характер отношений изменяется в обоих аспектах. С одной стороны, обогащению частных лиц служит не часть незаконных средств, порожденных необходимостью партийного финансирования, – здесь для накопления частных состояний используется уже весь потенциал политической партии в принятии решений, причем не от случая к случаю, а систематически. С другой стороны, содержание принимаемых решений не просто искажается криминальными

устремлениями «снизу» и «извне», напротив, процесс управления и нормативного регулирования с самого начала целенаправленно приспособляется к нелегитимным партикулярным интересам «сверху» и «изнутри». В мафиозном государстве исчезает характерная для организованного криминального подполья двойственность практики по принципу «наверху подмазываем – внизу собираем крышеванные деньги», поскольку организованное криминальное «надполье», обладая государственной властью, лишь накладывает дань и собирает ренту, выполняющие функции платы за крышевание.

Классический мир процветающей коррупции характеризуется хаотическим сплетением конкурирующих друг с другом малых и крупных нелегальных сделок, оно приобретает все более структурированную форму и проходит ряд ступеней эволюции.

- Первая ступень эволюции – мир свободноконкурентной коррупции. Главным средством в нем является взятка, то есть заказчиком выступает экономический игрок, а представителем сферы государственной власти оказывает коррупционные услуги. Коррупционные сделки заключаются от случая к случаю, и ни один из ее участников не представляет собой организованной группы.

- На этом строится вторая ступень коррупционной эволюции, олигополистический мир мафиозных групп (организованного криминального подполья), порожденный снова и снова вспыхивающими войнами и разборками и состоящий из локально-парциальных монополий. Его зеркальное отражение в государственной сфере возникает тогда, когда той или иной политической силе также удастся создать свои олигополистические принудительно-коррупционные механизмы, держащие под давлением игроков экономической сферы. На этом этапе экономические и политические акторы уже взаимно и привычно обращаются друг к другу.

- На третьей ступени эволюции мафиозное государство (организованное «надполье») уже ограничивает, ликвидирует организованное криминальное подполье, уничтожает анархический, отчасти автономный мир олигархов, а также создает в области коррупции единый субординационный порядок, централизует ее в масштабах всей страны и устанавливает государственную монополию на коррупционную деятельность. Оно борется не с коррупцией как таковой, а с неразрешенной, партизанской коррупцией. На государственном уровне оно осуществляет то, чего классическая мафия добивается в сфере своих интересов, – упраздняет «частного вора»^[3]. Американская острота «Не укради! Правительство не любит конкурентов!» получает практически дословный смысл.

Быть может, имеет смысл проиллюстрировать разницу между тремя ступенями эволюции на простом примере махинации с недвижимостью в одном из районов Будапешта^[4]. Если арендующий муниципальное торговое помещение предприниматель пытается получить право собственности на это помещение посредством взятки муниципальному чиновнику, то это является *повседневной формой коррупции*. Даже если подобных случаев много, совершающие такие попытки арендаторы не находят с чиновником ни в

родственников, ни в дружеских отношениях, и речь идет о частных действиях чиновника. Коррупционная операция состоит из *одного этапа*, на котором взятка обменивается на незаконное или труднодоступное разрешение на получение собственности. Если *организованное криминальное подполье* различными насильственными средствами принуждает немалое количество арендаторов продать или передать ему право на аренду, чтобы позже, сговорившись с муниципальными чиновниками, купить помещения по льготной цене, на которую имеют право арендаторы, то это уже относится ко второй эволюционной ступени коррупции. В этом случае получатели выгоды от подобных операций овладевают собственностью будучи ячейками сети, они уже не обособленные бенефициары, а части приемной криминальной семьи. Такая коррупционная операция уже *двухэтапна*: внизу в отношении первоначальных арендаторов применяются шантаж, угрозы и принуждение, а наверху муниципальным чиновникам дается взятка. Если же для осуществления коррупционной операции необходимо изменение правовых норм и многоуровневое, стабильное сотрудничество партнеров из муниципалитета, то можно говорить о частном случае state capture.

Организованное криминальное «надполье» идет еще дальше. Даже если связь с криминальными элементами сохраняется, руководители местного муниципалитета осуществляют отстранение арендаторов, их замену на своих клиентов, членов своей приемной политической семьи сами. А затем последние, пробыв несколько дней в положении псевдоарендаторов, становятся на льготных условиях собственниками арендуемого помещения. Право на замену статуса арендатора на статус льготного собственника, его перенесение с арендатора на арендуемое помещение открыли институциональный путь от единичных «махинаций» к организованной преступности, субъектом, мотором которой является не криминальное подполье, а местная властная элита^[5]. Эта операция снова становится *одноэтапной*: внизу используются средства обмана и принуждения. Но здесь трудно говорить о коррупционной сделке, так как незаконный бенефициар и лица, осуществившие незаконную операцию, не составляют две отдельные группы, вступающие в сделку друг с другом, а одинаково являются членами приемной политической семьи. В этом случае местная администрация не оказывается во власти некой внешней силы – она сама действует как мафия с применением имеющихся в ее распоряжении административных и принудительных средств.

Таким образом, в мафиозном государстве систематическая коррупция в масштабах всей страны уже не может быть отнесена к классическому повседневному или криминальному типу, ведь на этой «ступени развития» коррупция из отклонения от нормы, которое необходимо скрывать, превращается в практику, возведенную в ранг государственной политики и направляемую из центра. Здесь уже не олигархи подчиняют государство своему контролю, а политические предприниматели присваивают себе право назначения олигархов. Иначе говоря, не какая-либо экономическая группировка берет в свои руки контроль над определенными сегментами обособленной от

нее как в кадровом, так и в организационном отношении политической деятельности, а ***политическое предприятие само превращается одновременно и в экономическое***, покоряя как мир политики, так и мир экономики и формируя с помощью всего арсенала средств государственной власти свою мафиозную культуру. В период первого прихода к власти партии «Фидес», в 1998–2002 гг., создание этой модели еще наталкивалось на сильные институциональные преграды. В то время наличие законов, требовавших конституционного большинства в две трети голосов, так или иначе еще поддерживало систему демократических институтов, которая, правда, и тогда уже была подвержена эрозии. Не имея конституционного большинства в парламенте, нельзя было добиться монополизации власти и ликвидации разделения властей, что является одной из основных предпосылок возникновения мафиозного государства. Однако после 2010 г. за отсутствием этого тормоза строительство мафиозного государства пошло полным ходом.

В мафиозном государстве частные интересы подменяют интересы общества уже не от случая к случаю, а постоянно и систематически. Практически нет такой сферы деятельности этого государства, которая не была бы подчинена совокупным интересам укрепления власти и обогащения. ***Мафиозное государство – приватизированная форма паразитического государства.***

2. Крах третьей Венгерской республики в 2010 г	17
2.1. Структура ценностных ориентаций венгерского общества	17
2.2. Правые и левые: борьба двух анахронизмов	19
2.3. Разрушенные площадки рационального общественного дискурса	20
2.4. Состав нового слоя собственников – неустойчивость собственнической структуры	24
2.5. Ответственность коалиционного правительства социалистов и либералов	27
2.5.1. Отсутствие символической, коллективообразующей политики	28
2.5.2. Раздача бюджетных средств и ее несостоятельность	31
2.5.3. Ущербность свободы и отсутствие перспектив для социальных аутсайдеров	32
2.5.4. Управленческая недееспособность, различные аттитюды двух коалиционных партий	35
2.6. Несовершенство гарантийных институтов системы сдержек и противовесов	38
2.7. Партия «Фидес» как политический суперхищник	40
2.7.1. От малой семьи из университетской общаги к большой приемной семье в политике, от бунтаря-альтернативщика к Крестному отцу	41
2.7.2. Социалисты: эрозия социальной базы, либералы: испарение общественной поддержки, «Фидес»: укоренение в обществе	44
2.8. Политическая холодная война: расшатывание институциональных сдержек и ограничительного принципа конституционного большинства до 2010 г	48
2.8.1. Политическая холодная война	48
2.8.2. Экономическое окопное братание: 70/30	51
2.8.3. Смена коррупционных режимов	52

2. Крах третьей Венгерской республики в 2010

Г

В ходе смены режима в Венгрии сложилась действительно образцовая система политических институтов демократии западного типа. В то же время продолжали существовать и те формы поведения восточного типа, которые, можно сказать, системно чужды либеральной демократии. В течение «двух смутных десятилетий» с 1990 по 2010 г., как задним числом заклеямили период после смены режима руководители «Фидес», *политический строй западного образца вел борьбу с восточной моделью приобретения имущества и собственности*. Таким образом, выборы и смены правительств были не просто вехами коррекционных процессов внутри одной системы ценностей в русле консенсусной модели общества, а отчаянными сражениями в борьбе за захват собственности и новых имущественных позиций. В этой борьбе восточные образцы непотизма, поддержанные политической элитой и вызвавшие социальную и политическую турбулентность, подорвали и в конечном итоге практически поглотили систему политических институтов западного типа, сложившуюся в ходе смены режима. Конечно, напрашивается законный вопрос: почему в борьбе системы институтов западного образца и культуры восточного образца победила последняя?

Для объяснения этого краха и обстоятельств приобретения партией «Фидес» конституционного большинства на выборах необходимо, с одной стороны, четко определить ответственность различных политических игроков (преступления, ошибки, бессилие и т. д. правящих партий, а также сознательную военную стратегию партии «Фидес», направленную против системы институтов либеральной демократии), а с другой стороны, выяснить вытекающие из структуры и сознания венгерского общества социологические причины, которые послужили основой для наступательной правой политики. Вместе с тем лишь несчастное стечение этих обстоятельств могло привести к тому, что Венгерская Республика роковым образом превратилась в мафиозное государство. Та эволюция, которая в бывших республиках СССР была прямолинейной, в Венгрии совершилась кружным путем. В этом смысле *то, что произошло в Венгрии, все же нельзя считать роковой неизбежностью*.

2.1. Структура ценностных ориентаций венгерского общества

«В 1989 г. еще могло казаться, – пишет Петер Тельдеш^[6], – что мы, венгры, всего лишь должны следовать практике социальной рыночной экономики и строительства правового государства, которая сложилась в Германии, руководствовавшейся боннским Основным законом, а позже была опробована целым рядом стран. Затем, создав новую, венгерскую модель

развития, опирающуюся на отечественные традиции, и прилагая упорные усилия, можно будет в обозримом будущем догнать западные страны. Однако после перелома 1989 г. в Венгрии наступил не период догоняющего развития с форсированным развитием средних слоев населения, которое за несколько десятилетий позволило бы достичь уровня европейских стран, а затяжной кризис. Наследие коммунизма оказалось гораздо более обременительным, чем ожидалось ранее. Быстро выяснилось, что половинчатая мелкобуржуазная эволюция, наблюдавшаяся в эпоху Кадара, не открыла пути для непосредственного перехода к настоящему рыночному капитализму. Для людей, выросших в атмосфере сговора и обхода правил, приспособление к конкуренции на мировом рынке было сопряжено с гораздо большими трудностями, чем для граждан других стран Центральной Европы. В освободившейся стране вдруг выяснилось, что инстинкты, стремления и надежды венгров, их культура и модели поведения имеют серьезные изъяны и конфигурацию, характерную скорее для Восточной Европы и Балкан, чем для Центральной Европы».

Результаты исследования, поместившего структуру ценностных ориентаций венгерского общества в международный контекст^[7], позволяют обнаружить твердые преграды на пути формирования устойчивой верности принципам либеральной демократии и свободно-конкурентной рыночной экономики. Характеристики, описанные в исследовании, почти не изменились с начала 80-х гг. до последнего, пятого опроса в 2009 г. Анализ данных рисует картину, отрезвляющую всех тех, кто предполагает наличие у венгров западного набора ценностей, характерного для либеральных демократий, поскольку ближайшими соседями Венгрии на ценностной карте являются страны с восточной, православной культурой, прежде всего Республика Молдова и Болгария, а также Украина и Россия. Гораздо дальше от венгров на ценностной карте располагаются страны не только по ту сторону реки Лейта, но и те, что находятся в Центральной Европе и принадлежат к зоне западной иудейско-христианской культуры. Структура ценностных ориентаций, характерная для венгерского общества, далека даже от периферии Запада. Упомянутое исследование показывает, что Венгрию, которая, между прочим, секуляризована подобно западным странам, отталкивает далеко на Восток закрытость мышления ее жителей: преданность свободе выражения мнений, желание участвовать в решении общественных проблем, степень использования прав и свобод, доверие к людям, терпимость по отношению к инакомыслящим и вера в способность управлять своей судьбой характерны для венгерских граждан настолько, насколько и для молдаван, и далеко не в такой мере, как для наших словацких или словенских соседей. В своей комедии «Прощальная симфония» Петер Эстерхази пишет об этом так: «Русские ушли, а мы остались здесь»^[8].

Согласно опросу 1991 г.^[9], даже в выросшей из оппозиции коммунистическому режиму западнической, либеральной партии Союз свободных демократов (ССД) лишь 5 % членов, которых было тогда 30 тыс.,

придерживались по вопросам прав человека и экономики тех ценностей, которые можно назвать последовательно либеральными и которые решительно провозглашали руководители партии. А всевенгерское исследование либеральных ценностных ориентаций, проведенное в 2013 г.^[10], показало, что, хотя доля лиц, считающих себя либералами, составляет в Венгрии 14 %, а по вопросам прав человека к либералам относится 18 % опрошенных, доля приверженцев капитализма составляет только 5 %. Доля лиц, придерживающихся либеральных ценностей по крайней мере в двух из трех исследованных в опросе областей, не достигла и 5 %. А между тем условием стабильности либеральных демократий западного типа является именно массовая, совокупная и сознательная приверженность ценностям прав человека и свободного рынка, а также частной собственности.

2.2. Правые и левые: борьба двух анахронизмов

«В течение двадцати лет после смены режима, – пишет интеллектуальный лидер и глава бывшего движения демократической оппозиции Янош Киш^[11], – друг с другом боролись, одновременно поддерживая друг в друге жизнь, два анахронизма. Это были анахроничное мышление правых, которые тосковали по (предвоенной. – Ред.) эпохе Хорти, и анахроничное мышление левых, которые не могли оторваться от (наступившей после 1956 г. – Ред.) эпохи Кадара.

В истории Венгрии “короткого XX века” доминировала война между правыми и левыми. То одни, то другие брали верх в этой борьбе, то одни, то другие громили своих противников. Режим, возникший после 1989 г., был первым, при котором стороны, некогда боровшиеся друг с другом не на жизнь, а на смерть, были принуждены к мирной конкуренции, связанной с периодическими выборами. Проигравшему впервые приходилось принять к сведению, что его противник легитимно образует правительство. Это давление извне должно было превратиться во внутренний стимул.

Можно было ожидать, что гарантированные конституцией политические свободы будут способствовать выходу на поверхность невысказанных обид. Правда, вскрытие ран могло привести к очищению атмосферы и примирению, ведь все междоусобицы были связаны с ушедшими в прошлое эпохами, а нормы демократии в конечном итоге благоприятствовали взаимному привыканию сторон. Однако воскрешение прошлого пробудило к жизни и давние взаимные страхи, которые не погасили, а, наоборот, усилили взаимоисключающие анахронизмы двух сторон. Глядя на действия правых, организовавших при участии правительства перезахоронение Хорти и поставивших памятники Палу Телеки^[12], и Альберту Вашшу^[13], левые находили в них оправдание своему послевоенному прошлому. Глядя на действия левых, мечтавших о “гуляшевом социализме”, правые находили в них оправдание своему довоенному прошлому.

Апологетическое отношение правых и левых к своему прошлому уже само по себе нанесло большой вред установлению демократической атмосферы в

стране, поскольку и те, и другие идеализировали антидемократические отношения. Однако был причинен и другой вред, так как эти два прошлых не могли быть объединены в общей традиции одного и того же политического социума. (...)

В то же время (...) нормы и упорядоченность функционирования демократической системы противоречили взаимоисключающим и именно поэтому поддерживающим друг в друге жизнь анахронизмам. Исход этой истории не был предрешен заранее. Старые правые и левые были одинаково антидемократичны; после 1989 г. и те и другие одновременно предавались антидемократической ностальгии по прошлому и начинали осваивать демократическую политику. Времени и возможностей для изживания анахронизмов было достаточно (...)

После смены режима отношения между венгерскими правыми и левыми с самого начала были пронизаны взаимным опасением, что другая сторона *готовится* к ломке конституционных рамок. Осенью 2006 г. (после антиправительственных беспорядков и реакции полиции на эти беспорядки. – *Ред.*) каждая из сторон пришла к твердому убеждению, что ее оппонент *уже сломал* конституционные рамки. Согласно мифологеме правых, левое правительство показало свое истинное лицо творца полицейского государства. Согласно мифологеме левых, деятели правой оппозиции показали свое истинное лицо путчистов. С этого времени уже ничто не сдерживало “холодной гражданской войны”».

В то же время ни в одном из лагерей на достоверность противостоявших друг другу мифологем никак не влияло то, насколько они были обоснованы или беспочвенны и воспринимались ли политическими лидерами серьезно или только для видимости. Зато фактом является то обстоятельство, что коалиция социалистов и либералов, располагавшая в 1994–1998 гг. парламентским большинством в две трети голосов, прибегнув к самоограничению, не воспользовалась данным потенциалом для изменения конституции, в то время как после 2010 г. партия «Фидес» осуществила конституционный путч, ссылаясь на «революцию в избирательных кабинетах», принесшую ей конституционное большинство.

2.3. Разрушенные площадки рационального общественного дискурса

Не существует социальной интеграции без интеграции языковой, в основе которой лежит общепринятый общественный дискурс. К началу 1980-х гг. еще в условиях мягкой коммунистической диктатуры сложился секулярный, рациональный общественный дискурс западного типа, лишь на поверхности которого, как сливки на торте, красовался официальный, но все менее принимаемый всерьез язык аппаратчиков коммунистической власти. Язык либеральной интеллигенции и демократической оппозиции постепенно вынудил язык официальных кругов перейти к обороне, и в ходе переговоров о

мирной смене режима реформ коммунисты уже прошли через частичную смену языка. Ставшая свободной пресса широко растранировала эту перемену. Однако за гомогенностью рационального языкового арсенала западного типа стали незаметны противоречивость и ярко выраженный восточный характер системы ценностей общества. Это была эпоха иллюзий и обмана чувств в политике. Язык павшего режима вышел из употребления, социалисты до сих пор не имеют своего языка, но более или менее переняли секулярный, рациональный общественный дискурс западного типа. Поначалу язык отживших или даже диких идей был оттеснен в зону политической субкультуры и пробивался на поверхность лишь во время избирательных кампаний. Позже его высвободила оттуда лишь отчаянная борьба внутри политической элиты, превратив вербальную агрессию в средство крайней политической и социальной поляризации.

На свет появилась **многоязычная нация** с системой ценностей, исключавшей диалог. Если два языка с различными функциями становятся языками двух политических лагерей, то политическая борьба уже ведется в языковой плоскости.

Функция **языка либерального, левого лагеря** – интерпретация и обсуждение. Присущие ему средства, нацеленные на описание, анализ, критику и дискуссию, делают его фактором **формирования рациональной идентичности**. Данный язык несет лишь рациональный месседж и лишен системы ценностей, на которую мог бы рефлексировать. Однако этот язык рационального общественного дискурса постепенно отступил в область субкультуры интеллигенции.

Функция **языка правого лагеря** – сплочение и рекрутирование. Присущие ему средства, нацеленные на указание, демонстрацию, навешивание ярлыков и стигматизацию, делают его фактором **формирования символической идентичности**. Этот язык способен был рефлексировать на неязыковой, образный, ритуальный, эмоциональный мир данной идеологии и, придавая ему консистентность, постепенно становился господствующим языком.

Эрозия либеральной демократии началась с вытеснения ее языка. Это был **закат рационального общественного дискурса и диалога**, когда аргументирующая, интеллектуально целостная речь подменялась фрагментированным, нарративоцентричным, стигматизирующим языком, служившим эффективным средством поддержки упрощенных идеологий, порождающих эмоциональную целостность. Вместо понимания и аргументации этот язык транслирует веру, а вместо сравнительного подхода – конфликт.

«Фидес» заложила фундамент холодной гражданской войны, организовав языковую кампанию, в ходе которой либералы и левые день за днем терпели поражения, даже не подозревая об этом.

Конечно, за **дерационализацией общественного дискурса** стоит рациональный политический расчет, нацеленный на максимизацию голосов избирателей и расшатывание либеральной демократии. Поскольку результаты

выборов в посткоммунистических государствах затрагивают условия жизни гораздо глубже, чем в устоявшихся западных демократиях, предвыборная борьба характеризовалась своего рода нарастающим «цунами обещаний», что исчерпало политическую базу рациональных ответов на социально-экономические вызовы.

Венгрия не только стала жертвой депрессии, которая привела к смене режима и усилилась вследствие начавшихся перемен и экономического кризиса 2008 г., но и попала в *западню популизма*. Западня заключается в том, что в Венгрии 80 % подоходного налога с населения поступает всего от 1,5 миллиона граждан из почти 8 миллионов, обладающих правом голоса. Главный вопрос на трех парламентских выборах, состоявшихся после 1998 г., заключался в том, какую долю денег налогоплательщиков пообещают отдать гражданам, не платящим налоги, крупные партии. Две силы, имевшие шансы на победу, «Фидес» и Венгерская социалистическая партия (ВСП), одинаково использовали популистскую риторику и, придя к власти, после 2000 г. в основном придерживались политики «раздач и хищений».

Переход партии «Фидес» от либеральных ценностей к ценностям правых одновременно означал последовательное движение по пути от политического общественного дискурса, основанного на рациональных аргументах, в сторону популизма. Поначалу «Фидес» отгородилась от набора ценностей и аргументов либеральной демократии и свободного рыночного хозяйства с помощью добавления к слову «либерализм» эпитета «национальный», символически усилив националистическую риторику. Результат получился половинчатым: хотя национального популизма, дополненного применением властной технологии, использовавшейся внутри «Фидес», ко всем правым силам, то есть устранением из политики лиц и организаций, стремившихся сохранить разделенность правых сил, оказалось достаточно для создания широчайшего единого политического блока, для получения абсолютного большинства этого было мало. Как показало поражение правых на выборах 2002 г., «их было много, но недостаточно». Этот опыт подтверждался и итогами референдума 2004 г. о предоставлении гражданства и права голоса венграм, живущим за пределами страны, который можно описать как конфликт национального и социального популизма. На этом референдуме «Фидес» потерпела поражение, но в дальнейшем уже вполне сознательно и без самоограничения стремилась *смешивать национальный и социальный популизм*, чтобы привлечь на свою сторону и избирателей, чувствовавших ностальгию по режиму Кадара, обладавших иммунитетом от взглядов правых и ранее, как правило, голосовавших за левых. Об обращении партии «Фидес» к социальному популизму, который до этого считался привилегией социалистической партии, свидетельствовал не только демагогический лозунг предвыборной кампании 2006 г. «Мы живем хуже, чем четыре года назад», но и замена темного элегантного костюма на рубашку в лиловую полосу без галстука и териленовый пиджак в серую клетку. С этого времени целевой аудиторией стали уже не автономные «граждане», представляющие аргументирующий мир

рационального общественного дискурса, а «люди», жаждущие верить в популистские обещания.

Общим знаменателем национального и социального популизма является переложение ответственности за свою судьбу на других, *смычка «растерзанной злым роком» венгерской нации и социально незащищенного маленького человека*. В конечном итоге происходит систематическое изгнание ответственности, саморефлексии из венгерской политической культуры. Между тем нельзя назвать зрелым индивидуума и народ, неспособный к взвешенным оценкам, рациональной аргументации, саморефлексии, больше того, к самоиронии. В нашем основанном на конкуренции мире неспособность к обучению и обновлению, вытекающая из отсутствия саморефлексии, наносит человеку и обществу непреодолимый ущерб. Человеку и нации, отказывающимся от ответственности за свою судьбу, полагающимся на заботу государства, необходимы сказки о том, кто и почему исковеркал их судьбу и похитил их счастье. От безграничного самооправдания идет прямая дорога к раздраженным поискам козла отпущения, которым могут стать люди «с не нашей душой», коммуняки, банкиры, олигархи, рыцари офшора, либералы, евреи, геи, цыгане – в общем, кто угодно, даже несуществующие пирезы (которых отвергает две трети населения)^[14]. Все они могут быть обвинены в нашем несчастье. Если политическая элита не берется сознательно выступать против этого живущего в нас инстинкта самооправдания, и напротив, то в полный голос, то хитренько подмигивая усиливает его, то и из политики, и из общественной жизни исчезает разумная речь и культура пусть критического, но все же справедливого отношения друг к другу.

В возложении ответственности за свою судьбу на других «Фидес» усмотрела скрытый потенциал, который можно было конвертировать из области психологии в область политики, и сознательно использовала его. Если путь к победе должен быть вымощен подобными страстями, «Фидес» это сделает. Диффамация и создание козлов отпущения (то есть стигматизация и криминализация политических противников), которые с 2002 г. уже не эпизодически, а в качестве главного правила определяли политическую коммуникацию партии, являются не чем иным, как средством разрушения препятствий на пути эксплуатации популизма. Вербальная агрессия превратилась в обыденность политической коммуникации. Если «Фидес» в своей политической коммуникации играла на отрицательных инстинктах и низменных страстях с холодной головой, в надежде на политическую прибыль, то правые радикалы проповедовали расизм и антисемитизм откровенно и от всего сердца. «Фидес» сделала эти чувства благопристойными, а правые радикалы вербализовали их с детской непосредственностью. Поскольку ожидания, порожденные социальным популизмом, неосуществимы, после 2010 г. поиски козлов отпущения и стигматизация превратились в обязательный атрибут правительственной политики. Направляемые «сверху» расправы, лишаящие противников материального благополучия, и кампании по разжиганию ненависти стали средствами сплочения потенциального электората

партии, именно ее потенциальные избиратели составляют аудиторию руководимых из центра сеансов ритуальных, вербальных линчеваний. Если нельзя облегчить жизнь людей, то пусть хотя бы звенят их цепи. И реально, и виртуально – под угрозой криминализирующих кампаний травли политических противников.

2.4. Состав нового слоя собственников – неустойчивость собственнической структуры

В ходе приватизации во время смены режима естественным образом появилось два типа собственников. С одной стороны, те, кто обладал капиталом, вступали в бизнес путем покупки или реального увеличения капитала. Как правило, это были иностранные собственники, в большинстве случаев – *мультинациональные компании*. С другой стороны, если таковых не находилось или они находились, но под разными предлогами исключались из конкурентной борьбы, то бывшие государственные предприятия – иногда с помощью различных трюков – приобретались в собственность действующим менеджментом. Однако в большинстве случаев этот менеджмент состоял из технократов, лояльных к старому режиму и укорененных в нем, даже несмотря на то, что они уже без особого энтузиазма следовали его идеологическим моделям. Вследствие этого на них легко было навесить ярлык *коммуняки*. (Между тем в рыночных, финансовых обстоятельствах того времени значительная часть предприятий, за которыми не стояли квалифицированные собственники, практически не имела шансов на выживание.)

В то же время эта форма приватизации, независимо от ее эффективности, имела *тяжелые дополнительные социальные последствия*. Во-первых, неучастие «народа» в приобретении собственности породило в нем чувство лишения права на – никогда не существовавшую – «общенародную» собственность. Пусть в результате введенной в других местах всенародной «ваучерной» приватизации или компенсационных чеков при реприватизации земель разбогатели лишь немногие, это все же могло создавать иллюзию участия в распределении собственности. Во-вторых, стремительная приватизация вовсе не благоприятствовала укреплению мелких и средних предприятий. В-третьих, свежеприобретенная собственность, особенно если ее источником было государственное распределение, имела слабую легитимизацию в обществе.

Однако, по мнению тех, кто после смены режима был непосредственно затронут безработицей или ее угрозой, кто испытал на себе последствия роста социальных различий, требование перераспределить имущество можно было бы выдвигать снова и снова, ведь собственность, созданная «народной кровью», досталась, с одной стороны, бывшим «коммунякам», а с другой стороны, иностранным мультинациональным компаниям. Компенсация, реприватизация, национальный средний класс, сильная Венгрия – вот некоторые из лозунгов, пригодных для заявления претензий на долю в

собственности, реализуемых путем внеэкономического принуждения. Общим в настроении олигархов и людей, надеявшихся в будущем стать мелкими акционерами, было то, что и те и другие рассчитывали осуществить свою мечту о богатстве с помощью государства. Выборы в Венгрии облекались в форму борьбы не на жизнь, а на смерть, поскольку опосредованным образом на них решался вопрос о *переделе собственности*. К тому же пробуждение этих инстинктов не было связано с особыми трудностями уже потому, что венгерская история последнего столетия может быть описана как серия конфискаций и передела имущества, осуществленных с помощью государства. Распад австро-венгерской монархии после Первой мировой войны иногда сопровождался отъемом собственности в странах-правопреемницах; антиеврейское законодательство до и во время Второй мировой войны, а также венгерский Холокост в конечном итоге лишили массу венгерских евреев не только собственности, но и жизни; а коммунистическая национализация после Второй мировой войны лишила бывших собственников имущества, а крестьян – земли. И всегда находилась идеология, обосновывавшая изъятие собственности у одних и ее передачу другим.

Для либеральной элиты, вышедшей из сферы общественных наук и хорошо знавшей историю, было очевидно, что первое поколение собственников нарождающегося капитализма будет состоять не из высоконравственных героев розовых романов для девушек. Поскольку члены этой элиты не руководствовались личными амбициями в борьбе за приватизированную собственность, при разработке условий этого процесса они намеревались учитывать лишь соображения мнимой или реальной экономической эффективности. С одной стороны, это означало, что приобретение собственности должно было по возможности осуществляться посредством реальной купли. С экономической точки зрения это была рациональная позиция, поскольку она привела к значительному притоку капитала, но скорее благоприятствовала обладавшим крупными средствами иностранным инвесторам. С другой стороны, за отсутствием капитала, который можно было привлечь к приватизации, выдвигалась цель обеспечить по крайней мере профессиональную подготовленность руководства предприятий, что, как мы упоминали выше, привело к предоставлению преимуществ менеджменту, идеологически уже не обязательно преданному коммунизму, но принявшему к сведению характер предыдущего режима и укорененному в нем. Этот подход, обоснованный с макроэкономической точки зрения и практически безупречный с точки зрения норм правового государства, столкнулся с требованием справедливости, характер которой в данном случае было трудно определить. Конечно, в целом в условиях процветающей экономики в выигрыше могут оказаться все, но экономические причины краха коммунистического режима до сих пор не совсем очевидны значительной части общественного мнения, которому до смены режима не приходилось сталкиваться с последствиями этих экономических трудностей. В итоге тяжелейшие последствия экономического краха слились с политическим переломом 1989–1990 гг. Появившаяся и

стремительно растущая безработица, высокая инфляция и углубление пропасти между различными социальными группами были просто отнесены частью общества на счет нового режима без учета того, что не демократия и рыночная экономика вызвали экономические проблемы, а, наоборот, последние вынудили осуществить смену режима. Эта куриная слепота общества привела к возникновению чувства неудовлетворенности, подкрепленного идеологией **«украденной смены режима»** и трансформируемого в политическое недовольство, в то время как элита, осуществившая процесс демонтажа государственной собственности, получила ярлыки **«прислужников международного капитала»** и **«пособников в сохранении коммунистами власти»**. За прошедшие со времени смены режима десятилетия связанные с ним эмоции, независимо от степени их обоснованности, были важным социально-политическим фактором и служили горючим материалом для популистской политики самого разного толка.

2.5. Ответственность коалиционного правительства социалистов и либералов

Нужно признаться, что к 2010 г. в Венгрии действительно сложилась ситуация, чреватая «революцией в избирательных кабинетах»: правящие верхи уже не могли управлять, а избиратели не хотели жить по-старому.

Немалую роль в прорыве плотины сыграла не знающая сомнений, характерная для холодной гражданской войны политика оппозиции, которая не признавала результатов выборов, отрицала легитимность правительств 2002–2010 гг., использовала подконтрольные ей властные институты для ограничения правительства, а национальный и социальный популизм – для его осады. С успехом. Сильно искушение приписать крах только этой до предела конфронтационной политике, и все же нельзя обойти вниманием ответственность коалиции социалистов и либералов в том, что в Венгрии открылся путь к созданию автократического режима. Объяснением такого поворота венгерской истории мог бы послужить тезис о тупиковости развития страны и трендах истории Восточной Европы, что было бы самооправданием, не попытайтесь мы выяснить, какова доля ответственности коалиции социалистов и либералов за сложившееся положение.

Хотя с третьей республикой покончили не левые и либералы, они немало сделали для того, чтобы предельно расшатать ее устои. Можно сказать и так, что, если бы не их правительственная деятельность, «Фидес» не получила бы конституционного парламентского большинства в две трети голосов. Политологи обычно объясняют поражение коалиции потерей морального кредита и рядом ошибок в политической стратегии и тактике: широко распространившимися представлениями о коррупции, связанной с коалицией социалистов и либералов; повторяющимися рестрикционными мерами, которые были необходимы вследствие непомерно крупных бюджетных расходов и о которых под знаком искренности объявлялось подчеркнуто громко, чуть ли не в виде угрозы; парализующими друг друга, туманными правительственными инициативами и программами; остановкой реформ крупных распределительных систем; трагической потерей доверия после речи Ференца Дюрчана^[15]; длительным состоянием холодной гражданской войны и в довершение всего – начавшимся в 2008 г. экономическим кризисом, а также вызванным всем этим массовым чувством бесперспективности и безнадежности. Конечно, уже одного этого было бы достаточно для тяжелого поражения. Однако нас интересуют и более глубокие социологические причины, которые позволяют учесть и ответственность коалиции социалистов и либералов за масштабы поражения, и рост восприимчивости электората к популизму.

Именно поэтому мы хотим остановиться на связанных с правительством причинах усиления правых, которые выходят за круг привычных объяснений, перечисленных выше. К числу таких причин относятся потеря идентичности,

вытекающая из отсутствия символической политики, утрата перспектив, связанная с истощением источников раздачи бюджетных средств и несостоявшимися или безуспешными реформами, отсутствие дееспособной политики, дающей эффективные ответы на социальные проблемы, порожденные сменой режима, и управленческая некомпетентность правящей элиты. Все они были лишь важными симптомами того, что демократические силы, выступавшие против автократических устремлений, *не имели ни коллективного этоса, ни актуальных представлений об обществе, ни институциональной базы и к тому же у них не осталось ни одного дееспособного политического актора.*

2.5.1. Отсутствие символической, коллективообразующей политики

Что касается создания системы символов и сплоченного политического сообщества, Венгерская социалистическая партия и либеральный Союз свободных демократов так и не смогли найти общего языка, поэтому их правительственная коалиция уже сама по себе была одним из препятствий для создания единой системы символов. Банальная истина «Не хлебом единым жив человек» была не способна стать в политике левых фактором формирования символично-коллективного поля. Самое большее, что удалось создать социалистам с помощью раздачи бюджетных средств, – временная общность по интересам, а между тем требовалась устойчивая общность с едиными духовными ценностями, и, когда раздаваемое «довольствие» начало сокращаться, нехватка таких скреп стала еще более заметной. Правым достаточно было воскресить идеологические атрибуты исторической памяти (Бог, Родина, семья), чтобы дать ценностные ориентиры людям, жаждущим стать частью символического сообщества и обрести систему прочувствованных ценностей, в то время как левым требовалось проявить креативность и создать новые коллективообразующие модели. Однако этого не произошло.

Одной из наименее конфликтных точек соприкосновения между социалистами и либералами могло стать отношение к вере и религии, ведь в свое время усилия демократической оппозиции были направлены на уничтожение государственной монополии на все виды идеологии, и после смены режима социалисты не могли надеяться на то, что контролируемая ими идеология попадет в монопольное положение, гарантированное государством. В конституционном строе 1989 – 1990-х гг. отразились либеральные представления, основанные на *решительном разделении государства и церкви* и отношении к вопросам веры как к личному делу каждого. Картина мира, в центре которой находится гражданин, не оскорбляющий других и свободный в выборе ценностной ориентации, в длительной перспективе могла стать притягательной и в Венгрии, где церковь не имела сильного авторитета.

Эта возможность была ликвидирована заключенным по инициативе премьер-министра от социалистов Дюлы Хорна в 1998 г. Ватиканским

соглашением и осторожничаньем, помешавшим позже провести переговоры о его пересмотре. Социалисты по-прежнему смотрели на церковь как при прежнем коммунистическом режиме, видя в ней собрание священников из движения за мир, которых можно подвергнуть давлению или подкупить. Между тем после смены режима церковь боролась уже не за существование и выживание, а за новую, весомую политическую и социальную роль. Церковь стремилась освободиться и от социалистов, а вместе с ними отчасти и от своего скомпрометированного прошлого. Перед лицом церкви с укрепившимся самосознанием и выросшими политическими амбициями социалисты были вынуждены непрерывно защищаться, а либералы были вынуждены играть роль завязтых антиклерикалов. Возникшая внутри ВСП секция верующих, которая скорее могла быть отнесена к категории социалистического китча, как бы непрерывно извиняясь, внушала, что «все-таки и среди нас есть порядочные люди». Обе партии беспомощно следили за тем, как общественные площадки наполняются церковными символами и ритуалами, внушавшими, что без веры не может быть и морали. Тем самым эти партии символически вывели себя за рамки морали.

В не менее важной символической дискуссии об интерпретации понятия «*нация*» сторонники политики, использующей секулярно-рациональный язык, впервые потерпели поражение в 1990 г. По решению парламента главным национальным праздником был объявлен праздник 20 августа, а не 15 марта, а вместо герба Кошута национальным символом стал герб с короной. Ставкой в споре был вопрос о том, что следует считать легитимирующим ориентиром нации после смены режима: состоявшееся тысячу лет назад рождение государства, ряд событий, воплощенный в обретении родины, основании государства и принятии христианства, или возмужание нации: буржуазную революцию и национально-освободительную войну 1848–1849 гг., узаконившую свободу печати, равенство перед законом и всеобщее налогообложение. В такой ценностной дискуссии нельзя победить без языковых и визуальных символов, поэтому республиканскому этосу не удалось проникнуть в сердца людей. Были упущены и символы революции 1956 г., вследствие чего были оставлены на произвол судьбы оставшиеся в живых левые, игравшие определяющую роль в революционных событиях, так что в наши дни ритуализованная национальная память внушает, что в революции якобы доминировали правые радикалы.

В 2000-х гг. возможность для гражданского переосмысления национальных символов парадоксальным образом снова появилась тогда, когда партия «Фидес» посредством совмещения национального триколора и исторического флага с арпадовскими полосами, который во время Второй мировой войны использовался венгерскими нацистами, нилашистами, перенесла интерпретацию национальной идентичности в новый исторический контекст, имевший радикальный, (крайний) правый характер. В этот момент можно было демонстративно противопоставить дуэту национального флага и флага с арпадовскими полосами тандем национальных и евросоюзных символов. Это

дало бы наглядную образную формулировку современному пониманию нации, согласно которому наша идентичность определяется одновременно и как венгерская, и как европейская, как идентичность свободных граждан, принадлежащих и к более узкому, и к более широкому социуму. Ведь путь в Европу идет не через отрицание национальной идентичности, а лишь через ее обновление.

Постоянное поминание членами «Фидес» «нации» и «национального», пишет Клара Шандор^[16], «является очень рациональной и продуманной стратегией. Пытаясь любыми средствами слить воедино значение слов “нация” и “сторонник “Фидес”», – либо путем присвоения национальных символов, либо посредством постоянного подчеркивания того, что приверженцы “Фидес” и составляют нацию, следовательно, кто не с ними, не принадлежит к нации, – **“Фидес” переносит внутрь нации оппозицию, служащую для нашего самоопределения по отношению к другим нациям.** Тем самым эта партия одновременно присваивает все общие ценности, связанные с понятием “нация”: любовь к Родине, общую культуру и историю, пытается лишить венгерской идентичности всех тех, кто не идет под ее “единое знамя” и не принадлежит к ее “единому лагерю”, и объявляет своих политических противников нелегитимными. (...)

Таким образом, речь идет не просто о разделении общества, но о полном “ограблении” инакомыслящих. В этом случае “Фидес” “обирает” **своих противников в символическом пространстве, похищая их моральное и духовное достояние.** Это само по себе уже большая беда. Но еще трагичнее то, что среди политических противников “Фидес” есть и такие, кто, поддавшись на лингвистически-символический трюк партии, принимает ее риторику, либо пытаясь усвоить его и таким образом избежать дискриминации (...), либо добровольно отказавшись от национальной символики, которая в их глазах теснее связана с “Фидес”, чем с венгерским национальным самосознанием. Тем самым они сами предоставляют зримое доказательство того, что действительно не чувствуют привязанности к национальной символике, а следовательно, и к нации».

Не располагая новой интерпретацией этих уровней общности и не создав современной символики, левые, постоянно обороняясь, могли лишь реагировать на идеологически дискриминативное употребление традиционных национальных символов. Либералы тоже оставались глухи к необходимости проведения символической политики. Демократическая оппозиция, социализировавшаяся при тоталитарном режиме, вообще относилась с подозрением ко всему, что подчиняло свободу и автономию индивидуума какому-либо коллективу (классу, церковной общине, этносу, нации), в том числе и к служившим этой цели символам. Не нуждавшаяся в коллективных подпорках уверенность в себе, духовная твердость секуляризованных интеллектуалов воспринимались людьми, невосприимчивыми к либеральным ценностям, как гордыня людей, «потерявших свои корни». В итоге национализм, дающий второй шанс и компенсирующий чувство

разочарованности в смене режима, погубил возможность сформировать рациональную, но все же доступную для эмоционального восприятия идею нации как в Венгрии, так и за ее пределами.

Левые оказались неспособными даже поддержать политику эмансипации женщин, которая была наиболее естественным продолжением их традиций. А между тем она могла бы привести к выработке такой **современной политики в области семьи**, в центре которой, в противовес традиционной модели семьи, стоит женское достоинство и равноправие. Как показывают международные примеры, такая политика в области семьи является гораздо более эффективным средством смягчения демографических проблем, чем консервативная модель, строящаяся на резком противопоставлении карьеры и материнства и предсказывающая смерть нации лозунгом «Венгры убывают».

Поскольку левые и либеральные политические акторы упустили время для переоценки этих трех уровней общности: **спиритуальной ценностной, национальной и семейной общности** – открылся легкий путь для распространения комплекса иллюзий и предрассудков, заключенного в рамки национального популизма. Такова была цена непонимания того, какую важную роль играют эти жизнеорганизующие факторы в эмоциональной жизни людей, в обеспечении чувства безопасности и домашнего уюта. Подобную духовную и реальную общность нельзя заменить ни деньгами / раздачей благ (левые), ни супранационализмом и суперрационализмом гражданина-космополита (либералы). На идеологическом рынке эмоционально брошенные на произвол судьбы и нуждающиеся в помощи люди нашли лишь продукцию, диапазон которой колебался от национального китча до гибельных идей.

2.5.2. Раздача бюджетных средств и ее несостоятельность

Если не в аспекте прав и свобод, демократического строя и рыночной экономики, то для легитимации своего отношения к электорату социалисты следовали модели, характерной для преемников коммунистов: они верили в то, что уже одно «непрерывное повышение уровня жизни» обеспечит приемлемость их партии в глазах избирателей. В программе **«смены режима для всеобщего благоденствия»** возродилась легитимизация мягкой диктатуры эпохи Кадара: надежды возлагались не на повышающие эффективность средства рыночной экономики, а на государственную заботу и раздачу бюджетных средств. То, что социалисты чуждались реформ, объяснялось не только отсутствием креативности, но и тем, что Венгерская социалистическая партия осталась в основном партией чиновников, служащих и мелкой буржуазии, богатевшей в эпоху Кадара. Реформы, обеспечивающие повышение уровня жизни и продолжение обогащения, грозили нарушить покой именно этих слоев населения. Это была настоящая западня: отказ от изменения структур перекрывал источники раздаваемых бюджетных средств, в свою очередь, проведение структурных реформ сокращало число сторонников социалистов. Эта неразрешимая дилемма порождала колебания между

крайностями бессилия и неолиберального воодушевления. Это был до сих пор не преодоленный кризис идентичности, столкновение ценностей партии коммунистов-реформаторов, преемницы ВСРП, и левоцентристской партии с элементами либерализма. За время двух правительственных циклов (2002–2010 гг.) страна оказалась в кризисе, вызванном чрезмерными бюджетными расходами.

Политика раздач бюджетных средств означала и пренебрежительное отношение к собственным сторонникам. Со временем за неимением платежных средств установка на «куплю-продажу лояльности» разбросала в разные стороны членов несуществующей общности. Дело в том, что левая коллективная идентичность, во имя которой можно было призывать «к пролитию крови, пота и слез», так и не сложилась. Обещанные коалицией социалистов и либералов в ходе предвыборной кампании и осуществленные после победы коалиции на выборах 2002 г. пятидесятипроцентное повышение зарплаты служащих, введение 13-й зарплаты и пенсии, а также иные бесплатные пособия не привели к созданию формирующей идентичности общности, а вследствие их упразднения после финансового кризиса 2008 г. электоральная поддержка левоцентристских сил исчезла. Отношение к гражданам было сведено к лозунгу «Подходите к кормушке», и, когда кормушка опустела, этого оказалось мало для формирования коллективной идентичности. И, наконец, напрасным было трехкратное «объявление тревоги», трехкратное провозглашение «антифашистской борьбы» против правых, все более открыто оперировавших консервативными символами периода между двумя мировыми войнами, – призывы социалистов и либералов не пользовались доверием и не имели коллективообразующей силы. В результате экономических неудач в сердцах людей не осталось места для отступления. В итоге «бесхозные» души были привлечены не скованными обязательствами по управлению страной правыми под знамена *социального популизма*, который было легко объединить с *национальным*. Оскорбленные социалисты бессильно наблюдали за тем, как «Фидес» уводит у них из-под носа их прежнюю монополию на социальную демагогию.

2.5.3. Ущербность свободы и отсутствие перспектив для социальных аутсайдеров

После краха коммунистического режима значительная часть общества ожидала, что благодаря общественному строю западного типа качество жизни также чуть ли не в одно мгновение окажется сопоставимым с качеством жизни западных обществ. Хотя крупные системы угнетения (политическая диктатура и государственная монополия на собственность) были разрушены, наряду с последствиями экономического краха, называемого кризисом трансформации режима, появились новые, ранее неизвестные формы социальной незащищенности.

С потерей традиционных восточных рынков потерпели крах целые отрасли промышленности, а на место прежней почти полной занятости пришла **безработица**, затронувшая много сотен тысяч человек. Изменение структуры промышленности на долгое время поставило в безнадежное положение **неквалифицированную рабочую силу**, большинство **маятниковых мигрантов**, приезжавших из деревень в города, **отсталые регионы** и в наибольшей степени **цыганское население**. Свертывание легкой промышленности, в которой были заняты массы неквалифицированных работников, достигла кульминации в 90-х гг. Снижение спроса на подсобную рабочую силу в промышленности и строительстве оттеснило цыган в отсталые регионы, где не было возможности получить работу. Вместе с сельскохозяйственными производственными кооперативами были ликвидированы их подсобные промышленные производства, и люди, не имевшие возможности работать в качестве маятниковых мигрантов, остались без работы, застряв в постепенно беднеющих поселках. В этих регионах проблемы устойчивой бедности и безнадежной безработицы осложнялись углублением этнического конфликта между придерживающимся различных культурно-социализационных моделей цыганским и нецыганским населением. Множество аспектов неуверенности в завтрашнем дне в немалой степени трансформировались в проблемы обеспечения общественного порядка. Оказавшись в плену у неподвластных ему сил и безысходности, цыганское и нецыганское население отсталых регионов стало одновременно жертвой и актором в атмосфере взаимных страхов и агрессии.

За отсутствием перспективных жизненных стратегий люди, попавшие в безнадежное положение, нашли прибежище в легкоусвояемой, основанной на предрассудках, нетолерантной, как правило расистской картине мира, в которой безличные силы, ответственные за бедствия этих людей, персонифицируются в сделанных козлом отпущения «тунеядцах», цыганах. Отсутствие интеллектуальных концепций у социалистов и слепота либералов, фокусировавших внимание исключительно на макроэкономике, толкали большинство населения обнищавших регионов, которое прежде было сторонником левых, в лагерь правых и правых радикалов, причем парадоксальным образом не только нецыган, брошенных на произвол судьбы вместе с их проблемами, но и большинство цыган. Меры социальной политики, нацеленные на облегчение драматического положения цыган, принесли очень скромные результаты. Но ограниченной была бы и эффективность более решительных, креативных решений, так как само венгерское общество и его институциональная система были не готовы к толерантной, интеграционной политике. В шоке, причиненном сменой режима, в условиях неуверенности в завтрашнем дне, сменившей скромный, но предсказуемый уровень жизни эпохи Кадара, социальной деградации стремившихся наверх слоев населения, повторяющихся мер бюджетной рестрикции, в атмосфере усиления предрассудков «общество большинства» с неприязнью наблюдало за – между прочим, малоэффективным – перераспределением средств в пользу

остронууждающихся групп населения. В итоге система местного самоуправления не только не смягчила межэтническую напряженность на местах, но во многих случаях даже усилила межэтническое противостояние и сегрегацию.

- При коммунистическом плановом хозяйстве, в условиях полной занятости размеры доходов уравнивались и поддерживались на низком уровне, зато, за исключением последнего десятилетия, искусственно сдерживались и расходы на оплату жилья, коммунальных и транспортных услуг. В результате перестройки системы государственного перераспределения стоимость этих услуг постепенно приближалась к их рыночной цене. Однако доходы *жителей панельных микрорайонов, низкооплачиваемых слоев городского и социально растущего сельского населения, а также* медленно богатевшей, скорее потребительской, чем предпринимательской *мелкой буржуазии эпохи Кадара* не поспевали за темпами этого подорожания. Эйфория, сопровождавшая приватизацию муниципальных квартир их арендаторами на рубеже 1980 – 1990-х гг., быстро прошла. Вследствие резкого падения курса форинта и сокращения реальных трудовых доходов взятые населением кредиты стали причиной таких масштабов задолженности *венгерских семей*, которая привела не просто к стабильной бедности, но во многих случаях к невозможности обеспечить прожиточный минимум.

Защищая ответственность индивидуума и принцип рынка, свободного от патерналистского влияния государства, либералы не заметили того, что, сами того не желая, обеспечивают силовое преимущество крупных кредитных организаций над атомизированными, беспомощными в случае одностороннего изменения договора, беззащитными клиентами. Подчеркивание ценностно-нейтрального характера деятельности крупных банков на различных территориях завуалировало тот факт, что международные кредитные организации – особенно с начала кризиса 2008 г. – с различной степенью понимания относились к трудностям клиентов, прежде всего взявших кредит в иностранной валюте, в отделениях материнского банка и дочерних банков, расположенных в других странах. (Кредит в швейцарских франках из-за низких процентных ставок широко распространился и в еврозоне, но, поскольку курс евро по отношению к франку упал в гораздо меньшей степени, чем курс форинта, а система социальной поддержки безработных во многих странах оставалась относительно щедрой, проблема погашения кредитов в этих странах была менее драматичной.) Поначалу социалистическое финансовое руководство не считало это проблему относящейся к его компетенции, а позже тратило время на создание этического кодекса, который ни к чему не обязывал банки. Оно не хотело осознать «катастрофический» экономический характер мирового финансового кризиса 2008 г. Речь шла не просто о том, что под влиянием кризиса выросла безработица, но и о том, что резкое падение курса национальной валюты по отношению к евро и особенно швейцарскому франку сильно увеличило сумму ежемесячных взносов по кредитам, в то время как размер задолженности не только не сократился, но даже увеличился. Отсутствие института частного банкротства оставляло должников в долговой спирали даже в случае полной потери имущества. Правительство не желало в данном случае применить

политику справедливого распределения тягот, которой оно следовало в случае природных катастроф. Такой доктринерский (либеральный), а также беспомощный (социалистический) подход повысил восприимчивость людей, оказавшихся в трудном положении и не получивших ощутимой помощи, к антибанковским, антикапиталистическим и вообще ксенофобским, часто открыто антисемитским настроениям и идеологиям.

- Если граждане чувствовали свою незащищенность перед лицом крупных организаций, то *мелкие предприниматели*, как в роли конкурентов, так и в роли поставщиков, испытывали такое же чувство по отношению к бюрократии, мультинациональным компаниям и банкам. Запоздалые государственные выплаты, заниженные цены на поставки, неконкурентоспособность цен на товары мелких производителей и торговли в сравнении с ценами на товары крупных предприятий, а также *система круговой задолженности* часто мешали определить реальные достижения и рыночные успехи или неудачи.

В то время как расчеты между отечественными предпринимателями, взаимные неплатежи создавали тяжелые трудности, нерасторопность коалиции в деле создания справедливой среды экономической деятельности лишь преумножала массу людей, которые за отсутствием иных опор поддавались влиянию демагогии, натравливающей их на иностранный капитал и мультинациональные компании.

Для снятия драматичной социальной напряженности и устранения ловушек, порожденных сменой режима, требовались креативный интеллект, воплощенный в *эффективных политических программах*, сотрудничество различных отраслей управления и серьезная решимость. Все это отсутствовало. Правительственный аппарат оказался неспособным разработать комплексные, многофакторные программы и осуществить их, преодолев межотраслевые барьеры.

2.5.4. Управленческая недееспособность, различные аттитюды двух коалиционных партий

Находясь в плену у собственной истории, социалисты в большинстве случаев обращались к патерналистским решениям в области социальной поддержки, что постоянно увеличивало расходы сферы социального снабжения, а тем самым и бюджета, но при этом не могло вырвать людей из безнадежного положения и дать им какие-либо перспективы. Находясь в плену у собственной идеологии, либералы, защищавшие рыночные механизмы от государственного вмешательства и подчеркивавшие ответственность людей за свои решения, казались равнодушными к бесперспективным жизненным ситуациям, ответственность за которые не может быть целиком возложена на индивидуума. С истощением источников раздачи бюджетных средств и в отсутствие долгосрочных политических программ, позволяющих выйти из тупиковых ситуаций, находящиеся в безнадежном положении люди буквально вынуждены были возложить надежду на появление мессии с твердой рукой. Требуя от людей рационального, «осмотрительного» хозяйствования,

правительство не создало необходимой для этого предсказуемой, стабильной макросреды. Можно критиковать инстинкты граждан, побуждающие их к самооправданию, уходу от ответственности и поискам козлов отпущения, но нельзя, ссылаясь на это, снять с правительства ответственность за то, что толкало граждан в сторону правых и даже правых радикалов наряду с популизмом, сделанным партией «Фидес» центральным элементом политики.

Коалиция социалистов и либералов до самого конца носила на себе печать **вынужденного брака**: либералы вышли из антикоммунистического диссидентского движения, в то время как социалисты входили в реформистскую партию – преемницу бывших коммунистов. Их коалиция сосредоточилась не на том, что и как они хотят совместно сделать, а на том, каким устремлениям партнера они хотят помешать. Их совместные усилия ограничивались в основном сохранением системы институтов либеральной демократии, созданной в ходе смены режима. Различия в социализации, системе ценностей и отношении к миру воспрепятствовали осуществлению совместной, последовательной социально-политической программы, поэтому эти партии и их сторонники чувствовали коалицию действительно своей только перед лицом правых. Постоянно возвращающаяся напряженность, выражавшаяся в жалобах типа «Опять хвост виляет собакой», то есть более слабый коалиционный партнер, либеральный ССД, диктует волю партнеру, или в, как правило, обоснованных испуганных комментариях типа «Что же опять делают эти социалисты», эмоциональные проявления, раздражавшие обе стороны, свидетельствовали о желании обеспечить во всем спектре деятельности правительства преобладание либо либеральных, либо коренившихся в традициях режима Кадара ценностей. В этой борьбе коалиционные партии растратили энергию друг друга. Их публичная коммуникация, предназначенная собственным сторонникам, превратила коалиционное сотрудничество в транслируемое телекамерами правительственное реалити-шоу. Коалиция и перспективы ее распада, а также постоянные внутренние споры в обеих партиях сделали удручающе зримой фрустрированную, полную нерешительности, бесперспективную жизнь участников коалиции.

Правительственный аппарат просто не находил места в этой коалиции противоречивых ценностей и амбиций.

Результатом начавшейся с середины 60-х гг. консолидации мягкой коммунистической диктатуры было то, что бюрократическо-управленческая деятельность работников **отраслевого управления** находилась на хорошем уровне в сравнении с другими странами Восточной Европы. Отраслевое управление как одна из важнейших областей социального роста давала возможность карьеры талантливым людям, примирившимся с идеологическими ограничениями коммунистического режима. Справедливая критика бюрократии той эпохи относилась скорее к режиму, чем к способностям служащих бюрократического аппарата. Не случайно, что в возвращении социалистов в 1994 г., помимо ностальгии по хлебу ценой 3,60

форинта, большую роль играла надежда избирателей на то, что «профессионализм снова придет к власти»^[17].

Смена режима открывала возможность следовать примеру западных демократий и в том отношении, что в случае смены правительства аппарат отраслевого управления почти не трогали. Однако с распространением политической паранойи мы постепенно отдалились от этой модели, и в конце концов иногда *обезглавливание отраслевых аппаратов* происходило даже при смене министров внутри одного правительственного цикла. Сокращение государственного аппарата было самой легкой мишенью для следовавших друг за другом рестрикционных мер. Параллельно с волнами сокращений и увеличением числа политических назначенцев к середине первого десятилетия 2000-х гг. управленческий аппарат подвергся сильной контрселекции. А так называемые модели карьеры государственных служащих были лишь эвфемизмами, маскировавшими стремление новой власти обеспечить позиции своих кадров после удаления экспертов предыдущего правительства и принудить аппарат к безусловному повиновению. Ситуация осложнялась тем, что, если до 1989 г., во время ограничительной государственной монополии во всех сферах, отраслевое управление и связанные с ним зоны (например, элитные научные организации, околоправительственные учреждения) притягивали к себе таланты, то в настоящее время молодежь имеет возможность выбирать из множества независимых от государственного управления, больше того, от страны карьерных возможностей. В результате повторяющихся чисток и сокращений, легитимированных полномочиями, полученными от избирателей, отраслевое управление скатывалось на все более низкий уровень. Более того, все более тяжелым карам подвергались даже специалисты, державшиеся вдали от политики, хотя тогда, как правило, не увольняли, а просто понижали в должности.

На этот трудноконтролируемый процесс, порождаемый властным инстинктом, накладывались повторявшиеся раз в четыре года радикальные реорганизации и такие единичные катастрофы, *как удаление в 2006 г. министерских административных госсекретарей* из структуры государственного управления. Данной мерой премьер-министр-социалист, который отменил серьезные возражения, исходившие даже из правящих партий, парализовал, больше того, обезглавил отраслевое управление ради однодневного коммуникационного эффекта. Место административных госсекретарей, выступавших в роли серых кардиналов, заняли неприметные политические госсекретари, не обладавшие административным опытом и профессиональными знаниями первых. От этого удара государственное управление так и не оправилось.

Вывод управления полиции из-под юрисдикции Министерства внутренних дел под юрисдикцию Министерства юстиции впоследствии тоже оказался катастрофической ошибкой. Конечно, эта мера пришлась по душе и либеральным доктринерам, поскольку как бы выполняла обещание осуществлять гражданский контроль за деятельностью полиции. Однако во

время осенних беспорядков 2006 г., вспыхнувших после речи, произнесенной премьер-министром Ференцем Дюрчанем в правительственном доме отдыха в Ёсёде перед членами социалистической фракции, бывшие профессора-правоведы, а ныне министры оказались неспособными управлять правоохранительными органами, привыкшими к твердому руководству. Пострадавшая от сокращения бюджета, не имевшая оперативного опыта, лишившаяся правительственного руководства полиция потеряла ясные ориентиры, ее профессионализм и уверенность в себе были поколеблены, вследствие чего она временами неловко, а временами превышая свои законные полномочия жестко реагировала на агрессивность демонстрантов.

Под влиянием неразрешимых коалиционных споров, бюджетного кризиса, вызванного политикой раздачи государственных средств, акций недовольства, инициированных и поддерживаемых оппозицией, никогда не признававшей легитимность правительства, а позже – все более агрессивных уличных демонстраций стало очевидно, что правительство ни в мирное время, ни во время холодной гражданской войны не способно удовлетворить требованиям профессионализма.

2.6. Несовершенство гарантийных институтов системы сдержек и противовесов

Исходя из принципа разделения властей, руководителями политической жизни являются не только члены партийной элиты, но и представители различных ветвей власти. В условиях либеральной демократии сознательно создаются гарантийные институты сдержек и противовесов, которые могут стать преградой для вспышек популистских инстинктов. Формирование кадрового состава этих институтов сознательно происходит вдали от подверженного влиянию демагогии мира политических кампаний, цель этого состоит в том, чтобы в интересах защиты демократических ценностей эти кадры не стремились к *популярности*. Все промежуточные ступени их выборов введены для того, чтобы сократить давление популистских инстинктов медиатизированной демократии. Этой же цели служит и длительный, выходящий за рамки избирательных циклов срок назначения руководящих работников этих учреждений, освобождающий их от необходимости приспосабливаться при принятии решений к мнению потенциальных победителей на выборах. Однако партийная элита стремилась заполнить эти позиции своими людьми, что подрывало престиж личного состава этих учреждений. Таким образом, нельзя умолчать о роли упомянутых лиц в распространении в Венгрии радикальных идеологий и придании им благопристойности. Юридически-институциональная гарантийная роль противовесов оказывается бесполезной, если обеспечивающие их функционирование люди во многих случаях действуют не в соответствии с демократическим этосом этих институтов. В результате этого они не могут

показывать пример и в сдерживании антигуманных и антидемократических инстинктов, демонстрируемых частью партийных элит.

Можно ли отрицать роль *президента республики* в придании благопристойности *расистским высказываниям и действиям*, если он оставляет без внимания основание буквально под окнами его резиденции праворадикальной военизированной организации «Венгерская гвардия» (2007) и с опозданием реагирует на серию ужасных убийств цыган, имевших расистскую подоплеку (2008–2009); роль *судов*, если они лишь после многолетней волокиты, дождавшись усиления «Венгерской гвардии», отдают распоряжение о ее роспуске, а позже терпимо относятся к появлению ее клонов, если они обращают против меньшинств законы, принятые для их защиты, и вершат «правый суд», не применяя реальных санкций и не предусматривая частичного возмещения ущерба, нанесенного жертвам этнической сегрегации; роль *омбудсмана*, если он говорит о «профиле цыганской преступности»; роль *прокуратуры*, если она годами не склонна замечать расистских побуждений даже в случае инцидентов, имеющих вполне очевидную антицыганскую направленность, и в бездействии наблюдает за распространением дискурса ненависти (возбуждения ненависти против определенной группы населения), а также за применением насилия к участникам демонстраций различных (например, сексуальных) меньшинств; роль *Национального бюро расследований и полиции*, если вдруг пропадают следы, позволяющие предположить наличие расистских мотивов преступлений, и если применяется двойной стандарт в отношении жертв этих преступлений?

Конституционный суд (КС) формирует ценностные ориентации граждан, защищая правовые нормы. Однако он сделал невозможной политику, основанную на рациональном общественном дискурсе и способную порвать с социальным популизмом, выступив в 1995 г. под надуманным предлогом против значительной части реформ «пакета Бокроша», названного по фамилии министра финансов, который ввел ряд рестрикционных мер, ставших необходимыми в результате кризиса, сопутствовавшего смене режима, а также признав в 2008 г. законной противоречившую прежним конституционным нормам инициативу референдума об упразднении платы за учебу и визит к врачу, который легитимировал и усилил нереальные ожидания избирателей и парализовал дееспособность правительства. Вследствие этих и других решений конституционные судьи тоже неизбежно несут ответственность за эрозию либеральных норм республики и падение правительства социалистов и либералов, пытавшегося осуществить непопулярные, но необходимые реформы.

Следовавшие одна за другой волны национального и социального популизма не только подняли на вершину власти автократическое правительство, отбросив при этом социалистов на периферию политической жизни, а либералов за ее пределы, но и погребли под собой всю систему институтов сдержек и противовесов.

2.7. Партия «Фидес» как политический суперхищник

Для падения третьей республики, конечно, нужен был и политический суперхищник, который способен подкрасться к раненой добыче и напасть на нее. Им стала партия «Фидес».

2.7.1. От малой семьи из университетской общаги к большой приемной семье в политике, от бунтаря-альтернативщика к Крестному отцу

Оппозиционные организации, участвовавшие в смене режима, выросли из неформальных объединений различной величины: либеральный Союз свободных демократов – из антикоммунистического диссидентского движения и связанных с ним тесными узами критически настроенных кругов интеллигенции, «народно-национальный» Венгерский демократический форум – из более рыхлой среды народных писателей, с опаской смотревших на допускаящую большой риск, конспиративную культуру демократической оппозиции, в то время как так называемые исторические партии (партия мелких хозяев, социал-демократы) сформировались из рыхлой массы актеров, группировавшихся вокруг брендов некоммунистических партий, существовавших до 1948 г. и ранее практически не связанных друг с другом.

Партия *«Фидес»* была создана на базе самого узкого и сплоченного *микрорегиона общаги*, круга друзей, социализировавшихся вместе, практически в одной комнате, на литературе демократической оппозиции и лекциях коммунистов-реформаторов. При основании организации весной 1988 г. она еще позиционировалась как противник Коммунистического союза молодежи, как *либеральное, радикальное, альтернативное* – по существу молодежное – *движение*.

Западническая политическая партия. Таковой ее считали ее члены уже во время парламентских выборов 1990 г., однако ее внутренняя формальная структура еще несла в себе этос общественного движения: партия еще не имела председателя, хотя вопрос лидерства во всевенгерском выборном партийном списке уже эксплицитно обострял проблему первенства.

Централизованная партия. Обуздание членов партии началось в начале 1990-х гг. Символизируемая социалистами ностальгия населения по стабильности и присутствие сильной либеральной партии сделала очевидным для избранного в 1993 г. председателем «Фидес» Виктора Орбана, что его партия не сможет стать массовой в левоцентристском политическом пространстве. Видя эрозию первого после смены режима правого правительства, лидеры «Фидес» направили свою партию на правую половину политического поля и постепенно придали ей новый профиль. Прежде всего они расправились с представителями альтернативного либерального курса, выступавшими против поворота вправо, вытеснили их из руководящих органов, а затем и из самой партии. Одновременно с этим непростительным предательством стало рассматриваться нежелание считаться с новой реальностью стремление занять кресло председателя партии: именно поэтому временно оказался на политической свалке в середине 90-х гг. Тамаш Вакслер, первый и единственный с тех пор кандидат, бросивший вызов Виктору Орбану. Позже, покаявшись, он был прощен и вернулся уже не в роли политика, а как

руководитель проекта перестройки Будапештской спортивной арены, а затем – расположенной перед зданием парламента площади Кошута. При отборе же кандидатов в депутаты на парламентских выборах 1994 г. нежелательные для руководства независимые личности отсеивались с помощью психологических тестов.

Во время первого правительства «Фидес» (1998–2002) на памятной обложке престижного экономического еженедельника *Heti Világgazdaság* (HVG)^[18] с заголовком «Командный дух» семь мужчин в мягких шляпах и костюмах стояли вокруг сидящего в кресле, тоже одетого в костюм и надевшего мягкую шляпу восьмого, Босса. По замыслу художника это группировка, похожая на те, что были распространены в Чикаго в 30-х гг., лидером в которой является Виктор Орбан, но и остальные образуют сплоченный коллектив. Тогда, наряду с Боссом, имелось и руководство, состоявшее из лидеров партии.

Спустя десять лет от всей команды остался только один Босс. Остальные почти в полном составе были высланы из внутреннего круга власти: Йожеф Сайер, Тамаш Дейч и Янош Адер – в Европейский парламент, в Брюссель, после чего место службы последнего было изменено, и он был реактивирован в качестве президента республики. Золтана Покорни сделали руководителем одного из столичных районов, Иштвана Штумпфа – членом Конституционного суда, Ласло Кёвера – председателем парламента, а Аттилу Вархеда пристроили в околопартийной частной сфере. Территории Архипелага Гуляш: Брюссель, дворец Шандора в будайской крепости, будайский муниципалитет и Конституционный суд – бесспорно являются более приятными местами политической ссылки, чем трудовые лагеря авторитарного режима, существовавшего десятилетиями раньше. Вышеперечисленным лицам грех жаловаться. И правда, протестов нет.

Партия вассалов. После поражения на выборах 2002 г. произошла перестройка организационной структуры «Фидес» в соответствии с системой избирательных округов. С этого времени ключевые фигуры местной партийной элиты назначаются председателем партии, который, таким образом, единолично принимает решения, касающиеся отбора кандидатов в депутаты и составления предвыборных партийных списков. Символическим подтверждением этих изменений было то, что перед выборами 2010 г. кандидаты в депутаты должны были совершить паломничество в загородную резиденцию председателя партии и принести там клятву на верность. Как в фильме Копполы «Крестный отец».

В качестве логического продолжения этого процесса в результате конфликтов внутри «Фидес» во время муниципальных выборов, последовавших за парламентскими выборами 2010 г., местные политики, которые были старыми партийцами, но считались ставленниками других лидеров партии, были заменены на преданных Боссу, прикованных к нему цепью вассалитета кандидатов или побеждены ими на выборах по воле партийного центра. Иначе говоря, в рамках сложившейся вассальной системы

лояльности к «Фидес» было уже недостаточно, нужно было быть прежде всего преданным вождю.

Кадры «Фидес» усвоили и то, что нельзя не только бунтовать против вынесенных «наверху» решений или сомневаться в них, но и просто заранее говорить о их, поскольку любая оговорка эксперта может означать конец политической карьеры. Как это случилось с одним из основателей «Фидес», парламентским депутатом Ласло Мади, который перед выборами 2010 г. неосторожно публично поддержал проект введения налога на недвижимость, не заметив, что его партия, сделав популистский зигзаг, уже выступает против этого налога. Защиту дает только верность, а неподчинение, суверенитет влекут за собой изгнание, утрату социальной защищенности. Причем срока давности нет, самое большее есть возможность прощения. Члены «Фидес» были первыми в Венгрии, кто усвоил, что Босс не шутит.

На места постепенно уходивших сподвижников председателя «Фидес», изображенного на обложке HVG в облике Крестного отца, приходили сменявшие друг друга поколения чиновников. Это уже не обладающие автономной индивидуальностью герои политических рыцарских турниров, а терминаторы популайских коммуникационных спецподразделений. Хотя по истечении обязательного срока моральной амортизации на службе они могут «демобилизироваться» и удалиться в какой-либо более спокойный политический «бенефиций», иногда они могут быть призваны из запаса на службу, связанную с растрачиванием репутации. Им жалуется в виде награды то, что основатели партии, бывшие соратники Босса, получают в виде наказания.

Партия как приводной ремень. До 2010 г. зафиксированное в уставе партии право председателя «Фидес» на принятие единоличных решений лишь релятивизировало компетенцию руководящих органов партии и создало культуру единоличного, централизованного управления. Но в этой точке история эволюции партии «Фидес» отошла от истории автократической модели, предшествовавшей смене режима. При коммунистических режимах высший руководящий состав партии не терял полностью своего значения даже на фоне единоличной власти генерального секретаря. Тот, кто в данный момент считался, например, доверенным лицом, фаворитом Сталина, был одновременно и членом Политбюро. Именно поэтому одной из излюбленных тем кремлинологической литературы был анализ изменений в составе этого партийного органа.

В случае «руководящей силы» посткоммунистического мафиозного государства принятие важных решений уже выходит из сферы компетенции партийных органов, несмотря на их максимальный контроль, и через посредство председателя партии, Крестного отца, перемещается в руки приемной политической семьи, состоящей из его наиболее доверенных приспешников. Не у партии есть приводные ремни, передающие ее волю обществу и смазывающие механизмы управления, а **сама партия превращается в приводной ремень приемной политической семьи.** Следовательно, в действительности властным центром мафиозного государства

является приемная политическая семья, которая вынуждена при посредничестве партии придавать легитимную форму своей воли. В конце концов приемная политическая семья действует в демократических декорациях, где партия является ее подставным лицом.

В этом смысле нелепо придерживаться кремлинологического подхода, постоянно искать трещинки в здании режима и с надеждой придавать политическое значение всяким двусмысленным подмигиваниям в сторону публики. После десятилетий демократии это означало бы своего рода возвращение к психологическому состоянию, господствовавшему при социализме. Конечно, и среди членов «Фидес» многие чувствовали бы себя лучше, если бы им не приходилось «отбывать службу», отбросив все моральные соображения, и поддерживать политику, которая, как они и сами знают, в действительности отличается от того, как она преподносится публике. Однако они тоже участвуют в коллективном насилии, которое применяет их партия, голосуют за правоограничительные законы и в случае необходимости – унижительным образом демонстрируя свою лояльность к главе политической семьи – собирают на улицах подписи в поддержку любых демагогических правительственных инициатив. Это хорошо иллюстрируют судьбы так называемых «фидесистов с человеческим лицом» от Тибора Наврачича (лидер фракции, затем министр государственного управления, а позже – комиссар ЕС) до Золтана Покорни (член президиума «Фидес», министр образования, позже – бургомистр), от Яноша Адера (лидер фракции, депутат ЕС, позже – президент республики) до Михая Варги (министр финансов). Мышление интеллигенции, недолюбливающей «Фидес» наших дней, во многих отношениях не изменилось со времени мягкой коммунистической диктатуры эпохи Кадара. Только тогда все было наоборот: тогда обнадеживало то, что все-таки лучше видеть на посту генерального секретаря Яноша Кадара, чем придерживавшегося жесткой линии «московита», министра внутренних дел Белу Биску, руководившего репрессиями после революции 1956 г. А ныне многие хотят верить в то, что «Фидес» могла бы быть лучше, но только без Orbana.

2.7.2. Социалисты: эрозия социальной базы, либералы: испарение общественной поддержки, «Фидес»: укоренение в обществе

После смены режима, когда членство в партии уже не было предпосылкой служебной карьеры, казалось очевидным, что больше не будет массовых партий с сотнями тысяч членов, похожих на бывшую коммунистическую партию. В случае ВСП вопрос тоже состоял лишь в том, насколько сократится ее численность, хотя даже уменьшившаяся численность социалистических парторганизаций превосходила общее число членов всех остальных партий. Таким образом, в сравнении с тем, что было в прошлом, все другие партии закономерно стали медийными партиями, при этом было ясно, что существует минимальное количество местных организаций, без которых партии не могут

существовать хотя бы уже из-за особенностей избирательной системы. Для необходимого организационного охвата страны нужно было минимум 5 – 10 тыс. преданных делу активистов. А новые политические партии даже в эйфорийный период основания насчитывали гораздо меньше членов, чем бывшая коммунистическая партия, а позже их численность лишь уменьшалась.

Оставшиеся члены *социалистической* партии были тесно связаны либо с обломками прежних властных институтов, либо с сохранившимися структурами крупных систем социального снабжения (администрации, здравоохранения, образования). Личный состав партии, даже постепенно старея, сохранял свой ностальгический, бюрократический, аппаратный характер. В организационном отношении среда партийной жизни оставшихся социалистов уже не совпадала с их трудовой средой, однако сохранилась сердечная задушевность их культуры: и руководители и руководимые придерживались одинаковых вкусов. Эта общность вкусов и интересов даже в периоды отсутствия политических задач и акций помогала сохранить социальную базу партии как своего рода форму общения и как опирающуюся на отношения взаимности систему страхования. Члены партии не смогли проникнуть в жизненные пространства нового мира, возникшего после смены режима, однако стабильность их повседневной жизни, их традиции и относительно большая численность позволяли им функционировать в качестве наиболее опробованной сети с равномерным территориальным покрытием. Иногда, например на выборах 2002 г., закончившихся падением правительства «Фидес», эта сеть оказывалась способной на сюрпризы. Но при этом она располагала настолько ограниченным потенциалом освоения новых коммуникационных технологий и площадок, что к 2010 г. окончательно развалилась и превратилась в сеть клубов для неудачников из бывшего бюрократического среднего класса, главным образом пенсионеров.

У *либералов*, в ССД, повседневная политическая жизнь считалась своего рода обязательным упражнением, так как партийное руководство вместе с окружавшей его интеллигенцией имело мало общих культурных ценностей с большинством членов партии. Вследствие этого они не образовывали общности, не поддерживали единый стиль жизни. После успехов, достигнутых в 90-х гг., из всех институциональных систем и сетей, охватывающих общество, либералам удалось закрепиться главным образом в среде муниципальных служащих. Однако вследствие ухудшения результатов на выборах и постоянного сокращения числа муниципальных должностей сформировавшиеся вокруг последних местные парторганизации оказались не заинтересованными в поисках новых политических акторов и уже не смогли обновиться, вырваться из этого сужающегося круга.

Во время смены режима значительная часть организаций «Фидес» образовалась в тени ССД и по численности значительно уступала своим соперникам. В начале 90-х гг. противоречие между популярностью партии, измерявшейся опросами общественного мнения, и ее организационной слабостью проявлялось и в результатах промежуточных выборов, поскольку

молодым демократам никак не удавалось разменять свою 30 – 40-процентную популярность на победу в каком-либо одномандатном избирательном округе.

Если социалисты унаследовали от некогда обладавшей реальной властью номенклатуры ее средние и низшие слои, уже потерявшие власть, то история партии «Фидес» может быть описана в качестве противоположного процесса: после 2010 г. на месте бывшей коммунистической номенклатуры была выстроена цепь вассальной зависимости (отношений «патрон – клиент»). Этот процесс лучше всего выражается в развитии отношений между партией и организациями, способствующими ее укоренению в обществе. После 1994 г. обуздание немногочисленной партии завершилось: власть председателя партии стала непререкаемой. Не только структура партии, но и отбор на муниципальные должности должны были предотвратить возможность возникновения автономных по отношению к лидеру партии позиций. Тем самым партия стала пригодной для покорения других политических организаций и использования в собственных интересах неполитических организаций. Создание модернизированной организационной базы и сети партии «Фидес» было осуществлено в несколько этапов.

- На выборах 1998 г. нехватку организационной базы обратившейся к религии партии «Фидес» восполнили католическая и реформатская *церковь*. Это не только сократило расходы партии на избирательную кампанию, но и позволило охватить всю территорию страны и воздействовать на такие социальные группы, члены которых принимают на выборах решения не в результате рациональных рассуждений, а на основании религиозных пристрастий.

- Процесс интенсивного создания клиентуры, начавшийся в 1998–2002 гг., застопорился после поражения на выборах 2002 г. С учетом плотных результатов выборов, воспользовавшись разочарованностью половины населения страны, «Фидес» создала движение *«гражданских кружков»*, непосредственно не входящих в партию, но в эффективно мобилизуемых в случае необходимости. Это, с одной стороны, позволило избежать эрозии иерархической дисциплинарной структуры, которая неизбежно сопутствует становлению массовой партии, а с другой стороны, дало возможность создать своего рода коллективную идентичность для готовых к активным действиям сторонников «Фидес». Тем самым были заложены основы простирающейся за рамки партии базы данных, с помощью которой удалось образовать концентрические круги потенциальных сторонников, способных участвовать в дальнейших политических акциях.

- После референдума 2004 г. о двойном гражданстве и предшествовавшей ему кампании по сбору подписей накопление и обработка контактных данных симпатизирующих партии избирателей осуществлялись уже прямо «промышленными методами». «Социальный референдум» 2008 г. об упразднении платы за учебу в высших учебных заведениях, за визиты к врачу и пребывание в больнице, а также другие кампании по сбору подписей служили лишь расширению и обновлению этих списков. Позже банк данных, названный

по имени директора партии и руководителя ее политических кампаний *списками Кубатова*, был дополнен и данными тех, кто не питает симпатии к «Фидес».

- Снова придя к власти в 2010 г. после восьмилетнего перерыва, «Фидес» использовала для создания связанной с партией сети сторонников и государственные, правительственные средства. В ходе акций, получивших название **«национальных консультаций»**, гражданам, достигшим избирательного возраста, рассылались письма, содержавшие манипулированные вопросы, касающиеся изменения конституции, экономических, налоговых и социальных проблем, а также миграционной политики. Однако настоящей целью сбора лояльных ответов, на которые столь часто ссылались власти, но которые никогда не подвергались проверке, а также противоположных мнений было лишь уточнение, исправление списков Кубатова.

Организованные формы поддержки партии, созданные в ее непосредственном окружении, были в основном приспособлены к нуждам оппозиционной деятельности. Правда, они продолжали существовать и позже как средство мобилизации сторонников, не принятых в партию или приемную политическую семью, однако после возвращения «Фидес» к власти в 2010 г. произошло совмещение кадровой деятельности партии и правительства (HR), и после ликвидации автономных общественных организаций была создана своего рода посткоммунистическая система вассалитета.

2.8. Политическая холодная война: расшатывание институциональных сдержек и ограничительного принципа конституционного большинства до 2010 г

2.8.1. Политическая холодная война

Неожиданно потерпев поражение на выборах в 2002 г., «Фидес» не сделала из этого вывод о необходимости отказаться от политики резкой конфронтации и вернуться к характерной для консенсусной демократии культуре компромиссов, регулируемой институтами разделения властей, а, наоборот, оперировала в своей оппозиционной деятельности средствами политической холодной войны. В это время в политическом арсенале партии появились такие методы, как непризнание чистоты выборов, проведенных ее собственным правительственным аппаратом, и легитимности нового правительства социалистов и либералов, отказ от сотрудничества, необходимого для функционирования системы демократических институтов, интенсивное применение диффамации и вербальной агрессии по отношению к представителям, распоряжениям и программе правительственной стороны, а также постоянные уличные беспорядки, иногда сопровождавшиеся насилием. По мнению «Фидес», положение, гарантированное принципом разделения властей, следовало использовать *не для контроля за правительством, а для нападок на него*. В речи после поражения на выборах 2002 г. Орбан провозгласил лозунг «Родина не может быть в оппозиции!», ставший идеологическим оправданием этих нападок и означавший не что иное, как попытку исключить из нации сторонников правительства социалистов и либералов. Таким образом, уже с 2002 г., а особенно после выборов 2006 г., на которых коалиция ВСП – ССД снова получила право на формирование правительства, сложилось своего рода *двоевластие*. Средством присвоения позиций, служащих контролю за правительством, была целенаправленная *кадровая политика*. Если после 2010 г. нельзя было бы осуществить конституционный путч без системы внутривнутрипартийного вассалитета и подчинения, то еще раньше так же невозможно было бы поддерживать осадное положение консенсусной демократии, если бы в обеспечивающие противовес учреждения делегировались независимые эксперты, а не дисциплинированные солдаты партии.

Краеугольным камнем системы сдержек и противовесов в венгерском конституционном строе был барьер конституционного большинства в две трети голосов. Именно такое парламентское большинство требовалось для изменения конституции, а также многих так называемых краеугольных законов (о самоуправлении, СМИ, выборах, общественных объединениях и т. д.). Тем самым гарантировалось, что в области решений, касающихся основ политического строя, благодаря необходимости консенсуса между правительством и оппозицией будет реализовываться характерный для

либеральных демократий принцип разделения властей. После выборов 1990 г. Венгерский демократический форум (ВДФ) и ССД заключили соглашение, сократившее число законов, требующих конституционного большинства, чтобы будущие правительства могли стать действительно ответственными. Дилемма была реальной. С одной стороны, с середины 90-х гг. барьер большинства в две трети голосов все в большей степени препятствовал проведению необходимых реформ, поскольку в руках «Фидес», не стремившейся к консенсусу, он стал орудием шантажа правительства по логике «мы проголосуем за то, что в принципе считаем правильным, только если получим что-нибудь взамен, или вообще не будем голосовать ни за что, потому что не желаем успеха правительству». С другой стороны, вследствие восточного характера политической культуры и слабости обычного права этот барьер обеспечивал необходимую защиту системы институтов либеральной демократии. Тот факт, что барьер большинства в две трети голосов породил не культуру поисков консенсуса, а культуру шантажа и устранения политических конкурентов, свидетельствует лишь об убожестве венгерской политической жизни. Если какая-либо из противостоящих сторон, стремясь захватить и удержать власть, готова дойти до крайности в саботаже необходимости консенсуса, то со временем политическая система становится недееспособной. В результате этого общество, видящее лишь бессилие власти, начинает тосковать по решительному, твердому руководству.

Замещение руководящих кадровых позиций в независимых от правительства учреждениях, как правило, тоже требовало парламентского большинства в две трети голосов или участия президента республики. В случае конфронтации противонаправленных устремлений в ходе этих длившихся иногда годами кадровых согласований стороной, поворачивающей руль, чтобы избежать столкновения, никогда не бывала «Фидес», а всегда – социалисты, обремененные комплексом неполноценности как преемники коммунистической партии, опасавшиеся чрезмерного влияния либералов и ограниченно дееспособные из-за олигархической структуры своей партии. В результате этого «Фидес», как правило, выходила победителем из кадровых состязаний. Будучи у власти, эта партия в случае необходимости объявляла недееспособными учреждения с неполным личным составом, как, например, куратории государственных СМИ и информационного агентства, контингент которых был заполнен лишь наполовину и только представителями правящих партий. Будучи в оппозиции, «Фидес» была готова даже парализовать работу этих учреждений. Это приводило к тому, что, в то время как в учреждениях с полным составом делегаты «Фидес» за редким исключением вели себя как дисциплинированные, преданные партии дроиды, делегаты ВСП, обязанные своими постами не партии как таковой, а внутривнутрипартийным группировкам, обычно конкурировавшим и друг с другом, в надежде на выживание часто действовали не только независимо от принципов, составлявших этос их позиций, но и независимо от собственной партии. По остроумному замечанию председателя либерального ССД Габора Кунце, «у социалистов на каждый пост

есть минимум по два непригодных человека». Разница в порядке выдвижения кандидатов в этих двух партиях заставила значительную часть членов паритетных учреждений уже в первом цикле назначений искать благосклонности «Фидес», что давало надежду на переизбрание.

Двумя важнейшими государственными институтами, контроль над которыми «Фидес» установила до 2010 г., несмотря на действующую систему разделения властей, были прокуратура и отчасти Конституционный суд.

Неожиданный уход в 2000 г. с поста генерального прокурора избранного в 1990 г. при 82-процентной парламентской поддержке Кальмана Дёрди, который обладал безупречной репутацией и пользовался всеобщим уважением, напоминает древнегреческую трагедию. Общественность узнала лишь о конфликте, вызванном объявлением прокуратурой незаконным неполного, состоявшего только из делегатов «Фидес» куратория государственных СМИ^[19]. Однако ходили слухи, что генеральный прокурор подвергся шантажу, что лучше объясняет и его продолжающееся по сей день молчание. С тех пор влияние «Фидес» в *прокуратуре* непоколебимо, даже несмотря на смены правительств. Это учреждение, которое с небольшими перерывами возглавлял Петер Польш, бывший депутат парламента от партии «Фидес», в качестве средства *селективной борьбы с преступностью* стало активным участником партийных кампаний, и отобранные прокуратурой для целей кампаний материалы в нужное время подавались широкой публике при посредстве близкой «Фидес» прессы. Если бы мы, например, захотели оценить с помощью управляемой Петером Польшом прокуратуры состояние коррупции в Венгрии, то могли бы подумать, что правительственные и муниципальные области, контролируемые партией «Фидес», полностью свободны от коррупции, в то время как территории, находящиеся под управлением ее политических конкурентов, полностью в ней погрязли. В то время как «в среднем ежегодное число заявлений сократилось наполовину или на две трети, доля отклоненных заявлений увеличилась втрое. Больше того, если по заявлению все же начинается расследование, то с конца 2010 г. такие расследования прекращаются в два раза чаще, чем раньше»^[20]. Сравним деятельность двух «правительственных комиссаров по борьбе с коррупцией». Может показаться, что ранее социалист Ласло Келлер пытался отдать под суд только невинных людей, но прокуратура, как истинно правозащитное учреждение, всякий раз мешала этому. В противоположность этому заявления члена «Фидес» Дюлы Будаи, который до смены режима начинал свою деятельность в коммунистической военной прокуратуре, как правило беспрепятственно проходили через прокуратуру и доходили до судебной стадии, где обычно и застревали. Деятельность назначенных партией «Фидес» правительственных комиссаров по борьбе с коррупцией и предъявляемые к ним политические требования следуют не культурным, правомерным образцам контроля за государственной администрацией в устоявшихся демократиях, а скорее примеру инквизиции: методично опутываемые подозрением люди могут быть

погублены, а их моральная и профессиональная репутация может быть подорвана и без судебного приговора.

Конфронтативная кадровая политика «Фидес» не оставила незатронутым и **Конституционный суд**. По прошествии первого времени при избрании судей противовесом, как правило, авторитетным, убежденным консерваторам становились уже люди не либеральных и иногда даже не социалистических убеждений, выдвигаемые ВСП, а лица со скромным профессиональным прошлым, придерживающиеся эклектических взглядов. А исключение из законодательства запрета на продление девятилетнего мандата судей в основном привело к тому, что кандидаты социалистов тоже стали ориентироваться на запросы партии «Фидес». Как уже упоминалось выше, примером этого было одобрение инициативы проведения в 2008 г. референдума об упразднении платы за визит, составлявшей в поликлиниках и больницах 300 форинтов в день, а также платы за обучение суммой 100 тыс. форинтов в год. Эта инициатива, легитимировавшая социальный популизм, была одобрена даже несмотря на то, что по конституции прямо запрещалось проведение референдума по вопросам, затрагивающим государственный бюджет. Этот референдум сыграл значительную роль во впадении правительства социалистов и либералов в обморочное состояние, в отказе от всяких попыток реформ и победе «Фидес» на выборах 2010 г. с преимуществом в две трети голосов.

2.8.2. Экономическое окопное братание: 70/30

Стратегия холодной войны одновременно уживалась с учетом «политических реалий» и «экономической необходимости», с **консенсусной практикой использования нелегитимных средств партийного финансирования**. Правило 70/30 означало, что 70 % совместно добытых (или просто принятых к сведению) нелегитимных доходов передавалось правительственным, а 30 % оппозиционным партиям. До 2010 г. ни доступ к ресурсам, ни возможности санкционирования не могли быть полностью монополизированы ни одной из сторон. Дело в том, что парламентское большинство было окружено, как правило, многоцветным миром муниципалитетов, и на распределение контролируемых государством ресурсов обычно влияло множество паритетных или по крайней мере многопартийных комитетов. Это и сделало возможной систему взимания ренты посредством раздела ресурсов между правительством и оппозицией, которую в просторечии так и называли: 70/30. Полем, открытым для политической борьбы, было разоблачение коррупции вне общего бизнеса.

Однако стороны, сотрудничавшие в рамках системы 70/30, функционировали по различному принципу. Складывающийся одноканальный режим отчетности политической семьи «Фидес» со временем маргинализировал, вытеснил и тем самым наказал «халтуривших» под знаменем партии одиноких прихлебателей, что обеспечило на всех уровнях партийной вассальной лестницы единство коррупционного «обложения данью», осуществляющегося

с одобрения центра. Такой порядок гарантировал, что экономическим акторам не будут делаться изнутри партии параллельные предложения, а органы государства или самоуправления действительно окажут те услуги, которые были оговорены в обмен за полученную «дань». Этот способ нелегитимного «наложения дани» обеспечил дорогостоящие, но предсказуемые отношения в сфере предпринимательства. Для этого политическая семья Орбана, находясь в оппозиции, сотрудничала с конкурентными правительственными силами. Последние, однако, действовали при «окопном братании» менее организовано. С одной стороны, в поле, обещавшем коррупционные доходы, действовали собиравшие «дань» на свой страх и риск вольные группировки и местные олигархи, а с другой стороны, в ходе конфронтации с «Фидес» – иногда в результате борьбы внутри ВСП – повторялись попытки перейти в наступление, разорвать нити экономического сотрудничества между двумя партиями.

После нокдаунов, полученных правительственными силами социалистов и либералов в 2006 г., а особенно – в 2008 г., «Фидес», действуя уже в режиме избирательной кампании, нацелилась на достижение парламентского большинства в две трети голосов, и с помощью прокуратуры, контролируемой партией даже из оппозиции, ей удалось публично возложить всю ответственность за коррупцию на плечи правительства. Прокуратура обслуживала предвыборную борьбу «Фидес» с помощью акций по криминализации противников. К тому же предприниматели, вынужденные смириться с неизбежностью нелегитимного «наложения дани», все как один сплотились вокруг «Фидес», рассуждая, что если уплата коррупционной ренты неизбежна, то пусть она по крайней мере происходит в упорядоченных условиях.

После 2010 г. положение изменилось, так как, обладая как бы неограниченной властью, опирающейся на большинство в две трети голосов, «Фидес» уже не имела никакой потребности в сохранении системы 70/30. Тем не менее *деловая этика мафиозной семьи* продолжала действовать: в то время как политические партнеры, «корректно» сотрудничающие в бизнесе, пользовались неприкосновенностью, в устранении сторонних «сборщиков дани» и активных противников партии дозволялись любые средства от подрыва репутации через подконтрольные партии СМИ до заказных, политически мотивированных прокурорских расследований.

2.8.3. Смена коррупционных режимов

Коррупция, олигархи, state capture – таковы, быть может, наиболее часто используемые категории для характеристики связи между политикой и экономикой режимов, возникших на развалинах бывшей Советской империи. Их неразборчивое применение при анализе системных явлений различного веса и качества на самом деле смыкает существующую в группе посткоммунистических режимов разницу между чередованием посткоммунистических коррупционных режимов и мафиозным государством.

Основной характеристикой первого является то, что не возникает такой ситуации, когда какая-либо политическая сила получает практически неограниченную монополию на власть, то есть неограниченную свободу изменения конституции и назначения своих людей на все ключевые позиции в государстве.

Принятые в ЕС посткоммунистические государства, за исключением Венгрии, могут быть охарактеризованы как государства, в которых чередуются в различной степени коррупционные режимы. В их случае пропорциональная – или несколько непропорциональная – избирательная система в качестве наиболее надежного тормоза гарантирует невозможность возникновения такой ситуации, когда какая-либо политическая сила может стать исключительным обладателем власти. Это одновременно обеспечивает относительную автономию действующих в данном обществе олигархов и тем самым укрепляет их позицию в противовес различным политическим силам, стремящимся к правительственной власти. Благодаря этому они могут заключать сделки с конкурирующими друг с другом политическими силами, не опасаясь того, что какая-то из этих сил подчинит их средствами простого политического насилия. Они могут быть бенефициарами или жертвами неравномерного распределения или отмены милостей, но им не грозит тотальное подчинение. Это своего рода непрерывный брачный танец. Конечно, страны с чередованием коррупционных режимов могут различаться по степени распространенности и наиболее частым типам коррупции, а также по ее влиянию на среду правового регулирования, на законотворчество. Если удастся систематически подчинять законотворчество частным интересам, а представители и институты политической элиты становятся не эпизодическими, а систематическими участниками механизма коррупции, то налицо явление *state capture*. Однако инициативным субъектом этого явления, в рамках чередования коррупционных режимов, являются олигархи, именно они, руководствуясь своими нуждами, делают заказ политической сфере и инициируют приватизацию служения общественному благу. В этом смысле *state capture* никогда не может быть тотальным.

В мафиозном государстве нужно говорить не о типичном случае классических криминальных отношений, о state capture, а о том, что глава политического бизнеса в качестве крестного отца укрощает, приручает олигархов и включает их в собственную систему подчинения. То есть скорее можно говорить об *«oligarch capture»*. В этом случае не парциальные экономические интересы подчиняют себе государство, а политический бизнес, монополизировав власть, подчиняет себе экономику. Конечно, это тоже можно было бы интерпретировать как крайний случай *state capture*, но такое толкование уже вышло бы за рамки первоначального значения, в противном случае любой автократический режим, пришедший на смену демократическому строю, можно было бы охарактеризовать как *state capture*.

3. Опыты интерпретации режима: от перебоев в функционировании демократии до критики режима[21]	54
3.1. В плену интерпретации, опирающейся на противопоставление «демократия – диктатура»	54
3.2. Переход к субстанциональным понятиям описания режима	55
3.3. Ограниченная действенность исторических аналогий	56
3.4. Провозглашение венгерского «нелиберального государства»	57

3. Опыты интерпретации режима: от перебоев в функционировании демократии до критики режима^[21]

После краха Советской империи многие из нас жили во власти иллюзии, что на смену коммунистическим диктатурам – по крайней мере, в Европе – могут прийти только либеральные демократии западного типа. И хотя этот путь не казался гладким, все соглашались, что мы участвуем в процессе линейного, прогрессивного развития к этой цели. Отдельные отклонения от норм либеральной демократии казались скорее детскими болезнями, а не характерными чертами сложившейся личности. Хотя в историческое мгновение перестройки возникли и представления о «третьем пути», они были перечеркнуты желанием принадлежать к Европе и необходимостью приспособиваться к ней в институциональном плане. Большинство стран, где произошла смена режима, став членами ЕС, выдержали приемный экзамен, хотя вследствие геополитических соображений Евросоюза некоторым из них достаточно было подготовиться на краткосрочных курсах и сдавать экзамены с облегченными требованиями. Инициаторы расширения ЕС верили в то, что новые члены союза руководствуются не только необходимостью сдать приемный экзамен для присоединения к потребительскому сообществу, но и желанием принадлежать к определенному сообществу с добровольно выбранными ценностными ориентирами. По мере того как вырисовывалась необходимость осмыслить связанное с этим разочарование, расширялась и обогащалась транзитологическая литература.

3.1. В плену интерпретации, опирающейся на противопоставление «демократия – диктатура»

Интерпретации дефицита демократии и функциональных перебоев, наблюдавшихся после падения восточноевропейских коммунистических режимов, отражают крайне пеструю картину. Как правило, делаются попытки в той или иной форме интерпретировать политические процессы в отдельных посткоммунистических государствах, опираясь на противопоставление *«либеральная демократия – диктатура»*. Посткоммунистические страны уже двинулись по направлению к миру либеральной демократии, но еще не прибыли туда. Или: они уже довольно далеко продвинулись по этому пути, но остановились или даже повернули назад. Транзитология предстает перед нами не только как раздел изучения трансформации социальных режимов, но и как отсылка к своему дословному значению: эти режимы как бы еще находятся в пути и образуют различные модели лишь в зависимости от степени отдаленности или отклонения от буржуазной демократии.

Некоторые пытаются определить степень этого отклонения с помощью своеобразных словосочетаний, в которых к слову *«демократия»* добавляются *ограничительные эпитеты* или *отрицательные частицы*:

нелиберальная^[22], управляемая, ограниченная, квази-, ограниченная и т. д. демократия. С учетом различных институциональных индикаторов устанавливается степень отклонения от нормы и «суммарное количество баллов», в зависимости от которого делается вывод, можно ли еще считать данный режим демократическим.

Другие же полагают, что более точная картина может быть получена, если охарактеризовать эти режимы скорее как *варианты автократии, диктатуры*, снабженные *различными смягчающими эпитетами*, например как полуавтократический режим, мягкую диктатуру, конкурентную или выборную автократию^[23].

О размещении и на шкале демократия – диктатура свидетельствует и категория гибридных режимов, а также иные родственные названия, которые, однако, призваны определить данное общественное устройство уже не в соотношении с тем или иным полюсом шкалы^[24].

И все же перечисленные выше наименования дают различным властным режимам скорее формальную, техническую, а не субстанциональную характеристику. Главный недостаток метода размещения режимов на оси «демократия – диктатура» состоит в том, что искажения системы институтов либеральной демократии превращаются просто в количественные показатели, к тому же эти показатели не сводятся в систему, а рассматриваются отдельно, как не связанные друг с другом индикаторы. Конечно, на первый взгляд этот подход дает возможность сопоставить различные автократические режимы, но одновременно исключает из анализа своеобразные различия на уровне системы. Таким образом, благодаря этому, между прочим политически полезному и ориентирующему методу шкалирования, а также благодаря накоплению показателей дефицита демократии можно составить представление о степени отклонения данного режима от «идеального» состояния, но не о своеобразной, системной природе его «девиантности». Беда в том, что данные показатели привязаны к языку, в котором категории описания либеральной демократии с добавлением к ним отрицательных частиц, указывающих на отклонение от «нормы», используются для характеристики режимов уже принципиально иного типа.

3.2. Переход к субстанциональным понятиям описания режима

Иногда используемые наименования указывают на *субъектов власти*, подрывающей либеральную демократию, к таким наименованиям относятся, например, мажоритарная демократия, партийная система с доминантной партией, однопартийная система, вождистская демократия.

Если в упомянутых выше определениях вопросы концентрации власти и обогащения еще непосредственно не связаны друг с другом, то в названиях, указывающих на *нелегитимных бенефициаров власти*, таких как, например, клиента, капитализм для корешей^[25] или клептократический авторитаризм^[26], они уже отчасти переплетаются. Эти определения являются

плодотворными подвижками в объяснении посткоммунистических режимов, однако некоторые входящие в них эпитеты – из-за заложенных в них порой подспудных предположений и скрытых смыслов – ограничивают их толкование:

- Понятие «*клиентела*» не выражает нелегитимности данных отношений.
- Слово «*кореш*» предполагает наличие в коррупционных сделках играющих разные роли, но все же равноправных сторон, партнеров, а также осуществление добровольных, единичных, но повторяемых трансакций, которые могут быть без последствий прерваны или повторены по инициативе любой стороны.
- Эпитет «*клептократический*» внушает представление об общественном устройстве, которое отличается от мафиозного государства следующим:
 - во-первых, последнее осуществляет насильственный отъем собственности, в то время как при клептократическом режиме осуществляется лишь откачка текущих доходов с помощью классических коррупционных механизмов;
 - во-вторых, клептократы, в отличие от мафиозного государства, не создают стабильных вассальных связей, отношений подчинения;
 - в-третьих, клептократия не обязательно централизована и монополизирована (а может быть децентрализованной или, если угодно, анархической);
 - в-четвертых, в отличие от мафиозного государства клептократия не обязательно применяет насилие и криминализует, а лишь пользуется преимуществами, предоставляемыми случаем и ситуацией.

Однако понятие посткоммунистического мафиозного государства не только указывает на отклонения от норм либеральной демократии или на технику концентрации власти, но и имеет целью описание природы властной элиты.

3.3. Ограниченная действенность исторических аналогий

Заметив системообразующий характер отклонений от нормы, венгерские аналитики обратились к поискам исторических аналогий.

У некоторых из них явления централизации и огосударствления, противостоящие характерным для либеральной демократии представлениям о свободном рынке, децентрализации, а также о роли государства как создателя правил честной конкуренции и гаранта их соблюдения, вызвали ассоциации с поздним коммунизмом эпохи Кадара^[27]. Однако метафора *неокоммунизма* обманчива со многих точек зрения. С одной стороны, классические коммунистические режимы основывались на монополии государственной собственности, а с другой стороны, коммунистическая властная элита, номенклатура, была организована не по образцам мафиозной культуры.

Другие интерпретировали активное возрождение идеологии, культурных образцов и языка режима Хорти, существовавшего в Венгрии до Второй мировой войны, и южноевропейских корпоративистских режимов усматривая в этом системообразующее *фашистоидное* явление^[28].

Однако если фашистоидные, корпоративистские или коммунистические режимы руководствуются в основном идеологическими установками, то

посткоммунистическое мафиозное государство с его свободным от ценностных пристрастий прагматизмом лишь использует идеологию. (Подробнее об этом будет сказано ниже.) Оно подбирает идеологическое облачение, соответствующее его властной природе, эклектично объединяя различные идеологические блоки, иначе говоря, не идеология формирует систему власти мафиозного государства, а, наоборот, система власти с большой свободой и изменчивостью формирует свою идеологию. Когда делаются попытки обнаружить властные движущие пружины посткоммунистического мафиозного государства в идеологии национализма, религиозности или приоритета государственной собственности, то это такое же напрасное занятие, как попытка вывести природу и принципы функционирования сицилийской мафии из местного патриотизма, культа семьи и приверженности христианству.

У тех ученых, которые наблюдают изменения во властной, управленческой практике и замечают складывание личных субординационных отношений, отдаление от либеральной демократии иногда порождает представление о возрождении *феодальной, вассальной* системы. Под влиянием работ Макса Вебера такой режим часто описывается как *неопатримониальный*^[29]. Однако, будучи пригодным для демонстрации исторического регресса в области административного и профессионального бюрократического управления, это определение непригодно для обозначения всего режима в целом. Ведь в историческом, феодальном прообразе последнего действительная природа и легитимация власти сосуществовали как бы в природной гармонии и не нуждались, как в посткоммунистическом мафиозном государстве, в нелегитимных посреднических механизмах.

3.4. Провозглашение венгерского «нелиберального государства»

После 2010 г., когда «Фидес» ликвидировала систему институтов либеральной демократии, произошло не возрождение какой-либо из исторических моделей, а возникновение нового режима, родственников которого нужно искать не в прошлом, а в посткоммунистическом настоящем бывших республик СССР (путинской России, алиевского Азербайджана и среднеазиатских республик). Основная модель сложилась именно там, а режим Орбана приближается к путинской модели мафиозного государства круглым путем, с Запада, *вводя за оборонные укрепления Евросоюза троянского коня посткоммунистических мафиозных государств*.

Еще до парламентских выборов 2010 г. Виктор Орбан заявил, что готовится не просто к смене правительства, а к созданию такого *«центрального силового поля»*, которое на десятилетия вперед обеспечит ему возможность «спокойно», без помех со стороны политических конкурентов управлять страной. Он назвал эту новую модель, созданную после выборов, *«Системой национального сотрудничества» (СНС)* и четко отделил ее от «двух смутных десятилетий переходного периода». В свою очередь, результаты «революции в рамках

конституции» отстаиваются с помощью идеологии «национально-освободительной борьбы» и с использованием «неортодоксальных» экономических средств. Если в своей речи, произнесенной в 2009 г. в поселке Кётче около Балатона, Виктор Орбан еще провозглашал программу смены режима с помощью эвфемистических языковых средств, то в выступлении в трансильванском городе Тушнадфюрдэ (ныне – Бэйле-Тушнад, Румыния) в 2014 г. он уже, как в репортаже с производства, объявил об упразднении либеральной демократии и о создании *венгерского «нелиберального государства»* как о свершившемся факте. А в качестве «звезд международных исследований», которые как бы должны служить примером для подражания, он назвал такие автократические государства, как Россия, Турция, Китай и Сингапур.

Хотя режимы этих стран можно одинаково назвать нелиберальными демократиями, эпитет «нелиберальный» не позволяет более глубоко объяснить их различную властную природу. Это чувствовал и автор этого термина Фарид Закария, который в связи с режимом Орбана писал не просто о нелиберальной демократии, а о «путинизме» как ее «особом случае»^[30]. Этим названием он указывает на сходство между двумя режимами, но не осуществляет их анализа, так как категории, предназначенные у него для характеристики путинизма: национализм, религия, социальный консерватизм, государственный капитализм и правительственный контроль за СМИ, – непригодны для выражения специфики различия режимов Орбана, Путина, а также современных режимов других бывших советских республик. Станислав Белковский, описывая путинский режим, более наглядно показал суть вдохновившего некоторых венгерских политиков Российского мафиозного государства, назвав его *«авторитарным режимом тотальной коррупции»*^[31]. В то же время бывший заместитель председателя правительства России Егор Гайдар еще в середине 1990-х гг. писал, что «союз мафии и бюрократической коррупции может дать такой ужасный гибрид, аналогов которому в русской истории, пожалуй, не было – всемогущее мафиозное государство, подлинный спрут»^[32]. Хотя тогда еще речь шла о ельцинской России, в которой политическая власть еще не была неограниченной и олигархи еще обладали относительной автономией. К тому же политические интересы сильно переплетались с интересами организованного криминального подполья. Позже путинская модель преобразует эти равноправные симбиотические, хаотичные отношения в более иерархичный субординационный порядок.

Для общественности западных демократий заявление Виктора Орбана о модели венгерского нелиберального государства могло прозвучать как признание, мимо которого западная политическая элита уже не могла пройти без единого слова. Хотя систематическое строительство этой модели шло и во время предшествующего правительственного цикла «Фидес», на Западе, за одним-двумя исключениями^[33], не принимали к сведению ее системный характер и подвергали критике лишь ее отдельные элементы, считавшиеся обособленными случаями. Однако провозглашение венгерского

нелиберального государства вынудило западных политиков говорить в связи с политическими отношениями в Венгрии не просто о случайных заблуждениях, а о системном вызове либеральной демократии.

В свою очередь, венгерская публика интерпретирует программу нелиберального государства в другом языковом контексте: в то время как в глазах малочисленной элиты либеральных интеллигентов это понятие имеет очевидно отрицательное содержание, для сторонников Орбана и людей менее чувствительных к политическому словоупотреблению оно имеет иное значение. Благодаря долгим годам упорного труда Орбану удалось добиться того, что широкие круги общественного мнения отождествляют понятие либеральной демократии, а особенно либерализма с «двумя смутными десятилетиями», последовавшими за сменой режима, с обнищанием, коррупцией, бесплодным политическим соперничеством, с безразличием к венграм как «мировой нации», со склонными к преступности цыганам, с бессилием по отношению к живущим на пособия, паразитирующим безработным, а в непосредственном образе врага – с внешней зависимостью от Запада, мультинациональными компаниями, давящими венгерских предпринимателей, с банковским капиталом, выжимающим все соки из венгерских граждан, с чуждыми по менталитету евреями и прочими маргиналами, гомосексуалистами и педофилами. Вследствие этого, когда Орбан говорит о нелиберальном государстве и нелиберальной демократии, он тем самым внушает, что посредством нового государственного идеала желает освободить венгров от всех этих бед и в целом создает сильное государство, ставящее превыше всего интересы нации. В результате, если в венгерской коммуникационной среде политические оппоненты Орбана останутся на языковой формуле нелиберальной демократии, то не заметят, что негативно воспринимаемое западной публикой определение с частицей «не» интерпретируется широкой венгерской публикой в положительном смысле. А между тем идеологи режима уже приступили к псевдонаивному, мошенническому переосмыслению «нелиберальной демократии» как «общностной, национальной демократии»^[34].

В период с 2010 по 2014 г. отечественные оппозиционеры, вместо того чтобы встать на позиции критики режима, добровольно разоружились, увязнув в парадигме критики правительства. А теперь, бросившись склонять на все лады нелиберальность режима, они в лучшем случае наталкиваются на глухоту венгерского общества, а в худшем случае непреднамеренно служат коммуникационным целям власти. Даже и сейчас, когда Орбан уже все разжевал и стало ясно, что он программно ликвидирует институты либеральной демократии, они все еще мучительно колеблются – считать ли его власть «плохим правлением» или нелегитимным режимом. К тому же у них долгое время не было понятия о том, что представляет собой режим, который их приручил и подчинил себе. Их критика застряла в фазе «оханья» и не добралась даже до диагноза, не говоря уж о методе лечения. Для создания парадигмы критики режима необходимо разработать соответствующий

данному явлению понятийный аппарат, с помощью которого можно будет проанализировать этот новый тип политического хищника. Не имея подходящего описательно-критического понятийного аппарата, остается лишь бессильно терпеть языковую агрессию нового режима, навязывающего свою самодефиницию, быть не оппозицией, а только жертвой.

4. Определение посткоммунистического мафиозного государства	61
4.1. Посткоммунистическое	61
4.2. Мафиозное государство	63
4.3. Расширение прав главы патриархальной семьи: мафия, мафиозное государство	63

4. Определение посткоммунистического мафиозного государства

Начиная с 2010 г. не произошло ничего такого, что не имело бы прообраза, заметного всем, кто проследил весь путь, пройденный партией «Фидес», в том числе деятельность ее первого правительства в 1998–2002 гг. Не изменились ни намерения, ни цель, а только условия: с возникновением парламентского большинства в две трети голосов в основном исчезли институциональные ограничения правительственной власти. Вслед за партией, где все и всё уже давно зависит от Орбана, под его власть попало и государство, и теперь он использует технику принуждения к покорности, опробованную внутри «Фидес», уже применительно ко всему обществу. За последние несколько лет венгерские граждане получили лишь то, что члены «Фидес» уже получили раньше. *«Я научился тому, что, когда у тебя есть шанс уничтожить соперника, ты не задумываешься, а делаешь это»*, – сказал Виктор Орбан, выступая перед чрезвычайными и полномочными послами 26 июня 2007 г., как сообщалось в телеграмме, обнародованной на сайте WikiLeaks^[35]. И несколько лет спустя время для этого настало.

Режим, сложившийся в Венгрии после 2010 г., является такой обладающей своеобразными чертами, ранее встречавшейся только за пределами ЕС, в постсоветских государствах, самостоятельной формой авторитарных, автократических режимов, которая едва ли может быть отнесена к какому-либо из известных до сих пор типов. Несмотря на то что некоторые особенности венгерского режима роднят его с другими формами автократии, кажущаяся знакомой эклектичная конфигурация его индивидуальных черт все же образует уникальный по своим характеристикам тип, являющийся *одним из подтипов автократических режимов*. Соответствующий понятийный аппарат позволяет описать не только технику концентрации власти, но и ее связь с условиями распределения собственности и доходов, а также природу властной элиты. В то же время, помимо того, что новые понятийные рамки пригодны для научного анализа современной формы автократической власти, они адекватно определяют критическую по отношению к режиму политическую позицию, а также дают возможность гражданам осмыслить в целостном языковом контексте их повседневный критический опыт, связанный с действующей властью.

4.1. Посткоммунистическое

Эпитет *посткоммунистическое* в названии типа государства указывает не просто на историческую последовательность, но и на то, что определяющая роль в возникновении этого режима принадлежит состоянию, предшествовавшему демократическому «Большому взрыву», тому, что он возник *на почве коммунистической диктатуры, в качестве продукта ее разложения*.

Политическое устройство коммунистической диктатуры было более последовательно демонтировано в Восточной и Центральной Европе и менее последовательно – в бывших советских республиках, за исключением прибалтийских государств. В то время как в постсоветских государствах система политических институтов либеральной демократии западного типа не сложилась во всей ее полноте и не имела исторических предпосылок, в государствах Восточной и Центральной Европы она в целом была создана, но пребывает в постоянной борьбе с ментальностью и политической культурой восточного типа.

В ходе социальной перестройки за пределами Евросоюза новая властная и экономическая элита, как правило, большей частью рекрутируется из прежней элиты партии и органов госбезопасности, а также из ее окружения. Но главное не это, а внутренняя структура, связи и способ функционирования режима, в который внедряются и люди из других сфер деятельности. Прошедшие два десятилетия отнюдь не свидетельствуют о том, что в большинстве постсоветских государств происходит линейное развитие от диктатуры ко все более чистой демократии. Если Россия представляет собой мягкий вариант посткоммунистического мафиозного государства, то некоторые бывшие советские среднеазиатские республики воплощают в себе его крайние варианты. Но и среди европейских посткоммунистических стран, не принадлежащих ни к бывшим советским республикам, ни к членам ЕС, Македония или Черногория тоже могут быть отнесены к мафиозно-государственному типу автократических режимов. То, что кажется в этих странах приостановкой, стагнацией процесса демократизации, в действительности является консолидацией посткоммунистического мафиозного государства. Не случайно, что Центр по исследованию коррупции организованной преступности (ОССРП) выбрал людьми 2014 г. Владимира Путина (Россия), Виктора Орбана (Венгрия) и Мило Джукановича (Черногория), а среди лауреатов прошлых лет есть и Ильхам Алиев (Азербайджан)^[36]. Конечно, в их случае речь идет уже не о том, что обманчиво внушает общепринятое выражение (то есть не о коррупции и связи с организованной преступностью, с организованным криминальным подпольем), а о том, что они, возглавляя собственную политическую семью, управляют мафиозным государством, организованным криминальным «надпольем». Кстати, Венгрия пришла к путинской модели от либеральной демократии, в то время как некоторые другие посткоммунистические страны, входящие в Евросоюз, пребывают в подвешенном состоянии, находясь в двухполюсном гравитационном пространстве под разнонаправленным притягательным воздействием Запада и Востока, еще не войдя в круг мафиозных государств. В их случае не хватает связанной с одним политическим актором монополии власти, которая является обязательной предпосылкой возникновения мафиозного государства. Поэтому один из прежних коррупционных лауреатов ОССРП, румынский парламент, может служить лишь примером чередования

коррупционных режимов, а не мафиозного государства, какой бы массовой и распространенной ни была коррупция в Румынии.

Другой важной, значимой ссылкой, содержащейся в эпитете *посткоммунистический*, является указание на то, что рухнувший режим в этих странах *строился на монополии государственной собственности*. В процессе складывания других автократических режимов или происходит наоборот, то есть частная собственность превращается в государственную/псевдообщественную, или же формы собственности остаются в основном без изменений, иногда осуществляется ее некоторое перераспределение. Но мы еще не встречались в истории со случаем массового превращения государственной собственности в частную на основе норм, сомнительных с точки зрения их признания обществом. Желание создать новый слой частных собственников равнозначно попытке снова сотворить рыбу из рыбной ухи.

Упомянутые выше два аспекта эпитета «посткоммунистическое» имеют определяющее влияние на возникновение нового режима.

4.2. Мафиозное государство

Название «мафиозное государство» имеет отнюдь не эмоциональный, публицистический характер, оно *указывает на организационную природу, организационный строй новой властной элиты*. В этом случае новая, относительно малочисленная властная элита по своим характеристикам во многом отличается от властной элиты режимов, упоминавшихся в различных аналогиях. Прежде всего она отличается тем, что, как это принято в мафии, складывается в основном посредством семейных связей или скрепленных общим бизнесом связей внутри *приемной семьи*. С помощью нитей родства и лояльности к организации присоединяются все новые и новые семьи, входящие в сильно иерархизированный, пирамидальный порядок, на вершине которого находится *приемная политическая семья*.

4.3. Расширение прав главы патриархальной семьи: мафия, мафиозное государство

Классическая мафия как *организованное криминальное подполье* является не чем иным, как насильственной нелегитимной попыткой реализовать существовавшие в досовременном обществе права главы патриархальной семьи в условиях современного общества, строящегося на базе гражданского равноправия. Со своей стороны, органы государственной власти стараются предотвратить такую попытку. Мафия – это такая приемная семья, в которой «некровнородственные связи требуют от сторон строгой и торжественной преданности и безусловной взаимопомощи»^[37]. *Мафия – это нелегитимный неоархаизм*.

Хотя исторически сложились два типа мафии, для наших размышлений, касающихся нелегитимного расширения прав главы патриархальной семьи, это не имеет значения. Все же стоит упомянуть о том^[38], что если сицилийская

мафия поначалу претендовала и на выполнение квазигосударственных функций в противовес стремлению к объединению Италии, то американская мафия была лишь неортодоксальным средством возвышения, социальной мобильности свежеприбывших итальянских иммигрантов. Немало крупных групп иммигрантов попыталось достичь жизненного успеха, в том числе путем организованной преступности.

В свою очередь, *мафиозное государство* как *организованное криминальное «надполье»*^[39] является попыткой реализовать права главы патриархальной семьи на уровне целой страны, среди декораций системы демократических институтов, посредством захвата государственной власти и использования ее средств. То, чего классическая мафия добивается путем угроз, шантажа и, если надо, кровавого насилия, в мафиозном государстве достигается приемной политической семьей бескровными методами нелегитимного государственного насилия. *Мафиозное государство – приватизированная форма паразитического государства, экономический бизнес приемной политической семьи, который ведется средствами публичной власти.* С точки зрения образцов управления для Крестного отца, премьер-министра, патриархальная семья, дворовое хозяйство, имение и страна являются изоморфными понятиями. На всех уровнях он следует одному и тому же культурному, управленческому образцу. Подобно тому как глава патриархальной семьи играет ключевую роль в решении персональных и имущественных вопросов, а также в определении статуса, личной роли и компетенции всех своих «домочадцев», так и глава приемной политической семьи является руководителем своей страны, в которой его «домочадцами» становятся члены по-новому понимаемой нации. Он не отбирает, а лишь распоряжается. Он облечен правами, вершит справедливый суд и наделяет долей этих прав и этой правды своих «домочадцев», свою нацию в соответствии со статусом и заслугами каждого.

Подобно тому как классическая мафия ликвидирует «частный бандитизм»^[40], так и мафиозное государство стремится ликвидировать партизанскую, анархическую коррупцию, которая заменяется организованным сверху, централизованным и в основном легализованным законами сбором дани. (А двумя целевыми группами селективной борьбы с преступностью, которую ведет прокуратура мафиозного государства, становятся неподчинившиеся экономические и политические конкуренты.)

5. Особенности мафиозно-государственного подтипа автократических режимов	65
5.1. Концентрация власти и накопление богатств	65
5.2. Ключевые фигуры мафиозного государства: властная элита и ее непосредственные придатки	67
5.2.1. Полигарх[42]	67
5.2.2. Олигарх	68
5.2.2.1. Крупные предприниматели versus олигархи	68
5.2.2.2. Типология олигархов	70
5.2.2.3. Конфликт между Орбаном и Шимичкой: первая мафиозная война внутри организованного криминального «надполья»	75
5.2.3. Подставное лицо	80
5.2.3.1. Глава политической семьи и семейная VIP-ложа	87
5.2.3.2. Бизнес близких к власти олигархов, полигархов и их подставных лиц	90
5.2.4. Брокер-коррупционер[80]	92
5.2.5. Семейные телохранители и секретная служба	94
5.3. Присвоение политической семьей государственных и обеспечивающих демократический контроль баз данных	97
5.4. Полибюро вместо политбюро[92]	100
5.4.1. Отграничение властной элиты мафиозного государства от других исторических аналогий	101
5.5. Law of rule вместо rule of law	105
5.5.1. Конституционный путч – институционализация произвола	105
5.5.2. Захват учреждений публичной власти	107
5.5.3. Правительство не выносит решений, а лишь проводит в жизнь решения политической семьи	108

5.5.4. Законотворчество мафиозного государства как пошив одежды по индивидуальным заказам	109
5.5.5. Ликвидация контрольных функций других органов публичной власти	113
5.6. Управление: фавориты и доверенные наместники политической семьи вместо профессиональных бюрократов	117
5.6.1. Средства устрашения бюрократического аппарата	117
5.6.2. Макс Вебер об историческом пути к современному бюрократическому управлению	117
5.6.3. Развал современного бюрократического управления в условиях мафиозного государства	118
5.6.4. Почему мафиозное государство не может считаться патримониальным режимом?	120
5.7. Ликвидация общественной автономии	122
5.7.1. Ликвидация местных автономий: «хозяйственно-эксплуатационные конторы» вместо органов самоуправления	122
5.7.2. Разрушение автономного пространства интеллектуальной деятельности: культуры и образования	124
5.7.2.1. Культура	125
5.7.2.2. Образование, наука	128
5.7.2.3. «Одомашнивание» гражданских организаций	131
5.8. Патронажно-клиентарные отношения вместо классовых	134
5.8.1. Метаморфозы материальной незащищенности	134
5.8.2. Богатство форм патронажно-клиентарных отношений	136
5.9. Средние слои властной пирамиды мафиозного государства: «новый национальный средний класс» – служилые дворяне, придворные поставщики	141
5.9.1. Служилые дворяне	141
5.9.2. Придворные поставщики	144
5.9.3. Прочность «нового национального среднего класса», подавление сопротивления	145
5.9.4. Главное преступление – нелояльность	147
5.10. Поборы как экономическая политика: система особых налогов	149
5.10.1. Некоторые типы особых налогов до 2010 г	150
5.10.2. Систематическая эскалация особых налогов после 2010 г	153
5.10.2.1. Основные типы особых налогов[126]	155
5.10.2.2. Косвенные особые налоги	161
5.10.3. Государственные санкции в ответ на социально-экономическую реакцию, вызванную особыми налогами	164

5.10.4. Особые налоги «наоборот»: стратегические соглашения или взаимные льготы	164
5.11. Насильственный отъем – ротация экономической элиты	166
5.11.1. Союз партии «Фидес» и «христианского среднего класса»	167
5.11.2. Уникальность применяемой мафиозным государством техники отъема имущества	169
5.11.3. Ротация и подчинение элиты собственников	170
5.11.4. Предложение, от которого нельзя отказаться	172
5.11.4.1. Индивидуальный отъем собственности	174
5.11.4.2. Групповой отъем собственности	180
5.11.5. Типы огосударствления в зависимости от его функции	189
5.12. Властная логика versus иррациональность политики в различных сферах жизни	195

5. Особенности мафиозно-государственного подтипа автократических режимов

Итак, посткоммунистическое мафиозное государство – это не просто отклонение от либеральной демократии и не переходное образование, а самостоятельный подтип автократии. Поэтому имеет смысл рассмотреть специфические черты посткоммунистического мафиозного государства в более строгом логическом порядке.

5.1. Концентрация власти и накопление богатств

Концентрация политической власти и накопление богатств приемной политической семьей всегда осуществляются вместе, взаимообусловлены, одновременно являются целью и средством друг друга. Общественные интересы подчиняются частным не эпизодично, а постоянно, системным образом, что оказывает определяющее влияние на принятие политических решений. Цели государственной политики как мотив политических решений отодвигаются на задний план. Упраздняется аутентичная специализированная политика в различных сферах общественной жизни, принимаемые решения не имеют специального, релевантного для данной сферы жизни обоснования, а имеют лишь специальные последствия. ***Все решения являются одновременно и властными, и имущественными.*** В ходе накопления частного имущества, происходящего из обладания политической властью, имущество приемной политической семьи и общественное или государственное имущество неизбежно смешиваются^[41].

Даже в критикующих режим политологических исследованиях непонятным образом стыдливо разделяются описания и объяснения концентрации политической власти и явлений коррупции. Как будто речь идет о двух разных историях. При таком подходе все происходящее в сфере политики представляется результатом некой самоцельной, дьявольской жажды власти, а безмерная «растациловка» – лишь проявлением проблемы партфинансирования. В первом случае утверждается, что «они опять разрушают демократию», во втором – что «они мухлюют». Однако эти описания не объясняют сущности режима. Концентрация власти не результат некой одержимости, хотя она и требует определенного душевного склада и моральных изъянов. А коррупция организованного криминального «надполья» не эпизодический, спорадический «мухлеж», не какой-то случайный уклон, не девиантность, а направляемый из центра и рационально организованный грабеж, сущностный элемент режима. В организованном криминальном «надполье» ***концентрация власти и обогащение приемной политической семьи не могут осуществляться в рамках отдельных систем.*** Однако если традиционная мафия, не имея позиций в публичной власти, добивается своих целей шантажом, запугиванием и открытым насилием, то в случае мафиозного государства сферы влияния могут определяться с помощью псевдозаконных

средств принуждения. Иначе говоря, организованное криминальное «надполье» как бы легализует свою деятельность. Его обогащение происходит уже не скрыто, а на уровне государственной политики.

5.2. Ключевые фигуры мафиозного государства: властная элита и ее непосредственные придатки

5.2.1. Полигарх^[42]

Полигарх добывает себе нелегитимное состояние благодаря легитимной политической власти, в рамках политического бизнеса. В то время как его политическая власть публична, экономическая власть, состояние скрыты от общества. Его личное состояние, которого ранее не было, возникает благодаря занимаемому им политическому посту и принимаемым им решениям. Свой семейный экономический бизнес он ведет в форме политического бизнеса. Его нелегитимные материальные выгоды выходят за пределы заработной платы и других выплат, связанных с занимаемым им постом, а также доходов от классической коррупции. С помощью подставных лиц он создает и тайную сеть из земельных владений, недвижимости и предприятий. Иногда его частное состояние пополняется за счет миллиардов из общественных средств в форме псевдообщественных организаций и фондов благодаря неформальным, то есть не поддающимся официальному прекращению полномочиям по принятию решений. (Примером этого могут служить футбольный стадион и футбольная академия, построенные и эксплуатируемые за счет налоговых льгот и общественных средств, считающихся платой за «крышевание», на земельном участке в Фелчуте, принадлежащем семье премьер-министра.)

Главный полигарх – Виктор Орбан, глава политической семьи, а одновременно и легитимной исполнительной власти, в нашем случае – премьер-министр. Полигархи – ключевые фигуры механизма публичной власти, функционирующего в качестве бизнеса политической семьи. Важнейшими среди них являются Янош Лазар, министр, руководящий кабинетом премьер-министра, и Антал Роган, лидер парламентской фракции «Фидес». Расширяющийся круг задач и растущий аппарат кабинета премьер-министра ясно отражают властную и экономическую природу мафиозного государства. Расширение компетенций кабинета вызывается не какими-то нормами «добросовестного управления», а властными и имущественными запросами политической семьи. А парламентская фракция, обладающая конституционным большинством, является дисциплинированным орудием законодательного устранения нормативных отношений.

5.2.2. Олигарх

Олигарх иногда добывает себе с помощью своего законного состояния и политическую власть: его экономическая власть публична, а политическая скрыта от общества.

Необходимо провести различие между идеальными типами крупного предпринимателя, предпринимателя организованного криминального подполья и олигарха. ***Крупные предприниматели ведут легитимную экономическую деятельность***, легитимным является и доступ к этой экономической деятельности, то есть она осуществляется по правилам, принятым обществом: предприниматели получают рыночные и государственные заказы в результате прозрачной конкурентной борьбы. Политическая власть не подрывает их автономных, гарантированных законом позиций. В противовес этому ***предприниматели организованного криминального подполья ведут в основном противозаконную экономическую деятельность*** (наркоторговля, проституция, нефтяные махинации, «крышевание» и т. д.) в противозаконных условиях. Они вступают в столкновение с представителями публичной власти и стараются подчинить их своему влиянию с помощью нелегитимных средств (подкупа, угроз, шантажа, иногда физического насилия). 1990-е гг., последовавшие за сменой режима, принесли с собой сначала возвышение, а потом подавление организованного криминального подполья в Венгрии. В свою очередь, ***олигархи посткоммунистических режимов*** стремятся с помощью коррупционных средств получить незаконную поддержку для ведения законной экономической деятельности. Пока не произошло присвоения всей политической власти одной политической силой, их относительная автономия, переговорные позиции и положение в конкурентной борьбе обеспечены. В основном, хотя и в неодинаковой степени, такова современная ситуация в бывших коммунистических государствах, вошедших в ЕС, за исключением Венгрии.

Однако посткоммунистическое мафиозное государство уничтожает автономные позиции крупных предпринимателей, а также ограничивает, приручает или ликвидирует организованное криминальное подполье. Пользуясь монополией на власть, оно подрывает относительную автономию олигархов и старается включить их в свою субординационную систему. В мафиозном государстве переворачивается и ситуация заказа: как правило, не акторы экономики дают заказ власти, а власть облагает «данью» акторов экономики и налогоплательщиков посредством заказов и привилегий, предоставляемых подчиненным олигархам. А сеть подрядчиков и поставщиков распространяет эти патронажно-клиентарные отношения на низшие сферы экономики.

5.2.2.1. Крупные предприниматели versus олигархи

Олигарх отличается от идеального типа крупного предпринимателя не только преимуществами, обеспеченными ему властью, но и степенью незащищенности от нее, то есть тем, насколько его деятельность и экономические условия существования дают возможность принудить его вступить в отношения типа «патрон – клиент».

Модельные различия между идеально-типичным положением рыночных (крупных) предпринимателей и олигархов

		Рыночный (крупный) предприниматель	Олигарх
1.	В приемной политической семье	Не укоренен	Укоренен
2.	Экономическая деятельность	Легитимная	Легитимная
3.	Заказ на экономическую деятельность	На конкурентной основе, рыночный, легитимный	На основе капитала связей, нелегитимный или результат узаконенной нелегитимной практики
4.	Успешность	В основном зависит от результатов, достигнутых на рынке	В основном зависит от политических связей
5.	Целевая группа товаров и услуг	В основном не отечественные потребители	В основном местные, отечественные потребители
6.	Экономическая деятельность	Территориально мобильная	Привязана к месту, немобильная
7.	Экономическая деятельность	В малой степени, с трудом может быть монополизирована государством	Легко может быть монополизирована государством
8.	Условия бизнеса	Не подвержены или мало подвержены непосредственному государственному произволу, а поэтому не дают возможности для шантажа, более защищены от последствий политических решений	Сформированы государственным произволом и подвержены сильному влиянию, могут быть превращены в невыносимые, поэтому дают возможность для шантажа
9.	Источник роста состояния	В основном рынок, но может быть и конкурентная приватизация	В основном управляемая приватизация, государственные концессии и заказы, управляемые конкурсы
10.	Характер риска	Не зависит от государства, рыночный	Подвержен влиянию государства, вассальный
11.	Свою прибыль	Использует транспарентно, в основном снова инвестирует	Изымает из бизнеса, использует другим (менее транспарентным) образом
12.	Положение бизнеса	Автономное	На содержании у государства, «франтье»
13.	Характер бизнеса	Ориентирован на рыночную прибыль, инновативный	Ориентирован на ренту, обеспечиваемую внеэкономическими методами, не инновативный

5.2.2.2. Типология олигархов

В сложившемся мафиозном государстве можно выделить *множество типов олигархов*:

- **Приближенные олигархи** первоначально не располагали значительным собственным состоянием и даже свой начальный капитал составили, занимая позиции, сросшиеся с политикой, в качестве своего рода «инвестиций на зеленом поле». Поначалу это могло принимать форму партийного бизнеса (например, некоторые предприятия на заре партии «Фидес»), который позже был отчасти ликвидирован, а отчасти превратился в частное предпринимательство, освободившись от партийных уз. Состояние этих олигархов сопоставимо с состоянием тех, кто разбогател в ходе хаотической спонтанной приватизации после смены режима. Они составляют внутренний круг олигархов, связанных с политическим бизнесом, которые, как правило, *принадлежат и к числу активно влияющих на политику акторов приемной политической семьи, не занимая при этом никакой легитимной позиции в публичной власти*. К ним принадлежит Лайош Шимичка^[43] и вошедший в этот круг позже Жолт Нергеш. Но из первоначальной команды можно и выбыть, как это случилось с Тамашем Варгой, поставившим под угрозу бизнес политической семьи уголовным налоговым преступлением, или с Дюлой Ганшпергером, впутавшимся в частный бизнес, обособленный от политической семьи.

- **Адаптированные олигархи** накопили свое состояние при классической смене коррупционных режимов, и их прием в политическую семью лишь стабилизирует их позицию и защищает их в мире политически мотивированных насильственных перераспределений собственности. Они получают возможности, обеспечиваемые приемной политической семьей, и в то же время оказывают ответные услуги, платя «дань» в соответствии с экономическими или политическими нуждами политической семьи. И все же сальдо их баланса остается сильно положительным. Представители этой группы, например Габор Селеш, разбогатевший в ходе спонтанной приватизации олигарх, владеющий проправительственным телевизионным каналом, или собственники сети продовольственных магазинов СВА Ласло Бальдауф и братья Лазар, переживают прием в семью с религиозным пылом. Они никогда не определяют, а лишь обслуживают стратегию политической семьи, организуют и частично финансируют демонстрирующие лояльность мероприятия и кампании (например, стотысячные демонстрации в поддержку правительства, так называемые «Мирные шествия»).

- **Подчиненные олигархи** вышли из числа олигархов, некогда располагавших относительной автономией или «игравших в команде противника». В их подчинении играли роль сокращение заказов в условиях мафиозного государства, а также внеэкономическое принуждение, орудиями которого были налоговая служба, прокуратура и полиция. Они боролись за экономическое выживание и, поскольку не располагали защищенными государством позициями, зато могли многое потерять, вынуждены были войти в субординационную иерархию политической семьи. В итоге им удалось добиться преимуществ, но взамен они

вынуждены платить «дань» в соответствии с запросами политической семьи. Характерным представителем этого типа является Тамаш Лейстингер, который поначалу был связан с левыми. Во время первого срока правления «Фидес» у него отобрали часть его состояния (АО BAV, сеть приватизированных государственных ломбардов), используя для этого средства внеэкономического, государственного насилия от налоговой службы до полиции. После 2010 г., во время второго срока правления «Фидес», он стал перебежчиком и в качестве покоренного олигарха получил задание участвовать в финансировании хобби Крестного отца, ему отвели роль собственника футбольной команды «Диошдёр» из Северной Венгрии.

Подчинение политической семье одновременно должно сопровождаться демонстративным разрывом с конкурентными политическими силами и политиками. Недостаточно только быть, нужно еще и казаться лояльным. После смены правительства в 1998 г. руководство одной крупной западной автомобильной компании, следуя западным образцам, поставило во главе своего венгерского предприятия министра промышленности смененного правительства. Это оказалось ошибкой: новое правительство дало понять, что, пока бывший министр не будет удален со своего поста, нечего и мечтать о том, что какое-либо правительственное учреждение или государственное предприятие купит хоть одну машину этой марки. Через полгода бывший министр был уволен. Уже во второй срок правления партии «Фидес» был случай, когда с поста председателя наблюдательного совета венгерской транспортной фирмы, выросшей до международных масштабов, был удален бывший министр финансов от социалистов. Этот шаг сопутствовал заключению стратегического соглашения между фирмой и правительством, принесшего фирме налоговые льготы. Но бывало и так, как в случае с фирмой, осуществлявшей масштабный проект развития недвижимости, которая непосредственно перед выборами 2010 г., как бы опережая события, уволила председателя наблюдательного совета, бывшего министра внутренних дел, который, конечно, занимал этот пост не в правительстве «Фидес». Эти примеры призваны лишь проиллюстрировать природу массовой практики государственного шантажа.

• **Олигархи-попутчики**, как правило, обязаны своим состоянием не политическому бизнесу мафиозного государства, больше того, «капитал связей», которым они обладают, восходит еще к периоду, предшествовавшему смене режима. Они являются крупнейшими олигархами «двух смутных десятилетий переходного периода», чьей благосклонной поддержки добивались все политические силы. Эта вынужденная взаимозависимость еще больше укрепила их положение. Однако их позиция «одинаковой дружбы – одинаковой дистанции» по отношению к конкурирующим политическим силам была подорвана нарушением политического равновесия после 2006 г., когда стало ясно, что за развалом правительства социалистов и либералов, по всей вероятности, последует длительное правление правительства «Фидес». Настойчивое наступление приемной политической семьи выбило ранее автономных олигархов с позиции балансирования между различными политическими силами и для начала навязало им роль преданных попутчиков. Хотя в качестве союзных олигархов они еще не влились в субординационную

иерархию политической семьи, им все же пришлось прекратить или по крайней мере сократить до минимума всякое содействие, связывавшее их с политическими конкурентами «Фидес», если такие связи имелись. Эмблематичные фигуры этой группы – президент – генеральный директор крупнейшего бывшего государственного банка ОТП Шандор Чани, как правило возглавляющий рейтинг самых богатых венгров, и Шандор Демьян, глава девелоперской компании TriGránit и председатель Всевенгерской ассоциации сберегательных кооперативов.

После молниеносного захвата политических институтов в 2010 г. руководство «Фидес» решило, что настало время начать приводить к покорности союзных олигархов. В случае Шандора Демьяна началом операции послужило присвоение сберегательных кооперативов с помощью законодательных средств, посредством транзитного огосударствления, в то время как Шандор Чани получил публичное предупреждение от Яноша Лазара, главы кабинета премьер-министра, что в случае неподчинения уважаемый президент крупнейшего банка может легко превратиться в «главного ростовщика страны»^[44]. Успех таких попыток в значительной степени зависит от размеров бизнеса, влияния бизнесмена и характера его состояния. Если структура деловых интересов Шандора Демьяна сделала возможной подрыв его общественной позиции, то в случае Шандора Чани это оказалось неосуществимым. Его положение президента – генерального директора крупнейшего банка страны и олигарха, считающегося самым богатым венгром – сделало «тотальную войну» против него крайне рискованной с точки зрения премьер-министра, несущей в себе угрозу для экономической стабильности политической семьи и страны. Поэтому Орбан, прервав операцию по подчинению, пока удовлетворился тем, что оставил Чани в позиции лояльного олигарха-попутчика.

Однако уже первый срок правления «Фидес» показал, что, несмотря на семейственные внутренние отношения, партия не намерена упускать возможностей аквизиции. После прихода «Фидес» к власти в 1998 г. эта судьба постигла значительную часть имущества разорившегося банка Postabank, который был санирован на государственные средства с двукратным превышением необходимой помощи. Глава банка, Габор Принц, в обмен на возможность свободного ухода хранил молчание о связях банка с партиями и политиками и об их финансировании, а будучи удален со своего поста и отдан под суд, уже не смог воспротивиться замаскированному под санацию, беспримерному по своим масштабам, организованному присвоению имущества, осуществленному через АО REORG Apport.

• **Автономные олигархи** не отдают длительного предпочтения той или иной политической силе. Они стремятся установить коррупционные деловые связи с акторами политической сферы, но при этом настойчиво пытаются сохранить свободу действий. Однако это возможно лишь в том случае, если ни один из политических акторов не способен монополизировать политическую власть. В условиях мафиозного государства, приходящего на смену чередованию коррупционных режимов, поле для маневра сужается: автономных олигархов или подчиняют, или, в случае неподчинения, считают их олигархами-соперниками и делают попытку вытеснить их и экономически уничтожить. Их связи с

политическими силами, соперничающими с приемной политической семьей, криминализируются и используются в качестве предлога для расправы средствами селективной борьбы с преступностью.

- Наиболее опасными среди **олигархов-соперников** приемная политическая семья мафиозного государства считает олигархов, имеющих собственные политические амбиции. Их ждет применение против них непосредственного государственного насилия (модель Ходорковского). Те, кто не имеет личных амбиций, а лишь поддерживает альтернативные политические силы, могут рассчитывать на более мирную форму вытеснения (модель Березовского). Статус соперника получают и те, кто пытается сопротивляться подчинению приемной политической семье.

При смене коррупционных режимов еще можно поставить вопрос, кто из обладателей частичной политической власти и экономической силы является главным, кто зависит от других, кто заказчик, а кто исполнитель. В посткоммунистическом мафиозном государстве уже однозначно известно: главный тот, кто может поставить вне закона своих соперников с помощью налоговой службы, прокуратуры или полиции. Последним смеется тот, кто средствами власти может вывести из игры другого. Следовательно, ошибаются те, кто считает, что в посткоммунистических мафиозных государствах **олигархи** берут в плен государство, поскольку происходит как раз наоборот. В мафиозном государстве узкий круг лиц, участвующих в политическом бизнесе, политическая семья, назначает своих олигархов. Олигарх не может шантажировать Крестного отца, так как классическая мафия предполагает наличие демократической гласности и демократических институтов, которые в случае разоблачения вступают в действие. Поэтому связанного с мафией политика можно шантажировать не угрозой физического насилия, а угрозой разоблачения. Однако если в мафиозном государстве организованного криминального «надполья» налоговая служба, прокуратура, парламент и т. д. находятся в руках Крестного отца, то потенциал шантажа, имеющийся у олигарха, сильно ограничен.

Отношения между главой политической семьи и олигархами скорее напоминают ситуацию старого московского анекдота, в котором Сталин грозит Крупской, что если она не будет вести себя должным образом, то он назначит вдовой Ленина другую женщину. Это процесс укрощения, подчинения. Независимые олигархи могут существовать в мафиозном государстве лишь временно, ***все работают на один семейный карман, из которого каждый получает свою долю по правилам, принятым в политической семье.*** В этом случае нет коррупционной конкурентной борьбы на свободном рынке, как в течение «двух смутных десятилетий» до 2010 г. – семейное хозяйство функционирует в рамках разграниченных концессионных территорий, утвержденных Крестным отцом. В то время как в политике различных сфер общественной жизни наступает хаос, каналы коррупции соединяются в единую сеть и содержатся в порядке. Однако для описания этого явления даже неудобно употреблять выражение «коррупция», ведь это уже средство

семейного «строительства нации», частный интерес, превращенный в интерес общественный.

В мафиозном государстве существуют различные средства насилия, применяемые по правилам мафиозной культуры. Конечно, отнюдь не все равно, где именно располагаются средства вытеснения, принуждения и подчинения на шкале между крайними значениями «мирные» и «кровавые». Хотя классическая мафия, за отсутствием бескровных государственных средств принуждения, часто применяет физическое насилие, ее все же нельзя смешивать с совершающим убийства сексуальным маньяком, для которого физическое насилие не средство, а цель. Понятно, что мафиозное государство реже «вынуждено» применять физическое насилие, но «в случае необходимости» не останавливается перед его применением. **Барьер в применении насилия** в различных посткоммунистических мафиозных государствах находится на разной высоте в зависимости от их геополитического положения. В случае Венгрии, являющейся членом ЕС, этот барьер выше, чем в не входящей в ЕС России, а в последней – выше, чем в среднеазиатских посткоммунистических мафиозных государствах. (Но об этом еще будет сказано ниже.)

5.2.2.3. Конфликт между Орбаном и Шимичкой: первая мафиозная война внутри организованного криминального «надполья»

Даже «верховный олигарх» из круга приближенных олигархов может потерять свое привилегированное положение. Напрасными были слова Виктора Орбана, еще в апреле 1989 г. сказавшего: «Лайош Шимичка был самым умным из нас». Напрасными были идеи и креативная деятельность Шимички, благодаря которым партия не ограничилась единичными взятками, «смазывавшими» партийный механизм, а создала предприятия для нужд партийного финансирования. Напрасно переливал Шимичка одновременно в партийную и семейную кассу средства, которые с самого начала добывались при поддержке партии. Напрасно обеспечил денежные ресурсы для выживания партии и содержания поддерживающих «Фидес», боеспособных антиправительственных СМИ не на семь, а на восемь скудных лет пребывания в оппозиции после поражения на выборах и падения первого фидесистского правительства. Его исключительное положение объяснялось тем, что он был соседом Орбана по комнате в общежитии и его ментором, хранителем партийных и семейных тайн, первым доверенным лицом и экономическим стратегом. Но не только этим, а еще и тем, что он умел оперативно организовывать централизованный сбор нелегитимных доходов и распоряжаться ими согласно дискреционным решениям, принимаемым им совместно с Крестным отцом – лидером партии. Это позволяло добиться того, чтобы в скудные годы ватага сторонников не разбежалась в разные стороны и чтобы в политической семье все ясно понимали, кому они должны повиноваться.

Если в оппозиции, за отсутствием формальных позиций в административной власти и аппарата, централизация контроля над экономическими ресурсами была вопросом жизни и смерти, то после смены правительства в 2010 г. в этом уже не было необходимости, однако особая роль Шимички не изменилась. В течение первого срока деятельности правительства, обладавшего большинством в две трети голосов, при посредничестве принадлежащих Шимичке мегапредприятий (Közgép, MАНÍR и т. д.) сюда лились государственные и евросоюзные заказы и средства. Но кроме этого, чтобы сузить круг, через подставных лиц Шимички в передаче этих заказов участвовал и правительственный аппарат. «Лайош построил такую сеть, которая проникла практически во все сферы государства. Поскольку везде сидели его люди, без его согласия через аппарат нельзя было провести ни одного политического решения. Это ограничивало свободу решений премьер-министра гораздо сильнее, чем Брюссель или мультинациональные компании. Освободительная война Виктора ведется именно сейчас» – так обобщил суть конфликта между Шимичкой и Орбаном один из влиятельных акторов венгерской экономики^[45].

Орбан хотел избежать превращения в «почетного Крестного отца», когда его экономические, а благодаря этому и часть политических решений одобрялись бы или отклонялись, проходя через фильтр верховного олигарха, Шимички. Поэтому после победы на выборах 2014 г., принесшей лидеру партии две трети парламентских мест и обеспечивших еще на четыре года его неограниченную власть, Орбан начал ставить преграды на пути расширения трудноконтролируемого влияния Лайоша Шимички в государственном аппарате, которое уже ставило под угрозу или даже изменяло его собственные решения. «По свидетельству инсайдерских источников, Орбан задумал создать новую систему клиентелы, в которой нет места для Лайошей Шимичек, а главное – нет империй, властных узлов, склонных к самостоятельности. В ней есть место только для зависящих от главы правительства частных игроков с частными интересами. В этой системе только глава правительства может давать ключ к сейфу, за которым в следующие четыре года будет присматривать Янош Лазар»^[46].

На те территории, в те «сферы бизнеса», откуда вытеснили Шимичку, допускаются только олигархи и подставные лица, обладающие гораздо меньшим авторитетом. Например, главой находившегося под контролем дуэта олигархов Шимички и Нергеша Министерства национального развития на место их подставного лица, Жужанны Немет Ласлоне, был назначен Миклош Шестак, который в качестве юриста оформил основание нескольких сотен российских и украинских фирм сомнительной репутации и их регистрацию по адресу одной и той же недвижимости в одном из провинциальных городов. Позже эти фирмы были ликвидированы, оставив после себя значительные долги государству. Миклош Шестак уже ни в каком смысле не может считаться самостоятельным игроком, он всего лишь подконтрольное полигарху лицо, которое можно шантажировать. Вступив в должность, он немедленно запретил государственным фирмам, находящимся под контролем его министерства, заключать договоры без его разрешения, то есть без разрешения Крестного отца. Кроме этого, «он обещал произвести полную проверку, пересмотр старых договоров и порвать с преследующими определенные интересы группировками. Было ясно, что этот месседж был адресован Лайошу Шимичке и означал: здесь уже командуешь не ты»^[47]. После выхода конфликта на поверхность, в феврале 2015 г., был снят с должности еще одно подставное лицо Шимички, руководитель Венгерского агентства по управлению национальным имуществом (MNV). О важности этого решения свидетельствует то, что в это время MNV, а при его посредничестве государство имело мажоритарную долю собственности в 255 фирмах и миноритарную долю собственности примерно в 160 предприятиях. «“Попытка отобрать его людей задела Лайоша в тысячу раз сильнее, чем, скажем, потеря миллиардного бизнеса. Он создал свою сеть, ему принадлежал каждый угол. А теперь его людей даже не устранили, а просто сказали им, что с завтрашнего дня они будут работать на другого. Потеря сети нанесла бы ему настоящий ущерб. Восстановить ее он уже не сможет”». Этим сравнением из области

наркоторговли один из участников начавшейся борьбы выразил величину стоящих на кону ставок»^[48].

Подставному лицу Лайоша Шимички, министру национального развития Жужанне Немет Ласлоне, пришлось уйти с поста даже несмотря на то, что, по воспоминаниям американского посла о разговоре с министром, «она еженедельно просматривала с Орбаном список проектов государственных строек, и они вместе решали, какие из них должны пользоваться приоритетом и какие конкурсные заявки должны победить»^[49].

Это уже борьба внутри мафиозного государства, причем борьба с крупной ставкой, а не из-за одного, отдельного бизнеса. После смены правительства в 2014 г. Крестный отец сначала вытеснил связанных с Шимичкой подставных лиц из государственного аппарата и установил контроль над потенциальными доходами не только других олигархов и фаворитов, но и самого главного олигарха. Следующим сигналом было то, что введение резко прогрессивного налога на рекламу, нацеленного прежде всего на шантаж телеканала RTL Klub, не сопровождалось государственной компенсацией поддерживавшим «Фидес» СМИ, которые большей частью находились в собственности Шимички. Больше того, в начале 2015 г. Крестный отец объявил органам прессы политической семьи, процветание которых до тех пор обеспечивалось эксклюзивным размещением в них государственной рекламы, что теперь они должны сами встать на ноги, а государственные средства будут переданы государственным СМИ, которые к тому времени были превращены в рупор правящей партии. Позже было объявлено об отмене дискриминативно прогрессивного характера налога на рекламу, причиной которой были ответные шаги канала RTL Klub, начавшего транслировать критикующие правительство информационные программы, визит Ангелы Меркель в Венгрию и предсказуемое поражение в случае обращения в Европейский суд. Однако это изменение наносило серьезный материальный ущерб медиаимперии Шимички. Но событием, без сомнения соответствующим нравам мафии, была коллективная отставка руководителей принадлежавших Шимичке медиакомпаний, после чего все они перешли на работу в государственные СМИ, контролируемые Крестным отцом.

Последовавшие за этим события можно назвать *мафиозной войной внутри организованного криминального «надполя»*, поскольку они публично выходят за рамки правил подчинения и лояльности, действующих в политической семье. Поначалу «*в войне между Орбаном и Шимичкой*» на экономические удары олигарха по правилам поединка семи-контакт олигарх отвечал такими же политическими ударами, публикуя критикующие правительство статьи в печатных органах своей медиаимперии. В действительности Шимичка должен был понимать, что его понижение окончательно, хотя степень этого понижения могла еще стать предметом торгов. Как должен был понимать и то, что если по мере эскалации конфликта обе стороны пустят в ход весь свой военный арсенал, то понесут тяжелые потери. А Шимичка, будучи олигархом, выступившим против олигарха, может вообще потерять все. Уже само оскорбленное сопротивление в противовес

покорному примирению с новой ситуацией он мог позволить себе только как бывший сосед по комнате в общежитии и «соратник номер один».

«Умыкание» его собственных людей из его собственной компании, иначе говоря, «похищение» Крестным отцом людей своего заместителя, высших руководителей его медиаимперии с помощью предложения, от которого нельзя отказаться, давало понять, что компромиссное решение невозможно, возможно только полное подчинение. Крайне грубый публичный выпад Шимички с критикой нравственного облика Крестного отца^[50] в действительности был символическим заявлением, что он не собирается менять роль равноправного на роль подчиненного. С этого времени война внутри мафиозного государства идет уже не за кулисами, и противники наносят друг другу удары почти по правилам поединка фулл-контакт. Урегулирование конфликта путем соглашения невозможно. Шимичка покинул политическую семью. Поэтому его вассалы в полном отчаянии, ведь до сих пор, служа ему, они с полным правом думали, что одновременно служат и Крестному отцу, а теперь им пришлось столкнуться с ситуацией, в которой они непременно станут мишенью для какой-либо из сторон.

Признаком безвозвратного ухода, исключения из семьи было и то, что за три первых месяца 2015 г. компания Шимички Kőzger проиграла семь инвестиционных тендеров общей суммой 11 млрд форинтов^[51]. Парадоксальным образом это задним числом подтверждает, что государственные тендеры манипулируются с помощью «ручного управления»: ведь если бы в прошлом компании Шимички выигрывали один за другим государственные и евросоюзные тендеры не благодаря своему месту в приемной политической семье, то эта серия не прервалась бы и теперь. А между тем она прервалась, более того, правительство со ссылкой на картельный сговор приостановило ранее выигранный тендер и уже начатое строительство автодороги, хотя прежде сами его представители убеждали общественное мнение в том, что явно завышенная цена строительства километра дороги в 4 млрд форинтов (почти 13 млн евро) является реальным и обоснованным предложением со стороны инвесторов. Однако «если, например, правительство вдруг аннулирует договоры со строителями, то можно с уверенностью предполагать, что за этим последуют судебные процессы, и сейчас еще рано загадывать, какая сторона выиграет от этого. Легко может случиться, что правительство опять победит, что, конечно, может обойтись в несколько десятков миллиардов форинтов компенсации, к тому же автодорога М4 так и не будет построена»^[52]. Новая тактика Шимички заключается в том, что на государственных тендерах, как правило осуществляющихся на средства Евросоюза, он последовательно предлагает более низкую цену, чем любимые олигархи Крестного отца. Это создает все более неприятные ситуации, так как приходится аннулировать его конкурсные заявки и исключать из тендера под самыми разными лживыми предлогами, например со ссылкой на то, что данный проект был бы реализован по слишком низкой цене. В поисках более стабильного решения политическая семья летом 2015 г. исключила компанию

Шимички из тендера на строительство дороги на сумму приблизительно 7 млрд форинтов уже за «представление фальсифицированных данных»^[53]. Это обвинение серьезно потому, что на этом основании крупная компания Шимички Kőzger может быть разом исключена из всех венгерских государственных тендеров на срок до трех лет.

Свежей новостью является и то, что государственные земли, которые до сих пор без всяких тендеров арендовались связанными с Лайошем Шимичкой компаниями по ежегодно продлеваемым договорам, в этом году будут уже сданы в аренду Организацией по управлению национальным земельным фондом (NFA) по итогам «тендера», вследствие чего компании Шимички, видимо, лишатся ежегодно предоставляемых земельных дотаций общей суммой приблизительно 100 млн форинтов^[54]. Более того, его хотят вытеснить и с арендуемых им у государства земель площадью в несколько тысяч гектаров, объявив тендер на передачу этих земель в частную собственность.

Но этот конфликт не оставит незатронутой и медиаимперию Шимички. Его некогда союзные медиакомпании не только лишатся государственной рекламы, но и производимые ими программы, поставляемые гостелевидению, действовавшему в качестве управляемого насоса для выкачивания денег, будут или сняты с эфира, или переданы другому производителю. А это уже будет означать убытки миллиардных масштабов^[55]. В качестве ответной меры компании Шимички прекратили материальную поддержку Футбольной академии имени Ференца Пушкаша в Фелчуте^[56]. Выход из числа спонсоров хобби Крестного отца одновременно означает и выход из приемной политической семьи. Принадлежность к семье демонстрируется с помощью символов, можно сказать, иконографически, примером чему может служить список спонсоров, размещенный на сайте Футбольной академии. В этом заключается одна из отличительных черт мафиозного государства по сравнению с другими видами автократии.

Итак, война идет на многих полях сражений, во всех прежних точках соприкосновения. Таким образом, карта карательных мер задним числом обрисует и круг нелегитимных льгот. В случае независимого правосудия это могло бы считаться своеобразным саморазоблачением политической семьи.

Наверное, даже не нужно упоминать о том, что война между Орбаном и Шимичкой внутри политической семьи сильно отличается от таких столкновений и расправ внутри властных элит различных автократий и диктатур, какими были, например, гитлеровская «ночь длинных ножей» или сталинский Большой террор.

5.2.3. Подставное лицо

Подставное лицо не имеет реальной власти, его формальная позиция, правовой статус в политике или экономике служит для преодоления пропасти между легитимной и нелегитимной сферами. Рассматриваемый режим может считаться мафиозным государством, своего рода неоархаизмом, а не возрождением исторических прообразов, потому что в последних, будь то вассалитет или различные варианты диктатуры, социологическая природа и легитимация власти совпадали, и позиция подставного лица не была нужна ни в какой форме. Члены общества входили в различные субординационные системы, и не было медиаторов, которые должны были бы посредничать между действительными носителями политического и экономического влияния и формальными акторами этих сфер, иначе говоря, покрывать разницу между реальной и юридически декларированной общественной позицией обладателей этих ролей.

Вследствие появления неограниченной власти, позволяющей свободно изменять конституцию и производить назначения, происходит наполнение институтов либеральной демократии подставными лицами. Речь идет не просто о том, что обладающая властью политическая сила заполняет своими сторонниками ключевые позиции как в исполнительной власти, так и в контролирующих и ограничивающих ее учреждениях (позиции президента республики и омбудсмана, важнейшие посты в Государственной счетной палате, Всевенгерском судебном ведомстве, Медиасовете, прокуратуре, налоговой службе, Венгерском национальном банке, Конституционном суде и т. д.), ведь сторонники ценностей той или иной политической партии могут действовать и автономно, в соответствии с этосом занимаемого ими поста. Но в данном случае речь идет не об этом. Столь же неверно было бы называть обладателей захваченных позиций солдатами партии, так как они проявляют лояльность не к партии, а непосредственно или косвенно к главе приемной политической семьи: он дает им поручения, перед ним они должны держать отчет. *По своей социологической функции подставные лица в области предпринимательства – управляющие, а в сфере политики – заместники.* Но их формальная, правовая легитимация предполагает иные функции.

● *Подставными лицами в политике* считаются те, кто не самостоятельно пользуется влиянием, обеспечиваемым позицией в административной власти, то есть чьи формальные полномочия противоречат реальному влиянию. Поначалу подставными лицами в политике были сделаны соратники по партии первого поколения (они заняли посты лидера фракции, президента республики, председателя парламента), за этим последовало продвижение на такие посты сторонних специалистов и родственников (Генеральная прокуратура, должность главы Всевенгерского судебного ведомства) и, наконец, на ключевые хозяйственные посты в исполнительной власти (в Министерстве национального развития, Министерстве внутренних дел, Агентстве национального развития) были поставлены предприниматели приемной политической семьи, а также бухгалтеры, менеджеры и юристы семейных предприятий. В их случае омерта, закон молчания, распространяется даже на их публичные выступления: они очень редко делают публичные заявления, и ни общественное мнение, ни оппозиционные политики не рассматривают их как самостоятельных, отвечающих за свои действия политических акторов. В мафиозном государстве большинство функционеров публичной власти практически являются политическими подставными лицами различного уровня.

За ротацией подставных лиц в области политики могут скрываться различные причины. На первый взгляд замена одних фидесистов другими кажется непонятной. В период складывания мафиозного государства истинным мотивом этого явления может быть замена фидесистов или клиентов других руководителей «Фидес» на личных вассалов главы политической семьи. Иную функцию имели состоявшееся после смены правительства в 2014 г. удаление с поста главы Венгерского банка развития «главного подставного лица» дуэта Шимички – Нергеша Ласло Бараняи и уже упомянутая замена министра национального развития Жужанны Немет Ласлоне на неизвестного юриста Миклоша Шестака, оказывавшего помощь в основании в Венгрии нескольких сотен российских и украинских фирм, позже превратившихся в фантомы и оставивших после себя крупные долги государству. После его назначения в вертикали власти, связанной с ресурсами развития, было заменено более двухсот чиновников. Чистки таких масштабов беспрецедентны даже в случае смены правительств, образованных конкурирующими политическими силами. В данном случае мы являемся свидетелями бескровной расправы, бандитской войны внутри мафиозного государства, которая ведется средствами государственной власти^[57]. Одним из таких средств была диверсификация позиций в органах государственного экономического управления и контроля, а также назначение на многие такие позиции новых лиц, подчиненных непосредственно главе политической семьи, не защищенных от шантажа средствами публичной власти и не зависящих от приближенных олигархов. Другим таким средством стали угроза применения «дисциплинарных» экономических санкций (например, наложения задним числом налогов на доходы от дорожного строительства), их реальное применение (например, налог на рекламу) или имеющий предупредительный характер проигрыш в государственном тендере. Определяя «шаловливым» членам семьи лишь мягкие наказания, Крестный отец преследует своих внесемейных конкурентов с помощью средств государственной власти

(налоговой службы, прокуратуры, службы безопасности, полиции). Своих людей он в случае необходимости оттесняет на задний план и изолирует, но не объявляет вне закона, в то же время криминализируя своих конкурентов.

Подставные лица в экономике – это, как правило, люди, замещающие олигархов в экономике, особенно в той ее части, которая зависит от государства. Но подставные лица в сфере экономики могут быть и у олигархов, которые не желают выставлять напоказ весь круг своей деловой активности, основанной на политических связях. Охватываемый ими сектор экономики – наиболее динамично развивающийся сегмент венгерского бизнеса, поскольку успех в нем определяется не нейтральной экономической конкуренцией, а монополизированной политической средой. Подставных лиц в области экономики нельзя даже случайно спутать с олигархами: достаточно беглого взгляда, чтобы заметить угодливость их жестов, которая выдает в них ненастоящих собственников формально принадлежащего им имущества.

Подставными лицами олигархов в сфере экономики могут быть как мелкие предприниматели, так и адаптированные или приближенные олигархи.

Если говорить о непосредственном окружении главы политической семьи, то примером первого варианта может служить Лёринц Месарош, любимый слесарь-газовщик Виктора Орбана, вскарабкавшийся на самый верх социальной лестницы. «Этот житель поселка Фелчут, считающийся доверенным лицом Виктора Орбана, за четыре года пробился в число богатейших венгров благодаря заказам на строительство канализации и дорог и победам в государственных тендерах на аренду земли и табачных киосков»^[58]. После смены правительства в 2010 г. его состояние выросло почти в сто раз и оценивалось примерно в 7,7 млрд форинтов (24 млн евро), благодаря чему он стал 85-м номером в списке богатейших венгров. Недавно он «забыл» указать в своей имущественной декларации около 1 млрд форинтов (3 млн евро) дивидендов. «В том, чего он добился, “сыграли роль милостивый Бог, счастье и Виктор Орбан”, – считает Месарош»^[59]. В 2015 г. журнал Forbes поставил его уже на 30-е место в списке самых богатых венгров, оценивая его состояние примерно в 24 млрд форинтов (78 млн евро)^[60]. Его предприятия охватывают практически все поле экономической деятельности от сельского хозяйства до строительства, от производства минеральной воды до консервных заводов, от электрической и воздухоочистительной аппаратуры до авторемонтных мастерских, от гостиничных услуг до гольф-клуба^[61]. Он – «глава муниципалитета Фелчута и в то же время президент действующей там Футбольной академии им. Ференца Пушкаша... За последние несколько лет он создал настоящую мини-империю в районе Фелчута, Алчутдобоза и Бичке»^[62]. Размеры арендуемых им земель, которые были выиграны им в государственных тендерах, предназначенных для обогащения членов политической семьи, и которые позже могут перейти в его собственность на льготных условиях, превысили тысячу гектаров. Так ему удалось получить и земли, которые ранее арендовались фелчутским овцеводом Андрашем Варади. Варади, активно выступивший против земельных махинаций и в качестве конкурента Месароша выставивший свою кандидатуру на пост бургомистра на осенних муниципальных выборах 2014 г., за несколько дней до выборов погиб в результате несчастного случая при до сих пор не выясненных

обстоятельствах. Будучи одновременно бургомистром Фелчута, землевладельцем, председателем Фелчутского фонда за воспитание молодых резервов, под эгидой которого действует Футбольная академия, а также предпринимателем, Лёринц Месарош является фелчутским наместником и управляющим, то есть подставным лицом главы политической семьи. В его случае речь идет не о том, что каким-то образом разбогатевший олигарх установил доверительные отношения с полигархом, а о том, что полигарх поручил незначительному человеку управление частью своего нелегитимно добытого состояния.

Как ни странно, роль подставного лица могут играть не только отдельные люди, но и учреждения. Основателем Фелчутского фонда за воспитание молодых резервов является Виктор Орбан, и в этом качестве он назначает кураторий этого некоммерческого фонда. Таким образом, в социологическом смысле он контролирует его решения. Между тем можно беспрепятственно направлять потоки государственных денег в этот фонд, который в действительности служит не общественным целям, а финансированию хобби главы политической семьи. Вот один из лучших примеров этого: посредством изменения налоговых законов предприятиям была обеспечена возможность обращать часть своего налога на прибыль на поддержку зрелищных видов спорта, в том числе и футбола. В 2010–2013 гг. футбольная команда поселка Фелчут, в котором проживает 1800 человек, получила из этого источника 6,8 млрд форинтов (около 22 млн евро), то есть в 4,5 раза больше, чем клуб, получивший вторую по величине дотацию. Отчасти на эти средства был построен и стадион, вмещающий 3500 зрителей^[63].

Фелчут и его окрестности являются для Крестного отца и символическим местом: здесь находятся его дом, имение и село. Источник образцов его власти – патриархальная семья в широком смысле слова, которой он и управляет в качестве ее главы. Однако его легитимность не распространяется на эту форму власти. Даже в Фелчуте. Это его мир, который, однако, лишь отчасти может быть записан на его имя. Этот зазор и прикрывают в качестве подставных лиц Лёринц Месарош и другие местные предприниматели. И хотя формально Месарош является и главой муниципалитета, и землевладельцем, и крупным предпринимателем, всем, в том числе и ему самому, известно, что он – всего лишь слуга. ***Помимо прочего, именно институт подставных лиц отличает классическую мафию и мафиозное государство от тех режимов, в которых природа и легитимация власти совпадают.***

Для оттеснения на задний план главного олигарха Лайоша Шимички было необходимо и выроставшее рядом с компанией Kőzger, а точнее в противовес ей ЗАО Duna Aszfalt, «первым большим успехом которого был полученный в 2012 г. заказ на строительство пролегающего между Мако и румынской границей отрезка автострады M43, который ЗАО увело как раз из-под носа компании Kőzger. С тех пор показатели фирмы стали еще более впечатляющими. К 2013 г. ЗАО Duna Aszfalt зарегистрировала совокупный доход на сумму в 54,3 млрд форинтов, что кажется просто невероятным по сравнению с результатом в 18,2 млрд форинтов, достигнутым в 2010 г. Его балансовая прибыль выросла в еще большей степени, составив в 2013 г. 2,32 млрд форинтов по сравнению с 424 млн в 2010 г. А сумма выплаченных дивидендов взлетела, как выстреленная

из катапульты, увеличившись с 40 млн до 2 млрд форинтов»^[64]. После того как война между Орбаном и Шимичкой вступила в открытую стадию, ЗАО Duna Aszfalt при посредничестве практически не имеющего доходов, «спящего» предприятия ЗАО Kőrösaszfalt вступило во владение некогда крупной, но с 2010 г. получавшей все меньше государственных заказов компанией, занимающейся высотным строительством, ЗАО Magyar Építő. Эта деловая операция хорошо характеризует технику экономической экспансии политической семьи. С одной стороны, нужно дать понять собственникам фирмы, располагающей опытом, профессионализмом и мощностями, что при данном составе собственников они не получат в будущем государственных заказов, а с другой стороны, нужно сделать фирму собственностью политической семьи по цене, сниженной вследствие столь нерадужных перспектив. Генеральным директором покупателя, ЗАО Kőrösaszfalt, является не кто иной, как будущий зять Лёринца Месароша, фелчутского подставного лица Орбана. В то же время бывший собственник ЗАО Magyar Építő нашел нужным заявить в связи с продажей фирмы, что доволен ценой продажи и что «его уход не был вынужденным», но все же добавил, что «при продаже фирмы считал наиболее важным, чтобы все 108 ее сотрудников сохранили рабочее место и при новых собственниках»^[65]. Это, конечно, показательно в том смысле, что, какой бы результативной ни была деятельность фирмы, для успеха на рынке государственных заказов требуется и удовлетворяющий политическую семью состав собственников. Цена купли-продажи фирмы предположительно была понижена тем немаловажным обстоятельством, что рынок государственных заказов контролируется политической семьей. Таким образом, стоимость исключенной из потенциального бизнеса фирмы со временем упала бы еще ниже.

По мере удаления от естественного жизненного пространства, от семейного имени (будь то Фелчут, виноградники в Токае и т. д.) круг подставных лиц политической семьи становится все менее заметным. Однако неожиданное возвышение новых олигархов указывает на то, что одновременно они отчасти являются и новыми подставными лицами главы политической семьи. Среди них выделяется Иштван Гаранчи, который – нечего и говорить – занимает пост президента футбольной команды «Видеотон» из Секешфехервара, является собственником сберегательного кооператива «Дунай», единственного сберегательного кооператива, сумевшего избежать принудительного огосударствления, который «имел возможность купить» мажоритарную собственность в получившем огромные государственные заказы ЗАО Market Építő, является совладельцем офшорной фирмы, заработавшей 55 млрд на газовой сделке с Венгерским предприятием по снабжению электроэнергией^[66], и, наконец, будайскую квартиру которого «снимает» сын Орбана^[67]. Другим примером двойственной модели «возвышающийся олигарх – подставное лицо» (two in one) в подчинении у Крестного отца может служить Энди Вайна, американский кинопродюсер венгерского происхождения, который получил большую часть концессий на организацию и проведение азартных игр в казино^[68].

Существование подставных лиц, необходимое для мафиозного государства, поднимает проблему легализации, отмывания поступающих к ним доходов

полигархов. Это крайне кропотливая задача, требующая значительных «дополнительных» затрат. Один из способов перенаправления доходов от приносящих высокие прибыли предприятий подставных лиц и подчиненных олигархов к неофициальным собственникам заключается в «выплатах» через офшорные фирмы, однако использование этих доходов полигархами все-таки сталкивается с трудностями. В этих целях организованным криминальным «надпольем» была изобретена мера, превращающая иногда обоснованную, но применяемую эпизодически и на короткие сроки налоговую амнистию в *устойчивую систему отмывания денег*. «Последняя, начатая в последние дни 2013 г. налоговая амнистия связана с введением Стабилизационного сберегательного счета, суть амнистии в том, что в банках, где можно открыть такой счет, необходимо разместить по крайней мере 5 млн форинтов в государственных бумагах, и налоговая служба не спросит, откуда у владельца счета эти деньги и заплатил ли он с них налог. При открытии счета деньги немедленно становятся легальными. (По закону в момент внесения денег сумма, ранее оказавшаяся за границей при неясных обстоятельствах или просто исчезнувшая из поля зрения налоговой службы, объявляется полученным в стране доходом и тем самым практически легализируется.) Согласно правилу (действовавшему в первой половине 2015 г.) лучше “припарковать” деньги на долгие годы, поскольку в первые годы в случае снятия денег со счета с помещенной суммы и прибыли от нее нужно будет заплатить относительно высокий налог: в течение первых трех лет вычитается двойная ставка налога на доходы физических лиц, 32 %, начиная с 4-го года – 16 %, с 5-го года – 8 %, а позже вся сумма может быть снята со счета без уплаты налога. Деньги могут быть внесены на счет только при его открытии, но верхнего лимита взноса нет, к тому же можно открыть сколько угодно счетов. Это и раньше было неплохим бизнесом, но теперь для тех, у кого имеются грязные деньги, наступает просто райская жизнь: по предложению Михая Варги (министра финансов) с сумм, помещенных на Стабилизационных сберегательных счетах после 1 июля 2015 г., нужно будет заплатить лишь 20-процентный налог, если “очищенные” деньги будут взяты из банка в течение одного года, но если подождать год, то налог будет уже 10-процентным. Это само по себе заманчиво, а тем более если подсчитать, насколько больше денег можно загрести таким способом по сравнению с внесением всех налоговых форинтов в общий котел»^[69]. К тому же деньги даже не должны покидать страну, они могут быть уплачены на территории страны наличными. По мнению некоторых экспертов, отмывание денег при поддержке государства в целом может усилить движение денег в обратном направлении, то есть может послужить не возвращению в Венгрию доходов сомнительного происхождения, «припаркованных» за границей, а вывозу и укрытию в надежном месте за границей доходов, начисто отмытых в Венгрии и затем освобожденных от налогов^[70].

5.2.3.1. Глава политической семьи и семейная VIP-ложа

Семейные VIP-ложи на футбольных стадионах наиболее выпукло демонстрируют реальные властные отношения в обществе, в этих ложах глава политической семьи в обстановке показного уюта болеет вместе со своими *полигархами, олигархами, подставными лицами, наместниками, исполнителями, приказчиками, управляющими и телохранителями* (или, пользуясь гражданскими наименованиями, принятыми в правовом государстве: с министром, бургомистром, генеральным прокурором, председателем Государственной счетной палаты, президентом банка, руководителями общественных организаций, предпринимателями и т. д.) – короче, со своими домочадцами. Семейно-национальное единство и гармония VIP-ложи не может быть нарушена «чуждым нации» буржуазным либеральным принципом разделения властей или несовместимости.

Культурные образцы, которым следует глава политической семьи, характерные черты его власти сильно отличаются от образцов других, например фашистских или коммунистических, автократов и диктаторов. Он демонстрирует свою власть не на парадах и партийных съездах. Манифестация его власти несет на себе черты отношений в патриархальной семье. Расположив главу приемной политической семьи мафиозного государства в историческом и логическом ряду, мы обнаружим его в одном ряду с главой архаичной патриархальной семьи, римским домовладельцем (*pater familias*) и мафиозным крестным отцом. Общее содержание этих ролей может быть лучше всего выражено ролью отца римского семейства (*pater familias*). «Римская семья как община, поначалу подчиненная неограниченной власти отца семейства (т. н. домашняя община), располагала значительной автономией по отношению к государству. Действие публичного права (*ius publicum*), а также власть магистратов в определенном смысле оканчивались на границе частных земельных владений, на пороге частных домов, далее уже начиналось действие норм частного права (*ius privatum*), которые обеспечивали главе семейства абсолютную власть»^[71]. Эта власть распространялась на все сферы жизни, на людей, имущество и деятельность семьи. Сущностью семьи считалась совокупность лиц, подчинявшихся власти одного и того же главы семейства^[72], в семью входили отец, его жена, кровные и приемные дети, другие живущие с ними родственники, а также обладавшие различным статусом зависимые люди и слуги. «Этимология венгерского слова “семья” (*család*) восходит к имеющему старославянское происхождение слову “*cseléd*” (прислуга), в соответствии с этим семья первоначально означала домочадцев, прежде всего домашних слуг. Бледным, но до сих пор заметным следом этого в нашем языке является то, что иногда “семьей” называют детей»^[73]. В исторической перспективе можно наблюдать процесс постепенной эмансипации лиц различного статуса, принадлежащих к домочадцам патриархального отца семейства и подчиненных ему, то есть их освобождения от неограниченной личной и имущественной

зависимости. За долгие века этого процесса мы, например, только в наши дни пришли к запрету семейного насилия. В свою очередь, в классической мафии глава патриархальной семьи нелегитимным и насильственным образом распространяет свою власть над людьми, имуществом и деятельностью семьи на юридически совершенно независимых от него граждан и их семьи. Принадлежность к приемной мафиозной семье является для затронутых лиц одновременно милостью и принуждением. В мафиозном государстве глава политической семьи пытается распространить эту модель власти на всю нацию, пользуясь при этом государственной монополией на применение насилия.

Подобно тому как семья, дом, имя и страна являются в глазах главы политической семьи образованиями одинаковой конфигурации, одинаковыми по характеру должны быть и члены этих социальных образований. Дети кривляются или распущены, женщины «всхлипывают» во время свадьбы, а оппозиционеры постоянно «впадают в истерику» – среди них нет мужественных личностей, им требуется сильная рука. Для главы политической семьи управление страной тождественно управлению патриархальной семьей. Ее члены не имеют прав, а лишь следуют предписанным главой семейства образцам поведения. На смену отстраненным, формализованным, безличным институциональным отношениям либеральной демократии приходят персонифицированные, благодушные, но не терпящие противоречия формы власти, руководства. В стране, руководство которой осуществляется на основании разделения труда, характерного для патриархальной семьи, роли, похожие по своей семейной функции, по воле случая отдаются лицам, позиции которых имеют разную легитимацию. Это показывает реальный принцип распределения ролей и связанных с ними полномочий, которым по возможности придается форма, характерная для правового государства.

Глава политической семьи совершенно естественно следует культурным моделям главы патриархального семейства: в среде его домочадцев господствует иерархия, понятная и без формализации ролей; даже обращение на «ты» оснащается уважительными формулами, выражающими отношения «господства-подчинения»: «Господин премьер-министр, будь любезен – ну что ты, Лёринц». Единение, не знающее классовых границ, выражается в свободном от налогов варении домашней палинки, в изготовлении колбасы дома, в распевании подобающих мужчинам непристойных песен в винных погребках во время фестивалей, в том, как Крестный отец лихо ведет вседорожник в метель, как бы говоря: «Вперед, ребята, понеслись!» И не в последнюю очередь это единение демонстрируется как бы смывающим социальные различия лузганьем семечек в рубашке с засученными рукавами и простой жилетке на футбольных стадионах. Но не следует обманываться этой атмосферой благодушия, нельзя злоупотреблять благосклонностью Крестного отца, потому что непокорным в качестве предупреждения полагается

«подзатыльник» или «шлепок», а тому, кто продолжает упорствовать, – остракизм или лишение имущества.

Живущие в имении домочадцы и *узкий круг семьи* являются атрибутом символической репрезентации домашнего характера власти точно так же, как и *имение* с домом, стадионом, землями и миниатюрной железной дорогой. Появляется и династический принцип, который, правда, не может развернуться в полную силу. Если старшая дочь Крестного отца выходит замуж, то ей причитается своего рода фелчутская «королевская свадьба» с протокольным выходом, свежезаасфальтированными дорогами и охраной из сотрудников Центра по борьбе с терроризмом. Если девушку интересует сфера общественного питания, то пусть она обучается в самой дорогой швейцарской частной школе, а для практики можно подыскать ей «собственный» кафе-ресторан: «Мы выяснили, кому принадлежит находящийся в центре города, на оккупированной туристами площади Эржебет, ресторан изысканной кухни. За какую нить мы ни потянули бы, в конце сложной сети фирм мы всегда обнаруживали Иштвана Тиборца, зятя Виктора Орбана», – пишет HVG, ведущий экономический еженедельник страны^[74]. А чтобы зять оказался достойным руки дочери, его обогащают массой государственных и евросоюзных проектов, полученных в результате побед в подозрительных тендерах (от внешнего светодиодного освещения зданий муниципалитетов, возглавляемых членами «Фидес», до яхтенного причала на озере Балатон), причем его куш постоянно растет благодаря угрозам и шантажу со стороны государства. В случае проектов освещения общественных зданий на сумму более 150 млн форинтов, несмотря на то что конкурсы были открытыми, заявки, за единственным исключением, поступили только от фирмы Elios (фирмы зятя Орбана). Таким образом, она выиграла конкурсы без конкурентов, предложив цены, которые обычно были всего на несколько десятков тысяч форинтов ниже цен, предварительно намеченных муниципалитетами. Причина этого скрывалась в составленных по индивидуальной мерке условиях конкурса, среди которых, например, были указания относительно «кода краски, которой должен быть покрыт корпус лампы, а иногда требование, чтобы плафоны были сделаны из гнutoго стекла»^[75]. Это приданое дочери Крестного отца^[76]. Хотя в новый закон о госзакупках, вступивший в силу с 1 ноября 2015 г., был случайно внесен запрет на участие высших государственных руководителей и их родственников в тендерах на госзакупки, эта «ошибка» была аврально исправлена парламентом уже через месяц: родственники государственных руководителей получили возможность участвовать в тендерах на госзакупки, если живут отдельно и имеют свое домашнее хозяйство^[77]. Молодой человек другой дочери Орбана проходит школу накопления и использования капитала связей в Брюсселе, в кабинете делегированного Венгрией еврокомиссара. Подобно тому, как раньше поступали дети аристократов при императорском дворе.

Каждый деспот имеет свое хобби. В Венгрии премьер-министр любит футбол, поэтому здесь вассалы наказываются тем, что для доказательства своей

лояльности они должны брать на себя и материально поддерживать футбольные клубы, а также с волнением смотреть крайне скучные матчи вместе с Крестным отцом. И их унижительные, жалкие мучения к тому же еще транслируются по телевидению...

Новое качество мафиозного государства иллюстрируется и историей строительства *двух новых футбольных стадионов*. Заветной мечтой Йозефа Штадлера, собственными силами ставшего миллиардером, было строительство своего стадиона в степи. Однако, поскольку он был всего лишь действовавшим в сфере экономики, не располагавшим политической властью налоговым мошенником, своего рода «степным олигархом», его поймали, посадили в тюрьму, и с тех пор его стадион пустует и потихоньку разваливается. В организованном криминальном «надполье» поступили иначе, общественная земля посредством тендера была передана подставному лицу, а государственная узкоколейная железная дорога, реконструированная в рамках государственного проекта особой важности, – Футбольной академии Крестного отца, которой, как уже было сказано выше, Государственное собрание особым законом обеспечило возможность получать свободные от налогов частные пожертвования. И свершилось чудо, везде вспыхнуло бескорыстное воодушевление: две трети денежных пожертвований фирм поступили в кассу поселковой команды Крестного отца, после чего эта команда начала пробиваться во все более высокие лиги чемпионата страны. Члены заново сложившегося сословия придворных поставщиков знают, что если они хотят получать государственные заказы и евросоюзные ресурсы, то подобные пожертвования принесут им выгоду. Крестный отец организованного криминального «надполья» строит около своего дома стадион таким образом, что присоединяет к собранным на его хобби деньгам за «крышевание» налоговые льготы. Быть может, благодаря этому потеря денег становится менее болезненной.

Хотя на первом месте идет футбол, в котором любимые олигархи и полигархи стали собственниками или руководителями футбольных клубов, члены приемной политической семьи все же берут в свои руки и управление большинством других видов спорта, а тем самым и распоряжение государственными дотациями: «Ежегодно из налогов на доходы компаний зрелищным видам спорта (футболу, гандболу, водному поло, баскетболу, хоккею) перечисляется более 50 млрд форинтов, а кроме этого, до 2020 г. на развитие еще 16 видов спорта будет затрачено всего 135 млрд форинтов»^[78].

5.2.3.2. Бизнес близких к власти олигархов, полигархов и их подставных лиц

Их предприятия как будто не подчиняются законам экономической науки. Если попробовать отличить их от предприятий, не пользующихся милостями политиков, то можно выделить следующие отличительные черты:

- Они необыкновенно быстро развиваются и становятся «чемпионами страны» даже несмотря на то, что были основаны непосредственно перед объявлением или даже после объявления первого выигранного тендера. Даже не имея профессионального портфолио и капиталов, они способны мгновенно выигрывать огромные государственные заказы и в случае необходимости получать ссуды, причем, как правило, на очень льготных условиях и без обеспечения.

- Расширение или сужение их деятельности происходит в соответствии не с экономическими, а с политическими циклами. Среди выигранных ими тендеров велика доля таких, в которых конкуренты, сделавшие наиболее благоприятную заявку, были исключены из конкурса административными методами или в которых они были единственными участниками. Согласно антикоррупционному отчету ЕС, «велика доля государственных конкурсов, на которые подается заявка только от одного участника: в 2010 г. – 54,3 %, а в 2011 г. – 49,01 %. Эти показатели были еще выше в случае тендеров с использованием переговорной процедуры (в среднем 61 %)»^[79]. Фирмы, не имеющие политического «попутного ветра», относительно быстро набрались опыта и уже не принимали участия в тендерах, требовавших значительных материальных и интеллектуальных затрат, но безнадежных для них.

- В качестве победителей в государственных тендерах и обладателей госзаказов они являются главным образом координаторами по сбору ренты, а не технологическими координаторами. В качестве координаторов по сбору ренты они функционируют, как правило, в роли ворот, открывающих доступ к государственным заказам, и вступают в сотрудничество с такими крупными подрядчиками или консорционными партнерами, которые при корректных правилах конкуренции могли бы и самостоятельно выполнить определенную в данном государственном тендере задачу. Обычно координатор по сбору ренты создает более многоступенчатую лестницу подрядчиков, чем это необходимо для технологической координации данного проекта. Незащищенность тех, кто находится у основания пирамиды подряда, видна из того, что они выполняют вспомогательную работу буквально как безответные рабы, почти без прибыли. Уклонение от оплаты работы подрядчиков не влечет за собой лишения дальнейших государственных заказов.

- Доля прибыли за вычетом налогов в общей сумме доходов значительно превышает аналогичный показатель на предприятиях, ведущих похожую деятельность, но не имеющих политической поддержки. Эта диспропорция указывает на нацеленность предприятия на откачивание общественных денег и сбор ренты.

- Доля дивидендов, выплачиваемых из оставшейся после уплаты налогов прибыли, намного превосходит показатель, наблюдающийся в случае не пользующихся политической поддержкой, открытых действию рыночных законов предприятий. На предприятиях, особенно начинающих и развивающихся, которые участвуют в честной конкурентной борьбе, большую часть прибыли, а то и всю прибыль снова вкладывают в предприятие, поскольку этого требуют как необходимость капиталовложений для расширения деятельности, так и возможность рыночных колебаний. Однако в случае

предприятий олигархов и подставных лиц капиталовложения, необходимые для развития средств производства, в решающей степени переключаются на партнеров по вынужденному консорциуму и на подрядчиков. А риск, связанный с возможными колебаниями рынка, аннулируется стабильными политически управляемыми заказами. Косвенно эти два фактора тоже указывают на то, что выигрывающие тендеры предприниматели занимаются главным образом сбором ренты и могут быть безубыточно ликвидированы в случае изменения расстановки политических сил.

- Если подставное лицо в сфере экономики одновременно попадает и на роль подставного лица в политике и, занимая такую позицию, должно подать публичную имущественную декларацию, то очевидной становится и пропасть между размером дивидендов, полученных им от предприятий, и его материальным положением, отраженным в имущественной декларации. Это противоречие объясняется тем, что задекларированное имущество подставного лица в действительности лишь комиссионные, транзакционные издержки, а отсутствующая сумма «приземлилась» где-то у патрона. (В этом отношении стоило бы изучить противоречия, связанные с материальным положением ставшего за несколько лет миллиардером Лёринца Месароша, главы родного поселка главы политической семьи, премьер-министра.)

- В то время как немалая часть успешных предприятий, не связанных с приемной политической семьей, подвергается попыткам присвоения, осуществляемым иногда с помощью насильственных действий, государственных средств, с фирмами приближенных олигархов и подставных лиц этого никогда не происходит. И хотя в случае приближенных или прирученных олигархов это понятно, обязательно нужно разобраться, почему пользуются защитой слабые на первый взгляд собственники. Главной характеристикой принадлежащих олигархам и приближенным олигархам фирм, управляемых подставными лицами, является кажущаяся пропасть между слабой политической, властной позицией юридических собственников этих фирм и их неприкосновенностью.

5.2.4. Брокер-коррупционер^[80]

Брокеры-коррупционеры в качестве медиаторов сводят друг с другом участников коррупционной сделки или в качестве специалистов по праву легитимируют нелегитимный бизнес. За два десятилетия после смены режима их деятельность и положение претерпели большие изменения. В условиях социалистической экономики дефицита «рыночный заказчик» и «поставщик коррупционных услуг», как правило, еще непосредственно вступали в контакт друг с другом практически во всех сферах жизни. Позже, после ликвидации экономики дефицита, исчезла рыночная основа этих массовых контактов, и в то же время сложились более сложные, требующие более глубоких профессиональных знаний формы крупных коррупционных сделок. Это создало основу для спроса на посреднические услуги, которые, помимо использования капитала связей, распространяются на составление конкурсных заявок, сферу юридической деятельности и разработку проектов правового регулирования.

В сумбурной ситуации, наступившей после смены режима, брокеры-коррупционеры еще могли одновременно обслуживать клиентов с различными политическими симпатиями. Позже, со стабилизацией партийной структуры, они в качестве наемников поступали на постоянную службу к тем или иным политическим акторам, которые выстраивали и использовали собственные сети брокеров-коррупционеров. В условиях смены коррупционных режимов смешение кадров различных сетей встречалось уже редко. Но это не исключало таких ситуаций, когда они вступали в переговоры друг с другом в соответствии с соглашениями между различными политическими акторами. Монополизировав политическую власть, мафиозное государство поставило своих брокеров-коррупционеров под строгий контроль политической семьи, причем некоторые из них используются в политике в роли подставных лиц.

В то же время, стремясь уничтожить материальную базу своих политических и экономических конкурентов, мафиозное государство, естественно, выводит из игры и их сеть брокеров-коррупционеров. Вследствие властной монополии мафиозного государства изменяются и внутренние пропорции сфер деятельности связанных с ним брокеров-коррупционеров: после системной легализации коррупционных каналов приемной политической семьи на передний план выдвинулось проектирование нормативных актов, а значительную часть услуг по составлению тендеров государство, уже оставшееся без контроля, так сказать, «берет на себя». По мере того как законотворчество в мафиозном государстве переставало быть средством создания относящихся ко всем правовым норм, а законы, произвольно скроенные по мерке определенных лиц и предприятий, стали подрывать нормативные отношения равноправия, начали отходить на задний план и прозрачные, легитимные органы разработки законопроектов (министерства, административные органы и легитимные околоправительственные учреждения), а нормотворческая деятельность перешла к частным, не контролируемым средствами публичной власти юридическим фирмам приемной политической семьи и иным, как правило недавно созданным «профильным» учреждениям. Тем временем «Государственное собрание отменило обязательное обнародование финансовых отчетов юридических фирм, хотя указ об обнародовании был принят только что, и впервые отчеты о доходах нужно было опубликовать 1 июня 2015 г. По мнению политиков «Фидес», отмена этого указа последовала благодаря успешному лоббированию со стороны ассоциаций юристов. Однако руководство всевенгерской и будапештской ассоциации утверждает, что они не инициировали ничего подобного, больше того, были бы рады обнародованию сведений о том, кто получает крупные государственные заказы»^[81].

Два типа брокеров-коррупционеров низшего уровня или рутинных брокеров-коррупционеров^[82] имеют большое значение и в то же время претерпевают своеобразные видоизменения в условиях мафиозного государства.

Один из них – *учрежденческий куратор («gate keeper»)*, который обеспечивает институциональную поддержку и защиту нелегитимной сделки в государственном/административном органе. Поначалу он был чиновником «веберовской» бюрократии, эпизодически уступавшим соблазну коррупционных заказов. Однако с возникновением мафиозного государства «сверху» поступают уже не только заказы на назначение официальных лиц, но и заказы на ведение коррупционной брокерской деятельности. Появление *подставного лица в сфере политики* указывает на то, что трансформация общественного интереса в частный превращается из эпизодического отклонения от нормы в явление системного уровня.

К другому типу относятся *репрезентативные брокеры («representative broker»)*, которые, выступая в роли заместителей полигархов, могут в условиях мафиозного государства «выступать собственниками» даже крупных предприятий. По размерам своей собственности, предприятия они могли бы быть олигархами, но они не олигархи, а *подставные лица в сфере экономики*. Конечно, часто бывает и так, что в роли олигарха и подставного лица выступает один и тот же человек.

5.2.5. Семейные телохранители и секретная служба

Спектр *семейных телохранителей* очень широк, начиная от Центра по борьбе с терроризмом (ЦБТ), воссозданного после смены правительства в 2010 г., и служб охраны семейного имущества (которые могут перекрывать общественные дороги как частные), вплоть до печально знаменитых радикальных фанатов самого популярного венгерского футбольного клуба «Ференцварош», так называемой фан-трибуны «В». Последние, если потребуется, могут осадить и поджечь здание Венгерского телевидения (2006) или защитить от протестующих студентов резиденцию партии «Фидес» (2013). А если нужно, они могут быть мобилизованы, чтобы помешать проведению собрания в университете, посвященного критике правительства. Некоторые низшие уровни этой многоступенчатой, мультифункциональной «службы безопасности» до самого конца остаются в распоряжении частных лиц. Буквально поражает совмещение различных ролей в руках некоторых лиц: директор партии «Фидес» Габор Кубатов, хранящий у себя списки людей, которые могут быть мобилизованы на выборы, будучи одновременно президентом спортклуба «Ференцварош», является куратором фанатов, устраивающих беспорядки в удобных политической семье случаях. Если оппозиционные политики постоянно подвергаются нападкам со стороны проправительственных хулиганов при бездействии полиции, то глава политической семьи строго охраняется службой безопасности.

Глава *Центра по борьбе с терроризмом (ЦБТ)* Янош Хайду, личный телохранитель Виктора Орбана, произведенный из майоров сразу в бригадные генералы, имеет практически неограниченные полномочия в этой области как в отношении полиции, так и в отношении секретной службы. Хотя министр внутренних дел, который во время пребывания «Фидес» в оппозиции был

крупным предпринимателем в области охранных услуг, а после прихода партии к власти стал подставным лицом в политике, формально осуществляет надзор за деятельностью Яноша Хайду, нет сомнений в том, что последний напрямую связан с Крестным отцом. Силовые структуры государства не только реально не контролируются оппозицией, но даже и проправительственный институциональный контроль подменяется личными связями, патронажно-клиентарными отношениями. Таким образом, в случае возможной смены правительства функции личной охраны и секретной службы могут быть снова возвращены в частный бизнес.

Личная охрана президента республики, премьер-министра и председателя парламента ранее обеспечивалась Республиканским караульным полком. Теперь эти функции взял на себя ЦБТ. Ласло Кёвер был первым из старых членов «Фидес», занимающих ведущие государственные посты, кто освободился от «личной охраны», информировавшей Орбана о каждом его шаге, и создал Охрану Государственного собрания, которой и поручил заботу о своей личной безопасности. Затем и президент республики Янош Адер сделал попытку освободиться от следившего за каждым его шагом ока Крестного отца путем создания особой гвардии президента республики. И хотя эта попытка не удалась, он все же добился того, что ЦБТ передал его личную охрану и «наблюдение» за ним Полиции быстрого реагирования.

Подобно тому как после прихода главы политической семьи к власти его *личная охрана* получила государственную организационную форму, став Центром по борьбе с терроризмом, существует и связь между личной и официальной секретной службой. Своеобразие мафиозного государства, однако, в том, что посредниками в этой связи являются не партийные кадры, а доверенные лица главы политической семьи.

Благодаря *секретным службам* культура шантажа практически сохранилась в неприкосновенности и после смены режима в 1989–1990 гг. До смены режима часть старой коммунистической и новой политической элиты вступали в контакт как заказчик и доносчик. Некоторые, в том числе и «Фидес», находили выгоды в сохранении прежних информаторов, аппаратов и сетей. Среди бывших социалистических стран, вступивших в Евросоюз, союз сил, заинтересованных в предотвращении полного обнародования документов бывшей секретной службы, оказался наиболее сильным именно в Венгрии. Исключение составляли только вышедшие главным образом из рядов бывшей демократической оппозиции руководители либерального Союза свободных демократов, которые не были втянуты в сотрудничество с секретной службой. Однако политического влияния ССД было недостаточно для того, чтобы пробить в этом вопросе стену совместного сопротивления партии коммунистов-реформаторов ВСП, правой партии Венгерский демократический форум (ВДФ) и «Фидес». «Предугадываемо неожиданная» активность шантажируемых лиц в парламенте и других областях политической жизни сигнализировала о том, что эта культура продолжает активно жить. Проведение различия по принципу «мой доносчик – патриот, а твой доносчик – предатель

Родины» особенно диссонировало с идеологией тех политических сил, которые демонстративно ненавидели «коммуняк». Правительственные силы и ныне безоговорочно поддерживают этих «патриотов» на разных политических постах и ролях. Помимо шантажа и использования бывших агентов, по-прежнему остается невысненным вопрос о, естественно, непрозрачном влиянии секретных служб, куда отчасти перешли бывшие кадры политической полиции, на венгерскую политику после смены режима.

Установление контроля над *секретными службами* с самого начала было ключевым вопросом для «Фидес»: еще в 1990 г. в обмен на избрание столичным парламентом на пост мэра Будапешта Габора Демски «Фидес» выторговала себе его парламентскую позицию, пост председателя комитета по национальной безопасности. До середины первого десятилетия 2000-х гг. «Фидес», находясь в оппозиции, обеспечила себе с этой позиции влияние на аппараты государственной безопасности. Однако после 2006 г. правящие социалисты ликвидировали усвоенную службами практику «информируем обе стороны, и социалистов, и “Фидес”», что привело к резким столкновениям между двумя партиями. Это повысило в глазах «Фидес» ценность таких занимавшихся сомнительной деятельностью по секретному сбору информации частных фирм, какой было ЗАО UD, которое ведущий венгерский экономический еженедельник охарактеризовал как «частную секретную службу, занимающуюся организацией партийных путчей»^[83]. После прихода «Фидес» к власти в 2010 г. работавшие в UD отставные сотрудники секретных служб были снова приглашены на работу уже в официальных органах безопасности. Начиная с 2010 г. Шандор Пинтер в качестве министра внутренних дел осуществляет надзор уже не только над полицией, но и над секретными службами, что означает упразднение принятого в ходе смены режима символического решения о разделении этих двух организаций.

Обладая конституционным большинством в парламенте, партия «Фидес» после 2010 г. могла собственными силами обеспечить обнародование документов политической полиции коммунистического режима, но роспуск комиссии по изучению документов во главе с бывшим известным активистом Демократической оппозиции Яношем Кенеди и абсурдное заявление госсекретаря по делам управления и юстиции (в котором утверждалось, что «те, за кем велась слежка при бывшем режиме, могут получить оригиналы всех документов по своему делу»^[84], то есть могут унести их домой) скорее показывали, как можно подготовить дорогу, ведущую к уничтожению еще не просеянной по политическим соображениям информации, которая полностью сохранилась на магнитных лентах. В Восточной Европе нет другого примера *сохранения такой системы политического шантажа*. Более того, возможность государственного сбора информации под разными предлогами распространяется на различные группы граждан. Подобные шаги увеличивают правительственный потенциал контроля и шантажа в отношении граждан страны.

ЦБТ уже получил законную основу для тайного сбора информации без санкции судьи. Даже службы государственной безопасности не имеют таких полномочий. Это уже действительно напоминает модели из тех стран третьего мира, где автократический политический лидер имеет собственный, связанный только с ним лично элитный спецназ, наделенный полномочиями секретных служб. Несмотря на то что правозащитно-аналитическая организация, Институт имени Кароя Ётвёша, обратилась в Конституционный суд (КС), выразив недовольство тем, что «наблюдение за наиболее чувствительной, интимной частью нашей жизни зависит не от независимого и беспристрастного суда, в конечном итоге призванного добиваться соблюдения наших важнейших прав, а лишь от решения министра, обслуживающего интересы правительства и осуществляющего надзор за правосудием»^[85], КС отклонил эту жалобу. Ныне это дело рассматривается Страсбургским судом по правам человека. Деятельность ЦБТ не подвергается ни реальному правительственному, ни парламентскому, ни даже коллегиальному партийному контролю. Это принципиально иная модель по сравнению с практикой коммунистических режимов, где секретные службы были связаны с высшими партийными органами и генеральный секретарь партии после своего ухода не мог «увести их с собой».

5.3. Присвоение политической семьей государственных и обеспечивающих демократический контроль баз данных

Для обеспечения нелегитимными средствами власти «Фидес» и приемной политической семьи, а также бесперебойного функционирования патронажно-клиентарной системы были присвоены следующие базы данных и компьютерные программы для их обработки:

- **Документы секретных служб:** партия «Фидес», с одной стороны, воспрепятствовала полному обнародованию списков работников и доносчиков, а также других документов секретной службы коммунистического режима, а с другой стороны, использует содержащуюся в них информацию для защиты своих подчиненных сторонников и, если это необходимо, для шантажа или стигматизации своих политических конкурентов.

- **Документы налоговой службы:** одним из первых шагов «Фидес» после прихода партии к власти в 1998 г. было назначение на пост руководителя налоговой службы Лайоша Шимички, который тогда еще был главным доверенным лицом премьер-министра, наиболее надежным приближенным олигархом. В ходе трехдневной акции, получившей название «ночь длинных байтов», слухи о которой широко распространились, но факт проведения которой никогда не был официально доказан, Шимичка обеспечил соответствующую «обработку» компрометирующей «Фидес» базы данных^[86]. «Очищение» баз данных имеет ключевое значение с точки зрения минимизации возможного наказания в случае смены правительства. На отсутствие доверия к руководимой «Фидес» налоговой службе, функционирующей в качестве средства политического давления и селективной борьбы с преступностью, указывает то,

что похожую оценку в прессе получили и работы по обслуживанию компьютерной системы налоговой службы, состоявшиеся непосредственно перед парламентскими выборами 2014 г.^[87]

• Венгерский национальный банк (ВНБ) практически полностью купил **ЗАО GIRO, осуществляющее денежные переводы частных лиц и компаний**. «Фирма была основана еще в 1988 г. 12 финансовыми учреждениями, в том числе ВНБ, (...) ежегодно через нее проходит около 300 млн платежных поручений. (...) Эта система почти полностью охватывает транзакции населения и фирм реального сектора экономики, однако по общей сумме это лишь меньшая часть внутривенгерских транзакций (в 2012 г. полный денежный оборот в системе ЗАО GIRO составлял около 65 тыс. млрд форинтов (около 200 млрд евро). Для осуществления немногочисленных срочных переводов на крупные суммы кредитные учреждения используют другую систему расчетов. Это так называемая Система брутто-расчетов в режиме реального времени (венгерская аббревиатура: VIBER), работу которой с момента появления в 1999 г. обеспечивает ВНБ. В 2012 г. в этой системе был осуществлен денежный оборот размером в 1242 тыс. млрд форинтов (около 4000 млрд евро). В данном поле не бывает перемещения денежных средств населения, его используют, например, для перевода сумм, необходимых для крупных сделок на рынке финансов и капитала или для выплаты крупных сумм фирмами»^[88]. Что касается возможного мотива государственной аквизиции, то «единственным мнением, высказанным многими специалистами независимо друг от друга, было опасение, что ВНБ будет теперь видеть гораздо больше транзакций. Один из банковских сотрудников видит суть проблемы в том, что до сих пор ВНБ видел только движение денег через систему VIBER, но через нее и так переводят деньги наиболее транспарентные экономические акторы (например, банки и крупные инвестиционные фирмы). Теперь ВНБ точно так же отсматривает и систему ЗАО GIRO, что, по мнению банковского сотрудника, занимающегося транзакциями, вызывает беспокойство, так как «в этой системе находятся практически все транзакции населения и фирм, наши переводы, наши взносы на погашение кредитов, наши выплаты за коммунальные услуги»^[89]. В начале 2016 г. в ЗАО GIRO, перешедшем в полную собственность государства, началась разработка проекта, позволяющей осуществить в рамках венгерской государственной системы расчеты по транзакциям, осуществляемым в Венгрии с помощью выпущенных в Венгрии банковских карт^[90]. Такая система откроет широкие возможности для перевода комиссионных сборов и косвенных поступлений на счета друзей, а также позволит обеспечить привилегированное положение близким к приемной семье бизнесменам, субподрядчикам и коммерсантам посредством благоприятных для них правил использования государственных субсидий.

• **Цифровая база данных и компьютерная программа для обработки и хранения информации о евросоюзных тендерах** могли бы стать одним из самых эффективных средств выявления злоупотреблений, допущенных в ходе евросоюзных тендеров и конкурсов на государственные заказы. Но поскольку эта компьютерная программа была собственностью частной фирмы (ООО Welt 2000), приобретение этой фирмы путем насильственного огосударствления стало

для «Фидес» жизненно важной задачей. О том, что аквизиция произошла далеко не по честным рыночным правилам, свидетельствовал затяжной характер переговоров между собственником и государством, а также то, что для подтверждения серьезности намерения государства совершить покупку «в офис ООО Welt 2000 и по месту жительства его владельцев прибыли вооруженные инспекторы Национальной налоговой и таможенной службы (ННТС), (... где) рано утром опечатали и увезли найденные там бумаги и компьютеры. По сведениям из неофициального источника, он вели следствие по делу о налоговом мошенничестве»^[91]. На следующий день после подписания договора о купле-продаже прежний собственник фирмы неожиданно скончался, хотя, по мнению его близких знакомых, не был болен.

- **Владельцем и пользователем компьютерной программы для парламентских и муниципальных выборов** была частная фирма, состоявшая из бывших экспертов Министерства внутренних дел, и никогда не возникало сомнений в корректности функционирования системы. Парадоксальным образом в этом случае именно частная собственность гарантировала, что компьютерный подсчет голосов не послужит фальсификации результатов выборов. Однако партия «Фидес» воспользовалась средствами правительственного давления и бюджетных переplat, чтобы завладеть этой компьютерной программой. На причины огосударствления лучше всего указывает то, что если ранее политические партии, выставлявшие общевенгерские списки на выборах, могли посылать компьютерных специалистов для проверки работы базы данных и софтвера, то после огосударствления «Фидес» упразднила эту практику.

- **Так называемые списки Кубатова** – общее название баз данных, созданных и используемых директором партии «Фидес» в ходе различных **выборов, референдумов и сборов подписей**, а после прихода партии к власти – и так называемых **национальных консультаций**. На основании этой постоянно обновляющейся базы данных, содержащей миллионы единиц информации, могут быть выделены различные группы людей, выбранные, например, по признаку активности, преданности, доступности, регионального проживания и по другим соображениям. Эти списки служат целям приемной политической семьи: от мобилизации человеческих ресурсов до создания клиентуры. Уже в течение нескольких лет в них содержатся данные не только преданных симпатизантов, но и, насколько это может быть установлено, критиков партии «Фидес».

5.4. Полипбюро вместо политбюро^[92]

Принятие реальных политических и экономических решений вышло из ведения легитимных органов публичной власти и даже «политбюро» партии и перешло в руки «полипбюро» приемной политической семьи. (В Венгрии 80-х гг. с большим успехом демонстрировался популярный итальянский сериал о сицилийской мафии «La piovra», получивший у нас название «Полип», а в России – «Спрут».) Естественно, полипбюро не имеет легитимности, вытекающей из ее властной природы. Центральная властная площадка мафиозного государства, приемная политическая семья, не подпадает под определение формальной организации, имеющей какие-либо партийные или государственные функции. Трудностью традиционных моделей научного анализа является не то, что в высших органах партии и публичной власти есть немало лиц, явно не обладающих значительной властью, а скорее то, что очевидным влиянием и властью обладают лица, не являющиеся членами каких-либо органов и организаций. Это противоречие нельзя преодолеть с помощью традиционного, привычного в кремлинологии политологического подхода, при котором делаются попытки отыскать внутри формализованных органов власти неформальные очаги реальной власти. На общества советского типа еще распространялось предположение, что формальные правительственные полномочия действительно осуществляются парторганизациями, называемыми «руководящей силой общества», и борьба между политическими деятелями, располагающими различной степенью влияния, идет внутри руководящих органов коммунистической партии. Однако там обладатели реальной власти заведомо были членами формализованных, легитимных органов власти. В случае «Фидес» нельзя серьезно предположить, что, например, один из заместителей председателя и руководитель женского отделения партии, депутат Европарламента Ильдико Пелцне Гаал или добровольно ушедший в изгнание в качестве бургомистра одного из будайских районов Золтан Покорни обладают реальным влиянием на вынесение каких-либо решений. С другой стороны, очевидно и то, что не имеющие легитимных позиций приближенные олигархи или доверенное лицо премьер-министра, «гуру» коммуникации и избирательных кампаний Арпад Хабонь, также не имеющий никакой формальной государственной позиции, должности и доходов, оказывают определяющее влияние на решения приемной политической семьи.

Поэтому *правильнее говорить не о политбюро, а о полипбюро*, в котором реальный центр власти образует высший узкий круг приемной политической семьи, действующий не в качестве формализованного, легитимного органа. В противоположность коммунистической и некоторым другим диктатурам не у партии, то есть у «Фидес», есть организации, действующие в качестве приводных ремней для осуществления ее воли, а сама партия превратилась в лучший приводной ремень приемной политической семьи. Властный центр не только не может быть описан как легитимная формализованная организация,

но невозможно говорить и о принятии коллегиальных решений. В органах «Фидес» не формулируются политические цели, партия лишь выступает посредником между приемной политической семьей, нелегитимно принимающей формирующие политику решения, и легитимным претворением этой политики в жизнь: в парламенте, правительстве и муниципалитетах.

5.4.1. Отграничение властной элиты мафиозного государства от других исторических аналогий

Приемная семья мафиозного государства лишь ограниченно и метафорически может быть сопоставлена с властной элитой других обществ: с кланами и родами досовременных обществ, феодальными сословиями, христианским средним классом Австро-Венгерской монархии или Венгрии в период между двумя мировыми войнами, властью олигархов или номенклатурой бывших коммунистических режимов.

- **Кланы и роды досовременных обществ**, с одной стороны, складываются в основном на кровнородственной основе, но, расширяясь на личной, семейной основе, принимают и чужих. Когда сеть уже вырастает за рамки кровнородственной иерархии, система усложняется, это уже характерная черта организации мафиозного типа. В элите мафиозного государства семья, основанная на кровнородственных связях, постоянно пополняется семьями, присоединяющимися к ней не на кровнородственной основе, то есть становится приемной семьей. С другой стороны, права, компетенции кланов и их вождей составляют в досовременном государстве часть естественного права. Если незаконные права для приемной семьи кланового типа выбиваются с помощью коррупции, угроз и насилия, то это уже мафия, а если все это делается с позиции монополии на публичную власть, то это – мафиозное государство.

- Некоторые **эмираты** в районе Персидского залива как своего рода **постмодерные монархии** строятся на базе сети семей и приемных семей, связанных с родом правителя, но как таковые они легитимны. Это своего рода монархии, в которых глава клана по этому праву является одновременно и правителем: его положение в семье и более широкая властная легитимность совпадают. Не так, как в мафиозном государстве, в котором он нацеливается на эту позицию, но его статус нелегитимен. Глава политической семьи мафиозного государства в крайнем случае жаждет добиться положения шейха, характерные черты которого: династическое наследование власти, назначенный, в лучшем случае отчасти выбранный, но располагающий лишь совещательным правом парламент. В то время как граждане государства, члены приемной семьи, получают своего рода ренту от государства, гастарбайтеры, находящиеся на нижнем уровне общественной пирамиды, но во много раз превосходящие граждан данного государства по своей численности, не имеют гражданства, то есть снабжения, полагающегося по праву принадлежности к приемной семье. Казна не имеет обязательств по обеспечению их детей и престарелых родственников, оставленных за пределами шейхства. Благодаря нефтяным доходам эти страны (как Катар) даже могут проводить чемпионаты мира по

футболу. То, чего глава приемной политической семьи мафиозного государства вынужден добиваться шантажом, замаскированным под легитимный метод, дается шейхам в их собственных «владениях» естественным образом как главам семейного бизнеса. Власть шейхов легитимна по своей природе, в то время как «социальную солидарность» они должны проявлять только по отношению к членам своего рода и располагающей гражданством приемной семье.

- **Феодальные сословия** все-таки состояли в своего рода легитимных договорных отношениях с монархом и располагали перед лицом монарха правами, вытекавшими из их сословного статуса. Вассал правомерно владеет своей собственностью, в то время как сюзерен может правомерно лишить его этой собственности. Вся система строится на этом легитимном принципе, статус вассала совпадает с положением вассала. Сущность мафиозного государства в том, что в условиях формального гражданского равенства с помощью – в данном случае – государственного насилия происходит отъем собственности у одних и незаконная передача его другим. В мафиозном государстве у вассала нет вассального статуса, в крайнем случае есть лишь вассальное положение. И в то время как гражданское равенство не уничтожено *de jure, de facto* возникает масса вассальных положений.

- Несмотря на то что члены **христианского среднего класса режима Хорти, существовавшего между двумя мировыми войнами**, в качестве джентри с пошатнувшимся материальным положением попадали во всю бóльшую зависимость от возможностей, предоставляемых им государственной бюрократией и армией, благодаря своему сословному статусу они еще располагали определенными, принадлежавшими им по собственному праву привилегиями, пользовались особым вниманием, хотя признание в обществе в основном обеспечивалось посредством государственной бюрократии, армии и организаций сословного характера. Повышение социального статуса и вхождение в ряды христианского среднего класса путем рыночного обогащения легитимировалось инициацией, актом принятия. Непотистские отношения внутри деклассирующегося среднего класса имели в основном личную природу, но не складывались в субординационную иерархию с одним центром, характерную для приемной политической семьи. Эти отношения скорее образовывали сеть привилегированных связей сословных, цеховых, дружеских статусных сообществ на базе так называемой солидарности благородного среднего класса.

- **Средний класс буржуазных обществ**, несмотря на наличие имущественных и культурных различий, все же добился своего статуса в конкурентной борьбе, для него не характерны связи сословного или вассального типа.

- **Властная элита южноевропейских фашистских диктатур** строилась на базе фашистских партий, при этом она лишь ограничивала, умиряла экономическую элиту, класс собственников, но не экспроприировала ее. Эта элита в ее нацистском или иных, возникших в ходе Второй мировой войны разновидностях разграбила «еврейские капиталы», позже передав их «арийским» собственникам или пополнив ими государственный бюджет.

- **Властная элита бывших коммунистических режимов** входила в иерархию коммунистических партий, а замещение государственных постов регулировалось строгими правилами номенклатуры. Однако в номенклатуру входили не семьи, а – на идеологической основе – отдельные лица. В их случае династические черты появлялись лишь изредка и в виде исключения, более того, иногда лояльность – в классических сталинистских формах – нужно было доказывать именно предавая семью. Класс собственников был ликвидирован путем национализации и кооперирования.

Коммунистическая номенклатура:

- ее формирование происходило не по логике формирования приемной политической семьи в мафиозном государстве; она строилась не по патриархальным субординационным образцам;

- личные привилегии ее членов выражались лишь в ограниченных потребительских преимуществах, имеющих значение при экономике дефицита, а не в крупном накоплении семейной собственности;

- ее власть имела чисто политическое – то есть не смешанное, политическое и экономическое – происхождение и природу, поэтому политическая власть ее членов ограничивалась временем их пребывания на должности, в отличие от власти приемной политической семьи, которая, естественно, оказывается поколебленной в результате политического поражения, но сохраняет значительные, парализующие политику ресурсы в сфере экономики;

- осуществленная ею национализация была конечной стадией экспроприации частной собственности предпринимателей, а не промежуточным этапом перераспределения собственности (take over).

- **Олигархи**, образующие экономическую элиту *при смене коррупционных режимов*, составляют группу, лишь частично влияющую на государственную власть и контролирующую ее, но не господствующую над ней в полной мере, они формируют конкурирующие группы и не входят в одну-единственную субординационную иерархию.

- **В мафиозном государстве**, где семья так же свята, как и в традиционной мафии, испытание состоит не в принесении семейных связей в жертву партийной лояльности, а, наоборот, в *превращении некровнородственных отношений лояльности в скрепы приемной семьи*. Таким образом, в случае венгерского полипа, как показывает присуждение концессий на эксплуатацию табачных киосков, выделение государственных земель в аренду или цепочка протекционистского распределения государственных и евросоюзных заказов среди членов приемной семьи, это не просто идеологические или партийные связи. Созданное партией «Фидес» сообщество, объединенное общими интересами, является сообществом с более тесными (партийными) связями, чем это принято в либеральных демократиях, и благодаря системе финансовых и имущественных привилегий члены этого сообщества участвуют в нем не только лично, но часто и вместе со своими родственниками. В результате этого узкий круг иерархически связанных между собой лиц, первоначально состоявший из небольшого числа членов партии, приученных к дисциплине с 1990-х гг., стал расширяться концентрическими кругами, вовлекая в систему и другие лояльные

социальные группы, которые, однако, получали иной статус и иные права и привилегии.

5.5. Law of rule вместо rule of law

После подчинения партии и победы «Фидес» на выборах 2010 г. с получением конституционного большинства в парламенте перед Орбаном открылся путь к ликвидации системы либеральной демократии и институционализации его автократической политической позиции. Победитель получает все: подобно некоему газообразному веществу он заполняет все доступное политическое пространство. Любое самоограничение было бы лишь признаком слабости. Режим не дрейфовал, а сознательно двигался в сторону автократического устройства. Это было главным руководящим принципом политической деятельности. Было ясно, на какое общественное устройство были нацелены правительственные силы: на такое, при котором они без особых препятствий могли бы осуществлять свою волю и свои интересы, выступая в плане идеологии как субъекты *«центрального силового поля»*, создатели *«национального среднего класса»* и руководители *«национально-освободительной борьбы»*.

Поскольку решения, определяющие жизнь общества, принимаются вне официальных органов и практично приспособляются к властным и экономическим запросам приемной политической семьи, в лишенной противовесов системе политических институтов на место формальных, юридических процедур пришли материальные, самовольные действия. Глава правительства не управляет, а владеет страной как своей собственностью. Институты публичной власти от парламента до правительства, налоговой службы и прокуратуры лишь администрируют и исполняют самовольно принятые решения. На место формального правосудия приходит материальное *«вершение правды»*. *Власть права («Rule of law»)* сменяется *правом власти «law of rule»*.

5.5.1. Конституционный путч – институционализация произвола

Под знаком символической политики в «Фидес» было решено, что для утверждения нового режима требуется и *новая конституция*, демонстрирующая разрыв со «смутными десятилетиями» либеральной демократии. Не случайно автократы, не имеющие возможности легитимировать свою власть принципом происхождения, как правило стилизуют начало своего предположительно длительного правления под точку отсчета *нового исторического летоисчисления*. Пасхальная дата (18 апреля 2011 г.) принятия нового *Основного закона*, пропитанного идеологическими элементами (см., например, ссылку на христианское наследие и Священную корону посредством включения в текст первой строчки венгерского гимна «Боже, благослови венгров!») и предававшего забвению само слово «конституция», также свидетельствует о некотором смешении ролей и

несообразности, поскольку это как бы проводит параллель между Воскресением Иисуса и – если принимать все буквально – Венгрии.

Парламентское большинство в две трети голосов, которое было достигнуто в 2010 г. благодаря поддержке намного менее половины общего числа избирателей и лишь 53 % поданных голосов, дало «Фидес» возможность систематического разрушения системы сдержек и противовесов, характерной для либеральной демократии, и, тем самым, формирования нового равновесия, своего рода насильственной консолидации авторитарического режима с помощью правоограничительных средств. Были созданы предпосылки для того, чтобы неограниченная в своем кругу, но ограниченная за пределами «Фидес» власть главы политической семьи переросла во власть автократа.

Используемое в специальной литературе понятие «конституционного путча», по мнению бывшего конституционного судьи Имре Вёрёша, может быть принято лишь в том случае, если под ним понимается *«государственный переворот, осуществленный конституционно-правовыми средствами, под прикрытием конституции, с помощью конституционно-творческой деятельности, ряда поправок к конституции»*^[93]. «Специалисты сделали крайне критические выводы: вместо необходимых поправок консолидационного характера родилась конституция, обращенная в прошлое и отнюдь не обеспечивающая ограничения государственной власти. В действительности этот Основной закон цементирует власть правящей партии, которая была единственной парламентской партией, проголосовавшей за него»^[94].

Парламентское большинство в две трети голосов создало возможность для того, чтобы «сохранить и в то же время упразднить» разделение властей. Создание конституции, ее пятикратное изменение в течение последующих двух лет, введение всех законов и нормативно-правовых актов более низкого уровня, назначение на ключевые посты, гарантирующие функционирование системы сдержек и противовесов, – все это стало монополией одного политического актора. Так исполнительная власть, руководимая политической семьей, подмяла под себя все остальные ветви власти. Согласно новому Основному закону:

- Была ограничена возможность обращения в *Конституционный суд* (actio popularis). Была ликвидирована юрисдикция Конституционного суда по отношению к законам, касающимся бюджета и налогов. Если Конституционный суд с урезанными полномочиями признает какие-либо законы антиконституционными, их просто включают в конституцию.

- *Верховный суд* был упразднен, а его председатель удален со своей должности. Хотя страсбургский Европейский суд по правам человека признал правоту обратившегося к нему по поводу своего увольнения бывшего председателя Верховного суда Андраша Баки, это повлекло за собой лишь материальную компенсацию, а не восстановление положения, характерного для правового государства. Была упразднена система судебного самоуправления, вместо которого было создано Всевенгерское судебное ведомство, председатель

которого, Тюнде Хандо, жена Йозефа Саера, одного из основателей «Фидес», ставшего позже делегатом Европарламента и напечатавшего текст Основного закона на своем ноутбуке, получила право без всякого обоснования и обжалования передавать дела из судов, где они должны рассматриваться по закону, в другие суды, нарушая тем самым независимость судов и зафиксированное в конституции право граждан на честное и беспристрастное судебное разбирательство.

- **Бюджетный совет** получил право накладывать по своему усмотрению вето на бюджет, принятый парламентом; а президент республики имеет право за отсутствием бюджета распустить Государственное собрание даже вскоре после выборов.

- Из числа фундаментальных прав было вычеркнуто право **муниципалитетов** на самостоятельность и, вследствие этого, на собственность, тем самым практически была упразднена система самоуправления и была создана возможность для огосударствления любого ее сегмента.

- Упразднено также право на **социальную защищенность**, что сделало возможным методичное разрушение системы нормативных социальных прав и дотаций.

После конституции, конечно, без всяких поисков консенсуса были изменены и служившие гарантией правового государства законы, требовавшие конституционного большинства, от закона о СМИ до избирательного закона. (Об этом еще будет сказано ниже.)

5.5.2. Захват учреждений публичной власти

Действия новой власти подчиняются целям и логике сохранения власти и обогащения. Кажущиеся импровизацией меры являются всего лишь различной реакцией на столкновение власти с какими-либо стенами или препятствиями, которые нужно обойти. Наступил закат **профильной политики в различных сферах жизни**: правительственные меры не имеют первичных, релевантных для данной сферы жизни обоснований и целей, а имеют лишь специальные последствия.

В мафиозном государстве **институты публичной власти перестают быть реальными площадками для принятия решений**, которое выносится за пределы формализованных институтов и переходит к приемной семье. Институты публичной власти как бы лишь регистрируют принятые без них решения, ведь они должны действовать среди декораций демократических институтов. Подобно партии, институты публичной власти больше не центры принятия решений, а всего лишь исполнители воли политической семьи. То, чего классическая мафия добивается в условиях равенства гражданских прав путем нелегитимного насилия, приемная семья мафиозного государства обеспечивает бескровным путем, с помощью легитимных средств публичной власти.

Это – упразднение гражданского равноправия. Неполное и правомерное, ведь не приводит ни к появлению социальных групп сословного характера,

стабильно отличающихся друг от друга по своему правовому положению, ни к возникновению диктатуры, зато системное, поскольку *от случая к случаю и в массовых масштабах приостанавливает действие равноправия*. Не в соответствии с последовательной доктриной, а только тогда, когда этого требует необходимость.

5.5.3. Правительство не выносит решений, а лишь проводит в жизнь решения политической семьи

Состав *правительства* свидетельствует о беспримерном усилении позиции его главы. После 2010 г. обладатели высших правительственных постов рекрутировались главным образом из трех категорий: во-первых, из бывших членов ВСРП и/или лиц, которые могут быть связаны с секретными службами, во-вторых, из друзей, деловых партнеров и подставных лиц и, в-третьих, из легковесных политиков, которые могут быть заменены в любой момент. Первых можно шантажировать, вторые и без того являются членами организованного криминального «надполюя», а третьи всегда могут быть уволены и заменены другими. Исключений практически нет. Хотя глава правительства охотно возвратил в него своих бывших министров, но лишь тех, кто не имел политического веса или базы внутри «Фидес». Бесспорно, что глава правительства способен беспрепятственно диктовать свою волю как правительству, так и парламентской фракции. Внутренние раздоры возможны, пока он не скажет своего слова, потом им уже нет места. Членам кабинета уже в первый срок правления «Фидес», в 1998–2002 гг., приходилось стоя встречать премьер-министра, прибывавшего на заседания правительства.

Разрушение преград, вытекающих из разделения властей, является не чем иным, как институционализацией произвола. Крестный отец – премьер-министр может провести любой закон с помощью парламентских депутатов, отобранных в его имени в Фелчуте. Дезертиров практически нет, их мало даже по сравнению с его собственными ожиданиями. Когда он говорит об определенных решениях не как о своих, а как о суверенных решениях партии или парламента, ему трудно удержаться от иронической улыбки. Его воля принимает конституционную, законную или указную форму без сопротивления и внешних раздумий.

5.5.4. Законотворчество мафиозного государства как пошив одежды по индивидуальным заказам

Законодательство становится уже не средством правомерных, нормативных, распространяющихся на всех контролируемых правил, а мастерской «пошива по индивидуальным заказам» приемной политической семьи, где законы кроются по ее меркам. Парламент служит лишь местом оформления самовольных решений. *Равенство перед законом сменилось неравенством после закона.* Можно путешествовать в прошлое с законами, имеющими обратную силу, и с точностью хирурга, пользующегося лазерной техникой, на основании полномочий, предоставляемых от случая к случаю главой политической семьи, осуществляется правотворчество, скроенное по меркам отдельных лиц, групп, политических друзей и противников: оно награждает или наказывает, дает привилегии или дискриминирует^[95]. Это время индивидуальных законов, *lex'ов*, когда правовую среду приспособливают к ежедневно меняющимся нуждам политической семьи с помощью многочисленных процедур *ad hoc*, являющихся насмешкой над принципами правотворчества. Вместо общего правила создаются исключения для отдельных случаев.

В мафиозном государстве произвольное *правотворчество*, порывающее с нормативностью, выполняет *следующие функции*^[96]:

● *I/A.* Обеспечение подставному лицу приемной политической семьи возможности **назначения на государственную должность** в таких случаях, когда это запрещается правилами несовместимости: *lex Бараньи* (назначение президентом – генеральным директором Венгерского банка развития), *lex Вида* (назначение председателем налоговой службы), *lex Сапари* (назначение послом несмотря на преклонный возраст /72 года/), *lex Домокош* (назначение членом бюджетного совета), *lex Польш* (освобождение генерального прокурора от необходимости выйти на пенсию), *lex Боркаи* (разрешение выставить кандидатуру в бургомистры, несмотря на то что его демобилизация с военной службы состоялась только за четыре, а не за пять лет до этого), *lex Тёрёчкеи* (дозволение не отказываться от собственности, владение которой несовместимо с пребыванием на посту руководителя Управления государственных автомобильных дорог), *lex Л. Шимон* (ликвидация несовместимости постов руководителя Национального культурного фонда и госсекретаря), *lex Мочаи* и третий *lex Шмитт* (упразднение необходимости обладания степенью PhD при замещении определенных должностей) и т. д.

I/B. Обеспечение законности произвольного **увольнения с государственных постов**: *lex Надь* (председатель конкурентного ведомства), *lex Бака* (председатель Верховного суда, который был удален из-за частой критики правительства), *lex Йори* (уполномоченный по защите персональных данных) и т. д.

● *II/A.* **Увеличение размера вознаграждения или дотаций политическим подставным лицам приемной политической семьи, а также контролируемым ею гражданским или политическим организациям и муниципалитетам**: *lex Сас* (председатель Государственной службы надзора за финансовыми организациями), *lex Яраи* (закон, дающий ему возможность зарабатывать 1,2 млн форинтов в качестве председателя Наблюдательного совета Венгерского национального банка), *lex Шмитт* (закон о предоставлении бывшему президенту республики, досрочно ушедшему со своего поста, всех видов вознаграждения, причитающихся президенту республики), *lex Ковач* (зарплата председателя Бюджетного совета была повышена в девять раз и составила 2 млн форинтов в месяц), *lex Ходмезёвашархей* (дотация суммой 1,7 млрд форинтов перед муниципальными выборами), *lex Далма Мадл* (закон, обеспечивающий вдовам покойных президентов республики квартиру, пользование машиной, двух секретарей и бесплатное медицинское обслуживание), *lex Анита Херцег* (оплата страховки супруги главы республики за счет налогоплательщиков), *lex Сас 3.0* (обеспечивает получение Кароем Сасом и другими руководителями Госнадзора за финансовыми организациями «отступных» в случае слияния Госнадзора с ВНБ, причем сумма «отступных» изымается из-под действия закона об уплате особого 98-процентного налога) и т. д.

II/B. **Сокращение размера вознаграждения или дотаций находящимся на государственных постах политическим оппонентам, а также критически настроенным гражданским и политическим организациям и муниципалитетам**: *lex Шимор* (сокращение зарплаты президента ВНБ до 2 млн форинтов в месяц), *lex непокорные депутаты парламента* (обеспечивает

возможность вычета из вознаграждения депутатов сумм наложенных на них штрафов, однако страсбургский Европейский суд по правам человека решил, что этот закон противоречит свободе выражения мнений, и назначил компенсацию за наложенные на основании этого закона штрафы), *lex коммунистические пенсии* (упразднение повышенных пенсий коммунистических функционеров), *lex урегулирование задолженности Эстергому* (оппозиционный бургомистр города был лишен одного из средств урегулирования задолженности), *lex Эстергом* (закон об огосударствлении городской системы обслуживания средней степени, который был упразднен после победы кандидата от «Фидес»), *lex уход судей на пенсию* (в случае судей и прокуроров возраст выхода на пенсию был понижен с 65 до 62 лет), *lex Фапал* (закон о том, что назначенный на государственный пост профессиональный военный не имеет права на служебную квартиру от Министерства обороны), *lex остров Маргит* (изымает остров Маргит из ведения социалистического руководства XIII района и передает его в непосредственное управление руководителям столицы), *lex Демократическая коалиция* (запрещает партии бывшего премьер-министра от социалистов сформировать самостоятельную парламентскую фракцию) и т. д.

● **III/A. Расширение компетенции политических подставных лиц или их учреждений после назначения на должность:** *lex Салаи* (став главой службы по надзору в сфере СМИ, получил право издания указов), *lex Хандо* (в качестве главы Всевенгерского судебного ведомства имеет право произвольно переводить судей и судебные дела), *lex Тарлош* (после переизбрания мэром Будапешта получил право налагать вето на важные решения депутатов столичного парламента), *lex престарелые конституционные судьи* (члены Конституционного суда, избранные сроком на 12 лет; получили право оставаться в должности и по достижении 70-летнего возраста), *lex Польш* (отменены парламентские интерpellации генеральному прокурору, срок занятия этой должности вырос до девяти лет, а для избрания его преемника необходимо парламентское большинство в две трети голосов), *lex Эстергом* (закон об огосударствлении городской системы снабжения средней степени, который был упразднен после победы кандидата от «Фидес») и т. д.

III/B. Сокращение области компетенции контролирующих деятельность власти учреждений, а также муниципальных и профессиональных органов и организаций: *lex Конституционный суд* (резкое сокращение круга относящихся к его компетенции вопросов, упразднение возможности ссылок на его прежние постановления), *lex Венгерская аккредитационная комиссия* (в сфере высшего образования) (ликвидация ее автономии, вследствие чего было приостановлено ее членство в международной организации ENQA), *Lex Лёринц Месарош* (оставляет на усмотрение государственных учреждений, будут ли они отвечать на вопросы журналистов/граждан, допустивших «злоупотребление правом на получение информации»), *lex Папчак* (Папчак – правительственный комиссар по борьбе с коррупцией от «Фидес»; закон изменил процедуру судопроизводства по гражданским делам, затруднив вступление в процесс третьих лиц), *lex átlátszó.hu* (átlátszó.hu – критический по отношению к правительству сайт, занимающийся журналистскими расследованиями; закон значительно ограничил доступ к информации, имеющей общественное значение), *lex kuruc.info* (kuruc.info – сайт

праворадикальной направленности, управляемый из США; закон позволяет правительству блокировать управляемые из-за границы сайты, признанные противоправными венгерским судом) и т. д.

• **IV/А. Обеспечение преимуществ лояльным к правительству экономическим предпринимателям:** *lex MOL*, *lex OTP I и II* (I: максимальное облегчение некоторых налоговых обязательств для OTP Банка, II: предоставление банкам возможности вычитать убытки, «возникшие в размещенных на Украине дочерних и зависимых предприятиях» из суммы особого налога), *lex CBA* (освобождает поддерживающую «Фидес» сеть продовольственных магазинов от некоторых обязанностей по уплате налогов), *lex Mahir* (обеспечивает льготы предприятиям Лайоша Шимички), *lex Duna Takaréék* (по этому закону сберегательный кооператив Иштвана Гаранчи, нового олигарха – любимца Виктора Орбана, оказался в числе финансовых учреждений, сумевших избежать «огосударствления», затронувшего более сотни сберегательных кооперативов), *lex Andy Vajna I и II* (первый закон обеспечивает возможность получения концессии на казино без объявления конкурса, а согласно второму закону, если владельцем спортивного интернет-тотализатора в Венгрии может быть лишь государственное ЗАО Szerencsejáték, то онлайн-залы для карточных игр и онлайн-казино могут принадлежать лишь тем, кто располагает венгерской концессией на казино, что в настоящее время относится лишь к фирмам Энди Вайны и Габора Симы), *lex TV2* (по этому закону база исчисления налога на рекламу в текущем году может быть сокращена лишь в том случае, если доналоговая прибыль налогоплательщика за 2013 г. равнялась нулю или была отрицательной, вследствие чего телеканал RTL Klub, отклонивший предложение правительства о его покупке, лишился этой возможности), *lex FHB* («дружественные» банки получили так называемые облегченные правила достаточности капитала, а также доступ к 136 млрд форинтов из государственных средств и доходу от них), *lex Continental* (с мая 2015 г. посредником между табачными производителями / оптовыми продавцами и мелкими продавцами стала центральная распределительная фирма), *Lex VNB* (созданные Венгерским национальным банком фонды и их предприятия «теряют статус государственного имущества», в результате чего их экономическая деятельность становится непрозрачной; этот закон недавно был отклонен Конституционным судом) и т. д.

IV/Б. Вытеснение с рынка предприятий, не вошедших в приемную политическую семью, их экспроприация или создание правовых предпосылок для экспроприации: *lex MAL* (закон предоставил возможность перехода к государству управления частными фирмами в случае угрозы экологической катастрофы), *lex ESMA* (закон отобрал у фирмы, критически относящейся к правительству, право на размещение определенных рекламных щитов в местах, полученных ранее по концессии), *lex radio Klub* (на основании этого закона Совет по надзору в сфере СМИ может ежегодно требовать у радиоканала Klub десятки миллионов форинтов за выделенную ему частоту вещания 92,9 FM), о прочих законах из этой категории, как, например, о *lex воскресное закрытие магазинов*, *lex отраслевые налоги*, *lex плаза-стоп*, *lex плата за надзор за сетями*

продовольственных магазинов, *lex RTL Klub I и II*, уже говорилось или будет сказано ниже.

• *V/A. Достижение легитимной цели, приносящее одновременно и политическую прибыль: lex Биску* (закон позволил привлечь к ответственности бывшего министра внутренних дел за ту роль, которую он сыграл в подавлении революции 1956 г.), *lex Брэд Питт* (подвел оружие для съемок фильмов под действие закона об оружии), *lex Санисло* (освободил министра от необходимости вручить правительственную премию праворадикальному журналисту), *lex Варга* (ввел более строгое наказание за семейное насилие, ставшее важным из-за скандалов с некоторыми политиками из партии «Фидес»), *lex Hajdú-Bét* (обеспечил выплату компенсации понесшим убытки поставщикам обанкротившейся сельскохозяйственной фирмы), *lex Лаборц* (сделал обязательным появление перед парламентскими комиссиями по расследованию), *lex предвыборное видео из города Бая* (предусматривает наказание лишением свободы сроком до одного года для изготовителей фальсифицированных или лживых звуковых или видеозаписей, нацеленных на нанесение урона репутации других лиц), *lex Резешова* (об изменении условий выпуска на свободу или помещения под домашний арест), *lex КГБела* (из-за подозрительных российских связей депутата Европарламента от праворадикальной партии «Йоббик» в уголовный кодекс будет внесен состав преступления «шпионаж против институтов Европейского союза»), *lex Балетный институт* (обеспечил возможность возвращения государству содержащихся владельцами в плохом состоянии зданий, являющихся архитектурными памятниками) и т. д.

V/B . Достижение нелегитимной цели, приносящее политическую прибыль: lex консьержи-доносчики (обязывает представителей кооперативов многоквартирных домов предоставлять информацию политического характера), *lex банда из поселка Арокте* (сделал бессрочным предварительное заключение в случае некоторых, особо тяжелых преступлений), *lex Национальная консультация* (создал необходимую правовую базу для проведения правительственной предвыборной кампании путем переписки, позволяющей создать базу данных об избирателях), *lex Нормафа* (объявил исторической спортивной территорией Будайский природный заповедник, вследствие чего он попадает под действие более мягких правил по защите окружающей среды), *lex бюджет в год проведения выборов* (дает правительству возможность вносить проекты бюджета на следующий год после проведения муниципальных выборов), *lex Турул* (обеспечил сохранение незаконно установленного в XII районе памятника с изображением мифологической птицы Турул) и т. д. Возможность самостоятельного издания указов была обеспечена местным муниципалитетам одним из постановлений Конституционного суда от 2015 г., согласно которому муниципалитетам разрешается без всякой законной основы, одними указами регулировать местные нормы общежития и наказывать нарушителей этих норм. Это было сделано несмотря на то, что в своем предложении верховный судебный орган Венгрии, Курия, однозначно указал на то, что «без конкретизации предмета регулирования оно приведет к произволу, а его нормы окажутся по существу бесконтрольными»^[97].

5.5.5. Ликвидация контрольных функций других органов публичной власти

Президент республики является первым, кто может предотвратить вступление закона в силу после принятия парламентского постановления, поскольку он обладает правом возвращать принятые законы парламенту или пересылать их в Конституционный суд. Орбан сумел помешать переизбранию прежнего, лояльного к «Фидес», но в определенной степени все же суверенного президента республики, Ласло Шойома (2005–2010). Ему нужен был чиновник, которого он и нашел в лице Пала Шмитта, любимца бывшей коммунистической партии, заместителя председателя Венгерского комитета по физической культуре и спорту в ранге замминистра. После ухода Шмитта в отставку из-за скандала, связанного с плагиатом, допущенным им при написании университетской докторской диссертации, Орбан вызвал в Венгрию Яноша Адера, бывшего лидера фракции «Фидес», уличенного во внутривнутрипартийном «заговоре» и сосланного в Европейский парламент. После 2010 г. Адер реабилитировался, создав открыто манипулятивный избирательный закон, и в качестве президента республики также доказал, что достоин доверия Крестного отца: тщательно срежиссированная самостоятельность президента республики выразилась лишь в «юридических придирках» по незначительным вопросам, а отнюдь не в противодействии ликвидации конституционного устройства. Несколько законов Адера вернул в парламент на дополнительное обсуждение, прекрасно сознавая, что участвует в унижительном представлении: парламент раз за разом снова одобрял эти законы без всякого обсуждения, даже усугубляя те их части, которые вызвали сомнения у президента. И после этого уже нельзя было обратиться в Конституционный суд. О символической девальвации значения высшего представителя публичной власти свидетельствует и переход первого места к премьер-министру на протокольных церемониях. В действительности президент республики выражает *не единство нации, а единство политической семьи*, является защитником не либеральной демократии, а порядков мафиозного государства.

Следующей преградой на пути вступления закона в силу может быть *Конституционный суд (КС)*. Однако уже закончился процесс обуздания и этого органа. Парламент увеличил его численность и упразднил паритетный характер парламентской комиссии, выдвигавшей кандидатов на пост новых судей, вследствие чего правительственное большинство беспрепятственно делегировало в этот орган лояльных к нему лиц. Однако, поскольку в случае некоторых членов КС несмещаемость оказалась обоюдоострым оружием и вдохнула в них смелость, побудившую к проявлению некоторой самостоятельности, был принят закон, ограничивающий полномочия КС, а конституция была изменена, чтобы в конкретных случаях отнять у КС возможность выступать против правонарушений. Но бывало и так, что Орбан посылал предупреждения еще до решения Конституционного суда, как,

например, при ограблении частных пенсионных фондов: «Не сто́ит создавать иллюзию, что (...) это положение может быть изменено приговором Конституционного суда. Это невозможно. Это окончательная система. Венгерская пенсионная система, покоящаяся на двух опорах»^[98]. Это было не чем иным, как выдачей Конституционному суду свидетельства о смерти. И он понял свое положение: постановление об антиконституционности увольнения правительственных чиновников без объяснения причин уже заранее было составлено так, чтобы и «Фидес» осталась сытой, и КС – целым. КС не только не защитил жертв антиконституционной правительственной практики увольнений, но и даже продлил срок применения этой антиконституционной процедуры еще на три месяца. А вдруг «Фидес» еще не завершила политической чистки государственной сферы?

Превращение Конституционного суда в орган, не имеющий политического веса, сопровождалось подчинением *Всевенгерскому судебному ведомству (ВСВ)*, созданному в рамках *«реформы системы правосудия»*. После упразднения существовавшего ранее независимого профессионального судебного органа жена друга семьи премьер-министра и делегированного «Фидес» депутата Европарламента получила право единолично принимать решения о назначении судей, их продвижении по службе и передаче дел на рассмотрение тем или иным судам. Руководитель ВСВ выбирается парламентским большинством в две трети голосов сроком на девять лет, так что если в будущем конституционного большинства не будет, то по новым правилам действующий руководитель ведомства может оставаться на своем посту хоть до конца жизни. Под влиянием критики со стороны Евросоюза эту возможность позже передали заместителю, которого назначает сам руководитель. С помощью принудительной отсылки на пенсию удалось освободиться от значительной части ведущих судей, в то время как общая граница пенсионного возраста была, наоборот, повышена. Судьи были поставлены в положение материальной зависимости. Отныне, ввиду отсутствия адвокатов, подозреваемые и обвиняемые могут подвергаться запугиваниям.

К весне 2011 г. в рамках *блицкрига*, нацеленного на *концентрацию власти*, были заняты и остальные независимые учреждения: *Государственная счетная палата, Бюджетный совет, Экономическое конкурентное ведомство, государственные СМИ*. Назначенный еще предыдущим правительством в 2007 г. президент *Национального банка*, несмотря на акции по подрыву его репутации, поддержанный международными протестами, оставался на своем посту до истечения срока полномочий в 2013 г., однако поле маневрирования непопулярного банкира было сужено с помощью одного из «деспотических» законов, по которому было увеличено количество вице-президентов *Монетарного совета* и Национального банка и расширены их полномочия, а кадровый состав обоих органов был пополнен представителями политической семьи.

Рекрутирование новых кадров в органы публичной власти осуществляется не по образцу классических диктатур. Если в этих диктатурах каналы мобильности отрегулированы и контролируются отчасти внутри партии, а отчасти номенклатурой, то делегаты мафиозного государства являются ***наместниками и подставными лицами***, которые, как правило, связаны с политической семьей узами лояльности и/или бизнеса. Ими могут стать и семейные олигархи, и семейные бухгалтеры, как, например, министр внутренних дел или министр экономики.

5.6. Управление: фавориты и доверенные заместители политической семьи вместо профессиональных бюрократов

5.6.1. Средства устрашения бюрократического аппарата

Двадцати лет после смены режима не хватило даже для того, чтобы провести ясную и общепринятую границу между политическими и профессиональными постами в *правительственных и муниципальных аппаратах*. Поэтому в ходе смен правительств ротация кадров во все большей степени затрагивала и контингент специалистов. Эскалация данного процесса способствовала уже упомянутому возникновению управленческого бессилия правительств в профессионально-бюрократическом смысле этого слова. Раздача все более низких управленческих постов в качестве политических премий практически разрушила еще не укоренившийся этос партийно-нейтрального управления, как его понимал Макс Вебер.

Смена правительства в 2010 г. внесла новизну и в этот процесс. Объекты чистки не только потеряли свои рабочие места в «родном учреждении», но и как бы попали под запрет на прием на работу во всей государственной или связанной с государством сфере. «Фидес» систематически стремилась порвать сети солидарности и воспрепятствовать профессиональному выживанию не симпатизирующих ей членов элиты государственных служащих. По многим сообщениям, при выявлении связей проверяемых кадров используются и данные социальной сети Facebook. Не случайна низкая степень присутствия государственных служащих в этих виртуальных, но транспарентных сообществах. После ограбления правительством частных пенсионных касс, естественно, возникли опасения в связи с выдачей данных «непокорных», сохранивших членство в этих кассах граждан их работодателям, государственным учреждениям. Государственных служащих прямо принуждают к тому, чтобы они приняли к сведению возможность секретного, не разрешенного постановлением суда наблюдения за ними, если хотят сохранить свое место. Поначалу проведение кампаний по массовой замене кадров облегчалось институтом увольнения без объяснения причин, а также активным распространением черных списков, делающих невозможным трудоустройство в данной сфере. Например, при увольнении всего контингента независимых от партийной политики экспертов Бюджетного совета в министерской директиве предписывалось не принимать уволенных на работу ни в одно из других подведомственных министерству учреждений. Подобные сигналы помогли создать такую ситуацию, когда перед людьми, стигматизированными властью, закрывались двери во всей сфере государственного управления. А публичное разоблачение властных технологий произвола парадоксальным образом усиливало страх, приспособленчество и покорность.

5.6.2. Макс Вебер об историческом пути к современному бюрократическому управлению

Для понимания разрушения бюрократического управления имеет смысл обратиться к работам Макса Вебера, в которых он анализирует отдельные модельные фазы исторической эволюции, приведшей к складыванию особого профессионального управления, характерного для буржуазных демократий^[99].

«Господин правит без штаба управления или с ним. Типичный штаб управления может быть набран из: а) «патримониально набранных» людей, связанных с господином традиционно, узами почитания: из членов рода, из невольников, из зависимых домашних служащих, из клиентов, из колонов, из вольноотпущенников и б) «экспатримониально набранных», связанных с господином личным доверием (свободные фавориты всех видов), или легитимирующих принадлежность к господину клятвой на верность (вассалы), или, наконец, свободных чиновников...»^[100] Если в управлении доминируют вассалы, то это уже сословная форма патримониального господства, при котором «власть, возложенная на штаб управления, и связанные с ней благоприятные экономические возможности» присваиваются организацией или отдельными лицами^[101].

Характерные черты бюрократического управления, принятого в современном обществе и осуществляемого свободными чиновниками, были обобщены Максом Вебером следующим образом^[102]:

- непрерывная, связанная правилами работа служебного учреждения;
- ясно разграниченная сфера должностных обязанностей;
- чиновничья иерархия;
- наличие технических правил и норм, рациональное применение которых предполагает специальное обучение, необходимое для принятия на службу в качестве чиновника;
- реализация принципа полного отделения штаба управления от средств управления и производства;
- обладатель служебной должности не может присвоить его, заявить на него личное право;
- действует принцип управления, основанного на деловых бумагах; деловые бумаги и непрерывная работа чиновников в совокупности воплощают работу канцелярии;
- штаб управления, действующий по перечисленным выше принципам, называется армией чиновников, бюрократией.

5.6.3. Развал современного бюрократического управления в условиях мафиозного государства

При переходе от смены коррупционных режимов к мафиозному государству происходит обратная эволюция, своего рода регресс, возвращение от современного бюрократического управления к архаическим управленческим моделям: «Патриархализм и патримониализм стремятся к тому, чтобы

регулировать экономическую деятельность в соответствии с утилитарными, социально-нравственными или материальными “культурными” идеалами, то есть имеют в виду не формальную, приспособляющуюся к праву рациональность»^[103].

С тех пор как в современных демократиях бюрократическое управление было подчинено уже не господину, а выборным органам (парламенту, правительству, муниципалитетам и т. д.), постоянно возникает вопрос, где нужно провести границу между связанными с властью политическими и профессионально-управленческими компетенциями, позициями. При отсутствии соответствующего самоограничения, коренящегося в политической социализации и культуре, постоянно чувствуется побуждение превратить в добычу политических партий не только действительные политические посты, но и все более глубокие слои бюрократического управления. **Поначалу речь шла лишь о смене специалистов**, когда на освобожденные позиции приходят все же специалисты, хотя преданные назначившей их политической силе. Далее следует стадия, на которой акцент в выражении «лояльный специалист» делается уже на эпитете «лояльный». А в **итоге профессионализм полностью подчиняется партийной приверженности**. Это уже мир **солдат партии**, в котором бюрократия пропитывается массой чиновников, профессионализм которых заключается в основном в их партийной лояльности, не только на постах, непосредственно соприкасающихся с политикой, но и на всех уровнях бюрократии.

В мафиозном государстве демонтаж бюрократического управления «сверху» означает не только то, что на руководящие управленческие посты приходят солдаты партии. Ведь **назначенцы приемной политической семьи уже являются доверенными лицами не партии, а семьи, ее персональными заместителями**. Это – **служилые дворяне**, правда не имеющие сословных прав, но имеющие сословные доходы. Они лояльны не к партии, а к господину, к главе политической семьи, с которым они связаны или непосредственно, или посредством цепочки личной зависимости.

В системе управления мафиозного государства все сильнее выдвигаются на передний план **модели традиционного деспотизма**, когда глава патриархальной семьи управляет не в рамках законности, а лично или посредством доверенных лиц, расшатывая или приспособлявая к своим нуждам характерные для современного государства механизмы бюрократического управления. (В связи с этим по бюджетному закону 2016 г. министерства освобождаются от обязанности размещать на своих сайтах административные регламенты государственных органов)^[104].

Тем самым внутри бюрократического управления^[105]:

- размывается «**объективно распределенная, зафиксированная правилами компетенция**»; политические назначенцы играют в легитимной сфере управления самые различные роли, доверенные им приемной политической семьей, они могут быть подставными лицами, заместителями, комиссарами, управляющими, казначеями и т. д., причем эти названия описывают реальные

функции этих ролей социологически более точно, чем официальные наименования управленческих постов;

- «четко зафиксированная, рациональная иерархия» разрушается; доверенные лица приемной политической семьи свободно перемещаются между низшими и высшими сферами государственного управления;

- нормативная система «упорядоченного определения на службу по свободному контракту и упорядоченного продвижения по службе» демонтируется; введение карьерных моделей стало предлогом для полной чистки, для возврата всего аппарата профессиональных чиновников на стартовую позицию, а благодаря централизации решений о продвижении по службе и субъективному характеру этих решений на смену нормативной системе продвижения по службе пришли механизмы принятия решений, приводимые в движение политическими интересами. Если же и эти резиновые правила по-прежнему сковывают реализацию кадровых интересов приемной политической семьи, то «нормативная» среда приспособливается к ее запросам посредством введения скроенных по заказу правил;

- «нормативные требования к профессиональной подготовке» становятся относительными; в случае необходимости специальные разрешения открывают путь к должностям, для замещения которых ранее строго требовалась специальная подготовка;

- по мере продвижения по ступеням иерархии размеры текущих вознаграждений, имущественных прав и дотаций, сопровождающих «фиксированную зарплату», все сильнее превышают легальные доходы, что хорошо иллюстрируется несколькими неудачно заполненными имущественными декларациями; это не отдельные случаи коррупции, а выплаты, одобренные приемной политической семьей; в то же время лица, достигающие в государственной сфере ранга полигарха, и некоторые наместники попадают в положение вассалов, характерное для «сословного патримониализма», они имеют возможность самостоятельно хозяйствовать/обогащаться в порученных им, иногда формально не входящих в их компетенцию областях (к числу таких лиц принадлежат, например, бывшие бургомистры Дебрецена и Ходмезёвашархья Лайош Коша и Янош Лазар, а также Энди Вайна, правительственный комиссар по кинематографии и обладатель концессий на государственные казино).

5.6.4. Почему мафиозное государство не может считаться патримониальным режимом?

«Патримониальным следует считать всякое господство, ориентированное в основном на традицию, но осуществляемое на основании полного личного права господина», – пишет Макс Вебер^[106]. И продолжает: «О султанизме следует говорить в связи с таким патримониальным господством, при котором управление осуществляется в основном с помощью свободного, не связанного традициями произвола. Однако это различие совершенно нечеткое. От раннего патриархализма патримониализм и султанизм отличает существование связанного с господином личного *штаба управления*».

И все же, если это описание характерно и для управленческой практики мафиозного государства, то почему сложившийся таким образом режим нельзя считать патримониальным?

Во-первых, потому, что, как уже было сказано ранее, патримониальный режим несет в себе свою легитимацию: господин не нуждается в утверждении со стороны своих подданных, его не выбирают. В мафиозном государстве, напротив, социологическая природа власти (дискреционная, основана не на нормативных решениях, всеобщее господство патронажно-клиентарных отношений) и легитимация режима не гармонируют друг с другом, не совпадают. (Об этом еще будет сказано ниже.)

Во-вторых, мафиозное государство охватывает не всю систему управления, а лишь те ее элементы, которые важны с точки зрения идеологии, власти и материального обогащения. В иных, безразличных с этих точек зрения областях оно довольствуется обеспечением возможностей для вмешательства и лояльности аппарата, а также, если это необходимо, вознаграждением своих клиентов посредством раздачи постов. Оно и не заинтересовано в полной дестабилизации всех управленческих сетей, необходимых для современных обществ: располагая всеми возможностями для вмешательства, оно пользуется ими лишь в случае необходимости. Помимо прочего, это тоже отличает мафиозное государство от венгерских автократических режимов XX в. Правый, автократический режим Хорти, заняв верхушку бюрократического управления, реализовывал свои политические цели правомерными средствами, не нарушая при этом профессионализма, прусской педантичности и этоса функционирования подчиненного ему аппарата. Коммунистические режимы Ракоши и Кадара, с одной стороны, регулировали распределение позиций в огосударвленном обществе с помощью номенклатуры, порядка продвижения по службе, определяемого вне профессионального бюрократического аппарата, коммунистической партией, а с другой стороны, открыто обеспечивали властный контроль над неблагонадежными специалистами путем дублирования экономического и политического управления, посредством системы политических комиссаров, делегированных партсекретарей.

В-третьих, ни демократии, ни диктатуры хотя и по разным причинам, но одинаково не «нуждаются» в институте подставных лиц: просто в них все являются самими собой. Или на основании права, или на основании насилия.

5.7. Ликвидация общественной автономии

Конечно, складывание отношений патронажно-клиентарного типа характерно не только для собственно государственной сферы, но и для *негосударственных, автономных общественных институтов*: речь идет не только о подчинении, но и о *политическом укрощении* различных органов и учреждений от местных муниципалитетов до гражданской сферы и мира СМИ. Для этого может использоваться широкий ассортимент средств: *огосударствление – поглощение – подчинение – приручение – изоляция в «гетто» – вытеснение – ликвидация*.

5.7.1. Ликвидация местных автономий: «хозяйственно-эксплуатационные конторы» вместо органов самоуправления

Автономия муниципалитетов была ограничена правительством посредством расширения полномочий и структуры ведомств, подчиняющихся Министерству государственного управления и юстиции. После создания вызывающих исторические ассоциации «комитатских» правительственных ведомств были в значительной степени упразднены административные компетенции муниципалитетов, вслед за чем последовало учреждение также присвоивших муниципальные компетенции *районных правительственных ведомств*. В результате этого практически произошло огосударствление системы образовательных и медицинских учреждений, ранее находившихся главным образом в собственности муниципалитетов, которые обеспечивали их функционирование. *На самом деле муниципалитеты превратились в «хозяйственно-эксплуатационные конторы»*. Вернулся мир секретарей исполкомов советов, подчиненных правительству и партийному центру и навевающих воспоминания о системе советов коммунистической эпохи: в наши дни право назначения местной бюрократической государственной элиты снова возложено на различные уровни центрального правительства. Возникло такое *однооконное делопроизводство, когда из всех окошек на граждан смотрят вассалы политической семьи*.

Огосударствление значительной части муниципальных учреждений, а также изъятие на этом основании средств у муниципалитетов, причем в гораздо большем объеме, чем требовалось им для выполнения прежних функций, привели к тому, что 2900 из примерно 3200 муниципалитетов не располагают недетерминированными, то есть свободно используемыми – например, на нужды развития – денежными средствами. Так они превращаются из муниципалитетов в «хозяйственно-эксплуатационные конторы» с ограниченными полномочиями. «В 2014 г. запланированные бюджетные ассигнования на нужды местных самоуправлений были на 30 % ниже действительных расходов за 2010 г. Из источников финансирования урезанного местного бюджета были изъяты разделенные налоги на доходы физических лиц, что сократило экономическую заинтересованность на местах и увеличило

зависимость от дотаций. (...) В политизированном государственном управлении все это, естественно, работает только при **проявлении политической лояльности и служебного приспособленчества**. Соответствие пожеланиям местных избирателей становится менее важным, так как будущие результаты будут зависеть от получения внешних ресурсов, от характера единичных решений, касающихся данного населенного пункта. Это уже менее прозрачный процесс, который не поддается контролю со стороны избирателей и гражданских организаций и поэтому непременно сопряжен со значительными коррупционными рисками. (...) Может ли веберовская бюрократия результативно функционировать в рамках централизованного государственного сектора и при отсутствии системы политического и общественного контроля? При централизованном принятии решений будет расти информационная асимметрия, и это породит новые формы коррупции в новом механизме принятия решений»^[107].

5.7.2. Разрушение автономного пространства интеллектуальной деятельности: культуры и образования

5.7.2.1. Культура

Во время первого правительственного цикла «Фидес», в 1998–2002 гг., *смене элиты в области культуры* еще мешала многоцветность политической карты местных самоуправлений. Если тогда борьба еще шла за руководящие посты или крупные государственные заказы, то после 2010 г. намерения однозначно изменились: целью стал систематический захват распределительных позиций в различных сегментах культурной жизни.

В условиях культуркампа вопрос, поднимаемый с демагогической ссылкой на вкусы «простых людей», уже не просто в том, нужно ли тратить «на такое» деньги налогоплательщиков, – деятели культуры, критически относящиеся к режиму или считающиеся таковыми, объявляются в рамках криминализирующих их кампаний уголовными преступниками, мошенниками. По инициативе делегированного партией «Фидес» комиссара по борьбе с коррупцией судебные эксперты изучали в рамках процедуры, предназначенной для проверки инновационных тендеров и проектов в области высшего образования, осуществляющихся с привлечением частного капитала, наличие или отсутствие «соразмерных ценности продукта затрат» на написание философских трактатов и создание произведений современной живописи. Разрушающее культуру рвение под лозунгами «зачем нужна эта брехня» и «зачем нужны эти каракули» объединяет агрессию фрустрированных низов и подозрительность руководства «Фидес» по отношению к венгерской культурной элите, придерживающейся западных ценностей. Руководители «Фидес» и не понимают, и боятся этого «чужого» языка, этой «не нашей» культуры и поэтому используют против нее популизм, слепленный из смеси дурновкусия и зависти. Они понимают и разделяют чувство непризнанности, испытываемое местными «народными умельцами», их обиду на «глобалистов-абстракционистов» и на государственные средства обеспечивают своим сторонникам позиции в сфере культуры.

Однако проблема несколько сложнее, в ней нельзя разобраться с помощью традиционной интерпретации культуркампа.

По мнению «Фидес», *символические культурные площадки* даже случайно не должны попадать в руки чуждых нации сил. Либералам не пристало строить для народа Национальный театр и назначать его директора^[108]. Назначенный новым правительством директор даже распорядился освятить Национальный театр, как бы очертив этим цензурные рамки своего искусства. Это не просто вопрос раздела позиций и связанных с ними государственных дотаций. «Фидес» *сакрализует культуру*, символические элементы которой не могут служить для партии предметом торгов. «Фидес» *не потребляет, а ритуализует культуру и подает ее как священнодействие*. Причем с завидной настойчивостью, так как традиционным потребителям культуры этого совершенно не нужно. Но настоящая проблема даже не в этом, поскольку символы сакрализованной культуры *адресованы публике, стоящей вне культуры*. Сторонникам нового

курса уже не нужно ходить в театр, им достаточно потреблять культуру в виде политических деклараций или демонстраций. Это приносит им впечатления и чувство общности. Традиционные деятели и потребители культуры переживают этот процесс уже *не как борьбу за культуру, а как борьбу против культуры*. Из вопроса вкуса культура превратилась в вопрос веры, из искусства – в свидетельство о вере и тем самым – в прямое выражение политической позиции.

Фавориты главы политической семьи в качестве *наместников, исполняющих одновременно функции священнослужителей и кассиров*, осуществляют семейный надзор за различными сферами культуры от театра до кинематографии, от архитектуры до живописи и скульптуры, от серьезной музыки до Венгерской академии художеств и Национального культурного фонда. При распределении государственных средств они тратят время на создание всяких, пусть даже формальных комиссий и жюри лишь тогда, когда это требуется по закону, хотя работа этих органов все больше превращается в обряды приведения к покорности. Патерналистский вассалитет по-настоящему эффективен в тех случаях, когда данная область культуры зависит от государственных дотаций, от институциональной поддержки. Именно в этих областях деятели культуры наименее защищены от произвола.

В роли наместника могут выступать и уполномоченные премьер-министра (как, например, Имре Керени, ответственный за «заложение основ национального самосознания»), и правительственные комиссары (как, например, ответственный за кинематографию Энди Вайна или отвечающий за «координацию создания и реализации единой концепции серьезной музыки» уполномоченный правительства Андраш Батта), и президент Венгерской академии художеств (как, например, отвечающий за состояние изобразительного искусства Дёрдь Фекете), и директора театров (как, например, ответственный за театры директор Национального театра Аттила Виднянски). Они были просто назначены как наместники, ответственные за данные сферы культуры, и никто и не думал подкреплять эти назначения решениями всяких профессиональных, коллективных кураториев. Если нужно, эти наместники заказывают необходимые для реализации принятых ими решений поправки к законам, указы, услужливые жюри, кампании по подрыву репутации. Свою легитимацию они черпают не из функции в правовом государстве, а из полномочий, полученных от главы политической семьи. Да и акторы контролируемой ими культурной сферы уже относятся к ним как к помазаным, всевластным владыкам данной области.

В то же время культурная политика режима не догматична: ее принципиальность расчетлива, ее страстность рациональна. Однако в некоторых отношениях она не идет на уступки:

- оккупирует сакрализованные сферы и учреждения;
- удерживает под контролем государственные СМИ, имеющие широкую аудиторию;

- не уничтожает, а лишь атрофирует, морит голодом, иначе говоря, не оказывает государственной материальной поддержки представителям творческих профессий, творческим коллективам и т. д., не соответствующим ее политическим вкусам;
- не запрещает, а лишь оттесняет в область субкультуры или антикультуры.

Иногда канонизируются отдельные художники, но не их искусство, как это случается с теми *помещенными под защиту деятелями культуры*, творчество которых во всех отношениях является отрицанием приоритетов «Фидес» в области художественного творчества. Это кажущееся противоречие разрешается лояльностью художника к власти или по крайней мере его нейтральным молчанием. Больше того, если вкус олигархов политической семьи отличается от поддерживаемого властью мейнстрима, то они, если это им угодно, могут даже покупать долю в альтернативных художественных проектах и мастерских. В таких случаях даже возможно предоставление дотаций (например, дотации перестроенному из бывшей советской баржи клубу А38, считающемуся одним из лучших джаз-клубов в Европе) или возвращение временно приостановленных разрешений на деятельность (например, выдача разрешения на проведение фестиваля Sziget, считающегося одним из крупнейших летних музыкальных международных фестивалей).

Важнейшим ведомством, осуществляющим поддержку негосударственных и немунципальных культурных учреждений, является созданный в 1990-х гг. *Национальный культурный фонд (НКФ)*, перераспределяющий доходы от технических средств культурной деятельности, от телевизоров до принтеров и компьютеров, а также от сети государственного казино Szerencsejáték. Динамично растущие доходы фонда распределялись автономно, по конкурсам, на основании решений профессиональных кураториев. Подавляющее большинство членов этих кураториев делегировалось профессиональными организациями, и лишь 10 % всех доходов НКФ образовывали так называемую министерскую квоту. Уже при первом правительственном цикле «Фидес» эта квота была повышена до 50 % и было увеличено число представителей министерства в жюри. В 2002 г. социалистическое руководство министерства сократило министерскую квоту, но только до 25 %. Зато в 2012 г. правительство «Фидес» уже назначило главой НКФ самого министра и одновременно обеспечило ему право вето при вынесении всех решений, касающихся конкурсов, полностью подчинив тем самым по крайней мере частично автономное учреждение по финансированию культуры политическим интересам, задаче строительства клиентелы.

В 2000-х гг. предприниматели уже могли оказывать поддержку созданию фильмов за счет части налогов на прибыль своих фирм. В 2009 г. эта система распространилась на поддержку ассоциаций артистов-исполнителей (*льгота по налогу на прибыль фирм, используемая на определенные культурные цели*), что позволило создать значительный источник децентрализованно распределяемых средств. Однако за последние годы эта в принципе важная система материальной поддержки культуры претерпела сильные искажения.

Во-первых, к числу поддерживаемых видов деятельности причислили зрелищные виды спорта, в том числе и хобби Крестного отца, футбол, в результате чего часть средств откачивается в виде «платы за крышевание». Во-вторых, органы, финансирующие государственные и муниципальные культурные учреждения, пользующиеся дотациями из этого источника, начали, ссылаясь на него, сокращать объем финансирования. В-третьих, в результате популистской правительственной политики сокращения платы за коммунальные услуги находившиеся среди спонсоров крупные фирмы коммунального обслуживания стали убыточными, и большинство из них прекратило поддержку культуры. В-четвертых, политические опасения ограничивают поддержку культурных центров, критически относящихся к правительству. И наконец, в-пятых, сложилась целая коррупционная отрасль, «соревнующаяся» со старыми фирмами по менеджированию культурной деятельности за в немалой степени зависящие от политики и поэтому постоянно растущие посреднические проценты.

В «гетто» оказалась и *художественная и литературная критика*. На ее место пришла коммуникация правительственного покровительства любезного власти деятеля культуры. Находящиеся под контролем правительства СМИ с радиусом действия, далеко превышающим размеры аудитории творчества художника, могут возвысить, но могут и сбросить с пьедестала. Деятели культуры должны взвешивать риск открытого сопротивления, так как борьба с мафиозным государством, как правило, проходит в неравных условиях и приводит к материальному краху. Конечно, существуют жанры, потребление которых сильнее зависит от рынка, от отношения к ним за рубежом, поэтому они в меньшей степени зависят от государственных средств.

5.7.2.2. Образование, наука

С полным огосударствлением среднего образования участники образовательного процесса: родители, учащиеся, педагоги и финансирующие школы организации, в основном муниципалитеты, были лишены своих прав. Из *государственной услуги* образование превратилось в *государственную службу*, из школы была сделана казарма, а из преподавателя – офицер-инструктор. В результате этого:

- министр непосредственно назначает директоров более 5 тыс. венгерских школ, в которых решения о принятии на работу учителей принимают не директора, а районные правительственные чиновники;

- у венгерских педагогов есть теперь только один работодатель, Центр по финансированию учреждений (ЦФУ), поэтому их увольнение практически равносильно прекращению учительской карьеры; (после состоявшихся весной 2016 г. массовых демонстраций и забастовки преподавателей правительство решило разукрупнить ЦФУ, однако это не затрагивает монополии государственной власти над учителями); учителей в обязательном порядке причислили к Национальному корпусу педагогов, функционирующему в качестве приводного ремня правительства, в то время как поле маневрирования

профсоюзов было ограничено; директора школ могут отвечать на вопросы журналистов только с разрешения районного образовательного ведомства;

- руководство школ было лишено работодательных и хозяйственных прав, автономия педагогических коллективов была упразднена, их свобода разработки учебных планов урезана, а право выбора учебников ограничено двумя-тремя книгами по каждому предмету, предложенными министерством;

- фундаментом идеологической индоктринации образования служат ликвидация рынка учебной литературы, установление государственной монополии на распределение учебников, замена механизма аккредитации учебников специалистами на министерские конкурсы, узаконенное вытеснение с рынка частных издательств, выпускающих учебники, покупка некоторых из них государством и разорение других с помощью административных средств, изменение Национального основного учебного плана (НОУП) под знаком идеологии нового политического курса, обязательное преподавание Закона Божьего или этики и морали, а также регистрация в аттестате выбора школьника одного из этих двух предметов;

- установление политического контроля над каналами мобильности, в области гимназического образования, имеющего определяющее значение с точки зрения мобильности, предпочтение отдается церковным школам;

- в целях создания системы образования, соответствующей приоритетному представлению власти о кастовой структуре общества, верхнюю возрастную границу обязательного обучения намеревались понизить с 18 до 15 лет, но под влиянием протестов понизили «лишь» до 16 лет;

- в конце 7-го класса планировалось с помощью теста на профессиональную ориентацию отсеять учащихся, неготовых к поступлению в гимназию, и принудить их к раннему выбору профессии;

- сокращается число учащихся, получающих аттестат зрелости, уменьшено количество времени на преподавание предметов общего профиля вне гимназий; в профтехучилищах, не дающих аттестатов зрелости, оно уменьшено до 6 часов в неделю;

- централизованы условия распоряжения государственными средствами на образование, решения, связанные с необходимыми закупками и заказами, принимают уже не прежние органы, финансировавшие учебные заведения, – теперь уже само государство (ЦФУ) выбирает придворных поставщиков режима.

До сих пор наряду со сферой культуры, быть может, важнейшими защищенными учреждениями, представлявшими позиции критически настроенной интеллигенции, были *университеты*. Университетская автономия, профессорский статус и относительно поздний срок выхода на пенсию, обеспечивавшие защищенность сословного характера, служили для учено-преподавательской интеллигенции институциональными гарантиями свободы выражения мнений, в то время как свобода студентов обеспечивалась их статусом уже взрослых людей, еще не обремененных зависимостью, связанной с необходимостью материального обеспечения.

Прологом к укрощению никогда не отличавшегося храбростью университетского руководства стали три угрожающие акции правительства:

криминализирующая кампания и сфабрикованное расследование, направленное против либеральных философов и проведенное Правительственным контрольно-ревизионным управлением, общая финансовая и экономическая ревизия в университетах, а также резкое сокращение государственных дотаций. Эти акции обеспечили «понимающее спокойствие», с которым подавляющее большинство руководства и преподавательского состава университетов восприняло упразднение своих прав:

- согласно новому правовому регулированию системы высшего образования, министр получил право на принятие реального, то есть произвольного решения в сфере назначения ректоров (парадоксальным образом это уничтожило возможность шантажа со стороны органов студенческого самоуправления в высших учебных заведениях);

- право назначения хозяйственных руководителей университетов было передано министру экономики, функционирующему в качестве заместителя политической семьи, а введенный в 2014 г. пост канцлера обеспечивает занимающему его делегату министра почти неограниченные полномочия во всех хозяйственных вопросах в противовес ректору;

- запланированное введение совещательных органов при университетах (получивших название консисторий) служит не приемлемой цели выполнения специалистами исследовательско-преподавательских и менеджерских функций в руководстве университета, а полной ликвидации университетской автономии; предполагается, что три из пяти членов консистории будут назначаться министром, четвертый ее член, канцлер, изначально является правительственным назначенцем, а пятым членом должен стать ректор, при назначении которого решающим словом обладает министр, и, согласно проекту, уже для выдвижения кандидатуры ректора будет необходимо согласие консистории;

- ликвидирована хозяйственная автономия университетов, их резервы были сокращены, частично изъяты;

- после 2010 г. на место нейтральной с точки зрения конкуренции системы государственного финансирования высшего образования, учитывающей прежде всего выбор, сделанный учащимися, пришла система отдельных «торгов» на университетском уровне, которая может быть использована для правительственного шантажа;

- однако правительство не только решает вопросы образования с бюджетным финансированием, но и пытается административными средствами запретить в некоторых университетах обучение на платной основе, разрешенное Венгерской аккредитационной комиссией, обеспечив тем самым рынок для преферируемых им высших учебных заведений;

- руководство столкнувшихся с материальными трудностями университетов, стремясь максимизировать средства, сэкономленные благодаря увольнению преподавателей, само удалило значительную часть контингента преподавателей в возрасте 50–60 лет, высокую долю в котором составляли критически настроенные либеральные интеллигенты.

Своего рода абсурдом можно считать то, что в противовес университетскому обучению экономистов, внушавшему студентам

либеральные идеи, Венгерский национальный банк (ВНБ) создал в 2014 г. пять фондов образовательного назначения для пропаганды неортодоксальных экономических взглядов правительства. Многоступенчатое финансирование этих фондов потребовало около 250 млрд форинтов, что соответствует полуторагодовым бюджетным затратам на все венгерское высшее образование^[109].

5.7.2.3. «Одомашнивание» гражданских организаций

Понятно, что целью мафиозного государства является усмирение, приручение и подчинение не только автономных учреждений и организаций в сфере административно-властных противовесов, муниципальной власти и культурно-образовательной деятельности, но и неправительственных организаций (НПО).

Приведем обширную цитату из статьи бывшего председателя Совета Национального гражданского фонда Адама Надя Ц.: «В период либеральной демократии, последовавший за сменой режима, власть, не избежав профессиональных противоречий и пробелов, все же в основном подходила к гражданскому обществу на основе принципа *laissez faire*, полностью обеспечив возможность создания организаций, способ получения некоммерческого статуса и разнообразие финансирования. Несомненно, эта система тоже боролась с множеством детских болезней: суды крайне произвольно интерпретировали условия регистрации организаций (проведенные исследования вскрыли немало противоречащих друг другу судебных постановлений и т. д.), принцип финансирования отнюдь нельзя было назвать беспристрастным, однако эти пристрастия остались на низших уровнях принятия политических решений, не превратились в системный механизм.

По сравнению с этим функционирование автократических режимов основано на иной логике, которая может меняться, но в целом имеет ограничительную направленность. Характерный для режима Хорти механизм контроля за основанием и функционированием организаций (который скорее допускал деятельность местных организаций и скорее запрещал всевенгерские организации) был полностью уничтожен в коммунистическую эпоху. Затем – иногда средствами властного принуждения, секретных служб – было подавлено и само гражданское сотрудничество, а создание некоммерческих организаций просто не разрешалось. Несколько существовавших напоказ организаций подобного рода, вне всякого сомнения, не отвечали характерным для инициатив «снизу» критериям добровольности и автономности. Ограниченное разрешение деятельности гражданских организаций в атмосфере общественной разрядки 1980-х гг. тоже не позволяло канализировать социальные проблемы, а лишь должно было обеспечить отображение воли (коммунистической) партии в обществе.

Мафиозное государство использует методологию многоступенчатого одомашнивания. Первой ступенью является централизация и наместнический контроль за финансированием. Этот метод позволяет достигнуть результата в

случае большинства гражданских организаций, которые, как правило, заинтересованы не в политических декларациях, а в достижении своих собственных целей и поэтому, “правильно понимая” позицию наместника, получая от него деньги или обещание денег (см. очередь на получение поддержки по конкурсу), не протестуют против этого механизма функционирования. Если финансовое давление не достигает цели, государство использует находящиеся в его распоряжении возможности СМИ (как, напр., в случае группы Milla, гражданских организаций, связанных с оппозицией, и т. д.). Перед этой формой нажима не отступают уже только те организации, которые из традиционной триады задач гражданского общества (участие – услуги – контроль) стараются осуществить лишь задачу контроля за государственной властью. Если же и это средство не достигает цели, то для реализации воли правительства государство может применить и средства принуждения. И если первое средство не раз применялось и во время половинчатого внедрения в Венгрии демократической модели, то применение второго ранее едва имело прецеденты. Использование же средств государственного принуждения совершенно нехарактерно для демократического строя»^[110].

Мафиозное государство успешно справлялось с ликвидацией организаций гражданского сопротивления, по крайней мере до осени 2014 г. С одной стороны, автократический режим создает новый «национальный средний класс», располагающий конкретными привилегиями, дисциплиной и крепким в своей фрустрированности и искаженной гордости национальным самосознанием, систематически разрушая, с другой стороны, организационные, институциональные позиции сопротивления. Правительство натравило на венгерскую НКО Ökotárs, занимавшуюся распределением грантов норвежского Фонда гражданских объединений, Правительственное контрольно-ревизионное управление (ПКРУ), прокуратуру и Центр по борьбе с терроризмом (ЦБТ); министр, руководящий кабинетом премьер-министра, намерен организовать проверку гражданских организаций; и, по примеру России, планируется правовая стигматизация гражданских организаций, получающих зарубежные гранты. Осуществление контроля за государственной деятельностью гражданскими организациями и независимой прессой делает невозможным и поправка к закону о защите персональной информации и доступе к информации, представляющей общественный интерес. Эта поправка в трех пунктах ограничивает права, зафиксированные в законе:

- Упраздняется возможность анонимного доступа к информации.
- Лицо, обращающееся с запросом о предоставлении информации, должно заранее оплатить не только техническое, но и трудовое обеспечение предоставления информации.
- С данными документами, защищенными авторским правом, можно будет лишь ознакомиться, копировать их запрещается.

Было бы самообманом не замечать того, что в публичных протестах звучит *голос оттесненных на периферию общества*. Обладающие разветвленными

сетями, институционально укорененные профессиональные организации, палаты, сообщества и ассоциации не способны решительно выступать против нарушителей прав или интересов. Предписанное государством обязательное членство в профессиональных палатах сопровождалось изъятием у этих палат компетенций и средств. В свою очередь, гражданские организации должны поддерживать нормальные отношения с действующим правительством не только из-за возможных дотаций, но в интересах тех, кого они представляют. Это ограничивает их возможности сотрудничества с оппозиционными политическими силами. Преданные или «осиротевшие» члены организаций, действовавших за последние 20 лет, пытались создать новые, параллельные организации, которые компенсировали бы пассивность существующих подкупленных, подвергшихся шантажу или просто потерявших доверие объединений: наряду с имеющимися профсоюзами был создан профсоюз «Солидарность», наряду с Всеенгерской конференцией студенческих самоуправлений – Студенческая сеть, наряду с Профсоюзом работников высшего образования – Преподавательская сеть и т. д. Однако за отсутствием институциональной защищенности и средств эти новые образования не сумели окрепнуть и заменить своих скомпрометированных предшественников, парализованных правительством. А людям, открыто выражающим свое недовольство, критику и участвующим в демонстрациях, как правило нечего терять: они большей частью не зависят от расширяющегося государства или не имеют определенных занятий, потеряли работу, это пенсионеры, учащиеся, иначе говоря – *уже или еще социальные аутсайдеры.*

5.8. Патронажно-клиентарные отношения вместо классовых

5.8.1. Метаморфозы материальной незащищенности

Для поддержания концентрации власти необходимо принудить граждан к покорности или по крайней мере к молчанию. Средством подавления критического настроения является устрашение, основанное на материальной незащищенности людей.

Спустя два десятилетия после смены режима природа незащищенности принципиально отличается от той, которая была характерна для бывшей мягкой коммунистической диктатуры. В то время люди, имевшие квартиру, могли обеспечить свое существование на относительно небольшие доходы, учитывая низкие цены за жилье, коммунальные услуги и транспорт. К тому же из-за уравнительного подхода к формированию оплаты труда не существовало сопоставимых с нынешними различий в доходах и имуществе. В позднюю эпоху Кадара, не считая случаев политического подстрекательства, людей не отправляли в тюрьму по политическим причинам, да и увольнение с работы на длительный срок постигло лишь несколько дюжин интеллигентов, как правило принадлежавших к демократической оппозиции, политические репрессии чаще всего выражались в помехах профессиональной и служебной карьере, запрещении публикаций, изъятии загранпаспортов, неприятностях, чинимых служебным начальством или органами безопасности.

После смены режима изменилась и суть материальной незащищенности. ***На смену прежнему принципу «мало, но наверняка» пришел принцип «быть может, больше, но необязательно».*** Лишь кажущимся противоречием является то, что, несмотря на улучшение жизни, значительно выросло и чувство материальной неопределенности. Что с того, что выросло число частных телефонов (вместе с мобильными) с нескольких сотен тысяч до количества, превышающего численность населения страны, увеличилось количество машин с такого же уровня до 3 млн, вселилось в новые квартиры или поступило в университеты гораздо больше молодежи, чем раньше, а только на хорватское побережье моря ежегодно выезжает отдыхать около полумиллиона венгров, если в то же время появилась затяжная, беспросветная, продолжающаяся в течение нескольких поколений, массовая безработица, охватившая сотни тысяч людей, если широкие слои населения обросли долгами, погашение которых невозможно из-за кризиса, и если разорилась масса мелких и средних предприятий. ***Ныне уже есть что терять***, и за короткое время очень многие могут оказаться в безнадежном материальном положении. Потеря работы или, например, государственных или муниципальных заказов может мгновенно привести к подрыву некогда стабильного материального положения или банкротству преуспевающего предприятия. И все это происходит в обществе, в котором ненормально велико количество позиций и заказов, контролируемых государством (включая и

муниципалитеты), и это дает правительству практически неограниченные возможности для достижения своих властных целей.

В наши дни граждане могут лишиться не только характерного для поздней эпохи Кадара медленного обогащения и продвижения по службе – в случае конфликта с властью они могут потерять работу, состояние, капитал, профессиональный и моральный престиж, больше того, иногда даже и свободу. Могут оказаться не просто на нуле, но – из-за долгов – даже в минусе. Социальная деградация может быть не постепенной, а стремительной. Для всех, кто не имеет материальной базы, недостижимой для политических репрессий и шантажа, всякая непокорность может казаться безнадежной и очень опасной. Особенно по отношению к такой политической силе, которая **систематически стремится к принудительному размещению материальных статусов в субординационной иерархии** и ликвидации базы личной автономии.

5.8.2. Богатство форм патронажно-клиентарных отношений

Основополагающей целью мафиозного государства является уничтожение не только институциональных, но и непосредственно личных автономных позиций в политической, экономической и социальной сфере, а также их трансформация в своеобразную форму подчинения, патронажно-клиентарные отношения. Симптоматично проявление этого стремления в *рейтинге так называемых «самых влиятельных венгров»*^[111]. Если в плюралистическом обществе, основанном на принципе разделения властей, в рейтинге влиятельных лиц фигурируют не состоящие друг с другом в иерархических отношениях господства-подчинения, а, как правило, автономные, не зависящие друг от друга люди (от политиков до предпринимателей, от медиаперсон до профессоров университетов), то подавляющее большинство попавших в венгерский рейтинг обязаны своим влиянием Виктору Орбану и с потерей его благосклонности сами по себе оказались бы совершенно неинтересными. Какими бы субъективными ни были эти рейтинги, они все же отражают реальное субординационное положение. На вершине господствующей элиты оно воспроизводит ту систему связей патронажно-клиентарного типа, которая характерна для низших уровней общественной иерархии.

На место структур классового характера с автономным правовым статусом, оказывающих влияние посредством рыночных механизмов, по всей вертикали общества пришли вассальные, патронажно-клиентарные отношения, субординационные цепочки. Приемная политическая семья – складывающееся вокруг главы семьи путем личных и семейных связей, властное иерархическое образование с единым центром. В патронажно-клиентарную систему приемной политической семьи нет свободного входа, а лишь принятие, вынужденное вступление и подчинение, и нет свободного выхода, а только изгнание. Параллельно с уничтожением институциональных гарантий демократическое общество, функционирующее под защитой этих гарантий на основе массовых, слабых личных связей, сменяется миром, основанным на малом количестве крепких личных связей, на смену безличных, нормативных, правомерных отношений приходят личные, дискреционные и произвольные отношения. В диктатурах подчинение основано на открытом, тотальном и в конечном итоге непосредственном физическом насилии и осуществляется в более или менее одинаковом классовом положении. В свою очередь, в мафиозном государстве, при наличии институтов, формально еще показывающих характерные черты правового государства, патронажно-клиентарные отношения материальной зависимости приходится устанавливать множеством различных способов. Дело в том, что прямое уничтожение демократии, открытое упразднение прав и свобод личности, не говоря уж о прочих ограничениях, не имеют идеологической легитимации. Применительно к социальным группам различного статуса необходимо использовать различные технологии подчинения, означающего не стерильное институциональное подчинение, а включение в цепочки в основном личной зависимости и лояльности.

- В случае *работников государственного аппарата, крупных распределительных организаций* чистка, дошедшая до низших кадровых уровней, была осуществлена с помощью введения увольнения без объяснения причин и реорганизации. Было ограничено поле действия профсоюзов, а значительная часть их полномочий была передана организованным государством профессиональным палатам. Лояльность госаппарата, госслужащих обеспечивается посредством произвольно интерпретируемых, резиновых профессиональных и этических правил, централизации принятия решений о продвижении по службе, запретов на публичные заявления и установления барьеров, мешающих уволенным найти новое место работы в будущем.

- Огосударствление значительной части *муниципальных учреждений* (например, всей вертикали системы образования и здравоохранения) призвано помешать органам местного самоуправления в предоставлении убежища людям, воспротивившимся политической воле центра. Мало того, что система образования была настолько централизована, что министр должен лично назначать директоров всех гимназий, но, как уже упоминалось выше, назначенные таким образом директора даже не имеют право принимать на работу учителей, поскольку полномочия по приему на работу были переданы комиссарам районных административных ведомств.

- Есть *профессиональные группы*, чья деятельность имеет в основном рыночный характер, а интересы некоторых из них представляют автономные ассоциации, работу которых правительство пытается ограничить с помощью государственных монополий. К числу таких попыток можно отнести намерение правительства установить правило, по которому *архитекторы* смогут участвовать в подготовке реализации проектов, финансируемых Евросоюзом, не на основе рыночной конкуренции, а лишь при посредничестве центральной государственной проектной фирмы. Работа *фирм по организации конкурсов* станет просто бесполезной, если их задачи возьмут на себя министерства. Если же огосударствление-монополизация деятельности по представительству интересов каких-либо профессий сталкивается с трудностями, то власть *пытается оккупировать* их профессиональные организации, *палаты*, имеющие и публично-правовые функции. Такая, пока безуспешная попытка была сделана, например, в отношении адвокатской палаты, где целью борьбы было намерение заполнить лояльными к приемной политической семье лицами дисциплинарную комиссию палаты, которая имеет право с помощью гибких этических правил исключать адвокатов из палаты, лишая их тем самым адвокатской практики. А весной 2015 г. президент Будапештской адвокатской палаты сделал публичное заявление о том, что «один из членов Палаты сообщил, что, по неофициальным, но заслуживающим доверия сведениям, одна-две конторы “полностью прослушиваются” государственными служащими. О личности прослушивателей нет точной информации, речь может идти о полиции, о Службе по защите конституции (бывшая Служба национальной безопасности) или даже о ЦБТ. Это дело вызвало в Палате большое возмущение, так как организаторы прослушивания нарушают адвокатскую тайну и тем самым совершают правонарушение. Прослушивание может вестись лишь с определенной целью, общее прослушивание вестись не может»^[112].

● Что касается *мира науки*, то уже говорилось об ограничении университетской автономии, а также о создании механизма политического шантажа в сфере финансов и должностных назначений, который обеспечивает молчание и лояльность представителей данной сферы. Институциональная автономия *Венгерской академии наук (ВАН)* пока была затронута правительством лишь частично, когда, по постановлению парламента, идеологически лояльная к правительству ассоциация художников, Венгерская академия художеств, была объявлена частью Венгерской академии наук, а ее члены, подобно академикам, стали получать повышенное материальное вознаграждение. В то же время действовавшая и ранее в составе ВАН Академия художеств имени Сечени была оставлена правительством без материальных средств и потеряла свое значение. До 2012 г. в Венгрии существовало два главных типа *исследовательских учреждений, функционирующих в форме институтов*: академические исследовательские институты и министерские институты, оказывавшие помощь деятельности правительства. В качестве нового типа появились дублирующие общественно-научные академические институты, *политико-идеологические институты*, подведомственные непосредственно премьер-министру или министрам, как, например, Институт XXI века, Венгерский институт лингвистической стратегии, Институт истории «Веритас», Институт изучения истории смены режима и его архив и Исследовательский институт по разработке национальной стратегии. В этих случаях власти не тратили время на занятие или радикальную перестройку существующих структур, а просто обеспечили значительные финансовые средства новым правительственным учреждениям, занимающимся формированием сознания граждан, поставив во главе этих учреждений идеологических и финансовых наместников, привязанных цепью непосредственной, личной лояльности.

● Создание патронажно-клиентарных отношений служило не только усмирению, одомашниванию интеллигенции, элиты и основных сил трудящихся – эти отношения распространились и на нижние уровни социальной пирамиды. Жителей депрессивных населенных пунктов и/или членов социальных групп, особенно пострадавших от кризиса, крайне сильно затрагивает то, что в конкурентной сфере венгерской экономики практически не увеличивается число рабочих мест, а срок выплаты пособия по безработице был сокращен с девяти до трех месяцев, больше того, время от времени возникает идея его полного упразднения. Для этих людей, которые глубже других увязли в трясине затяжной безработицы, недостижимо даже это пособие, так как условием его выплаты является документальное подтверждение по крайней мере годового срока пребывания на работе за последние три года. *Общественные работы* в действительности представляют собой приспособленные к требованиям политической коммуникации правительственные программы на неопределенной финансовой базе, в рамках которых в месяц проведения парламентских выборов 2014 г. работало вдвое больше людей, чем месяцем позже, то есть после выборов. Работающие таким образом люди страдают не только от временного характера занятости, от неуверенности в будущем, а также от того, что им платят только половину положенной по закону минимальной зарплаты, но и от того, что их трудоустройство и увольнение является дискреционным правом глав

муниципалитетов, решения которых нельзя даже опротестовать в суде. В действительности это такая **институционализируемая правительством система батрачного труда**, в которой права и защищенность работников не достигают даже уровня, характерного для статуса батраков периода между двумя мировыми войнами. Не случайно участники общественных работ вынуждены мириться с тем, что их используют в качестве живых декораций на партийных мероприятиях, антидемонстрантов в случае противоправительственных демонстраций, сборщиков подписей в ходе протестной акции «Фидес» против квот на прием беженцев^[113] и работников в частных имениях местных тузов. Дальнейшим развитием этой последней идеи был законопроект министра внутренних дел, принятый парламентом в июне 2015 г., согласно которому сельские хозяева, желающие нанять поденщиков на срок с мая по октябрь, могут оставить заявление у глав местных муниципалитетов, которые отберут соответствующих работников, а затем передадут «списки районным ведомствам, которые, в свою очередь, предложат работодателям освободить работников от “выполнения общественных трудовых обязанностей и необходимости находиться в распоряжении работодателя”, после чего эти работники должны участвовать в выполнении сезонных работ, так как в противном случае они будут на три месяца исключены из общественных работ и получения пособий. Согласно законопроекту работник не будет иметь права уволиться со ссылкой на плохие условия труда, поскольку, оставив назначенную ему работу, он на три месяца потеряет и общественную работу»^[114]. К тому же «по законопроекту из общественных работ будут исключаться на три месяца и те, кто потерял рабочее место по обоюдному согласию с работодателем или уволился по собственному желанию»^[115]. «Трудовое общество», провозглашенное Орбаном в 2012 г. в противовес государству всеобщего благоденствия, «которое не вернется в Западную Европу, так как неконкурентоспособно»^[116], в действительности означает институционализацию незащищенности, характерной для батрачного труда. К 2018 г. Орбан намерен упразднить компенсационные выплаты к основному доходу, сокращая их ежегодно на четверть, и заменить их общественными работами^[117].

- В случае **лиц, располагающих собственностью**, средствами создания патронажно-клиентарных отношений, являются различные типы ограничения рыночно-собственнических прав. Эти средства располагаются на широкой шкале.

- На одном конце этой шкалы можно найти **сокращение числа заказов, распределяемых на основании рыночной конкуренции**. В основе формирования отношений зависимости лежит рецессия, порожденная экономическим кризисом: вследствие этого среди капиталовложений растет доля государственных заказов, и если параллельно с этим нормативные правила государственных конкурсов сменяются произвольными решениями по политическим мотивам, то это подрывает позиции значительной части независимых предпринимателей. Повышение в несколько раз ценового порога для госзакупок дает возможность массового освобождения от объявления конкурсов. В случае крупных инвестиций такие индивидуальные освобождения могут юридически оправдываться бесконечными ссылками на особо важные интересы

государственной безопасности или национальной экономики. Принятие непотистских решений относительно использования бюджетных средств облегчается тем, что в закон о бюджете, принятом в 2015 г., были смягчены и без того не слишком строгие правила участия в тендерах. «Данные, касающиеся победивших конкурсных заявок и их реализации, по-прежнему останутся публичными, зато информация о проигравших будет закрытой (что практически исключает позднейшее раскрытие злоупотреблений, как это было видно в случае концессий на аренду табачных киосков и земли), к тому же необязательным будет и обнародование данных о лицах, оценивающих конкурсные заявки»^[118]. А частое произвольное исключение из конкурсов авторов лучших заявок и ограничение возможностей обжалования подобных решений запускают социализационный механизм, под влиянием которого предприниматели либо «добровольно» избегают рынка государственных заказов, либо ищут укорененного в политической семье патрона, чтобы стать его подрядчиком. Так строится вассальная цепочка *придворных поставщиков*.

Еще одним средством создания клиентелы является *ограничение прав распоряжения имуществом*, как это произошло, например, в случае продажи земли, когда нормативные правила преимущественной покупки были дополнены требованием согласия на куплю-продажу со стороны местных земельных комитетов, находящихся под контролем «Фидес». Так, с одной стороны, собственник земли может быть «взят в заложники» невыдачей разрешения на куплю-продажу и, вследствие этого, искусственным понижением стоимости его собственности, а с другой стороны, квазиполитической организации предоставляется косвенное право на выбор кандидатуры в собственники. При огосударствлении сберегательных кооперативов возможность индивидуального политического шантажа была создана определением условий получения кредита.

Формированию патронажно-клиентарных отношений служат также произвольное изменение условий приобретения собственности (система аренды государственных земель) или *огосударствление тех видов экономической деятельности*, которые ранее не составляли государственной монополии и осуществлялись путем концессий, их присвоение и перераспределение между новыми концессионерами (концессии на табачные киоски).

На другом конце шкалы мы находим *take over*, то есть бескровное, но все же насильственное присвоение и/или перераспределение государственным средствами собственности или предприятий. (О поглощении мафиозным государством сферы экономики будет подробно сказано ниже.)

5.9. Средние слои властной пирамиды мафиозного государства: «новый национальный средний класс» – служилые дворяне, придворные поставщики

Вопрос в том, удастся ли складывающемуся мафиозному государству создать такую социально-сословную субординацию, которая вместе с управляемыми, но обеспечивающими бóльшую, чем в диктатурах, свободу выборами обеспечит сохранение нового автократического режима. Существуют социологические процессы, которые имеют более глубокие корни, чем институциональное ограничение критических выступлений и выражения мнений, и которые способны законсервировать автократический режим. В то время как политической формой «центрального силового поля» является автократия, *центральные социальные группы* получили эвфемистическое и пропагандистское название «национальный средний класс». Некогда, во времена социалистической демократии эпитет имел скорее отрицательное значение, так обстоит дело и в данном случае. Под «национальным средним классом», естественно, понимается не контролирующее власть сообщество автономных, относительно состоятельных граждан. Напротив, эпитет «национальный» указывает на идеологически и ценностно замкнутую, окруженную привилегиями, организованную в армейском порядке социальную группу, вхождение в которую или исключение из которой регулируется возрождающейся номенклатурой, которая, однако, на этот раз связана не с партией, а с приемной политической семьей. В настоящее время начинают складываться две опоры этого существующего в мечтах власть предержащих национального среднего класса.

Одна из них – «служилые дворяне», а другая – «придворные поставщики». К этим двум сословиям, которые являются средствами, обеспечивающими функционирование автократического режима, приспособляется институциональная перестройка в целом. *«Новый национальный средний класс» в действительности представляет собой подчиненный социальный слой вассалов с ограниченной интеллектуальной, рыночной и экономической свободой.*

5.9.1. Служилые дворяне

В качестве первого шага было централизовано государственное управление и ликвидированы общественные автономии, как формы территориального поселкового и городского, университетского, среднеобразовательного, научного и культурного самоуправления, так и самоуправление государственных СМИ. Централизованное государство, завоевавшее защищенные правами, свободами и автономией территории либеральной демократии, ликвидировало институциональную автономию государственных чиновников, состоящей на государственной службе интеллигенции и иных групп интеллигенции, ранее находившихся вне круга

госслужащих, но оказывавших значительное влияние на общественное мнение, и приступило к их включению в служилое сословие, маргинализации или изоляции в «гетто».

Начальным шагом в переводе состоящей на госслужбе интеллигенции в сословие служилого дворянства стали **всеобщая чистка** и часто сопровождающая ее кампания по стигматизации и криминализации. Постоянные объединения и упразднения учреждений, благодаря которым было осуществлено и резкое сокращение финансирования этих областей, лишь облегчили массовые увольнения.

Вторым шагом было **принуждение** групп состоящих на госслужбе интеллигентов к **вступлению в профессиональные палаты сословного характера**. Однако было бы **ошибкой говорить о корпорациях** в связи с находящейся в стадии создания системой государственной службы, поскольку существовавшие в своей классической форме в корпоративных режимах перед Второй мировой войной корпорации, действительно ограничивая конфликт между трудом и капиталом, все же служили опорой власти, обладая по отношению к ней определенной переговорной позицией. В Венгрии сословие служилых дворян, члены контингента служащих не обладают особыми льготами, для них это означает просто право на получение рабочих мест в государственной сфере в противовес тем, кто, не принадлежа к чиновничьему слою, лишен этой возможности. Этический кодекс обобщает в форме малого катехизиса нормы поведения, то есть лояльности, тех, кто не входит в политическую семью. Члены сословия служилых дворян **имеют сословные преимущества, но не имеют сословных свобод**. Они не воплощения «среднего дворянства» феодальных времен, обладающие неотъемлемыми правами, вытекающими из их позиции, а приученные к армейскому порядку служилые чиновники и ставшие чиновниками укрощенные интеллигенты.

В мафиозном государстве вассальное положение незащищенных, открытых произволу, принужденных к подчинению социальных групп не сопровождается вассальным статусом. Это ограничивает адекватность метафорического сравнения с феодализмом даже в целях пояснения. В то же время в случае интеллигентов, принужденных к объединению в различных профессиональных палатах, вассальное положение отчасти имеет результатом и вассальный статус. В противоположность профессиональным палатам цивилизованного западного мира (пусть даже и с обязательным членством в них), которые в первую очередь занимаются обеспечением качества, то есть защитой потребителей, а также ограничением воздействия рынка, **палаты мафиозного государства являются созданными государством организациями по обеспечению лояльности**. Например, из текста присяги адвоката изъята часть, касающаяся хранения тайны, зато, помимо прочего, появилась фраза «исполняет свои обязанности на благо венгерской нации», которая звучит достаточно абсурдно, если, например, предположить, что адвокату иногда приходится представлять интересы своего клиента именно против Венгерского государства. Но и жанр

этического кодекса тоже достаточно гибок для того, чтобы, будучи облеченным в правовую форму, служить основой для практически любого произвола.

Профессиональные объединения в действительности являются приводными ремнями, они не имеют переговорных позиций, а лишь предоставляют формальные рамки для рекрутирования. Однако эти организационные формы – то есть семейная, клановая мафиозная организация и ее ответвления вниз, сословие лиц, не входящее в первый класс привилегированных, то есть «служилых дворян» и «придворных поставщиков», – *отличаются и от форм, характерных для левых тоталитарных диктатур* прошлого. Тогда в этом не было необходимости, поскольку не существовало иных рамок, кроме партии-государства, а функцию сдерживания и контроля отчасти выполняли официальные профсоюзы. Ныне же в Венгрии, а в различной степени и во многих посткоммунистических режимах, существующих вне Евросоюза, имеются области, недостижимые для организованного криминального «надполюя» и неподвластные ему. В физическом смысле режим не закрыт, как были закрыты коммунистические диктатуры в прошлом, ведь в то время даже нельзя было покинуть страну, к тому же тот режим контролировал все сферы жизни. Достаточно вспомнить бывший статус «общественно опасного тунеядства»: социалистическое государство не только определяло, кто может занять ту или иную позицию, не только регулировало условия продвижения по службе, но и не позволяло никому исчезнуть из системы, в которой у всех было свое зарегистрированное место. Тотальный контроль охватывал все общество. В противоположность этому внимание посткоммунистического мафиозного государства концентрируется только на узловых пунктах принятия решений и осуществления сделок, а также на сетях, пронизывающих общество.

Третьим шагом является продолжающееся до сих пор *установление непосредственного контроля за процессами рекрутирования* на основании принципов новой номенклатуры. К тому же посредством перестройки системы высшего и среднего образования к этой системе подключаются и каналы мобильности недалекого будущего. Серьезным изменениям подвергается и порядок пополнения «новой национальной» *политической и государственной служебной элиты*. С 1990-х гг. непрерывно растет роль церковных гимназий в подготовке гуманитарной элиты. За последние годы Католический университет имени Петера Пазманя играет почти исключительную роль в подготовке молодых юристов для находящихся под контролем «Фидес» властных учреждений, например прокуратур. Теперь же, когда «Фидес» находится у власти, настало время отказаться от вынужденных мер времен пребывания в оппозиции и основать высшее учебное заведение, которое будет соответствовать карьерным моделям государственной службы, имеющим сословный характер. Этой цели служит новый *Национальный университет государственной службы (НУГС)*, созданный путем слияния бывшего Института государственного управления, отрезанного от Университета Корвина, а также Института подготовки офицеров полиции и Университета национальной обороны имени Миклоша Зрини. И чтобы у нас не возникало

никаких сомнений относительно духа этого нового учреждения, его разместили в здании, в котором до Второй мировой войны размещалось офицерское училище «Людовика» и из которого ныне пришлось выселить находившийся там Музей естественных наук. Это символически выражает военный этос, служебно-надзорный характер создаваемого порядка. Теперь в новом университете будут обучать будущих членов единого сословия служилых дворян от работников секретных служб до полицейских, от офицеров до служащих госуправления, которые станут звеньями цепочек власти-подчинения, обеспечивающих армейский порядок. Видимо, в будущем определится круг государственных должностей, которые можно будет занимать только с полученным здесь дипломом. Дальнейшие шаги могут быть логически выведены из философии автократической власти. Это – менделеевская таблица властной логики, пустые клетки которой рано или поздно заполняются по мере возможности. Пока, для начала, НУГС получил монополию на преподавание определенных предметов, обучение которым в других университетах запрещено. К ним относятся, например, «государственные науки», монополизацией которых пытаются ослабить юридические факультеты других университетов, несмотря на протесты последних. Вопрос о том, что же такое «государственные науки», является, конечно, не научным, а кадровым: диплом об усвоении этих наук, что бы они ни означали, будет выдаваться только Национальным университетом государственной службы, а без этого диплома нельзя будет занимать определенные государственные должности по принципу «набирайте госслужащих только из янычарского училища»^[119]. В обосновании законопроекта, внесенного в июне 2015 г., недвусмысленно обозначена «цель поправки (...), состоящая в том, чтобы только в НУГС можно было вести высшую образовательную деятельность по подготовке госслужащих в области государственных наук и государственного управления, правоохранения, военного дела, национальной безопасности, а также международной и европейской административной службы».

5.9.2. Придворные поставщики

В качестве второй опоры нового национального среднего класса возникает сословие придворных поставщиков, которое является практически исключительным исполнителем всех заказов, каким-либо образом связанных с государством, а также имеет возможность спокойно строить организованное криминальное «надполье» за счет немалой части евросоюзных финансовых источников развития. Это еще раз показывает ошибочность параллелей с различными формами социалистической диктатуры, так как там не возникало частных состояний, накопленных с помощью государства, а для номенклатуры того времени были гораздо менее характерны семейные связи. В свою очередь, мафиозное государство представляет собой рекрутированную приемную семью. Это и есть национальная «семейная модель», реализуемая партией «Фидес». Мафиозное государство ставит под контроль приемной семьи все

более обширные сферы частного хозяйства. Применяемые при этом средства крайне разнообразны.

После принятия законов о госзаказах и государственных капиталовложениях особого значения, давших возможность произвольно выбирать среди экономических игроков, скрывать стало нечего, поскольку *мафиозные методы превратились теперь в законный порядок ведения дел*. В результате этого бюджетные заказы и, парадоксальным образом, евросоюзные средства делают возможным быстрое и крупномасштабное формирование сословия придворных поставщиков. Одни возвышаются, другие дискредитируются, на место экономической конкуренции приходят придворные концессии или экономический ostracism. Мгновенно возникают связанные с «Фидес» мегапредприятия, как, например, фирма Vegyérszer в период первого цикла правления «Фидес» и фирма Közgép после 2010 г., которые вместе со своими субподрядчиками образуют вассальную лестницу. Запретительные директивы помогают ориентироваться принимающим решения чиновникам низших уровней. Так максимальное количество участников рынка подчиняется государственному контролю и включается в субординационный порядок, охватывающий придворных поставщиков. Речь идет не о простой, повседневной коррупции, так как она не нацелена на исключительный и полный контроль за ресурсами. Логика мафиозного государства иная: подобно тому как организованное криминальное подполье не допускает появления конкурентных «сборщиков дани» на своей территории, так же и мафиозное государство стремится прекратить «кормление» независимых, а особенно критически настроенных предпринимателей и учреждений из источников, зависящих от государства. Поэтому в случае средств, контролируемых государством или находящихся под его влиянием, уже нет настоящей конкуренции, нет беспристрастности, зато уже созданы правовые рамки и условия для раздачи государственных милостей на основании индивидуального подхода. Это – существенная предпосылка для соответствующего ориентирования хозяйственных акторов и принуждения их к принятию новых правил. Несоблюдение правил, продиктованных мафиозным государством, позиция «изгоя» не только делает безнадежными все попытки доступа к источникам средств, но и принуждает наивных предпринимателей совершать некупаемые затраты.

5.9.3. Прочность «нового национального среднего класса», подавление сопротивления

Прочность, стабильность этой социальной группы совершенно иная, чем у отдельных избирателей. Тем, кто получил какой-либо пост благодаря механизму властной контрселекции, уже есть что терять, это и привязывает их к новому режиму.

Члены служилого дворянского сословия получили свои посты не благодаря профессиональным знаниям, а благодаря требуемой от них безусловной

лояльности. Так исчезают профессиональный этос, достоинство государственного служащего, когда он может считать, что для достижения успеха ему достаточно профессиональных знаний и политического нейтралитета. Пост, полученный благодаря знаниям, превращается в должность, которая была дана ему из милости и в любой момент может быть отобрана. В итоге государственный служащий становится заинтересованным в сохранении режима, поскольку любые перемены несут ему материальный риск. Необходимость преодоления чувства незащищенности, кроющегося в состоянии подчиненности, усиливает побуждение к самоотжествлению с режимом, благодаря чему в этом социальном слое стабилизируется *доля воодушевленных приверженцев правительства*.

Кадровые замены в профессиональных аппаратах и на до сих пор независимых постах, занимаемых интеллигенцией, существенно отличаются от ротационных волн, сопровождавших прежние смены правительств: во-первых, своей массовостью, во-вторых, степенью требования политической лояльности, оттеснившего на задний план соображения профессионализма, в-третьих, требованием соответствия дисциплинарному порядку армейского типа и, наконец, в-четвертых, тем, что уволенные работники наталкиваются на закрытые двери во всех учреждениях, связанных с государством, что еще больше укрепляет дисциплину среди сохранивших место работы. Это последнее явление может считаться реальным или виртуальным внесением служащего в список запрещенных, политической стигматизацией, имеющей результатом полное исключение из сферы государственной службы. Такого рода запрет на работу знаком по временам коммунистического режима.

Дисциплину оставшихся после просеивания служащих укрепляет и сознание огромной разницы в доходах, которые они получают сейчас и которые они могли бы получить на рынке рабочей силы на основании своих способностей. А в сословии придворных поставщиков размеры возможных потерь и прибылей могут измеряться целыми состояниями. Если добавить к этому неопытное рвение «прозревших» пожилых поколений, то окажется, что *силу пробуждения у этого сословия национального самосознания* не следует недооценивать. Подобно арматуре в железобетоне, это недоступная для опросов общественного мнения область слияния воли отдельно взятых представителей социума, где для членов сословия четко объединены идеология, программа и материальное положение. Представителей этого сословия изображают членами национального среднего класса, да они и сами верят в это, хотя в действительности они лишь составные части субординационного, вассального порядка в звании «от унтер-офицеров до офицеров».

Консолидация мафиозного государства означает, что покорные могут быть вовлечены в режим, контролируемый приемной политической семьей, хотя и в разных премиальных категориях. Поэтому перспективы консолидации не следует недооценивать, ведь этот *режим готов простить и принять*, хотя и не по тем нормам, которые мы обычно имеем в виду, употребляя это

выражение. Раскаяние и принятие сопровождаются определенными семейными правилами, обязательствами и вознаграждением. Их удостаивается множество лиц, кажущихся чуждыми режиму: бывшие коммунисты, работники секретных служб, оступившиеся интеллигенты, оробевшие деятели культуры, некогда считавшие себя самостоятельными предприниматели...

5.9.4. Главное преступление – нелояльность

В мафиозной семье организованного криминального подполья существует единственное преступление, подлежащее наказанию, – нелояльность. Это справедливо и для все большего круга общественных, политических, государственных, хозяйственных постов, попавших под влияние организованного криминального «надполья». Лояльность является непременным условием назначения или получения доли. Желаящие порвать с режимом или выступить против него могут быть подвергнуты репрессиям за то, за что нельзя быть наказанным в демократическом обществе, и такими средствами, которые неприменимы в условиях демократии. В результате ограничения и ликвидации демократических институтов и складывания патронажно-клиентарных отношений в распоряжении власти оказались недоступные в условиях действующей демократии средства принуждения к молчанию и покорности. Главным образом они касаются материального положения людей, на которое могут влиять в полной мере и долгое время. Как известно из уголовной практики, жертвы насильственного нанесения материального ущерба молчат, так как в противном случае их может постигнуть еще бóльшая беда. А если они все же начинают говорить, то могут сделать это лишь в таких СМИ, аудитория которых составляет лишь малую долю населения.

На мафиозный характер управления страной указывает и то, что *не существует возможности мирного выхода из системы по собственному решению*. Тот, кто однажды вступил или был рекрутирован в политическую семью, тот или будет отпущен главой этой семьи, или подвергнется преследованиям везде, куда бы ни занесла его судьба. Кем бы ни были эти люди, пусть даже президентами республики, министрами или парламентскими депутатами, выдвинутыми политической семьей, все они знают, что последует за сопротивлением семье или выходом из нее. Это будет не просто потеря определенных преимуществ, но и, быть может, полный материальный крах. Упразднение защищенного статуса бывшего члена политической семьи означает не только разрешение, но буквально обязанность произвести его «отстрел».

Так как преступлением считается только нелояльность, в случае, если члены приемной политической семьи совершают какие-либо другие противозаконные или аморальные действия, то в организованном криминальном «надполье» они пользуются безнаказанностью. При этом не имеет значения, что именно было совершено: коррупционное преступление, разоблаченная внутри семьи подделка официального документа или

внутрисемейное (в обычном значении этого слова) насилие. Если общественное мнение резко повернется против разоблаченного или если его дело получит крайне негативную международную оценку, то может случиться, что он будет принесен в жертву. Однако в одном он может быть уверен: **политическая семья не отпустит его руку**. В крайнем случае, по аналогии с программами по защите свидетелей, ему дадут возможность начать свою жизнь сначала в другом месте, удалив его из сферы, отслеживаемой общественным мнением. Но лишь в том случае, если он лоялен. В этом сила режима: он не выдает своих «чужим». И для тех, кто знает, какими бедами грозит неподчинение и какую защищенность дает приспособление к режиму, и в то же время видит, что организованное криминальное «надполье» укрепляет и расширяет контроль над обществом, исчезает не только возможность, но и рациональный смысл сопротивления. Не случайно введенный Банфилдом термин **«аморальный фамилизм»**, характеризующий пропитанные мафиозными обычаями отношения в среде бедного населения Южной Италии, может быть использован и для характеристики правил и моральных норм, регулирующих поведение приемной политической семьи мафиозного государства^[120]. Перед изгоями семьи/нации мы не должны держать ответ и проявлять к ним солидарность. А тот, кто не выдерживает этих патронажно-клиентарных отношений, исключаяющих меритократическую состязательность, или не хочет примириться с ними, в крайнем случае может покинуть страну, если имеет такую возможность. Уже много сотен тысяч человек работают за границей, и многие не обязательно по материальным соображениям, а потому, что не хотят, чтобы их профессиональная или деловая карьера почти полностью зависела от лояльности к власти.

Внутри Евросоюза власть все равно не может воспользоваться хорошо опробованными средствами классических диктатур. Так не полезнее ли для нее, если беспокойные элементы не будут путаться под ногами здесь, на родине? Волнуют ли ее, что уезжают те, кто располагает способностями, востребованными и на международном рынке? Стоит ли физически закрывать страну, если без этого режим более стабилен? Именно поэтому, хотя многие думают, что однажды страна окажется на пороге социального взрыва, вряд ли это когда-либо произойдет. Ведь то, что сейчас происходит, представляет собой очень **чувствительное, утилитарное равновесие между вознаграждением и насилием**. Средства устрашения и запугивания применяются сбалансированно. Хотя мафиозное государство кажется эмоциональным, на самом деле это не так, оно лишь с целесообразным рационализмом использует эмоции других. Оно не уничтожает, а просто лишает – статуса независимого интеллектуала, бизнеса, родины... Пока это делается не так, как в некоторых восточных посткоммунистических вариантах мафиозного государства, где, из-за низкого по сравнению со странами Евросоюза **порога насилия**, политические оппоненты могут легко очутиться в тюрьме, да и покушения тоже не считают редкостью.

5.10. Поборы как экономическая политика: система особых налогов

Представления руководителей мафиозного государства о соответствующем характеру власти будущем обществе связаны с созданием имеющего однозначную субординационную организацию нового национального слоя собственников и среднего класса от магнатов до мелких предпринимателей. Им видится отборная социальная группа, амбициозные, любящие и создающие порядок члены которой объединены стремлением к порядку и верой и не сворачивают с правильного пути. Эту создаваемую социальную группу, стоящую в центре политики «Фидес», действительно легче сплотить на основе системы ценностей, обозначенной лозунгом «Бог, Родина, семья», чем с помощью бывших альтернативных, либеральных ценностей. Состоявшаяся в прошлом «вылазка» в столицу провинциальных парней из общаги считается теперь ошибкой молодости, разворотом. «Руководители “Фидес” вышли из того возвышающегося слоя провинциальной интеллигенции и полуинтеллигенции, который сохранил классические венгерские консервативные ценности. Не потому, что они были теоретически хорошо подготовленными консерваторами, а потому, что в провинциальном обществе эти ценности были обязательными, их впитывали с материнским молоком. (...) Освободившись от правил нелиберального мышления, принесенные из дома ценности начали пробиваться на поверхность из глубинных слоев души», – объяснял этот «душевный перелом» Дюла Теллер, один из идеологов «Фидес»^[121]. Однако было бы ошибкой считать их нынешнюю риторику только лакировкой, мимикрией, хотя при этом она, конечно, вполне может быть циничной. Их семейное обогащение гармонично укладывается в рамки описанных выше представлений об обществе, и в душе они даже оправдывают его, воображая себя «благородными разбойниками», добывшими то, что им причитается по справедливости. Конечно, в сказках младшему сыну было гораздо проще добыть полцарства, ведь его не связывали всякие досадные формальности правового государства и правила несовместимости. Только с учетом этого можно интерпретировать экономическую политику «Фидес».

Циклы экономической политики *социалистов*, которые были уродливым продолжением цикличности, наблюдавшейся в период плановой экономики, представляли собой *чередование равномерного орошения поверхности бюджетными средствами и рестрикционных мер, действовавших по принципу газнокосилки*, чего либералы не смогли предотвратить, несмотря на все свои усилия. Раздачи, не стимулировавшие экономический рост, а нацеленные на привлечение электората, исчерпали источники стабильного, устойчивого развития, а не сопровождавшиеся реформами рестрикционные меры вряд ли могли способствовать созданию моделей эффективного, рационального хозяйствования. Количество сфер, в которых были введены серьезные, системные реформы до 2010 г., можно подсчитать на пальцах одной

руки: сюда относятся создание частных пенсионных касс, реформа высшего и отчасти среднего образования и создание контрактной, профессиональной армии.

Для подчиненной властным соображениям экономической политики партии «Фидес» характерна **комбинация целенаправленных субсидий и поборов**. В экономической политике социалистов группы бенефициаров раздачи бюджетных средств и жертв ограничительных мер выступали в качестве ценностно-нейтральных, так сказать, социально-статистических категорий: если была возможность, то давали всем, если же под давлением безличных внешних причин нужно было отбирать, то, пока было можно, отбирали у учреждений. В политике «Фидес» субсидии и изъятия идеологически мотивируются и соответствующим образом преподносятся. Субсидии (налоговые льготы, старый и новый Планы имени Сечени, осуществляющиеся на евросоюзные средства) служат «здоровому умножению нации», «сохранению нации», укреплению «национального христианского среднего класса», то есть политической семьи в широком смысле этого понятия.

Введением единой налоговой ставки, то есть пока еще безличным, нацеленным не на лица, а на социальные группы перераспределением доходов в пользу высших слоев населения, «Фидес» пробила в бюджете дыру на сумму около 600 млрд форинтов (2 млрд евро). Это удалось лишь отчасти компенсировать резким сокращением государственных расходов на крупные распределительные системы: муниципалитеты, социальное страхование, здравоохранение, образование и культуру. Таким образом, началось идеологически мотивированное расхищение части частных сбережений.

Для изъятия сбережений частных пенсионных касс нужно было разжечь страсти, утверждая, что частные пенсионные кассы «теряют деньги на бирже». И поскольку криминализующей кассы кампании оказалось недостаточно, были пущены в ход средства устрашения, шантажа членов касс, прозвучала угроза потери государственной пенсии, а сохранение членства в кассах было технически затруднено. С помощью этих средств удалось обеспечить *присвоение* государством большей части имущества касс общей стоимостью 3 тыс. млрд форинтов. Украденные государством средства пошли отчасти на сокращение государственного долга, а отчасти на затыкание бюджетных дыр^[122]. Специфический характер ограбления частных пенсионных касс заключается в том, что в этом случае члены этих касс предположительно переживали свои потери гораздо более непосредственно и эмоционально, чем в случае других, косвенных поборов. И все же, несмотря на это, лишение членов касс их сбережений прошло без особого общественного протеста, с пострадавшими «расплатились» неопределенным обещанием выплаты государственных пенсий в будущем.

5.10.1. Некоторые типы особых налогов до 2010 г

Особые налоги появились в Венгрии уже в период смены режима. Государственные изъятия средств, названные после смены режима особыми

налогами, создавали целевые (earmarked) финансовые источники для реализации важных отраслевых целей. Отраслевые министры, понимавшие, что им не удастся из года в год отвоевать эти источники в ходе бюджетных дискуссий, постарались добиться согласия Государственного собрания на создание автоматически функционирующих ресурсов субсидирования. Однако по своим целям, сфере действия и объему эти налоги резко отличались от той системы, которая возникла после 2010 г. Один из типов образовывали налоги, приданные определенным целевым фондам и как бы питающие их. Отвлекаясь сейчас от частично отделившейся от бюджета системы пенсионных и медицинских взносов, от пособий по безработице, которые с середины 1990-х гг. финансируются объединившим различные фонды Фондом рынка рабочей силы, и от программ обучения взрослого населения, рассмотрим несколько примеров того, какие конкретные социальные цели привели к созданию замкнутых цепочек финансирования в форме введения ряда новых особых налогов.

В 1989–1998 гг. функционировал поддерживаемый за счет части акцизов на топливо *дорожный фонд*, который должен был решить проблему, возникшую из-за того, что не существовало обособленных, поддающихся стабильному планированию и обеспечивающих амортизацию средств на расширение и эксплуатацию дорожной сети. В результате этого финансирование связанных с дорожной сетью проектов осуществлялось в ритме циклического чередования периодов крупных разгонов и остановок. В 1999 г., во время первого правительственного цикла, «Фидес» упразднила дорожный фонд, чтобы получить средства, которые можно было бы использовать более свободно.

Причиной создания *Национального культурного фонда* в 1993 г. и *Инновационного фонда* в 2004 г. было стремление использовать наряду с институциональным финансированием и более гибкое программное финансирование, конкурсный механизм которого основывался бы на решениях автономных кураториев. Для пополнения первого фонда были введены налоги на промышленные отрасли по производству технических средств распространения культурного продукта, а для пополнения второго – на средние и крупные предприятия. Применение этих вынужденных методов финансирования обосновывалось и тем, что в ходе парламентских бюджетных дискуссий финансовые средства легко утекали в сторону учреждений, обладавших сильными переговорными позициями, а также на повышение зарплат государственных служащих и увеличение пенсий, что сулило непосредственные политические выгоды.

Банковский налог, ставка которого в 2005 г. была определена в 24 % прибыли финансовых предприятий, – в отличие от 16-процентной ставки для всех других предприятий – уже воплощал в себе межсекторные различия. Согласно аргументации министра финансов, эта добавочная финансовая тягота наложена на такой сектор экономики, в котором «значительная часть увеличившихся прибылей была достигнута не за счет собственных усилий и собственной деятельности, а благодаря внешним обстоятельствам, отчасти на

деньги налогоплательщиков»^[123]. (Здесь министр намекнул на увеличившие прибыли банков щедрые государственные субсидии на компенсацию части затрат на уплату процентов по ипотечным кредитам, которые были введены еще предыдущим правительством, сформированным партией «Фидес».) Введенный в 2009 г. так называемый *налог Робин Гуда* предусматривал выплату крупными фирмами по снабжению и торговле энергией особого 8-процентного налога, который мог быть использован на компенсацию высоких цен на центральное отопление и модернизацию отопительных систем. Совершенно очевидно, что здесь речь идет о внутрисекторном перекрестном финансировании, с помощью которого социалистическое правительство (либералы вышли из коалиции в 2008 г.) попробовало оказать помощь наименее материально защищенным группам жителей панельных микрорайонов, причем постаралось примирить общественное мнение с особым характером этих финансовых обязанностей, нарушающим общий принцип «отбираем у всех», объявив этот особый налог временным. Таким образом, банковский налог должен был быть упразднен через два, а налог Робин Гуда через три года, если бы в 2008 г. не разразился мировой финансовый и экономический кризис. Несмотря на то что ни величина, ни цель этих дополнительных платежей не мотивировалась стилизованным под общие интересы частным интересом, направленным на вытеснение, разорение противников, идеологически-пропагандистское название и обоснование особых налогов все же предвещало скрывавшиеся в их использовании опасности и антирыночные возможности. Заверения во временном характере этих налогов вызывали неприятные ассоциации, достаточно вспомнить заголовок статьи из газеты «Веспреми напло» от 1983 г.: «Офицеры временно находящихся в нашей стране советских войск получают собственные квартиры».

5.10.2. Систематическая эскалация особых налогов после 2010 г

Поначалу финансовые изъятия в виде особых налогов, обеспечивавшие бюджетное равновесие, существовали не только в качестве идеологизированных *поборов-наказаний*. Столкнувшись с необходимостью выполнения предписаний, предусматривавших для Венгрии, которая подверглась процедуре чрезмерного дефицита, сокращение в определенных темпах размера бюджетного дефицита ниже 3 % от ВВП, правительство, сформированное «Фидес», не могло без компенсации приступить к выполнению своего единственного предвыборного обещания, крупного и радикального сокращения налогов. Без введения особых налогов это немедленно подбросило бы до 6–7 % бюджетный дефицит, только что пониженный с трудом правительством Байнаи до 4-процентного уровня. К тому же элементарный политический интерес заставлял «Фидес» сохранить и премиривать свою главную потенциальную социальную опору, «национальный средний класс», а немедленным средством для этого было введение единой налоговой ставки на доходы физических лиц (НДФЛ). Компенсация не поступивших из-за этого в бюджет огромных доходов была осуществлена уже с помощью широкой системы «кризисных налогов». Новое правительство просто воспользовалось унаследованными от правительств Дюрчания и Байнаи налоговой структурой и риторикой, сохранив даже надежду на временный характер «кризисных налогов», но сразу расширив их спектр. В итоге четыре вида кризисных налогов были подчеркнута нацелены на отрасли экономики (финансовый сектор, энергетика, телекоммуникация и сети магазинов мелкой торговли) с повышенным участием иностранного капитала. Воспользовавшись антибанковскими настроениями, окрепшими во всем мире из-за кредитного кризиса 2008 г., правительство Орбана с самого начала подчеркивало пенитенциарный характер особых налогов в финансовом секторе. (Хотя в Венгрии ставшее необходимым спасение банков было осуществлено западными материнскими банками и ничего не стоило Венгерскому государству.)

Уже тогда было видно, что экономическая политика «Фидес» является нечем иным, как непрерывной борьбой между антропоморфизированными силами «строительства нации» и «разрушения нации»: особыми налогами облагаются банки, «вырабатывающие сверхприбыль», телекоммуникационные компании, энергетические фирмы, коммунальные предприятия, мультинациональные компании, «вывозящие свою прибыль за границу», «производители гамбургеров», продающие «вредную для здоровья» пищу. Эти акции пользуются немалой общественной поддержкой, поскольку после смены режима простые люди чувствуют, что, в то время как крупные системы угнетения (однопартийная система, монополия государственной собственности) были уничтожены, все же сохраняются определяющие

повседневную жизнь малые системы угнетения и подчинения. В материальном отношении граждане стали, если это возможно, еще более незащищенными перед лицом бюрократии, коммунальных предприятий и банков. Это чувство неопределенности, эта фрустрированность *могли быть трансформированы в эмоции, поддерживавшие и легитимировавшие правительственные меры по сбору особой «дани»*.

В настоящее время налог на прибыль и «общие и нормативные выплаты» мелкого бизнеса составляют лишь 37 % всех взносов хозяйствующих субъектов, пишет бывший либеральный министр экономики Иштван Чиллаг и продолжает: «Большинство, 63 % взносов предпринимателей составляют поборы, наложенные на отдельные фирмы, группы предприятий, то есть “по индивидуальной мерке”». Нечего и говорить, что цель таких поборов, выходящих за рамки предсказуемых, общих условий, как и цель облегчения или аннулирования общеобязательных финансовых взносов, в безграничном произволе»^[124]. Придя к власти в 2010 г., «Фидес» «пообещала упразднить треть существовавших тогда 52 различных налогов, однако, по данным Национальной налоговой и таможенной службы (ННТС), к июню 2014 г. их количество увеличилось до 72. Если добавить к этому новые виды финансовых изъятий, заявленные в бюджете на 2015 г., то количество каналов отчислений увеличится примерно вдвое»^[125].

Характерная черта особых налогов состоит в том, что увеличение бюджетных доходов никогда не составляет их единственной цели. Некоторые из них приносят ничтожный с бюджетной точки зрения доход и лишь наносят ущерб непосредственно затронутым ими целевым лицам или предприятиям. Поэтому так интенсивна сопровождающая введение этих налогов идеологизированная, воинственная, стигматизирующая правительственная коммуникация. Среди реальных целей этих налогов, помимо увеличения доходов, могут фигурировать политически мотивированное наказание, вытеснение с рынка, желание поставить кого-то в невыгодное положение по сравнению с предприятиями, связанными с политической семьей, подготовка покупки или огосударствления, идеологические цели, цели, связанные с приоритетным для власти образом жизни, или любая комбинация перечисленных целей. Важно то, что, помимо заинтересованности в увеличении бюджетных доходов, все остальное служит не легитимным целям всего общества, а целям укрепления власти и обогащения приемной политической семьи.

5.10.2.1. Основные типы особых налогов[\[126\]](#)

- Одним из пенитенциарных налогов, скроенных «по индивидуальной мерке», был введенный в 2010 г. **98-процентный особый налог на выходное пособие для государственных служащих и должностных лиц**, имевший обратное действие до 2005 г. и задуманный в качестве политической мести. Конституционный суд аннулировал обратное действие налога, который, однако, и так нанес удар по госслужащим, уволенным после смены правительства. После того как волна чисток улеглась, правительство понизило ставку налога, который, между прочим, принес ничтожный доход, до 75 %, но при этом создало возможность компенсировать убытки собственным сотрудникам при переводе на новую должность за счет индивидуальных решений.

- **Налог на рекламу** был введен после того, как усилия «Фидес» по приобретению двух крупных коммерческих телеканалов принесли лишь частичный успех. С помощью до сих пор вызывающей вопросы сделки в бизнес-структуру дуэта олигархов Шимичка – Нергеш удалось включить TV2 в сферу интересов, зато в случае канала RTL Klub это не удалось. Информационные программы одного из ранее аполитичных, нейтральных по отношению к сменам правительства развлекательных каналов, TV2, вскоре удалось поставить на службу правительственной коммуникации, зато в случае канала RTL Klub это не удалось. Поразрядная прогрессия налога на рекламу, введенного с целью усмирения и вытеснения, была определена так, чтобы RTL Klub, получающий 16 % всех рекламных доходов попадающих под действие налога организаций, выплачивал 54 % бюджетных доходов, получаемых от этого вида налогов. На RTL Klub ложится наибольшая налоговая тягота по отношению к ценовым доходам, 15 %. И хотя аналогичный показатель канала TV2 тоже достигает 11 % [\[127\]](#), все же, в то время как RTL Klub не получает государственных рекламных заказов, потери TV2, попавшего в круг политической семьи, с лихвой компенсируются доходами от спонсорской рекламной поддержки государства. К тому же закон был изменен таким образом, чтобы дружественному каналу не нужно было платить налог за 2014 г.

- Резко повышенная в 2015 г. **плата за надзор за сетями продовольственных магазинов** лишь в незначительной степени затрагивает сети продовольственных магазинов, принадлежащих венгерским собственникам. «Сетям СВА и Соор почти не придется платить, в то время как для дисконтных магазинов и гипермаркетов поразрядное повышение платы за надзор за сетями продовольственных магазинов означает бóльшую нагрузку, чем кризисный налог. (...) При ценовых доходах выше 300 млрд форинтов **прежняя ставка платы увеличивается в шестьдесят раз**. Это означает, что, например, платежные обязанности Tesco как сети магазинов с наибольшим торговым оборотом с приблизительно 600 млн форинтов увеличатся примерно до 12 млрд форинтов, крупнейшим супермаркетам придется заплатить в общей сложности около 20–35 млрд форинтов» [\[128\]](#). Возможность дискриминации иностранных торговых сетей по сравнению с венгерскими создается поразрядной платой, которая равняется нулю, если годовой оборот составляет менее 500 млн форинтов, а затем, многоступенчато повышаясь с 1 промилле, достигает 6 % в случае оборота на сумму более 300 млрд форинтов. И хотя общий торговый оборот сети Соор, принадлежащий венгерским собственникам, а также сети СВА, поддерживающей

правительство организацией «Мирных маршей» и другими кампаниями, достигает трех четвертей торгового оборота Tesco, их деятельность по системе франчайзинга практически освобождает от платежных обязательств, в отличие от Tesco, который при осуществлении расчетов выступает как одно предприятие.

● Плата за надзор за сетями продовольственных магазинов является одной из многих мер правительства в «национально-освободительной борьбе» против мультинациональных сетей супермаркетов. Предыдущие меры еще не достигли намеченной цели. К их числу принадлежали, например, также поразрядный *кризисный налог*, а также принятый в 2012 г., но вступивший в силу лишь в 2015 г. закон, получивший название *плаза-стоп*, по которому для строительства и расширения универмагов площадью более 400 м² требуется особое разрешение, выдаваемое в качестве личной «милости». По сообщению Министерства национальной экономики, «с начала действия закона “плаза-стоп” поступили 224 просьбы о выдаче разрешения, в 135 случаях (60 %) разрешение на строительство было дано, а в 89 случаях (40 %) просьба была отклонена»^[129]. Это означает, что лишь от прихоти правительства зависит, какой торговый центр получит возможность расширить инфраструктуру, а какой – нет. Есть компании (например, СВА, венгерская сеть универмагов, руководство которой поддерживает тесную политическую дружбу с правительством), все просьбы которых были удовлетворены, но есть и такие (например, иностранные компании Penny, Lidl, Aldi, Tesco и Metro), все просьбы которых были отклонены^[130]. Но недостаточно воспрепятствовать расширению мультинациональных торговых сетей, правительство пытается добиться их вытеснения с рынка и создания для них невыносимых условий. Для этого был специально расширен арсенал средств. Принято решение об обязательном закрытии магазинов в воскресные дни (об этом будет сказано ниже), а также запрещена доставка на дом онлайн-заказов с 10 часов вечера до 6 часов утра и в нерабочие и воскресные дни. Далее^[131]:

– с 2016 г. будут закрыты дисконт-магазины, супер– и гипермаркеты, работающие на территории объектов всемирного наследия;

– будут запрещены бесплатные автобусы, следующие из центра города в торговые центры;

– будет запрещена ночная работа магазинов;

– будут закрыты или лишены права продажи продуктов первой необходимости крупные магазины, которые будут убыточно работать два года подряд;

– согласно законопроекту от октября 2015 г., в магазинах площадью более 400 м² должно быть занято по крайней мере по одному работнику на 70 м², что почти удвоило бы среднюю численность работников, наблюдающуюся в настоящее время^[132]. Позже правительство отказалось от введения этого закона.

Существует мало столь же показательных примеров функционирования мафиозного государства, как эта попытка осуществить замену собственников с помощью бескровных средств государственного принуждения, в результате которой власть желает видеть в освободившихся сегментах рынка и роли собственников не просто «венгерских» предпринимателей, а именно членов приемной политической семьи, являющихся не автономными

предпринимателями, а связанными с Крестным отцом олигархами и подставными лицами. Чтобы у нас не осталось никаких сомнений относительно целей этих мер, Ласло Бальдауф, президент СВА, сам заявил, что «в настоящее время нашей важнейшей задачей является расширение путем приобретения магазинов уходящих с венгерского рынка фирм, как это произошло с магазинами Profi и Match»^[133]. В другой раз он предстал перед публикой в качестве вероисповедника: «Я – большой поклонник господина премьер-министра Виктора Орбана, знаю его лично и обычно навещаю его в Фелчуте. Слава богу, господин премьер-министр лучше всех знает, что нужно сделать в этой стране для возвышения нашей нации, и то, что он делает, он делает очень хорошо»^[134]. Перераспределение рынка средствами государственного принуждения было осуществлено под «национальным» знаменем, а между тем не следует забывать о том, что в ассортименте Tesco или Spar доля венгерских продуктов ничуть не меньше, чем у их венгерских конкурентов. Больше того, через свою невенгерскую сеть магазинов Tesco обеспечивает ежегодный экспорт венгерского продовольствия на сумму около 65 млрд форинтов^[135].

- В 2015 г. был введен **налог на солнечные батареи**, которые впредь будут считаться продукцией, сильно загрязняющей окружающую среду. Сумма налога, 117 форинтов за килограмм, в два раза превышает сумму налога на аккумуляторы^[136]. Это вызвало недоумение даже у опального госсекретаря по охране окружающей среды в предыдущем правительстве Орбана, Золтана Иллеша, который назвал необъяснимым правительственный законопроект, согласно которому «предписывается **введение налога** на солнечные батареи, больше того, **на важнейшие компоненты ветряных электростанций и тепловых насосов**. Такое может предложить только человек, не имеющий понятия о важнейших принципах устойчивого развития и любой ценой старающийся выполнить идущее сверху требование и доказать, что восстанавливаемая энергия дороже атомной»^[137]. Бесплезно размышлять над вопросом, почему правительство действует вразрез с доводами трезвого разума, выражающимися в международных тенденциях. Ответ на него скрывается в последнем предложении процитированного заявления, но с уточнением, что правильнее говорить не просто об «атомной энергии», а о «русской атомной энергии». Иначе говоря, о сделке с другим автократом, Путиным, ни один из элементов которой не соответствует требованиям прозрачности и объявления конкурсов на госзаказы, которая достаточно крупномасштабна и в случае реализации станет такой же крепкой, как некогда «нерушимая советско-венгерская дружба», и на долгие десятилетия обеспечит благоденствие политической семьи. Проект расширения **атомной электростанции в Пакше** стоимостью 3000 млрд форинтов будет соответствовать этим критериям в том случае, если ослабленная российская экономика окажется способной обеспечить предфинансирование этой сделки. В этой истории опасно смешиваются российские геополитические интересы и частные интересы венгерской политической семьи.

- С 2010 г. система особых налогов в основном строилась на **банковском налоге** и **особых налогах на другие отрасли экономики**. Под влиянием глобального финансового кризиса 2008 г. банковский налог был введен в

нескольких странах, однако его ставка сильно отставала от венгерской. Если в других странах размер налога колебался между 0,02 и 0,2 % ВВП, то в Венгрии он превзошел 0,7 % ВВП^[138]. К тому же постоянный недобор 500–600 млрд форинтов налога на доходы физических лиц из-за введения одноставочной системы, вынужденное упразднение отраслевых особых налогов, израсходование средств, отобранных у частных пенсионных касс, и стремление удержать бюджетный дефицит в рамках 3 % – все это настойчиво вынуждало правительство вопреки обещаниям сохранять банковский налог, а также открыть еще один финансовый кран с большой пропускной способностью. С 2013 г. роль такого крана играет **налог на финансовые транзакции**. Два банковских финансовых крана казались очень удобными еще и потому, что давали возможность эффективно сочетать риторику национально-освободительной борьбы с антибанковской и антибанкирской, уже «хорошо зарекомендовавшей себя» в прошлом. Правительство даже пообещало, что банки не переложат эти тяготы на плечи клиентов, и под этим предлогом продолжало демонстрировать свой воинственный настрой, в то время как по истечении некоторого времени позитивный баланс притока капиталов из-за границы обеспечивался уже исключительно благодаря вынужденной капитализации венгерских банков, принадлежащих иностранным собственникам, осуществляемой материнскими банками.

Несмотря на то что общая сумма банковского налога и налога на финансовые транзакции составляет приблизительно 400 млрд форинтов в год, правительство вынуждено искать дальнейшие объекты налогообложения. В 2010–2014 гг. сумма особых налогов увеличилась с 361 до 846 млрд форинтов. Мы являемся свидетелями строительства своего рода пирамиды, в которой все больше экономически и политически рискованных решений, вызывающих непредсказуемые последствия и эффект бумеранга. Самым показательным из них был проект введения так называемого **налога на Интернет**, который был настолько плохо подготовлен, что размеры доходов, которые были бы реально изъяты на основании указанных параметров налогообложения, в нереальной степени, многократно превысили бы запланированные правительством 20 млрд форинтов. Осенью 2014 г. уже никто не верил в то, что этот налог будут платить не пользователи Интернета, что вызвало самые крупные массовые протесты против правительства «Фидес». Этим своим шагом правительство вызвало раздражение молодежи, ранее не интересовавшейся политикой, но достаточно сознательно относящейся к жизни.

Типизация особых налогов по их целям

(+ = неважная; ++ = умеренно важная; +++ = важная; ++++ = очень важная)

Особые налоги	Роль в повышении бюджетных доходов	Дискриминация отдельных секторов	Внутри-секторная дискриминация	Вытеснение, занятие рынка	Наказание по политическим мотивам
98%-ный особый налог на выходные пособия			+++		++++
Банковский налог	++++	+++	++	+++	++
Налог на финансовые транзакции	++++	+++		+	
Налог на страхование	++	++			
Налог для оплаты лечения после несчастного случая	++	++			

Особые налоги	Роль в повышении бюджетных доходов	Дискриминация отдельных секторов	Внутри-секторная дискриминация	Вытеснение, занятие рынка	Наказание по политическим мотивам
98%-ный особый налог на выходные пособия			+++		++++
Банковский налог	++++	+++	++	+++	++
Налог на финансовые трансакции	++++	+++		+	
Налог на страхование	++	++			
Налог для оплаты лечения после несчастного случая	++	++			

5.10.2.2. Косвенные особые налоги

Встречаются и «косвенные особые налоги», которые уплачиваются не государству, а потребителям. Как правило, налоги такого характера появляются в *форме настолько заниженных государственных цен*, что у затронутых ими предприятий изымается не только прибыль, но и средства, предназначенные для амортизации и развития. Больше того, если принудительная государственная цена опускается ниже суммы эксплуатационных расходов, то такая мера имеет двойную цель: вытеснение предприятия с рынка и вербовка электората в кругу потребителей услуг затронутой фирмы (фирм). Наиболее продуманной мерой по этой логике является *снижение платы за коммунальные услуги*. В то время как «борьба за снижение платы», непрерывно ведущаяся с 2012 г., была главной акцией по привлечению электората в предвыборной кампании правительственных сил, она одновременно стала и средством истощения и вытеснения с рынка собственников затронутых фирм, как правило иностранных. Наиболее нуждающиеся жители страны получают от этой акции ощутимый подарок (снижение коммунальных расходов), и очевидна и личность благодетеля (правительство). А если кто-то все же не может своими силами связать эти два факта, то правительство приходит на помощь, обязав рассылающие счета предприятия коммунального обслуживания печатать эту информацию на счетах

хорошо заметным шрифтом: так рекламные материалы ежемесячно прибывают в 3 млн семей. На предприятия, пренебрегающие этой обязанностью, накладываются огромные штрафы. Конечно, логика рынка накладывает ограничения на достижимость этих волюнтаристских целей, и затраты на эти поборы окольным путем, менее заметно перекадываются на потребителей. Но рост расходов, проявляющийся в других сферах, и ухудшение качества услуг имеют безличный характер, во всяком случае в них нельзя непосредственно обвинять правительство. Если же такие попытки будут сделаны, то это станет предлогом для продолжения идеологизированной национально-освободительной борьбы против «врагов нации» и поможет правительству в достижении коммуникационных целей. Окончательным итогом этой акции стала предписанная законом обязанность оказания коммунальных услуг только некоммерческими предприятиями.

Однако такое положение нередко оказывается ловушкой: один из крупных поставщиков газа EMFESZ разорился, а не примирившиеся с постоянными убытками, то есть не желавшие играть роль денежного насоса в борьбе за понижение платы GDF Suez, E.ON и Tígáz, находившийся в собственности итальянской государственной энергетической фирмы ENI, вернули общую лицензию на поставку газа Венгерскому ведомству энергетики и коммунальных услуг (ВВЭКУ). Принудительное огосударствление с завоеванием позиций на рынке поставило перед неразрешимой задачей и венгерское государственное предприятие Főgáz, вынужденное в соответствии с требованием понижения платы за коммунальные услуги поддерживать потребительские цены ниже уровня реальных затрат и одновременно не допускать падения уровня услуг и ухудшения инфраструктуры. Это было бы возможно лишь в том случае, если бы направление действия денежного насоса изменилось и дефицит средств восполнялся за счет бюджета. Однако это запрещено правилами ЕС. В итоге может случиться так, что «правительству придется умерить свой популизм, навязываемый посредством энергетического ведомства»^[139].

Похожие правительственные устремления наблюдаются и на рынке электроэнергии: «Предприятие Elmű-Émász, управляемое немецкой фирмой RWE, готовится по истечении 2015 г. продать и передать Венгерскому государству некоторую часть своего имущества, в том числе и право на снабжение населения электроэнергией. В соответствии с декларацией о намерениях, подписанной в мае представителями Венгерского государства и немецкой стороны, поставляющая электроэнергию группа передаст т. н. право на универсальное обслуживание, включающее в себя и обслуживание населения, государственному предприятию ENKSZ, в несколько этапов продаст свое дочернее предприятие по обслуживанию клиентов, а также венгерские компании по эксплуатации сетей (по 49 % в каждой). Одна из таких дочерних фирм, Elmű Hálózati Kft, на днях объявила в фирменном бюллетене о сокращении капитала с 261 млрд до 228 млрд форинтов. Возможно, среди причин этого решения фигурирует и налог на коммунальные сети, касающийся эксплуатирующих сети государственных и муниципальных фирм»^[140].

«Снижение государственных цен и скупка предприятий коммунального обслуживания привели лишь к росту убыточности коммунальных услуг и налоговых тягот населения. В начале 2016 г. разразился крах в сфере водоснабжения: из-за трюка с платой за коммунальные услуги пять государственных предприятий по водоснабжению накопили задолженность в десятки миллиардов форинтов. Ее стараются компенсировать увольнением 2000 служащих, а правительство стремится погасить убытки с помощью финансовой инъекции из бюджетных средств размером в десятки миллиардов форинтов. А убытков много: начиная с 2014 г. только в сфере водоснабжения снижение платы за коммунальные услуги привело к ежегодному уменьшению доходов на 20–25 млрд форинтов, что в два раза превышает результат, достигнутый отраслью до 2013 г. (...) После трубочистов, местных предприятий по уборке мусора и поставщиков газа павшими героями борьбы за снижение платы за коммунальные услуги будут государственные коммунальные предприятия, занимающиеся водоснабжением. Убытки от экономически нерентабельного и нарушающего европейские законы снижения платы за коммунальные услуги по-прежнему будут нести коммунальные предприятия и население, которому придется оплачивать дефицит на других основаниях, а выгоду (по крайней мере, в средней перспективе) будет получать только правительство, которое под лозунгом снижения платы сможет купить – хотя и по высокой цене – множество голосов электората» – так оценивается ситуация на одном из лучших веб-сайтов, занимающихся выяснением и анализом фактов^[141].

Другой формой косвенного особого налога стало **обязательное закрытие магазинов в воскресные дни**, которого требовал партнер «Фидес» по коалиции, Христианско-демократическая народная партия (ХДНП), настолько маленькая, что в одиночку она даже не поддается измерению в опросах общественного мнения. В 2015 г. это требование после долгих мук было облечено в форму закона, касающегося магазинов площадью менее 200 м², в которых работают не собственники этих магазинов и не их родственники. Это тоже хитроумное средство для очищения рынка и освобождения государственными средствами мест для приятелей из числа отечественных предпринимателей. Критики этой меры предсказывали, что ее результатом станет сокращение объема розничной торговли, увольнение нескольких тысяч служащих и значительное уменьшение налоговых поступлений. Однако эта мера, затрагивающая значительную часть торгового оборота, не только может затормозить экономический рост, но и является идеологически мотивированным, насильственным вмешательством в привычный образ жизни граждан. Чувствуя широкое недовольство намерением правительства внушить людям, что «лучше идти в церковь, чем в магазин», Всевенгерский союз предпринимателей (ВСП) даже выступил с инициативой проведения референдума по этому вопросу. Однако контролируемая сторонниками «Фидес» Национальная избирательная комиссия и суд провалили все инициативы гражданских организаций и оппозиционных партий, направленные на проведение референдума. Своевременному внесению

социалистами предложения о проведении референдума правительство смогло помешать только с помощью футбольных фанатов-скинхедов. Масштабы растущего общественного негодования вынудили правительство пойти на уступки. Стараясь свести до минимума политические потери от результатов будущего народного референдума, оно в апреле 2016 г. инициировало в парламенте отмену закона о закрытии магазинов в воскресные дни.

5.10.3. Государственные санкции в ответ на социально-экономическую реакцию, вызванную особыми налогами

Стремление фирм переложить на чужие плечи тяготы различных поборов, особых налогов дает возможность правительству с большим шумом применять все новые иллюзорные меры на благо народа и создавать множество организационных форм для произвольного политического вмешательства. Были созданы *ценовый спецназ*, чтобы обложенные поборами мультинациональные фирмы не могли поднимать цены, а также *группы мониторинга заработной платы и налогов*, чтобы заставить частных предпринимателей компенсировать своим служащим снижение доходов, последовавшее из-за изменения налога на доходы физических лиц. А Правительственное контрольно-ревизионное управление (ПКРУ) напало на уже ограбленные частные кассы, чтобы лишиться сбережений на сумму около 200 млрд форинтов примерно 60 тыс. человек, которые, несмотря на правительственный шантаж, сохранили членство в этих кассах. Чем более абсурдны действия правительства и чем меньше они укладываются в логику рынка, тем в большей степени получают морализующе-криминализирующий характер. Создание козлов отпущения и методический подрыв репутаций как учреждений, так и олицетворяющих эти учреждения лиц стали органической частью экономической политики.

Мафиозное государство методично подминает под себя и подталкивает к смене собственников часть крупных сетей, располагающих частичной или локальной монополией – от банковского сектора до сферы общественных услуг, – потребителями которых являются венгерские граждане. Эти сети неизбежно используются жителями страны, не могут быть укрыты от государства за границей и поэтому могут быть обложены «данью» в виде государственных цен или иных регуляторов. А там, где функционирует рынок, мафиозное государство пытается создать искусственную монополию. Так организованное криминальное «надполье» добывает себе собственность, а также – с помощью создания государственных монополий, регулирования цен и гарантированной прибыли – верные доходы. Оно провозглашает трудовое общество, но в действительности наживается за счет денег, полученных от других за «крышевание».

5.10.4. Особые налоги «наоборот»: стратегические соглашения или взаимные льготы

Если есть возможность собирать дань, то государство накладывает поборы или вытесняет, занимая чужое место. Если сбор дани невозможен, то оно заключает стратегические соглашения, как, например, с фирмами Audi, Coca-Cola, Daimler, GE, Microsoft, Richter, Samsung, Sanofi, Synergon и т. д.^[142] Единственное исключение составляет, пожалуй, только Tesco, так как иногда случается, что правительство одной рукой дает «подзатыльник», а другой гладит по голове. (Среди стратегических партнеров можно найти церкви и даже футбольный клуб.) Значительная часть продукции предприятий-партнеров сбывается не на отечественном рынке, так что с помощью закона нельзя обеспечить необходимую прибыль, в то же время эти предприятия используют венгерскую рабочую силу и платят в Венгрии соответствующие налоги. Существует некий предел терпения: если организованное криминальное «надполье» слишком прижмет их, они могут просто покинуть страну, хотя в случае производственных предприятий осуществление такого решения может потребовать 4–5 лет, пока не устареет применяемая технология. В целом их труднее шантажировать, поэтому правительство заключает с ними договоры о партнерстве. В таких случаях сделка может основываться на взаимной заинтересованности, а не на чистом насилии.

В 2013 г. министр иностранных дел и внешней торговли Петер Сиярто, еще будучи госсекретарем, заявил, что может быть заключено более 50 стратегических соглашений, так как «эта программа вызвала у предприятий интерес из-за возможности систематических консультаций с правительством. Для некоторых фирм это может означать преимущество внутри группы похожих предприятий при выборе мест для новых капиталовложений». Это звучит достаточно красноречиво. По мнению антикоррупционного журналистского расследовательского сайта atlatszo.hu, «во всех случаях с инициативой установления более тесных связей выступало правительство, а значительная часть обхаживаемых предприятий чувствовала, что им сделано предложение, от которого нельзя отказаться, так как в случае отказа они лишатся определенных льгот, да еще, возможно, на них обрушится меч неортодоксального правотворчества и налогообложения. Однако, если верить слухам, несколько фирм все же не побоялись отвергнуть предложение правительства»^[143]. Преимущества, обеспечиваемые правительством фирмам, заключившим стратегические соглашения, иногда заметны даже в условиях объявляемых конкурсов.

5.11. Насильственный отъем – ротация экономической элиты

Смена режима стала вынужденным результатом экономического краха социалистического режима, таким образом, экономический кризис, выразившийся в потере восточных рынков и массовом разорении государственных предприятий, был не следствием, а причиной перелома. Это верно, даже с учетом того, что неизвестная в предыдущие десятилетия безработица, охватившая сотни тысяч человек, возникла только после 1990 г., изменив, повысив или понизив ценность прежних карьер, знаний и навыков. Смена режима отчасти уничтожила прежде легитимный механизм *индивидуального обогащения, существовавший в эпоху Кадара* и действовавший по принципу *«старайся, приятель, тогда и тебе достанется»*, но при этом не создала соответствующую западным ценностям культуру и консенсусный механизм, с помощью которых можно было бы приобрести состояние легитимным, нравственным с общественной точки зрения путем. Поэтому получилось так, что за последние два десятилетия можно было постоянно *строить политические программы, основанные на стремлении к переделу собственности*.

К тому же с этой точки зрения венгерская история была достаточно бурной. В более счастливых западных демократиях отношения собственности складывались в течение многих десятилетий, столетий преемственности, что сделало возможным органическое формирование среднего класса. В Венгрии, наоборот, только за прошедшее столетие целые социальные группы были лишены имущества, насильственно причислены к другим классам общества; произвол властей разрушил их материальное благосостояние и заставил изменить привычный образ жизни. Это могло произойти по расовым, этническим, идеологическим причинам, в результате изменения их позиции в обществе или перекройки территории страны.

Историческая неопределенность отношений собственности никогда не позволяла укорениться в Венгрии сильной буржуазии, которая в течение поколений была бы уверена в безопасности принадлежащей ей собственности. В прошедшем столетии категория собственников трижды перенесла тяжелое потрясение. Поначалу Трианонский договор, завершивший Первую мировую войну, пошатнул стабильные позиции венгерской буржуазии, проживавшей на территориях, перешедших к странам – наследницам Австро-Венгрии, затем посредством законов о евреях и Холокоста лишились имущества венгерские граждане еврейского происхождения, и, наконец, при коммунистическом режиме было осуществлено практически полное огосударствление частной собственности. Во всех случаях политические силы, осуществлявшие конфискацию собственности, делали это по мотивам своего рода социальной справедливости. Вследствие этого венгерское общество свыклось с сознанием того, что неприкосновенность собственности, особенно крупной, может быть нарушена ради более высоких целей установления общественной справедливости.

Эта венгерская историческая традиция не была прервана и сменой режима, больше того, немаловажной движущей силой политической и социальной борьбы стал вопрос: *если снова начать с нуля, то кто станет миллиардером, а кто нищим?* Чувство справедливости людей, оказавшихся в проигрыше в результате перемен, было оскорблено не самим фактом, а скорее способом обогащения слоя новых собственников, возникшего в результате *приватизации после смены режима*, и это открыло путь для политических устремлений, завуалированно или открыто нацеленных на перераспределение собственности. В Венгрии эта политика успешно сочеталась с антикоммунистической риторикой, направленной против номенклатуры, поменявшей свою политическую власть на экономическую. Победа «Фидес» в 2010 г., принеся партии парламентское большинство в две трети голосов, стала поворотным пунктом и в этом отношении, так как если система институтов либеральной демократии и равновесие различных политических сил так или иначе, более или менее сдерживали инстинкт стяжательства в цивилизованных рамках, то в наши дни появление мафиозного государства открыло качественно новую главу в этой истории.

5.11.1. Союз партии «Фидес» и «христианского среднего класса»

В ходе смены режима руководители «Фидес», как правило представлявшие не урбанистическую культуру, но придерживавшиеся западных вкусов, в качестве, как они говорили, «детей разведенных родителей» пытались преодолеть вековое противостояние «урбанистов» и «народников». Однако позже, совершив поворот вправо, они заняли место разваливавшихся венгерских правых партий (ВДФ и Партии мелких хозяев), своеобразно сочетавших народническую идеологию с мировоззрением, характерным для христианского национального среднего класса межвоенного периода. Только если «классические народники» в свое время, как писал Дёрдь Конрад, противопоставили культуре городской, секуляризованной интеллигенции свободных профессий мир нетронутой крестьянской культуры, то эмоциональный заряд фидесистского неонародничества стал результатом фрустрированности детей амбициозных мелких и средних служащих и их настороженного отношения к детям коренных столичных интеллигентов.

Рвение деревенского младшего сына из народных сказок побудило руководителей «Фидес» отправиться на поиски «золотой акции», которая принесет им богатство. Но найти ее не удалось, потому что ее уже украли два злодея: «коммуняки» и мультинациональные фирмы. Во время своих скитаний «младший сын» встретил и взял в жены благородную барышню из христианского среднего класса, лишенного состояния при коммунизме и оставшегося на бобах и при смене режима. *И вот они решили добиться справедливости и любой ценой получить то, что им причитается.*

Фидесисты отлично понимали, что если приход к политической власти ранее вытесненных из нее акторов был при *смене режима* совершенно естественным благодаря демократическим выборам, то попасть в число бенефициаров приватизации удалось далеко не всем. Приватизированная государственная собственность перешла в руки бывшей, отчасти уже деполитизированной элиты менеджеров, воспользовавшейся своими политическими и личными связями, а также возможностями, предоставленными программой участия работников в акционерной собственности и практикой выкупа компании менеджерами, и крупных иностранных фирм. В то же время постепенно уменьшалось количество государственной собственности, которую можно было приобрести путем приватизации. Между тем общий исторический опыт младшего сына и благородной барышни подсказывал им, что брак без богатства будет непродолжительным. Добыть собственность, за неимением свободного государственного имущества, можно было лишь путем передела частных состояний, но сделать это законным путем было уже практически невозможно.

Количество материальных благ, которые можно было приобрести при правительстве Венгерского демократического форума (ВДФ), а позже в ходе отдельных сделок с социалистами (ВСП), было достаточно значительным, однако оно отнюдь не обеспечивало новым собственникам реального экономического влияния. *При первом правительстве «Фидес»* в 1998–2002 гг. фирмы, не обладавшие крупными капиталами, еще могли получить остатки государственного имущества с помощью кредитов, предоставленных государственными или окологосударственными банками. Используя политические связи, можно было посредством покупок по заниженной цене или получения крупных госзаказов с устранением иностранных конкурентов создавать огромные фирмы, которые, однако, теряли стабильность с потерей политической поддержки. В качестве примера операции первого типа можно упомянуть приватизацию предприятия CD Hungary, занимавшегося эксплуатацией недвижимости, предоставлявшейся аккредитованным в Венгрии дипломатам. Предприятие было приобретено по конкурсу за половину реальной стоимости фирмой с основным капиталом в 1 млн форинтов, которая взяла банковский кредит практически на всю цену покупки, составлявшую 18 млрд форинтов. Примером второго типа была фирма Vegyész, которая за неимением хорошо функционирующей корпоративной структуры не смогла в полной мере воспользоваться своей политической укорененностью, даже несмотря на всю правительственную поддержку. Первый путь оказался неперспективным из-за сокращения приватизационных возможностей, а на втором пути, пути основания и развития новых, околопартийных предприятий, было слишком много препятствий.

К тому же при первом правительстве «Фидес» доминирующие властные инстинкты и стремление перераспределить собственность средствами государственного принуждения еще удерживались в определенных рамках благодаря принципу конституционного большинства в две трети голосов. Хотя

внутренних, нравственных преград для утоления властного и имущественного аппетита в то время уже не было, институциональные барьеры еще существовали. Нельзя отрицать, что уже на рубеже тысячелетий мы были свидетелями того, как правящая политическая элита на манер мафиозного государства применяла весь арсенал властных средств в борьбе за позиции и передел собственности в определенных сегментах экономики, однако подобные акции тогда еще были направлены не на установление контроля над целыми отраслями, а лишь на овладение отдельными предприятиями. «До 2010 г. правые видели, что смена режима не закончена. В 2006–2010 гг. созрело понимание того, что не состоявшаяся ранее смена элит должна быть осуществлена, что нужно взяться за пересмотр приватизации. Представлялось необходимым переменить расклад, сложившийся после 1989–1990 гг., при котором все позиции во всех областях жизни, от политики до экономики и культуры, принадлежали посткоммунистам и их союзникам, либералам. Если бы этого не произошло, то Виктору Орбану и венгерским правым снова досталась бы эпизодическая роль», – объясняет необходимость смены слоя собственников Андраш Ланци, один из идеологов «Фидес»^[144].

5.11.2. Уникальность применяемой мафиозным государством техники отъема имущества

Мафиозное государство отличается от других режимов и принципами передела собственности: бывшие *южноевропейские автократические режимы корпоративного типа*, как и *режим Хорти*, не сменяли экономической элиты. Исключение составляла экспроприация имущества евреев, которая, кстати, произошла не везде, но при этом не делалось попыток создать новые слои собственников – произошло лишь обогащение уже существовавшего христианского среднего класса. Отъем имущества *был «нормативным» по «расовому» принципу*, а не произвольно применяемым в отдельных случаях и против отдельных лиц. С другой стороны, в *диктатурах советского типа* экспроприации подверглась вся собственность, то есть там отъем имущества *был «нормативным» по классовому принципу*. Возникшая таким образом элита имела чисто политическую природу. Она вознаграждалась не собственностью, а, как уже говорилось, текущими благами, высокой зарплатой, лучшими условиями жизни, выдачей путевок на отдых и квартир, покупками в особых магазинах, возможностью доставать дефицитные товары и другими привилегиями. Но какими бы желанными ни казались эти привилегии тем, кто не имел их, они не приводили к накоплению значительных состояний.

В посткоммунистическом мафиозном государстве дело обстоит иначе: *отъем имущества не нормативен, а произволен*. Забирают то, что нравится. В значительной части бывших советских республик к власти преимущественно пришли связанные с номенклатурой руководители партии и службы безопасности, в результате приватизации оказавшиеся в таком положении, которое позволило им накопить и частные состояния. Если в щели

приватизационного демпинга и проникли независимые предприниматели, то они или включились в контролируемое политиками организованное криминальное «надполье», или если этого не произошло, то серьезно поплатились: в «нецивилизованных» восточноевропейских странах расправа могла принять даже форму убийства, но иногда конфликт с властью оканчивался длительным тюремным заключением или – в интересах сохранения международной репутации – «добровольным» изгнанием.

5.11.3. Ротация и подчинение элиты собственников

За время, прошедшее с 2010 г., «Фидес» прошла стадию активного создания автократического строя: с помощью большинства в две трети голосов она захватила и разрушила институты либеральной демократии, уничтожила различные формы автономии. В мафиозном государстве на место незаконного частного насилия, характерного для организованного криминального подполья, для классической мафии, пришло узаконенное (бескровное) государственное насилие, которое служит не только сохранению власти приемной политической семьей, но и ее обогащению. *Мафиозное государство осуществляет передел собственности уже с помощью узаконенного грабежа.* Параллельно с систематической сменой политической элиты с помощью государственного внеэкономического принуждения идет централизованное подчинение и смена экономической элиты, которая включается в субординационную систему приемной политической семьи.

Речь идет не о первоначальном накоплении капитала, поскольку там происходило перемещение капитала между преמודерным и модерным, аграрным и промышленным секторами, сопровождавшееся сменой собственников. Однако в данном случае нет модернизационного момента, а осуществляется лишь первоначальная или вторичная замена собственников уже накопленного капитала. В то же время новый контингент собственников не превращается в настоящих предпринимателей, поскольку состоит из людей, которые по характеру своей социализации могут быть лишь уполномоченными Главой семьи, защищенными политическими монополиями сборщиками ренты, одетыми в форму предпринимателей.

С помощью средств легализованного государственного насилия мафиозное государство вовлекает в сферу своих интересов частные состояния, заново распределяя их в кругу приемной семьи. Помимо прочего, это тоже отличает его от «привычных» форм коррупции, поскольку, кроме нелегитимного захвата текущих доходов, в мафиозном государстве происходит и насильственный передел имущества и имущественных прав.

В осуществляемом с помощью бюрократических средств перерасделе частных состояний и их вовлечении в сферу интересов приемной политической семьи принимают участие институты публичной власти, парламент, правительство, налоговая служба, прокуратура и полиция. Их действия, совершаемые в различных комбинациях, дают возможность реорганизовать собственническую элиту средствами государственного насилия,

начиная с правотворчества, целенаправленно оказывающего предпочтение или дискриминирующего определенные предприятия, и налоговых льгот или притеснений и заканчивая селективной борьбой с преступностью, которую ведут прокуратура и полиция, выполняющие политический заказ. Арсенал средств, позволяющих выбить кого-либо из стабильного положения собственника, чрезвычайно широк и простирается от налогов-наказаний до вытеснения с рынка правовыми средствами, от огосударствления до сопровождаемого угрозами властей предложения о покупке, сделанного преферируемым властью предприятием. Для обхода закона о конкуренции был придуман правовой статус сделки «национально-стратегического характера», который освобождает покупателя как государственных, так и частных фирм от проверки со стороны Экономического конкурентного ведомства (то есть от исследования вопроса, не нарушает ли слияние фирм правил конкуренции). В результате начинается не только укрывание и вывоз за рубеж доходов, но и превентивное дробление успешных предприятий и размещение их определенных сегментов за границей. Таким путем можно сократить опасность того, что потенциальные жертвы попадутся на глаза или в сферу влияния хищника.

5.11.4. Предложение, от которого нельзя отказаться

Частичная ротация экономической элиты происходит не по логике традиционной, опробованной, систематической коррупции, действующей с точностью налогообложения. С ее прототипами можно было встретиться уже при первом правительственном цикле «Фидес» (1998–2002).

Одним из примеров может служить проведенное с помощью шантажа и подключения налоговой службы, полиции и Венгерского банка развития (ВБР) повторное огосударствление приватизированной в прошлом государственной ломбардной сети АО BAV, которая затем снова была приватизирована друзьями власти. В различных офисах предпринимателя, не спешившего расстаться со своей собственностью, появлялись работники налоговой инспекции, затем полиция провела ночные облавы в принадлежащих ему гостиницах, пока он, наконец, не понял, что весь его бизнес может быть уничтожен. Поскольку у представлявшего политическую семью покупателя не было достаточного капитала для приобретения АО BAV, оно было куплено Венгерским банком развития, а затем приватизировано новым собственником уже по льготной цене и с помощью дружеского кредита. Конечно, вся операция не представляла никакого интереса для государства, которое лишь играло роль «наемного громилы» и «вынужденного кредитора».

Другой подобной крупной акцией, которая на этот раз не была доведена до конца, была попытка отобрать газовый бизнес фирмы MOL. В данном случае государство сделало газовый бизнес компании MOL стабильно убыточным с помощью искусственно заниженных официальных цен. Обратившемуся с жалобой руководству компании сообщили, что если они испытывают трудности, то государство охотно приобретет у них этот бизнес. Позже Венгерский банк развития должен был помочь переправить его кругу друзей путем приватизации. В конце концов сделка не удалась из-за поражения «Фидес» на выборах 2002 г.

После 2010 г. укрепление «нового венгерского среднего класса» прямо как в сказке совпало с формированием около «Фидес» нового слоя собственников, отчасти вхожих в политику. Для того чтобы от предложения организованного криминального «надполья», мафиозного государства, о покупке какого-либо предприятия нельзя было отказаться, необходимо располагать по крайней мере четырьмя средствами из *арсенала угроз*: (1) неограниченной правотворческой властью, (2) секретной службой, прокуратурой и полицией, лояльными к главе политической семьи, (3) налоговой службой, готовой к выполнению селективных политических акций, и (4) полным контролем за государственными заказами и евросоюзными тендерами. Это *делает предложения мафиозного государства эффективными, не требующими пролития крови и соответствующими закону*.

Важнейшая технология репертуара присвоения – «*take over*» при посредстве государства или путем непосредственного установления контроля. В таких случаях, вместо вытеснения частных фирм и создания новых,

организованное криминальное «надполье» с помощью неправомерных средств отбирает уже существующий бизнес. Позднейшие исследования, вероятно, смогут дать более полную картину масштабов сознательной, направляемой из центра ротации элиты, смены собственников предприятий, занимавших ведущие позиции в профитабельных рыночных сегментах экономики.

5.11.4.1. Индивидуальный отъем собственности

Предложение, от которого нельзя отказаться, может быть направлено на частичное или полное приобретение предприятия по рыночной цене, по балансовой стоимости, а то и бесплатно, в зависимости от готовности собственника к сотрудничеству, его подверженности шантажу и возможностей разорения данного предприятия государством. Если *речь идет о венгерском собственнике, не принадлежащем к приемной семье*, то достаточно одной угрозы со стороны государственной машины. В таких случаях привычной технологией является «*take over*», когда не надо возиться с основанием новых фирм, как это происходило во время первого правления «Фидес». Вместо этого отбираются уже существующие, а их собственники шантажируются и принуждаются к частичной или полной передаче, продаже своего бизнеса. Можно также предложить собственнику хорошую цену, позволяющую миновать трудно обосновываемую стадию огосударствления и передать бизнес сразу в собственность одного из членов организованного криминального «надполья». Это особенно часто происходит с компаниями, которые располагают инфраструктурой, знаниями и мощностями, пригодными для осуществления крупных государственных заказов и проектов с привлечением евросоюзных средств, а также в тех случаях, когда важен временной фактор. Выбор конкретного решения в каждом случае зависит от соотношения сил и возможностей шантажа. За иностранные фирмы из государственных средств может выплачиваться цена выше рыночной стоимости, как это произошло при покупке находившегося в собственности россиян пакета акций крупной венгерской нефтяной фирмы MOL или газохранилищ немецкой компании E.ON. Иногда в обмен на передачу собственности владельцу обеспечивается возможность беспрепятственного ухода, а иногда против упрямцев используется тяжелая артиллерия законодательства. Как в Лас-Вегасе, когда мафия предлагает собственнику продать казино... Только в Венгрии упорствующему не кладут в постель отрезанную голову лошади и ему не приходится смотреть в дуло револьвера, такие приемы не в стиле мафиозного государства, да ему и не нужно применять их. Мы не видим трупов на улицах. ***В мафиозном государстве вместо вымогателей с хорошо разработанной мускулатурой работает хорошо обработанный парламент, налоговая служба и прокуратура.***

В случае сопротивления собственника можно использовать Государственное собрание, которое может с помощью неожиданной поправки к закону убрать с рынка сопротивляющуюся поглощению фирму. Каждая такая акция, включающая в себя незаконную деятельность нескольких учреждений публичной власти, хорошо характеризует природу и механизм насильственных действий мафиозного государства. Таково организованное криминальное «надполье», где кажущиеся независимыми друг от друга действия публичной власти связываются воедино тем или иным нелегитимным «проектом» политической семьи.

● Например, симпатизировавший либеральным и левым политическим силам собственник *фирмы ESMA, специализирующейся на рекламе в общественных местах*, не пожелал по просьбе правительства «продать» свою фирму, обладавшую правом размещения рекламы на придорожных фонарных столбах в столице, одному из главных олигархов приемной семьи. Ответ не заставил себя ждать: в офисах фирм собственника появились сотрудники налоговой службы. Поскольку этого тоже оказалось недостаточно для совершения «сделки», парламент за несколько недель одобрил «самостоятельный» депутатский законопроект, запрещающий в интересах безопасности движения размещение рекламы на расстоянии 5 м от проезжей части. Тем самым деятельность фирмы ESMA практически была запрещена, а ее рыночная стоимость сведена к нулю. Однако проблема состояла в том, что принятый запрет распространялся и на рекламные столбы фирмы MANIR, которая должна была стать бенефициаром всей деловой операции. В конце концов с помощью законопоправки, внесенной по еще одной «самостоятельной» депутатской инициативе, упомянутая фирма была освобождена от действия запрета. Позже, после нескольких лет вынужденного бездействия и деградации фирмы ESMA, она была куплена Иштваном Гаранчи, новым любимым олигархом и подставным лицом Крестного отца, так как в результате войны между Орбаном и Шимичкой приемной семье пришлось искать свои рекламные площадки в общественных местах в противовес рекламным площадкам собственного непокорного олигарха. После этого не приходится удивляться тому, что в июне 2015 г. парламент отменил запрет, с помощью которого в свое время вытеснил с рынка первоначального собственника фирмы ESMA, незаметно включив отмену запрета в пакет бюджетных законов.

● Воспользовавшись как предлогом промышленно-экологической катастрофой, прорывом резервуара для хранения красного шлама, принадлежавшего *ЗАО Mal, занимавшемуся производством и продажей алюминия*, парламент в срочном порядке принял поправку к закону, на основании которой со ссылкой на критическое положение можно на неограниченное время устанавливать государственный контроль за любым частным предприятием, передав государству права менеджмента.

● На низших уровнях *угрозой, подкрепленной средствами давления властей, могут стать различные решения или постановления и распоряжения муниципалитетов*. До принятия предложения о смене собственника можно, например, задержать выдачу разрешения на пользование общественной территорией. Это произошло в случае праздника *«Национальный галоп»*, в ходе которого начиная с 2008 г. проводились традиционные конные скачки и фестиваль. Разрешение на пользование общественной территорией, репрезентативной, исторической площадью Будапешта, где проводилось это трехдневное мероприятие с участием конников от ста венгерских муниципалитетов, привлекавшее сотни тысяч зрителей и посетителей, выдавалось столичным муниципалитетом. После победы партии «Фидес» на весенних парламентских и осенних муниципальных выборах 2010 г. организаторы «Национального галопа» не получали разрешения до тех пор, пока обладавшая правами и проводившая его фирма не была продана считающимся

сторонниками правительства братьям Лазар, которые, между прочим, являются многократными чемпионами мира по драйвингу. Так как «убеждение» потенциальных продавцов затянулось, в 2011 г. это мероприятие уже нельзя было провести в обычное время, на рубеже мая и июня, и пришлось перенести на осень. Братья Лазар одновременно являются и частичными собственниками «национальной» сети продовольственных магазинов СВА, которой правительство покровительствует самыми разнообразными способами. В 2013 г. руководство СВА в письменной форме призвало своих работников принять участие в демонстрации лояльности под названием «Мирный марш», так как «важно, чтобы все мы, истинные патриоты, проникнутые национальным чувством, поддержали крупнейшего венгерского политика, Виктора Орбана. (...) Лишь сплотившись, мы сможем положить конец и категорически отвергнуть происки посткоммунистических и либеральных мерзавцев, которые постоянно предают нашу Родину и служат интересам иностранных мультинациональных компаний»^[145]. Насильственная смена собственников, конечно, открыла путь для увеличения государственных дотаций и спонсорской поддержки.

- Самые различные элементы государственного шантажа могут, как в коктейле, смешиваться по желанию в соответствии с характером аквизиции. Возьмем пример основанной в 1998 г. и с тех пор достигшей тиража 400 тыс. экземпляров *бесплатной ежедневной газеты «Метрополь»*. Газета, принадлежавшая иностранным собственникам, содержалась за счет частных, а также государственных и муниципальных объявлений и распространялась на общественных территориях, в Будапеште – прежде всего в подземных переходах и у входов в метро. Если бы государственные объявления были заморожены, владельцы частных объявлений запуганы, а распространение газеты на принадлежащих муниципалитетам территориях и станциях метро Будапештского транспортного предприятия запрещено юридическим путем, то приносящий прибыль бизнес стал бы стабильно убыточным, а фирма потеряла бы свою ценность. Это поняли собственники, получившие в 2011 г. предложение продать газету деловому кругу олигарха Лайоша Шимички^[146]. Поскольку собственники были иностранцами, во избежание дипломатических конфликтов акт купли-продажи хотя и не был добровольным, но состоялся по рыночной цене.

- Мажоритарным собственником *ведущей венгерской фирмы в области высотного строительства*, вполне конкурентоспособной ЗАО *Market Építő*, было ЗАО Wing, входившее в группу фирм ЗАО Wallis. Предложение относительно покупки доли ЗАО Wing в ЗАО *Market Építő* было сделано Иштваном Гаранчи, новым олигархом и подставным лицом Виктора Орбана, фаворизируемым в противовес Лайошу Шимичке. Серьезность этого предложения была подтверждена усиленными налоговыми проверками, проведенными в группе фирм. Приобрести эту фирму было важно не только из-за массы проектов, которые должны были быть переданы ей в будущем, но и из-за ожидавшейся завышенной стоимости этих проектов. Прибыль не должна была попасть в чужие руки. В конце концов сделка была заключена. За полученную долю собственности даже было что-то заплачено^[147]. Конечно, вопрос в том, как можно в таких условиях оценить рыночную стоимость проданного. Трансакция, стимулированная средствами государственного принуждения, может быть

названа «продажей» лишь в ограниченном смысле, ведь это понятие предполагает добровольность, которой не было ни здесь, ни в других подобных сделках. Столь же проблематична и оценка «рыночной стоимости» доли собственности, поскольку инвестиционный рынок функционирует не по правилам конкуренции, основанной на достигнутых результатах, а под давлением капитала связей. Стоимость мажоритарной доли собственности в ЗАО Market будет иной, если в будущем туда станут сознательно направлять значительную часть государственных и евросоюзных капиталовложений в области развития недвижимости. Конечно, это может произойти только в том случае, если право собственности на фирму перейдет к политической семье, к нужному человеку. Стоимость фирмы изменится, если, наряду с частными капиталовложениями, учесть и государственные заказы последних лет. Только вот поступившее предложение о продаже свидетельствовало о том, что данное положение дел не может быть сохранено при данном составе собственников. Опять-таки иной была бы стоимость фирмы, если бы государство сознательно вышло из числа заказчиков, не «отпугивая» при этом частных инвесторов. И опять иной, если бы отказавшегося от предложения собственника захотели разорить и объявили данную фирму «запретной зоной» и для частных заказчиков. Продавец оценил свои реальные возможности для маневра, и в конечном итоге мажоритарная доля собственности в ЗАО Market перешла к новому фавориту-олигарху по заниженной цене. Быть может, взамен сохранившийся бизнес ЗАО Wallis будет освобожден от дальнейших неприятностей. (По схожим соображениям и схожими методами была совершена вышеупомянутая покупка другой фирмы, занимавшейся высотным строительством, ЗАО Magyar Építő.)

- В начале 2016 г. правительство, опираясь на закон о банкротстве, объявило «хозяйственной организацией особого значения» принадлежащее иностранцам ЗАО Zsolnay Porcelánmanufaktúra, один из двух крупнейших фарфоровых заводов наряду с предприятием Herendi Porcelángyár. Тем самым была создана часть юридических предпосылок для захвата собственности при поддержке государства. В заявлении руководства завода говорится: «Мы выражаем сожаление в связи с наблюдавшимися за истекшие недели стремлениями к насильственной покупке завода, которым активно содействовали некоторые представители муниципалитета». Правительственные круги намерены «спасти» завод даже несмотря на то, что, как утверждает в заявлении, «являющийся главным собственником иностранный инвестор в соответствии с договором, заключенным с Городом, осуществил увеличение капитала, сохранил рабочие места на заводе и постоянно расширяет экспорт и увеличивает экспортные доходы предприятия»^[148].

Эти несколько примеров призваны лишь показать многообразие форм **вынужденной смены собственников, осуществленной с государственной помощью**, в зависимости от типа и размеров фирм, мотивов смены собственников и т. д. Хотя провозглашаемая идеология имеет в виду создание «национального среднего класса», ясно, что смена собственников осуществляется не по линии противопоставления венгров и иностранцев, а по

линии противопоставления лиц, находящихся внутри и вне приемной политической семьи. Если потребуют интересы политической семьи, то всей или части собственности могут быть лишены и венгерские соотечественники. Больше того, если верхушка политической семьи заинтересована в отъеме какого-либо предприятия, то его собственника не защитит даже членство в «Фидес», поддержка, оказываемая партии, или симпатия к ней.

При осуществлении вынужденных смен собственников могут быть активизированы прокуратура, налоговая служба, Правительственное контрольно-ревизионное управление (ПКРУ) и другие государственные контрольные органы. Любая из этих организаций способна полностью погубить то или иное предприятие. Поскольку в результате особенностей социального развития восточноевропейских стран после смены режима значительная часть предпринимателей действует и в «серой зоне», все они в различной степени уязвимы, подвержены шантажу. Применяемые к ним правовые санкции могут колебаться от денежных штрафов до лишения свободы. *А политически мотивированный, заказной селективный интерес, проявляемый упомянутыми государственными органами, предоставляет необходимые аргументы* для убеждения пребывающих в неуверенности предпринимателей и заключения требуемой сделки.

Приведем практически ставшее стереотипным утверждение информационного сайта Civilhetes: «Как считают бизнесмены, хорошо разбирающиеся в венгерской экономике, со времени прихода к власти “Фидес” с помощью принуждения и шантажа отобрала 300–400 частных предприятий. Хотя в СМИ говорится в основном о притеснении банков и коммунальных предприятий, находящихся в собственности иностранцев, в тени этих событий в мире бизнеса происходят тревожные вещи. Собственников процветающих венгерских фирм посещают ссылающиеся на “Фидес” юристы, которые предлагают продать нередко создававшиеся в течение десятилетий фирмы по цене, составляющей малую часть их реальной стоимости. Насильственный отъем фирм при организационной поддержке властей грозит и семейным предприятиям с оборотом в несколько сотен миллионов форинтов, в том числе находящимся в центре города ресторанам и лучшим гостиницам. Если собственники не желают продавать бизнес себе в убыток, то вскоре у них появляются представители различных служб и ведомств, которые создают фирме невыносимые условия, так что принятие неожиданного предложения становится лишь вопросом времени. Часто случается и так, что, видя капитуляцию собственника, покупатели понижают первоначально предложенную цену, ссылаясь на то, что процесс убеждения потребовал затрат»^[149].

Таким образом, ассортимент аквизиционных приемов довольно широк: некоторые, потеряв часть своей собственности, парадоксальным образом даже увеличивают свой доход благодаря государственным заказам и/или выигранным тендерам, которые стабильно поставляются новым семейным (со)владельцем. Другим платят по рыночной цене или несколько меньше, зато

могут сохранить остальную собственность. Есть и такие, кто вынужден отказаться от собственности или ее части в обмен на уход от судебного преследования. И так как при новом курсе нужно любить футбол, некоторым, то ли в качестве премии, то ли в качестве наказания, предлагается спонсировать футбольную команду. Деловые связи между политикой и экономикой поддерживаются при подчеркнутой активности прокуратуры и налоговой службы. Выборочное, политически мотивированное преследование лиц, подозреваемых в коррупции, а также печальный пример тех, кто обвинялся без достаточных оснований, лишь подкрепляют готовность к **«национальному сотрудничеству» между организованным криминальным «надпольем» и экономикой.**

В Венгрии не распространилась та форма рейдерства, когда кто-либо из экономических игроков пытается незаконно отобрать чужую собственность посредством подкупа местных чиновников. Она наблюдается в основном только в деятельности квартирной мафии. Отъем имущества, осуществляемый «Фидес», контролируется сверху и предполагает участие в нем политических институтов (парламента, муниципалитетов) и государственных органов (налоговой службы, прокуратуры и т. д.). Об этом свидетельствует и то, что в таких случаях нет места классической плате за коррупционные услуги.

5.11.4.2. Групповой отъем собственности

Особенно эффективным методом передела имущества является объявление нового конкурса на получение арендных и концессионных прав, связанных с различными видами хозяйственной деятельности, а также введение условий концессионности для данного вида деятельности.

- Один из примеров этого мы видели в случае *аренды государственных земель*, когда множество фермеров, профессионально занимавшихся сельским хозяйством, было лишено собственности, на которую они рассчитывали в будущем и которая была передана лицам, большей частью не являвшимся местными жителями и не занимавшимся сельским хозяйством. При этом было известно, что многие из них готовятся лишь собирать ренту с земли и получать доход без всяких интеллектуальных и материальных затрат.

По мнению подавшего в отставку госсекретаря по развитию сельских территорий во втором правительстве «Фидес» Йозефа Андяна, сложился такой новый уровень коррупции, «на котором уже нет нужды подкупать государственного чиновника или принимающего решения руководителя, так как данная группа лиц, сплоченная общими интересами и функционирующая по образцу мафиозной семьи, ставит на ключевые посты в законодательных и правительственных органах своих людей, в задачу которых входит ведение семейных дел»^[150]. «Туда, где еще есть неразворованные крупные общественные фонды и нерастащенное общественное имущество, – добавляет Андян, – к своему человеку посылают связного, как это обычно делается в секретных службах. Он поддерживает связь с крестным отцом, доставляет указания, а нередко и готовые проекты распоряжений и законов и передает информацию. Если в нормально функционирующем государстве правительственные учреждения контролируют свои сетевые структуры, то в государстве, оказавшемся во власти разбойничьих банд, работу правительственных учреждений контролирует мафиозная сеть»^[151]. Как считает Андян, при существующем ныне режиме простейшим способом увеличения частных состояний является получение субсидий на землю и развитие, это и стоит за правительственными манипуляциями, связанными с арендой государственных земель^[152]. Во всяком случае это подтверждается тем, что крупнейшими бенефициарами динамично растущих аграрных субсидий являются олигархи, которые и раньше часто появлялись на переговорах^[153].

В то же время правительство намерено как можно скорее изменить закон для того, чтобы семейный круг арендаторов, сложившийся в результате nepотических конкурсов на аренду государственной земли, смог стать собственником этих земель. Один из фермеров из комитата Фейер верно заметил в связи с этим, что «местные хозяева с трудом примирились со странными итогами конкурсов на аренду земли, ведь, отдав землю в двадцатилетнюю аренду людям, не имеющим никакого отношения к данным селам и местному сельскому хозяйству, правительство лишило целое поколение местных жителей возможности хозяйствования на земле. Если же аренду превратят в

собственность, то это ограничение, наложенное на одно поколение, сохранится навсегда: не только отдельные села, но и целые регионы должны будут отказаться от фермерства как источника дохода для местных жителей, которые в будущем смогут работать на земле лишь в качестве сезонных рабочих»^[154].

И этого не пришлось долго ждать: правительство начало с конца 2015 г. ускоренными темпами передавать в частную собственность около 400 тыс. гектаров плодородных государственных земель. И хотя по первоначальным планам в земельных аукционах могли принимать участие только местные жители, профессионально занимавшиеся сельскохозяйственной деятельностью, в итоге это правило было дополнено разрешением принимать участие в конкурсах на аренду земли лицам, окончившим «Курсы золотоколыхных хозяев». Неудивительно, что многие родственники, друзья и подставные лица политиков получают соответствующие аттестаты, которые могут стать проходным билетом на управляемое получение собственности. Так случилось и с домашним подставным лицом Орбана, Лёринцем Месарошем, который стал собственником 1500 гектаров государственных земель в окрестностях Фелчута, родного села премьер-министра^[155], и к тому же приобрел ЗАО Agrosystem, которое является правопреемником Государственного опытного хозяйства площадью в 4 тыс. гектаров в поселке Херцегхалом, которое было приватизировано в конце первого правительственного цикла Орбана^[156]. (К открытым и замаскированным приобретениям земельных участков, так или иначе связанным с семьей Орбана, нужно добавить стадион на 3500 зрителей, построенный недалеко от дома премьер-министра, покупку близлежащих дворцов и усадеб, а также небольшую железную дорогу, построенную на средства Евросоюза.) В комитате Фейер «лишь 20 % всех проданных земель перешли к лицам, живущим в радиусе двадцати километров от них, а 80 % земель были куплены людьми, которые по действующим правилам не имели права участвовать в торгах»^[157]. В комитате имеется 29 поселков, в которых местные фермеры не смогли приобрести ни одного гектара государственных земель, предназначенных для продажи.

Аукцион государственных земель начался с распродажи земель, арендуемых попавшим в немилость дуэтом олигархов Шимичка-Нергеш. Итоги этой распродажи символически демонстрируют, что олигарх, потерявший доверие Крестного отца, не может получить государственное имущество.

Согласно другой поправке к закону, принятой в ноябре 2015 г., в том случае, если государственную землю приобретет не ее арендатор, то он может через определенные промежутки времени повышать арендную плату, пренебрегая действующим арендным договором.

В других случаях передел затрагивает не непосредственно собственность, а приносящие ренту государственные позиции, когда государство выкачивает средства из частной экономики в рамках второй налоговой системы. Но поскольку по логике этой системы **политическую семью необходимо постоянно строить, расширять и подпитывать в том числе на среднем и низшем уровне**, для этого приходится занимать все новые и новые сегменты экономики, секторно-нейтральное функционирование которых ранее

обеспечивалось рынком, и переводить их под непосредственный контроль государства.

• Так произошло в случае с правами на продажу табачных изделий, с так называемыми *концессиями на табачные киоски*, когда сначала под ложным предлогом была установлена государственная монополия на розничную торговлю табачными изделиями, а потом, после лишения средств к существованию прежних владельцев табачных лавок, был законными средствами обеспечен повышенный доход новой клиентеле. При этом были разорены десятки тысяч владельцев маленьких провинциальных магазинов и газетных киосков, а также других мелких собственников, которые были лишены права продавать табачные изделия, что обесценило их бизнес. Возможности торговли табачными изделиями в общей сложности было лишено около 30 тыс. магазинов. В данном случае мафиозная семья уже показала полную силу своей организации и выступила с открытостью, свидетельствующей о твердой уверенности в себе, ведь если при разделе крупных состояний переговоры между небольшим количеством участников шедли за закрытыми дверями, иногда за дверями правительственных кабинетов, то конкурсные заявки на табачные киоски были пропущены через всю сеть приемной политической семьи, посланы на отзыв муниципалитетам и другим государственным и правительственным клиентам. «Суть в том, что претендент должен быть убежденным правым, (...) чтобы победили не социалисты», – как сказал бургомистр Сексарда от партии «Фидес» на совещании, на котором он вместе с депутатами муниципалитета от правящей партии оценивал список претендентов на табачные киоски^[158].

История с табачными киосками очень хорошо показывает особенности мафиозного государства, поскольку здесь мы имеем дело не с классической коррупцией, при которой в рамках одного крупного конкурса децентрализованно и нескоординированно происходит много отдельных случаев мелкой коррупции, а как раз наоборот, со спланированным политической семьей и легализованным парламентской поправкой к закону отъемом собственности и концессионного права, а также организованным из центра грабежом, осуществленным посредством подбора новых, принадлежащих к семье собственников. Первый этап этой акции является и примером огосударствления рынка, когда отбирается не сама собственность, не магазин, а право на продажу определенной группы товаров. Операция с табачными киосками, естественно, представляет собой не совокупность отдельных «афер», а скоординированное функционирование мафиозного государства, лишь отчасти нацеленное на олигархов приемной семьи, а главным образом – на «мелких акционеров». До перестройки рынка сбыта табачных изделий гарантированная разница цен приобретения и реализации составляла 3 %. По новому закону она составила уже 4 %, а после проведения манипулированного конкурса парламент одобрил еще одну законопоправку, повышавшую ее до 10 %. Если до передела прав на киоски прибыль фирм, торгующих только сигаретами, табачными изделиями, в сравнении с их собственным годовым капиталом составляла 10–20 %, то после реорганизации рынка путем государственного принуждения, в 2014 г., этот показатель достиг уже 90 %^[159]. Иначе говоря, доходы, полученные от увеличения цен на табачные изделия, не вкладываются, например, в развитие здравоохранения или в профилактические программы, а обеспечивают доходность подаренных государством киосков приемной политической семьи.

Этот гарантированный бизнес не имеет даже той социальной направленности, которая существовала в межвоенный период, когда государство поддерживало предоставлением таких торговых прав инвалидов войны, вдов и сирот погибших солдат. Среди 5415 киосков, выигранных по нынешнему конкурсу, лишь 280 досталось лицам с ограниченной работоспособностью^[160]. К тому же эта акция затронула и мелкие, преимущественно сельские магазины со смешанным ассортиментом товаров, каждый двадцатый из которых был вынужден закрыться в 2014 г. из-за резкого понижения доходности^[161].

Вслед за переделом прав на розничную торговлю последовало огосударствление прав на оптовую торговлю табаком. Депутат парламента от партии «Фидес» Янош Бенчик, оштрафованный партией на 300 тыс. форинтов за подачу голоса против законопоправки, заявил, что «он очень хотел поддержать третий закон о табачных киосках. Для этого нужно было немного. Нужно было всего лишь, чтобы торговля табаком действительно стала государственной монополией, а прибыль от нее служила общественному благу. А принятый ныне вариант закона обеспечивает возможность бесконкурсной передачи права на торговлю частной компании. Изменение правовых норм, против которого я выступил, создает возможность для охоты за барышом. Охота за барышом вкратце означает, что данный социально-экономический игрок вместо создания ценности употребляет свои ресурсы на лишение других игроков определенных рыночных возможностей с помощью государства»^[162]. Как это и произошло, поскольку «исключительное право на оптовую продажу табака без публичного конкурса, в качестве единственного претендента получило ЗАО Tabán Trafik, принадлежащее фирме British American Tobacco (BAT) и группе фирм Continental. С ноября это общее предприятие двух упомянутых фирм, которое скоро будет зарегистрировано, будет снабжать табачными изделиями все 6300 венгерских киосков. (...) На наш вопрос, почему на государственную монополию не был объявлен публичный конкурс, Лазар (Янош Лазар, министр, руководящий кабинетом премьер-министра) ответил так: в случае государственных средств действительно принято объявлять конкурс, однако в данном случае “конкурса нет, так как нет государственных средств”. При этом министр широким жестом отмахнулся от того, что представляют собой концессионные платежи. (...) Успех фирмы Continental не вызвал на рынке большого удивления. Предприятие из Ходмезёвашархея, располагающее хорошими околоправительственными связями, не только было одним из крупнейших победителей на тендере табачных киосков, но и, как выяснилось в результате небольшой технической неувязки, участвовало в самой разработке закона о табачных киосках»^[163]. В то же время «специалисты по рынку оценивают ожидаемую прибыль от “национального центра по снабжению киосков” в 5 – 12 млрд форинтов, ведь у него не будет конкурентов, правительственное большинство освободило его от уплаты налога на ведение бизнеса, а концессионные платежи по-смешному малы: в этом году (2015) совместной фирме двух производителей табака нужно будет заплатить всего 10, в будущем году – 100 млн форинтов, и лишь с 2021 г. придется вносить ежегодные концессионные платежи суммой в 600 млн форинтов, символические по отношению к огромной прибыльности этого бизнеса»^[164]. В то же время близкие к семье предприниматели, поставленные в положение монополистов в

снабжении табачных магазинов, будучи и сами игроками в сфере табачной промышленности, стремятся предъявлять конкурентным крупным табачным фирмам необоснованно высокие счета за транспортировку товаров. На самом деле они принуждают эти фирмы платить «деньги за защиту». Отказывающиеся платить не могут доставлять товары в свои табачные магазины, на чем опять-таки наживаются две табачные фирмы, располагающие государственной концессией на оптовые перевозки и беспрепятственно доставляющие свои товары в пункты розничной торговли. (Параллельно с этим президент пользующейся государственными льготами группы по производству табачных изделий Continental Янош Шанта, предположительно по чьей-то просьбе, купил 49-процентную долю в издательстве новой проправительственной газеты *Napi gazdaság*, в результате чего «начала складываться новая проправительственная медиаимперия, видимо скорее лояльная к Яношу Лазару (руководителю кабинета премьер-министра), в то же время главный советник премьер-министра Арпад Хабонь тоже начал создавать свою отдельную структуру *Modern Media Group*, стремящуюся к контролю за бульварной прессой и Интернетом»^[165], чтобы было чем заменить медиаимперию Лайоша Шимички.)

После перевода прибылей от табачных изделий в семейную сеть, при благоприятной конъюнктуре можно будет сделать то же самое и с торговлей спиртными напитками и лекарствами под предлогом развития народного здравоохранения, как это время от времени и предлагается.

- Если уж мы определили рассматриваемый автократический режим как мафиозное государство, то будет уместно показать механизм смены собственников средствами государственного принуждения и на примере *игровых автоматов и казино*. Надзор за эксплуатацией *игровых автоматов с денежным выигрышем*, которые обычно называются однорукими бандитами и приносят налоговые доходы на сумму около 70 млрд форинтов в год, осуществляло государственное ЗАО *Szerencsejáték*. Стоит шаг за шагом проследить процесс перестройки этой отрасли бизнеса и ее включения в сферу интересов политической семьи.

Первый шаг. Правовое регулирование эксплуатации, осуществляющейся в основном в гостиничных заведениях, было пересмотрено в сентябре 2011 г., когда прежний ежемесячный налоговый сбор в 100 тыс. форинтов с автомата был неожиданно повышен в пять раз поправкой к закону, а владельцев автоматов обязали заменить их на подключенную к серверу версию. В результате этой меры уже в следующем месяце арендаторами было сдано 60 % игровых автоматов^[166]. В следующем году их число сократилось еще больше: с 22 до 2 тыс.^[167]

Второй шаг. В октябре 2012 г. посредством законопоправки, принятой всего за два дня, было запрещено устанавливать игровые автоматы с денежным выигрышем везде, кроме казино, а также создавать игорные залы и интернет-казино. Этот запрет затронул и около 1200 предпринимателей, которые, в соответствии с требованием принятой на год раньше законопоправки, приобрели автоматы, связанные с сервером. По мнению правительства, «прежние меры лишь частично достигли своей цели и помешали беднейшим слоям населения тратить деньги на игровые автоматы, а с другой стороны, в связи с деятельностью лиц, заинтересованных в игорном бизнесе, возник серьезный

риск для национальной безопасности»^[168]. Выпадающие из-за этих мер бюджетные доходы правительство планировало хотя бы отчасти компенсировать за счет налогов на азартные игры онлайн.

Третий шаг. Казино были освобождены от запрета на размещение игровых автоматов с денежным выигрышем, в одном казино могло быть установлено самое большее 300 автоматов. Позже, в 2013 г., максимальное число казино в стране было увеличено до 11.

Четвертый шаг. «В середине ноября (2013) парламент, изменив закон об азартных играх, принял решение, что министр национальной экономики за повышенную плату может без конкурсной процедуры заключать концессионные договоры на установку максимум пяти игровых автоматов с теми организаторами азартных игр, которых он сочтет заслуживающими доверия. Другим важным изменением в ноябрьской поправке было то, что организаторы азартных игр получили возможность вычесть сумму концессионных платежей из суммы налога на игорный бизнес. Больше остальных от этого выиграло принадлежащее Энди Вайне Las Vegas Casino: благодаря поправке оно заплатило государству на 1,6 млрд форинтов меньше, чем раньше. В 2012 г. Las Vegas Casino, получившее 3,8 млрд форинтов ценового дохода нетто, заплатило 1,1 млрд форинтов 30-процентного налога на игорный бизнес и 791 млн форинтов концессионных платежей. Всего оно заплатило государству 1,9 млрд форинтов. По новым правилам ему придется заплатить в бюджет всего около 300 млн форинтов»^[169].

Пятый шаг. В мае 2014 г. пять из 11 возможных концессий на казино было присуждено Министерством национальной экономики (МНЭ) ООО Las Vegas Casino, принадлежащему Энди Вайне, а еще два казино на востоке Венгрии, в Дебрецене и Ниредьхазе – ООО Aranybonusz 2000 Габора Симы. Это произошло несмотря на то, что на концессию претендовало и государственное ЗАО Szerencsejáték». Однако оно оказалось менее «надежным». Как мы уже писали ранее, Энди Вайна – бывший кинопродюсер, правительственный комиссар, распоряжающийся государственными субсидиями для венгерского кинематографа, близкое доверенное лицо Орбана. Габор Сима, который и раньше занимался игорным бизнесом, был собственником дебреценской футбольной команды, ныне эту роль взял на себя его сын. «По оценке МНЭ, концессионеры внесут в бюджет 4 млрд форинтов концессионных платежей и 1 млрд форинтов налога с оборота»^[170].

Шестой шаг. Параллельно с распределением концессий на казино парламент обеспечил владельцам казино возможность вычесть сумму концессионных платежей из суммы налога на игорный бизнес, к тому же освободил концессионные платежи от налога с оборота^[171].

Седьмой шаг. «При посредничестве Энди Вайны и Габора Симы могут легализовать свое присутствие в Венгрии крупные международные компании, владеющие интернет-казино и сайтами для карточной игры онлайн, как, например, PokerStars или Bet365. Возможность для этого может дать околоправительственным бизнесменам законопоправка, внесенная кабинетом на рассмотрение парламента в составе закона о планируемых изменениях налоговых правил на будущий год. Один из пунктов внесенного предложения делает возможным уплату концессионных платежей, связанных с азартными

играми, не обладателем лицензии, а третьим лицом. Это дает возможность внесения платежей через иностранную фирму, например офшорного характера, деньгами, имеющими неопределенное происхождение, к тому же обладатель лицензии и в этом случае будет иметь право вычесть эту сумму из суммы уплачиваемого в бюджет налога на игорный бизнес. Далее, согласно внесенному предложению, владельцами игорных залов и казино онлайн могут быть только обладатели венгерской концессии на казино, то есть в настоящее время – только Вайна и Сима»^[172].

Восьмой шаг. В отличие от налогов точек розничной торговли уплата налогов с казино Энди Вайны и Габора Симы «основана на подаче декларации, так как налоговая служба не в состоянии следить за игровыми автоматами. С одной стороны, в эти автоматы уже не встраиваются интегрированные контрольные устройства, которые собирали бы и фиксировали возникающую в ходе работы информацию, а с другой стороны, о серверной связи нет и речи. Таким образом, в мире, где существуют кассовые аппараты с онлайн-подключением, государству приходится на ощупь ориентироваться в доходах казино»^[173]. А между тем, «по оценкам участников этой отрасли, пять столичных казино Энди Вайны могут приносить ежегодно около 15 млрд форинтов дохода»^[174]. При этом казино Энди Вайны, естественно, находятся в собственности офшорных компаний.

Девятый шаг. Остается только запустить уже показанный выше, обеспеченный законом механизм стабилизационных сберегательных счетов, служащий для отмывания денег.

Таковы методы, с помощью которых приемная политическая семья мафиозного государства организовала для себя азартные игры и обзавелась казино: вытеснение с рынка, создание монополий, решения, принимаемые друзьями, особые налоговые льготы, поддерживаемое государством отмывание денег. И нигде ни капли крови.

Хотя после приговора, вынесенного Судом Европейского союза в 2015 г., «открылся компенсационный фонд для предпринимателей, которые в ближайшее время могут потребовать через венгерские суды государственной компенсации размером в сто миллиардов форинтов»^[175], это отнюдь не означает восстановления первоначального состояния. Больше того, выплата присужденной компенсации ложится на плечи Венгерского государства, то есть косвенно на налогоплательщиков, в то время как частные бенефициары незаконного присвоения данной сферы экономической деятельности могут и дальше заниматься своим прибыльным бизнесом.

В ходе смены арендаторов государственных земель множество прежних арендаторов было лишено главного средства к существованию, и ранее обрабатывавшиеся ими земли были переданы множеству новых собственников. В этом случае число арендаторов сократилось, но ненамного. В случае розничной торговли табачными изделиями количество новых правообладателей составляет лишь малую долю прежнего количества продавцов этих изделий, но и здесь можно говорить о многих тысячах бенефициаров. А по сравнению с количеством лиц, потерявших право на эксплуатацию одноруких бандитов, победителей оказалось всего несколько.

Стоит отметить, что операции с земельной арендой, табачными киосками и игорными казино не являются единичными явлениями: совершается *учет и подключение к мафиозному государству множества нервно-сосудистых сетей* различного характера и функций, пронизывающих политическую, экономическую и коммуникационную ткань общества. Здесь можно говорить о финансовых и банковских сетях, о сетях в сфере медиа– и инфокоммуникации и в сфере коммунальных услуг с ее локальными монополиями, а также о других жизненно важных сетях, с которых можно содрать еще одну шкуру и создать на их основе новые привилегированные, хорошо оплачиваемые группы вассальной системы. Однако накопленная в этих сетях собственность является слишком большим куском для простой аквизиции политической семьи. Для того чтобы частично или полностью овладеть этой собственностью, недостаточно одного политического контроля над рынком государственных заказов. В этом случае уже необходимо или создать с помощью законодательства государственную монополию, или обеспечить вытеснение прежних собственников и их замену на новых с привлечением государственных средств, посредством огосударствления.

Естественно, отъем частной собственности и ее перевод в другие каналы пытаются легитимировать с помощью псевдоколлективистской идеологии, направленной против бизнесменов, спекулянтов, охотников за прибылью и рынка. Чаще всего нация является той эмоциональной общностью, на мнимые интересы которой ссылается мафиозное государство, осуществляя изъятие различного имущества. А в качестве главного средства, которое к тому же проще всего легитимировать идеологически, применяется огосударствление.

5.11.5. Типы огосударствления в зависимости от его функции

Характерная для мафиозного государства практика огосударствления, имеющая целью отъем частной собственности средствами государственной власти, принципиально отличается по своей функции от огосударствления как при государственном капитализме, так и при коммунистических режимах с их плановой экономикой, основанной на монополии государственной собственности. При государственном капитализме среди мотивов огосударствления могут появляться и внеэкономические цели, однако функционирование имущества, оказавшегося в собственности государства, все же укладывается в рыночную логику, характерную для экономической среды. А в коммунистических режимах экономика окончательно и единообразно функционирует в рамках государственной собственности и подчинения политике. В свою очередь, в мафиозном государстве огосударствление одновременно служит обогащению приемной политической семьи, упорядоченному материальному вознаграждению членов субординационной структуры и дисциплинированию общества.

Представляются бессмысленными попытки объяснить правительственную практику огосударствления, а также ее декларированные причины и цели верой руководителей «Фидес» в большую эффективность государственной собственности для национальной экономики. Такими же бессмысленными кажутся и попытки критиковать эту позицию, доказывая меньшую эффективность государственной собственности, поскольку при этом упускаются из виду ее настоящие функции. Между тем очевидно, что в практике огосударствления можно обнаружить функции и формы, не имеющие никакой связи с интересами национальной экономики^[176].

1. **Холодное огосударствление, огосударствление отдельных элементов экономической среды:** таким способом государство осуществляет присвоение рыночной среды той или иной отрасли, группы фирм без непосредственного огосударствления предприятий. Средством для этого служат:

- государственные цены (сокращение платы за коммунальные услуги);
- особые налоги (банковский налог, налог на рекламу);
- распоряжения, регулирующие/ограничивающие определенную деятельность (плаза-стоп);

- требования к личности собственника и руководителя предприятия (с 2017 г., например, мажоритарная собственность в аптечном бизнесе должна будет принадлежать фармацевтам или государству);

- потребителям предписывается обязательное пользование услугами определенных поставщиков (например, школам – определенные государственные учебники, трудящимся – определенные места использования талонов, полученных по системе кафетерия, родителям – определенные финансовые учреждения для размещения «младенческих облигаций», выдаваемых при рождении ребенка; или, например, круг обязанностей Венгерского телеграфного агентства был расширен за счет исключительного права не только на распространение новостей, но и на подготовку информационных программ для всех государственных СМИ).

Все это служит изнурению собственников, подготовке длительного или транзитного огосударствления, подчинению игроков данной сферы экономики, иначе говоря, персонализации безличных связей и экономической детерминированности, характерных для рыночных отношений, и их включению в субординационную структуру, подчиненную политике. Холодное огосударствление не обязательно переходит в окончательное или транзитное огосударствление, но содержит в себе многообразные возможности выкачивания ренты. Помимо этого, оно сопутствует вовлечению экономических позиций в сферу интересов приемной семьи и накоплению внутри организованного криминального «надполья». Теперь уже сложно применять технику классической приватизации, так как осталось лишь немного государственного имущества, которое может быть приватизировано.

2. **Грабительское огосударствление, огосударствление накоплений:**

- ограбление, осуществленное в ходе *разовой* акции с помощью государственных угроз, обмана и законодательных средств (как уже было сказано выше, таким образом было изъято около 3 тыс. млрд форинтов накоплений членов пенсионных касс, но можно упомянуть и огосударствление спортивных сооружений Будапештского университета имени Лоранда Ётвёша);

- *непрерывное* дальнейшее налогообложение уже подвергнувшихся налогообложению доходов (налог на финансовые трансакции, изъятие государством части вознаграждений за авторские права у контролирующего их агентства Artisjus с целью перераспределения).

3. **Огосударствление с захватом рынка, огосударствление экономической деятельности или права на ее ведение:** в этом случае государство не лишает владельцев предприятий их собственности напрямую, а устанавливает государственную монополию следующими методами:

– делает условием ведения экономической деятельности **получение концессий** и осуществляет их перераспределение (примером может служить продажа табачных изделий);

– определенными видами деятельности разрешается заниматься **только компаниям, находящимся в собственности государства или муниципалитетов** (сюда относятся местный общественный транспорт, водное хозяйство, хранение и переработка отходов, торговля металлами; или, например, случай, когда в 2012 г. право осуществлять правительственную и административную коммуникацию было передано от ЗАО Magyar Telekom ЗАО Magyar Villamos Művek; в рамках Национальной телекоммуникационной базовой сети услуги конечным потребителям оказывает ООО Kopint-Datorg, переименованное в Службу национальной инфокоммуникации (СНИ); далее, особый закон предусматривает обращение в государственную собственность создаваемых безопасных газохранилищ, а также предоставление государству преимущественного права на покупку уже существующих газохранилищ; с 2014 г. частные фирмы по разработке условий конкурсов не могут работать по госзаказам; в рамках проектов, осуществляемых на евросоюзные средства, право на проектирование школ, больниц и иных государственных зданий впредь будет принадлежать только государственным проектным бюро);

– право на определенные виды деятельности **отдается недавно созданным государственным предприятиям** (например, государственной монополией стал сбор мобильных платежей за пользование дорогами, за транспортные билеты, за парковку, более того, за покупку любых услуг, оказываемых фирмами, частичными собственниками которых являются государство или муниципалитеты);

– данная деятельность **передается государственным (административным) органам** (например, вместо коммерческих банков государство будет вести счета «Старт», связанные с так называемыми «младенческими облигациями», для чего вводится особый тип облигаций; задачей государства стало и составление прогноза погоды, а также сбор метеорологической информации – эта деятельность финансируется государством, которое не поддерживает составление прогнозов частными метеорологическими службами).

4. Огосударствление посредством захвата компетенции, присвоение центром прав муниципалитетов: осуществляется при помощи передачи государственным (административным) органам определенных полномочий, прав на ведение определенной деятельности (огосударствление столичных предприятий коммунального обслуживания; огосударствление больниц, принадлежавших местным муниципалитетам или управлявшихся ими, а также ведущегося в этих больницах амбулаторного медицинского обслуживания; в руки государства перешли и финансируемые местными муниципалитетами учреждения социальной защиты детей, а также учреждения, обслуживающие лиц с ограниченными возможностями здоровья, психическими расстройствами и наркозависимостью; профессиональные муниципальные пожарные команды стали государственными, как и имущество комитатских муниципалитетов, а также система образовательных и медицинских учреждений). Присвоение государством прав муниципалитетов может осуществляться и «рыночными»

средствами: «В населенных пунктах услуги по сбору отходов могут оказывать только предприятия, мажоритарными собственниками которых являются государство или муниципалитеты; введением новых налогов правительство сделало эти предприятия, находящиеся в общественной собственности, убыточными; если оказание коммунальных услуг становится невозможным, то ведомство по борьбе с катастрофами может принудительно назначить предприятие для оказания этих услуг, чтобы предотвратить возникновение ситуации, грозящей окружающей среде или здоровью людей. Новое явление: на сцене появилось новое государственное предприятие, которое (следуя модели, опробованной на энергетическом рынке) начало занимать рынок, ранее принадлежавший предприятиям, деятельность которых стала невозможной в результате правительственных мер»^[177].

К этой категории относится и намерение правительства централизовать развитие промышленных парков, которым ранее занимались в основном муниципалитеты. Для этого правительство основало в начале 2016 г. государственную компанию с миллиардным капиталом и запланировало покупку недвижимости, предназначенной для промышленных парков. Не нужно объяснять, какие широкие возможности открывает этот шаг для формирования правительством низшего уровня патронажно-клиентарных отношений и оказания политического давления на местных предпринимателей.

5. Огосударствление *bargain chip*, скупка мажоритарных пакетов акций частных компаний на государственные средства: мотивации и сферы применения этого метода крайне разнообразны, но главным образом он служит укреплению политических или экономических переговорных позиций на будущее:

- если собственниками являются иностранцы, принадлежащие к «тяжелой весовой категории» и трудно поддающиеся шантажу (россияне, немцы), то покупка осуществляется по цене выше рыночной, что, как правило, является одним из промежуточных шагов в более широкой деловой акции (MOL, хранилища природного газа E.ON);

- огосударствление с захватом рынка посредством покупки (ЗАО GIRO, осуществляющее переводы частных лиц и фирм);

- покупка «национальных» предприятий (Rába, Dunaferr, ЗАО MAL);

- крупное государственное предприятие покупает мажоритарную долю собственности в «компании-арендаторе» (как поступило ЗАО MÁV с предприятием общественного питания на железных дорогах ЗАО Resti);

- покупка земли (государство покупает за 4 млрд форинтов недвижимость на обудайском острове; а также предоставляет муниципалитету г. Секешфехервар одноразовую субсидию в 2 млрд форинтов для выкупа аэродрома Бёргёнди);

- подготовка грабительского и транзитного огосударствления (Takarék Bank);

- необходимый шаг в оправдательном огосударствлении, с помощью которого, например, Будапешт был лишен одного из своих предприятий («Столичного предприятия по водоснабжению») в качестве «компенсации» за субсидию, которая и без того причиталась столице.

6. Транзитное огосударствление, «временное» помещение частного предприятия «под надзор государства»: с помощью промежуточной стадии

огосударствления частное имущество принудительно передается собственникам из круга приемной политической семьи. Огосударствление облегчается, если собственника уже «обработали» неэкономическими, неправовыми средствами, характерными для холодного огосударствления, или заставили уйти, и в то же время для внутрисемейной реприватизации предоставляется государственный кредит на льготных условиях (как, например, в уже упомянутом случае с ЗАО BĀV). Подобная судьба ожидает и огосударствленные сберегательные кооперативы и купленные банки, например банк Budapest или Венгерский внешнеторговый банк (ВВБ).

Повторное огосударствление имущества, находящегося в основном в собственности иностранцев, и его передача преферируемым частным собственникам посредством **транзитного огосударствления** являются эффективным методом освобождения имущества для нового передела, опирающимся на идеологию «национально-освободительной борьбы». Сначала провозглашается, что в ключевых отраслях экономики необходимо добиться более высокой доли венгерской собственности, после чего начинается вытеснение легитимных собственников. Конечно, это достигается неэкономическими и неправовыми или обеспеченными неограниченной властью правовыми средствами: особыми налогами, запрещением строительства и расширения торгово-развлекательных центров, невыполнимыми строительными предписаниями и иными государственными и муниципальными ограничительными мерами. Если этого недостаточно, то используется заказанная СМИ компрометирующая кампания, а в крайнем случае – насильственное огосударствление. В зависимости от величины капитала и степени международного влияния иностранных собственников может быть применен широкий арсенал средств от простых притеснений и покупки собственности по цене выше рыночной до насильственного выдворения с рынка. Если для второй, реприватизационной фазы транзитного огосударствления новым, пользующимся благосклонностью власти собственникам нужен капитал, то он без всяких рисков может быть предоставлен Венгерским банком развития. Этот банк освобожден законом от соблюдения норм осмотрительного хозяйствования, и его убытки компенсируются из бюджетных средств. В результате кредитование фирмы, выбранной на роль нового собственника, в действительности может стать подарком, в конечном счете – перекачкой бюджетных средств, своего рода отмыванием денег под руководством государства, нелегитимным прикарманиванием денег налогоплательщиков.

7. Маскировочное огосударствление, огосударствление убытков и приватизация прибыли: помимо обеспечения приемной политической семьи имуществом и доходами, может служить политическим и идеологическим целям.

► **Одноразовая откатка денежных потоков.** Образцовым примером ее была санация банка Postabank (1998–2000), когда государство, боясь за судьбу сбережений вкладчиков, предоставило субсидию ставшему убыточным банку и передало неработающие кредиты коллекторскому агентству. Это агентство продало «безнадежные» кредиты и предприятия должникам (или их представителям, подставным лицам) предположительно по крайне заниженной цене, таким образом, должники смогли приобрести их по цене гораздо ниже

рыночной. По похожему сценарию происходит и приобретение большинства акций Венгерского внешнеторгового банка (ВВБ) (2014) у банка Bayerische Landesbank, находящегося в собственности земли Бавария. Оба случая одновременно могут служить и примером транзитного огосударствления с той разницей, что в типичных случаях транзитного огосударствления добычей становятся процветающие фирмы, в отличие от упомянутых выше случаев, когда санировались ослабевшие банки, которые капитализировались за счет государственных средств, а потом перепасовывались представителям приемной политической семьи. Это может случиться и с ВВБ, поскольку весной 2016 г. он был продан Венгерским национальным банком, однако неясно, кто же стал новым владельцем проданного банка и каков источник средств на покупку. Иначе говоря, остаются вопросы: «Откуда взялись деньги у покупателей? Кто конечные бенефициары-собственники, то есть т. н. UBO (Ultimate Beneficial Owner)»? [178]

– **Постоянная откатка денежных потоков.** Суть этого метода можно продемонстрировать на примере **ликвидации частного рынка учебников**. В качестве первого шага на ответственное за образование министерство были возложены законные полномочия по введению на рынок учебников, одобренных этим министерством без аккредитационной процедуры. В качестве второго шага торговля учебниками была отделена от издания учебников и сделана государственной монополией. В качестве третьего шага государственная фирма, занимающаяся торговлей учебниками, получила право издавать учебники. В качестве четвертого шага было упразднено право школ на свободный выбор учебников, и с этого времени школы могли выбирать учебники только из ограниченного списка, составленного министерством. Этой серией мер удалось разорить издательства учебной литературы, ликвидировать рынок учебников и посредством частных типографий, участвующих в выпуске учебников по заказу государства, обеспечить откатку прибыли от торговли учебниками, финансируемой в основном из бюджетных средств. В рамках этого маскировочного огосударствления органически сочетаются политическая цель идеологической индоктринации, социально-коммуникационная цель продемонстрировать заботу правительства о народе, выражающуюся в снижении цен на учебники, и экономическая цель обеспечить обогащение приемной политической семьи.

– Похожей логике следует и **превращение предприятий коммунального обслуживания в некоммерческие организации** в рамках борьбы за снижение платы за коммунальные услуги, в результате чего эти организации также функционируют как интерфейс перенаправления бюджетных ресурсов выбранным подрядчикам. Недавно глава кабинета премьер-министра Янош Лазар объявил об огосударствлении **предприятий общественного питания**. Этот проект следует логике похожих запланированных или уже осуществленных мер в области коммунальных услуг (**водоотведения и водоснабжения, снабжения населения газом и электроэнергией, центрального отопления и вывоза мусора**): в качестве первого шага провозглашается популистский идеологический тезис, согласно которому частные компании, действующие в этой сфере, должны примириться с тем, что обслуживание населения не должно приносить прибыль (Лазар) [179]; в качестве второго шага государственные

ведомства установлением обязательных цен понижают цену на данный вид услуг, как бы принуждая тем самым частных предпринимателей отказаться от этого вида деятельности; поскольку в этой ситуации оказание коммунальных услуг оказывается нерентабельным даже в случае экономии на амортизационных расходах, оно требует постоянной поддержки за счет бюджетных средств; прибыль, распределяемая среди друзей, извлекается с помощью избранных субподрядчиков. Так связываются между собой популистская идеология, мишенью которой является частная собственность, снижение платы за коммунальные услуги и перекачка денежных потоков к частным лицам. Цену организованного грабежа приходится оплачивать низкой эффективностью государственных услуг и снижением их качества в результате износа основных средств, а также нехватки денег на модернизацию услуг. Объявление об огосударствлении детского питания сопровождалось анонсированием расширения дотируемой сферы общественного питания, а также увеличения на треть суммы ежедневных бюджетных дотаций. Нетрудно понять, что преобразованная таким образом система общественного питания обеспечит привилегированным субподрядчикам прибыльный бизнес, а власти – прекрасную возможность для создания клиентуры.

В зависимости от характера целей типы огосударствления могут произвольно комбинироваться (например, закупочное огосударствление и маскировочное огосударствление). Но случается и так, что тип огосударствления изменяется с течением времени (например, за холодным огосударствлением следует транзитное, а закупочное становится транзитным).

5.12. Властная логика versus иррациональность политики в различных сферах жизни

Властная логика может приводить к *безрассудным мерам в различных сферах жизни*, но те, кто выступает против этих мер с профессиональными аргументами, с позиций рациональности, диктуемой интересами общего блага, не понимают, с кем и с чем они спорят. Для доказательства иррациональности той или иной акции «Фидес», как, например, концессии на табачные киоски, перераспределения земельных аренд, огосударствления или введения государственной монополии, обычно приводятся профессиональные доводы. Это напоминает просмотр футбольного матча по советскому мини-телевизору, выпущенному в 1970 г. к 100-летней годовщине со дня рождения Ленина, когда не было видно мяча и казалось, что 22 игрока бессмысленно носятся по полю. Но если смотреть матч по широкоэкранному телевизору, то мяч уже хорошо виден, и это придает смысл передвижениям игроков. Так вот, в политике, проводимой «Фидес» в различных сферах жизни, «мячом» является фактор укрепления власти и обогащения. Те, кто упорно ссылается на профессиональные соображения, не учитывают того, что в описываемом режим уравнения есть добавочный элемент, нацеленность на власть и обогащение, который к тому же является важнейшим. Это как если бы существа из двухмерного пространства в роли «специалистов» оценивали

трехмерный мир. А тем временем политическая семья лукаво посмеивается над теми несчастными, которые ищут классическую профессиональную рациональность и совершенно не понимают, о чем идет речь на самом деле.

Поэтому всякая узкопрофессиональная аргументация в отношении мер и функционирования мафиозного государства интеллектуально смешна, а в политическом и моральном аспекте приводит к саморазоружению, поскольку не учитывает важнейшего фактора: властной логики, которой подчинены все профессиональные соображения. ***Настоящая политика в различных сферах жизни, строящаяся по логике профессионализма, существует только в условиях демократии, когда частные интересы не подменяют интересов общества.*** Необходимы смена правительства и восстановление демократических институтов, чтобы при выработке политики в различных сферах жизни профессиональные вопросы вновь приобрели актуальность.

В то же время власть действует политически последовательно, так как это – ясный и обнадеживающий месседж для приемной политической семьи, для всех, кто хочет или вынужден приспособляться к режиму, и угрожающий, разъясняющий новые правила месседж для его противников. До широких же слоев общества реальная, неискаженная информация просто не доходит. Таково, следовательно, рациональное поведение по логике строительства мафиозного государства. «Сделаю, потому что могу себе это позволить». Конечно, это не означает, что режим все свои акции завершает с положительным балансом. Например, в том, что касается табачных киосков, баланс, быть может, и не положительен, ведь если много тысяч ущемленных в правах владельцев магазинов будут ежедневно объяснять сотням покупателей, почему им нужно идти за определенными товарами в другие магазины, то это может отрицательно сказаться на отношении к правительству. К тому же общественное мнение лишь постепенно постигает механизм деятельности мафиозного государства, и те или иные события могут вызвать качественное изменение или даже поворот в этом процессе прозрения. Поэтому для минимализации риска власти должны постоянно отслеживать, достигло ли ограничение, организованная манипуляция свободой мнений и выбора того предела, который не допускает лишения мафиозного государства власти по воле электората.

6. Легитимационный дефицит мафиозного государства и средства его компенсации	197
6.1. «Одомашнивание» СМИ	198
6.1.1. 2010–2014: контроль над СМИ в период складывания мафиозного государства	199
6.1.2. Изменение контроля над СМИ после 2014 г. в условиях сложившегося мафиозного государства	204
6.2. Манипулирование избирательной системой[192]	209
6.2.1. Изменение избирательного закона после 2010 г	210
6.2.2. Прокуратура как отдел избирательного штаба	213
6.2.3. Создание институциональных возможностей для подтасовок на выборах	214
6.2.4. Парламентские выборы весной и муниципальные выборы осенью 2014 г	215
6.2.5. Методы позднейшего непризнания результатов выборов	216

6. Легитимационный дефицит мафиозного государства и средства его компенсации

6.1. «Одомашнивание» СМИ

«Фидес» не пользуется характерным для диктатур орудием масштабной административной цензуры, как не прибегает и к применявшемуся в мягких диктатурах деликатному ручному управлению по принципу «поддерживаем – терпим – запрещаем». Этот принцип работал только в условиях господства государственной собственности. В то время вне круга государственной собственности находились лишь преследуемые властью самиздаты демократической оппозиции, непосредственно доходившие до нескольких тысяч человек. После смены режима в области медиа возникла структура смешанной собственности, которая ныне контролируется партией «Фидес» с помощью разнообразных репрессивных средств.

6.1.1. 2010–2014: контроль над СМИ в период складывания мафиозного государства

СМИ, находящиеся в собственности государства, были *поставлены под управление партии* путем прямого применения властных средств (назначение комиссаров, прямые директивы, цензура). Крупные телеканалы (RTL Klub, TV2) *были деполитизированы* (угрозами применения санкций, налогом на рекламу). Критически настроенные СМИ *загонялись в «гетто»* (третированием со стороны властей, отпугиванием рекламодателей). Тем временем политическая семья с помощью государственной поддержки и нелегитимного принуждения *создала собственную медиаимперию из частных СМИ*.

Первым руководителем *Совета по делам СМИ, а также Национального совета по СМИ и коммуникациям (НССК)*, созданных в соответствии с *новым законом о СМИ в 2011 г.*, стало доверенное лицо Орбана, а его преемником – семейный юрист околопартийных СМИ. Его распоряжениями и постановлениями регулируется распределение искусственно ограниченных из-за государственной монополии ресурсов (частоты вещания, концессий, разрешений и т. д.), определяются правила функционирования медиарынка (критерии деятельности некоммерческих СМИ, классификация программ, отчасти ограничения на рекламу и т. д.) и назначаются санкции. С помощью преференций и наказаний, основанных на гибких правилах, он может по своему усмотрению поощрять или, наоборот, наказывать любого участника медиарынка: отбирать частоту вещания, исключать из тендеров и накладывать разорительные денежные штрафы. В то же время и само государство косвенно, через *Фонд поддержки СМИ и управления активами (ФПСУА)*, является рыночным игроком, к тому же крупнейшим, если принять во внимание непрерывно растущее количество бюджетных средств (в настоящее время – 80 млрд форинтов), выделяемых государственным СМИ (национальному информационному агентству, радио и телевидению).

Новый режим осуществил огосударствление *некоммерческих СМИ и Венгерского телеграфного агентства (ВТА)*, не только овладев правами собственности, но и контролируя создаваемый контент. Их имущество и сотрудники были переведены в фонд при Совете по делам СМИ, была установлена строгая цензура, и после всеобщей чистки огосударствленных СМИ в них пришли преданные режиму кадры, причем иногда допускались даже сотрудники праворадикальных СМИ. С помощью *бесплатных государственных информационных услуг* был подорван, практически ликвидирован рынок независимых информационных агентств, таким образом государство косвенно влияет на содержание информационных программ частных СМИ.

«Фидес» поддерживает лояльные СМИ *подпиской и рекламными заказами государственных и муниципальных учреждений и фирм*. В то же время

партия ограничивает свободу печати, минимализуя доходы частных медиа и косвенно контролируя их посредством лишения государственной рекламы, запугивания и «отговаривания» частных рекламодателей. Тем самым она добивается разорения СМИ, допускающих критику правительства, или по крайней мере их оттеснения в «резервацию» с небольшой аудиторией. Такими, на первый взгляд экономическими средствами удается устранять с рынка непокорные СМИ, если не получается сделать это по-другому, например с помощью прямого административного принуждения. Одновременно это деполитизирует и крупнейшие частные СМИ, вынуждая прибегать к самоцензуре.

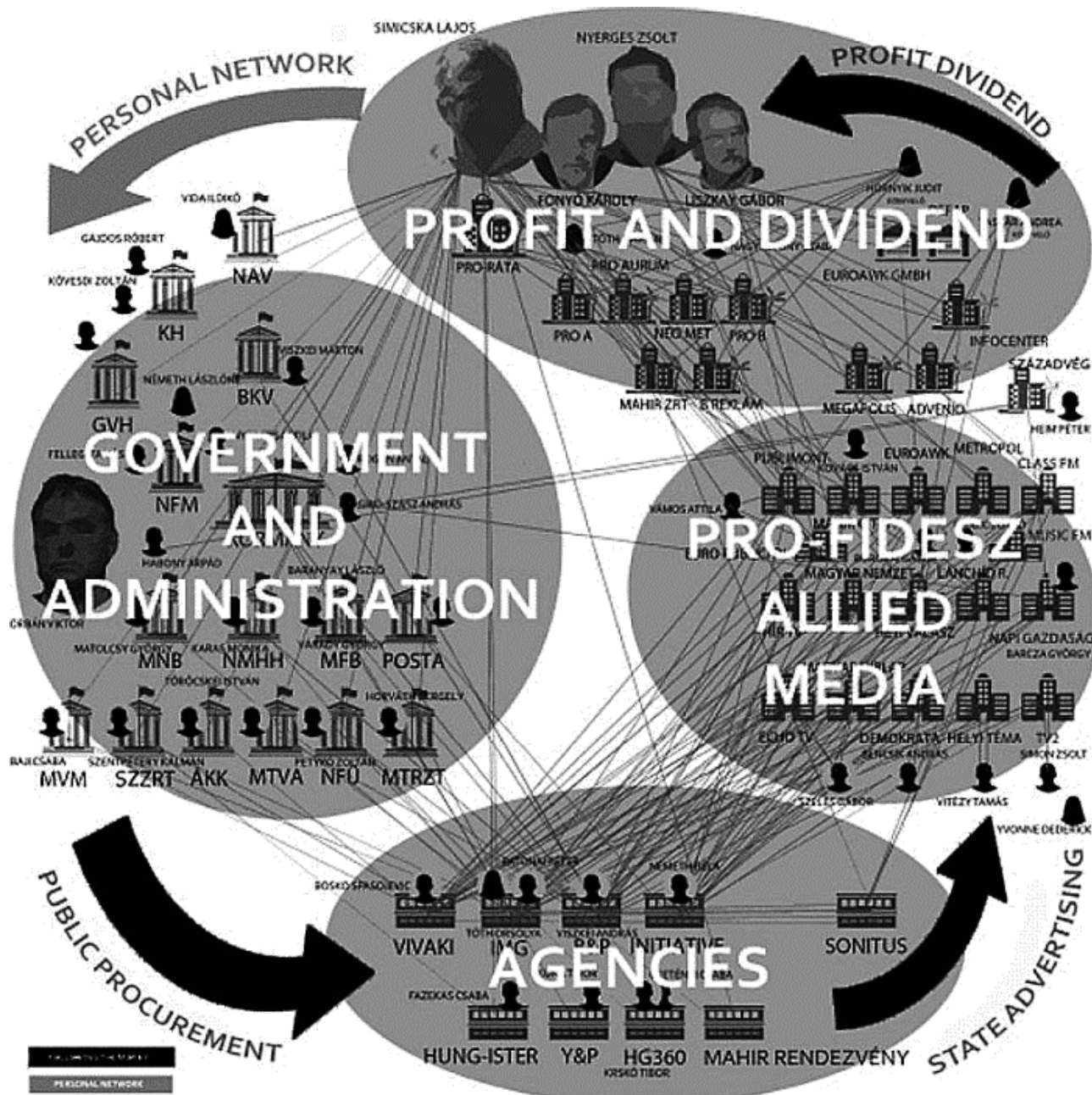
Вопрос не только в том, сохранились ли медиаканалы, позволяющие свободно высказывать собственное мнение. Проблема в том, что власти сумели вытеснить критику в такие замкнутые сообщества, в которых заведомые оппоненты правительства общаются лишь друг с другом, вследствие чего остается мало возможностей изменить соотношение между лояльными и критически настроенными гражданами в широких слоях общества. Критические СМИ, которых становится все меньше и которые играют роль *коммуникационных скандалистов*, не сумели убедить потенциально склоняющихся к критике режима избирателей с помощью объективной информации и сопоставления различных мнений, вместо этого в адрес правительства ежедневно, без всякой саморефлексии произносились одни и те же слова критики, что напоминало своеобразную светскую литургию с перебиранием четок. Тем временем правительство, подчиняясь своим инстинктам, посредством распределения эфирных диапазонов грубо ликвидировало критические СМИ или, устраивая спектакль для внешних наблюдателей, заперло их в гетто узкой аудитории потребителей-интеллектуалов. Возможно, интенсивное общение в небольших сообществах политически независимого Интернета, Facebook'а создает ложное впечатление, что недовольных правительством много, но на самом деле обмен мнениями ведут одни и те же люди и в одних и тех же сообществах. *Руководители мафиозного государства не доктринеры*: они не боятся слов и терпимы к критике, если только она не доходит до широких масс.

Однако, как пишет Мария Вашархеи^[189], *медиаполис служит не только промыванию мозгов, но и отмыванию денег*. Узкие круги приемной политической семьи являются крупнейшими поставщиками государственных СМИ, строителями сети государственных эфирных диапазонов, бенефициарами государственных субсидий и рекламных заказов, покупателями и основателями СМИ на государственные средства. Именно они занимают места тех участников медиасферы, которые вытесняются с помощью нелегитимного государственного насилия. Если Берлускони в Италии добился политической власти с помощью собственной медиаимперии, то «Фидес» с помощью политической власти строит медиаимперию политической семьи. В конце концов, везение переменчиво, и медиаимперия, находящаяся в

собственности политической семьи, поможет пережить скучные годы, как это уже однажды случилось до 2010 г. Лучше не полагаться на случай.

Строительство и функционирование медиаимперии «Фидес», созданной после 2010 г., основано на круговороте, изображенном на приведенной ниже схеме^[181]: 1) политическая семья ставит на посты, позволяющие контролировать деятельность государственных СМИ, бюджетные ресурсы и государственную рекламу, своих людей; 2) которые направляют главную часть государственных заказов и рекламы членам политической семьи или лояльным к ней СМИ; 3) которые одновременно осуществляют идеологическую обработку общественного мнения и переливание государственных средств в карманы частных лиц в форме заказов по завышенным ценам и дивидендов; 4) а затем, замыкая круг, олигархи политической семьи обеспечивают бесперебойное функционирование системы с помощью целенаправленных назначений.

После 2010 г. относительное равновесие во «внепартийном» распределении государственной рекламы и объявлений, в котором в основном отражалось соотношение политических сил, резко нарушилось^[182]. В правительственном цикле 2010–2014 гг. наблюдалось сильное стремление руководителей «Фидес» к **значительному расширению портфолио СМИ, находящихся в непосредственном владении партии** через близких ей олигархов. Иначе говоря, они добивались возможности оказывать влияние на СМИ, не только дергая за поводок государственных рекламных заказов. Причина этого состояла в том, что принадлежавшие партии СМИ (такие печатные органы, как Magyar Nemzet, Magyar Hírlap, Heti Válasz, Helyi Téma, Metropol, а также их электронные собратья – Hír TV, Echo TV и Lánchíd Rádió) имели крайне узкую аудиторию. Исключением была только еженедельная рекламная газета Helyi Téma, бесплатно распространявшаяся по всей стране. Была выдвинута цель перевести в собственность политической семьи и значительную часть СМИ, оказывающих воздействие на массы потребителей, для которых политика не входит в круг первичных интересов. Этой цели служило приобретение крупнейшей, также бесплатной рекламной газеты Metropol, распространяемой на всей территории страны. Но настоящим переломом могло бы стать приобретение двух крупных общевенгерских коммерческих телеканалов. Ранее они лишь пассивно приспосабливались к медиаполитике «Фидес». И хотя закон о СМИ предписывал им ежедневную трансляцию по крайней мере 20-минутных информационных программ, в действительности эти программы скорее напоминали деполитизированную уголовную хронику.

PROFIT AND DIVIDEND: ПРИБЫЛЬ И ДИВИДЕНДЫ; GOVERNMENT AND ADMINISTRATION: ПРАВИТЕЛЬСТВО; AGENCIES: АГЕНТСТВА; PRO-FIDESZ ALLIED MEDIA: ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ «ФИДЕС» СМИ; personal network: люди; public procurement: государственные закупки; state advertising: государственная реклама.

(Венгерские сокращения на схеме: NAV: Национальная налоговая и таможенная служба; GVH: Экономическое конкурентное ведомство; KH: Управление государственных закупок; NMNH: Национальный совет по СМИ и коммуникациям; BKV: Будапештское транспортное предприятие; NFM: Министерство национального развития; MNB: Венгерский национальный банк; MFB: Венгерский банк развития; MVM: Венгерское предприятие по снабжению электроэнергией; SZZRT: ЗАО Szerencsejáték; ÁKK: Центр по управлению государственным долгом; MTVA: Фонд поддержки СМИ и управления активами; NFÜ: Агентство национального развития; MTRZT: ЗАО

«Венгерский туризм»; IMG: Inter Media Group; B&P: Bell & Partners; Y&P: Young & Partners)

Попытка «Фидес» приобрести телеканалы в собственность оказалась успешной в случае TV2^[183] и неудачной в случае RTL Klub. Крупнейший онлайн-портал Origo удалось принудить к более дружественному по отношению к правительству тону без приобретения собственности, одним политическим давлением, в результате чего на портале было размещено государственной рекламы на сумму 1 млрд форинтов вместо прежних 250 млн форинтов. Телеканал TV2 получил от государственной рекламы 10 млрд доходов, в то время как располагающий большей аудиторией зрителей RTL Klub – только 500 млн: «Государственные расходы на рекламу на телеканале TV2 возросли в три раза и достигли в 2014 г. суммы в 10,6 млрд форинтов, иначе говоря, каждый третий форинт, затраченный государством на рекламу, стал достоянием этого коммерческого телеканала. Каналу RTL Klub досталось гораздо меньше, всего десятая часть доходов TV2, больше того, во второй половине 2014 г. эта разница возросла и стала уже 22-кратной»^[184]. Помехой в поглощении приемной политической семьей телеканала TV2 стала лишь война между Орбаном и Шимичкой. Вначале этот маневр осуществлялся при участии Шимички, который тогда еще монопольно контролировал медийные связи политической семьи, однако к концу операции по поглощению телеканала Орбан уже хотел видеть его собственником другое подставное лицо. «В кругу руководителей “Фидес” было известно, что Шимичка ведет переговоры о покупке TV2. По нашим сведениям, Виктор Орбан уже в четверг вечером получил информацию о хаотической ситуации, сложившейся в связи с куплей-продажей TV2. Один из ведущих политиков “Фидес” сказал, что они подождут несколько недель и посмотрят, кто победит в юридической битве за TV2: Вайна или Шимичка. До тех пор будет отложено жизненно важное для TV2 решение о распределении государственной рекламы и о введении платы за услуги кабельного телевидения. По нашей информации, Вайна купил TV2 в надежде на то, что этот телеканал сумеет еще в текущем году урвать себе изрядную долю государственной рекламы, общая стоимость которой составляет 25 млрд форинтов. Из-за сложившейся хаотической ситуации было отсрочено принятие правительственного постановления, на основании которого благодаря поступлениям от распространения телепрограмм доходы TV2 могли бы увеличиться на 6 млрд форинтов»^[185]. Это признание означает, что парламентское, государственное или ведомственное решение открыто ставится в зависимость от того, удастся ли вовлечь TV2 в сферу интересов политической семьи с помощью подставного лица. Это соответствует многим составам преступления, характерным для организованной преступности. И хотя поначалу казалось, что Шимичка с помощью права преимущественной покупки опередил Вайну, быстро выяснилось, что органы публичной власти, играющие определяющую роль на начальном этапе трансакции (Фирменный суд, Экономическое конкурентное ведомство), отдадут предпочтение Вайне.

Желая придать вес своему решению, Экономическое конкурентное ведомство одновременно начало обширное расследование на телеканале RTL Klub, который подозревается в злоупотреблении доминирующей позицией на рынке^[186]. Если же Шимичка внесет это сложное юридическое дело в международную судебную инстанцию, то даже в случае благоприятного для него решения по прошествии многих лет ему не дадут стать собственником TV2. В крайнем случае нарушившие закон венгерские государственные органы будут обязаны выплатить компенсацию. Однако расходы на компенсацию лягут не на Вайну, а на венгерских налогоплательщиков. В то же время для покупки TV2 Энди Вайна получил в поднадзорном министру иностранных дел государственном банке Eximbank кредит в 6,7 млрд форинтов (21 млн евро). Для этого парламенту пришлось изменить закон, регулирующий деятельность банка по поддержанию венгерского экспорта, чтобы он впредь мог предоставлять кредиты для осуществления отечественных проектов, не связанных с экспортом^[187].

Похожие закономерности наблюдаются и в функционировании связанных с приемной политической семьей *фирм по размещению рекламы в общественных местах* (Publiment, Mahir Cityposter, EuroAWK).

6.1.2. Изменение контроля над СМИ после 2014 г. в условиях сложившегося мафиозного государства

Описанная выше система строилась вокруг двух ключевых фигур: главного полигарха Виктора Орбана и главного олигарха Лайоша Шимички. Первый обеспечивал кадровые назначения, парламентские, муниципальные и административные решения, а также бюджетные ресурсы, необходимые для деятельности медиаимперии «Фидес», а второй, отчасти в качестве собственника, а отчасти в роли координатора, управлял целенаправленным распределением средств и деятельностью медиаимперии.

После новой победы «Фидес» на выборах 2014 г., обеспечивавшей партии сохранение неограниченной власти, Виктор Орбан, как об этом уже говорилось выше, получил возможность ликвидировать дуалистический характер руководства политической семьей и сделать эксплицитной свою роль единственного лидера. Ниже приводятся ключевые этапы лишения Лайоша Шимички ключевой роли в приемной политической семье, которые коснулись СМИ:

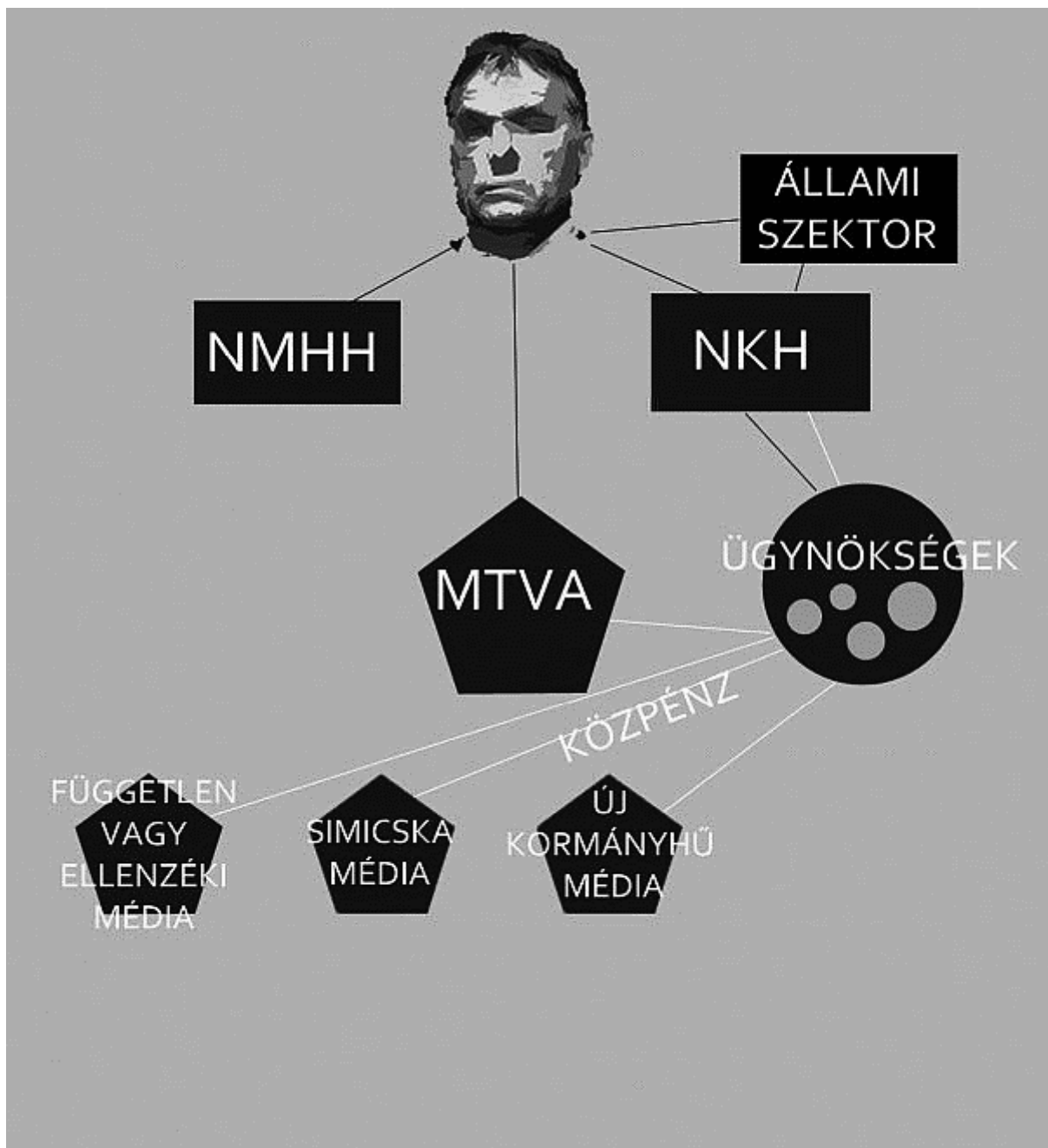
Создание в октябре 2014 г. *Национального коммуникационного управления (НКУ)* означало централизацию в двух направлениях. С одной стороны, управление в обязательном порядке объединило и монополизировало коммуникационные задачи всех государственных и правительственных органов, а также фирм, отчасти или полностью принадлежащих государству. С другой стороны, оно стало заниматься связанными с этими задачами рыночными сделками и заказами. Тем самым, делая невозможной работу автономных рыночных механизмов, оно в то же время «огосударствливает» все свое

окружение и уничтожает возможность и без того редких сепаратных сделок внутри семьи. Это учреждение стремится не только в широком смысле определять суть коммуникации государственных учреждений и фирм, но и руководить ее процессом, а также в одиночку принимать решения о льготах различным игрокам медиасферы, какой бы невыполнимой ни казалась эта задача. Благодаря этому ему практически удалось вывести из игры несколько связанных с политической семьей, прежде всего с Лайошем Шимичкой, медиаагентств, посредством которых государственные объявления распределялись между различными, в том числе негосударственными печатными органами. Концентрация управления финансируемой государством коммуникации в руках главного полигарха одновременно означает, что коммуникация мафиозного государства переключилась в **режим перманентной избирательной кампании**. Причем с помощью этого параллельного канала контролю и влиянию подвергаются не только коммуникация государственных учреждений, но и их деятельность. Подобная централизация означает дальнейшее ограничение и без того урезанной автономии государственных учреждений.

- Намерение поставить в зависимое положение и ограничить влияние медиаагентств, связанных с главным олигархом Лайошем Шимичкой и другими друзьями, сопровождалось уже упомянутым выше явлением ликвидации **привилегированного положения СМИ, находящихся в собственности политической семьи, при распределении государственной рекламы и государственных средств**.

- Главной целью введения селективно прогрессивного налога на рекламу было не что иное, как **наказание и возможное вытеснение с венгерского медиарынка крупнейшего коммерческого телеканала RTL Klub**, оказавшего сопротивление при попытке купить его с помощью насильственных методов. Международные связи RTL Klub дали возможность поднять брошенную перчатку: деполитизированный тон информационной программы канала сменился на резко критический по отношению к правительству, в результате чего зрительская аудитория программы в течение нескольких месяцев увеличилась вдвое, и она стала самым популярным выпуском новостей на венгерском медиарынке. Способствуя выходу критики правительства из тесного гетто оппозиционных СМИ с аудиторией в несколько сотен тысяч человек, RTL Klub стал одной из главнейших причин того, что в течение трех месяцев «Фидес» потеряла треть своих сторонников. Политика «Фидес» не изменилась, изменился лишь ее коммуникационный контекст, доступный широкому общественному мнению. В ходе медиавойны с каналом RTL Klub правительство пригрозило и тем, что с помощью законопоправки разрушит план руководства телеканалов компенсировать убытки от налога на рекламу посредством платы, собираемой с компаний кабельного телевидения за ретрансляцию телепередач. В конце концов «Фидес» вынуждена была отказаться от проекта законопоправки, больше того, перед визитом Ангелы Меркель в Будапешт в феврале 2015 г. было срочно заключено соглашение с руководством RTL Klub об отмене прогрессивности налога на рекламу. Кажется, пока эта договоренность не привела к смягчению критического по отношению к правительству тона информационной программы канала.

• С 2015 г. «Фидес» сосредотачивает усилия на *экспансии государственных СМИ*. Непосредственные бюджетные субсидии государственным СМИ и информационному агентству возросли с 47 млрд в 2010 г. до 80 млрд форинтов. Канал M1 Венгерского телевидения превратили в информационный, тем самым сделав как бы бесполезными политические услуги принадлежащего к сфере интересов Лайоша Шимички канала Hír TV, который в качестве ответа на введение налога на рекламу не стал транслировать выступление Виктора Орбана во время летнего лагеря в трансильванском курортном поселке Тушванёш летом 2014 г., когда Орбан провозгласил строительство «нелиберального государства». Канал M2 днем транслирует детские программы, а с вечера до рассвета функционирует как государственный развлекательный канал для молодежи. Канал Duna TV взял на себя трансляцию передач, которые ранее шли на M1. В 2015 г. будут еще запущены спортивный канал (M4), будапештский региональный канал (M5) и тематический канал (M6).

Сокращения и надписи: NMNH: НССК, Национальный совет по СМИ и коммуникациям; NKH: НКУ, Национальное коммуникационное управление; MTVA: ФПСУА, Фонд поддержки СМИ и управления активами; ÁLLAMI SZEKTOR: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР; ÜGYNÖKSÉGEK: АГЕНТСТВА; FÜGGETLEN VAGY ELLENZÉKI MÉDIA: НЕЗАВИСИМЫЕ ИЛИ ОППОЗИЦИОННЫЕ СМИ; SIMISKA MÉDIA: СМИ ШИМИЧКИ; ÚJ KORMÁNYÚ MÉDIA: НОВЫЕ ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ СМИ

Суть перемен по сравнению с предыдущим правительственным циклом в том, что *принадлежащие государству СМИ* превращены в медиа с неограниченным бюджетом, осуществляющие демпинг медийных услуг, стремящиеся охватить все жанры и возрастные группы аудитории и управляемые непосредственно, без всяких промежуточных инстанций. *Крупные коммерческие телеканалы* покупаются (TV2), или же делаются попытки вытеснить их с рынка с помощью государственного принуждения (RTL Klub). В то же время *политическая семья*, можно сказать, упразднила *свою собственную частную медиаимперию*, и коллективное семейное руководство сменилось непосредственным единоличным руководством полигарха. (Это положение иллюстрирует схема, помещенная ниже^[188].)

Управление новыми проправительственными частными СМИ осуществляется недавно созданным ЗАО Modern Média Group, двумя собственниками которого являются Арпад Хабонь, доверенное лицо премьер-министра, поддерживающее свое материальное благосостояние из надежных, но неизвестных источников, и Тибор Дёри, ранее работавший в кабинете премьер-министра в качестве, как иронически говорилось, «госсекретаря по делам Орбана». Как писали журналисты информационного сайта 444, «два Распутина Виктора Орбана начали наступление на венгерский медиарынок с помощью совместной фирмы»^[189], материальная база которой крайне туманна, поскольку ни один из собственников, ни «безработный» Хабонь, ни госслужащий Дёри, не может располагать капиталом, необходимым для основания такой фирмы. Правда, мы могли бы сказать, что *pomen est omen*, так как название Modern Média носила одна из близких к «Фидес» фирм, которая в 1998 г. «пропала без вести», оставив после себя значительные долги государству. Новая проправительственная медиаимперия планирует начать свою деятельность с запуска одного сайта для обсуждения общественных вопросов, одного сайта новостей бизнеса, одного бесплатного полубульварного еженедельника и, возможно, одной радиостанции^[190].

«В одном из интервью Виктор Орбан заявил: условием суверенитета любой страны является то, что для влияния на общественное мнение СМИ должны находиться в основном в руках отечественных собственников, однако в Венгрии это условие пока еще не выполнено. Единственный смысл закона, нацеленного на упразднение медиаагентств, состоит в расчистке пространства между собственниками СМИ и рекламными фирмами. Необходимо уничтожить все создающие препятствия организации, ссылающиеся на профессиональные

аргументы (где имеет смысл помещать рекламу) и занимающиеся проверкой (была ли опубликована реклама). Эти фирмы, оптимизаторы, медиаагентства и сейлз-хаусы образуют систему сдержек и противовесов в медиаиндустрии. Без них трудно контролировать выполнение заказов, то есть публикацию рекламы, и не имеет значения, насколько велика аудитория того или иного СМИ. Зачистка производится не по методу охоты, а скорее напоминает атомный взрыв. Перекройка посередине года правил деятельности в промышленной отрасли, функционирующей полными годовыми циклами, подобна ядерной атаке: все игроки рынка будут надолго заняты уборкой мусора и трупов, сокрушаясь и сердясь друг на друга. А в это время под покровом грибовидного облака с невероятной быстротой будет построена правительственная медиаимперия. Нет времени для многолетнего строительства, как это было в случае Mahir, Hír Tv, газеты Magyar Nemzet и иже с ними. Никакой органической эволюции, только сила и закон. Воспрепятствуем, запретим, преградим, а кому-то и разрешим. Таковы ключевые слова»^[191].

6.2. Манипулирование избирательной системой^[192]

Одним из определяющих условий существования демократии является возможность сменить действующее правительство путем свободных выборов. Если такой возможности нет или она сильно ограничена, то следует говорить уже не об искаженной, урезанной демократии.

Стабильность правого, консервативного режима, существовавшего в Венгрии между двумя мировыми войнами, обеспечивалась административным ограничением избирательного права (цензовыми, а в провинции до 1939 г. – открытыми выборами). Выражение мнений по политическим вопросам хотя и стыдливо, но считалось привилегией среднего класса. Поиск параллелей с тоталитарными режимами был бы ошибкой, поскольку для них была характерна однопартийная система. После Второй мировой войны при коммунистических режимах властная монополия коммунистической партии обеспечивалась запретом на основание партий, а также тем, что в выборах могли участвовать только кандидаты Патриотического народного фронта, игравшего роль приводного ремня компартии, к тому же эта же организация занималась и проведением выборов. Однако, поскольку при этих режимах власть основывалась на открытом насилии, не было необходимости тратить время на детальную манипуляцию условиями и результатами выборов. При фашистском режиме Муссолини в Италии 1939–1943 гг. традиционный многопартийный парламент был вообще упразднен, в то время как в Германии с середины 1930-х гг. не проводилось даже подтасованных выборов. В СССР существовали однопартийные выборы, на которых можно было голосовать только за одного кандидата. **При тоталитарных режимах все граждане полностью мобилизовывались и контролировались.**

Однако в мафиозном государстве применяется смешанная техника мобилизации и демобилизации. С 2010 г. условия свободных выборов постоянно ухудшались. Наряду с ограничением свободы печати, о чем уже говорилось выше, были урезаны и другие права и свободы избирателей. **Свобода ассоциаций** иногда может быть реализована лишь вопреки «придирам» властей, затруднена реализация **свободы собраний**, и практически невозможно осуществление **права на забастовку**. До сих пор не решен вопрос стабильного и прозрачного **финансирования партий**. К тому же для ханжеского удовлетворения популистских требований правящие партии сократили бюджетные субсидии партиям, но одновременно с помощью щедрой материальной поддержки поощряли массовое участие в выборах 2014 г. так называемых партий-однодневок, создававшихся лишь на время выборов из соображений «бизнеса» и затруднявших ориентацию избирателей. В то же время миллиарды тратились на партийную пропаганду, замаскированную под правительственную информацию. Установление контроля над материальной и коммуникационной средой выборов уже само по себе резко нарушает равенство избирательных шансов.

В отношении деклассированных, то есть *тех, кто был оттеснен на периферию приемной политической семьи или изгнан из нее*, применяется метод перепозиционирования, комбинированный с шантажом и угрозами таким образом, чтобы было невыгодно или слишком рискованно открыто выступить против автократической власти. Это похоже на большой микшерный пульта, на котором для отдельных лиц и организаций составляют мелодии из награждения-пренебрежения-наказания. В то время как разные случаи властного произвола являются каждодневными темами общественного дискурса, можно лишь изредка встретиться с открытым сопротивлением этому произволу или обращениями в суд. Людям все еще есть что терять, и в то же время уже едва можно верить в независимость судебных учреждений. Индивидуальный риск слишком велик. Такова **демобилизационная, распылительная техника**, применяемая автократией и отличающаяся от техники диктатур. Аналитики более или менее разбираются в действии этого механизма и прикидывают, может ли сложиться в рамках манипулированного избирательного закона такая ситуация, которая позволит сменить правительство. Однако рост доли разочарованных, разуверившихся и растерянных может быть обманчивым, поскольку речь идет скорее просто о статистическом множестве, не образующем ткани общества. Направление этого процесса однозначно: **свободные и честные выборы** (free and fair elections) сначала превращаются в **свободные, но нечестные выборы** (free, but not fair elections), а затем складывается ситуация, когда в распоряжении властей оказываются все средства для того, чтобы следующие выборы попали в категорию **выборов, правильность которых оспаривается** (contested elections).

6.2.1. Изменение избирательного закона после 2010 г

Самым непосредственным и конечным средством закрепления на долгое время существующей власти все же является манипуляция избирательным законом и законом о процедуре выборов, то есть фактическая фальсификация воли электората.

- В результате перестройки биполярной политической структуры (правые versus левые, либералы) в венгерской политике стабильно присутствует праворадикальная партия с 15 – 20-процентным рейтингом популярности, что как в структурном, так и в ценностном отношении исключает возможность суммирования голосов противников «Фидес». К тому же более левые, чем «Фидес», политические силы фрагментированы, возможность сотрудничества между ними ограничена. Сознавая это, «Фидес» ввела **избирательную систему с одним туром голосования** вместо прежних двух, что принуждает демократические силы, соперничающие не только с правящими партиями, но и друг с другом, к заключению предварительной коалиции, то есть к политическому дележу, предваряющему выяснение реального соотношения сил на выборах и подменяющему настоящую предвыборную борьбу.

● **Реорганизация финансирования избирательной кампании** имела целью не только сократить финансирование парламентских партий до уровня, делающего невозможным их нормальное функционирование, но и ввести в пространство выборов массу незначительных **«бизнес-партий»**. В то время как избирательная система принуждала оппозиционные партии к заключению преждевременной коалиции, щедрое финансирование побуждало предприимчивых авантюристов положить в карман правительственные субсидии на проведение предвыборной кампании от имени практически несуществующих партий. Смягчение условий выдвижения кандидатов-одномандатников должно было поощрить как можно больше партий к занесению их в свои списки. Если партия выставляла кандидатов в четвертой части одномандатных избирательных округов, то получала 149 млн, а если во всех, то 597 млн форинтов из бюджетных средств для ведения предвыборной кампании. В действительности этим партиям предназначалась задача дезориентировать избирателей и обеспечить распыление голосов электората, критически настроенного по отношению к правительству. **«Эти партии прикарманили на выборах почти 4 млрд форинтов бюджетных денег, и судьба 90 % этой суммы неизвестна, то есть можно проследить путь лишь 10 % выделенных средств, которые действительно были затрачены на кампанию. (...)** К тому же, поскольку ни одна из бизнес-партий не получила ни одного мандата, вероятно, они избегнут и проверки со стороны Государственной счетной палаты, которая может начать расследование только по заявлению какой-либо другой партии, участвовавшей в выборах, если эта партия располагает конкретными доказательствами растраты государственных средств»^[193].

● **В условиях сокращения числа мест в парламенте с 386 до 199** новое правило, по которому индивидуальные мандаты предоставляются на основании относительного большинства голосов в единственном туре голосования, благоприятствует сильнейшей партии. Кроме этого, были сокращены компенсационные возможности голосов, отданных за партийные списки, и в то же время по новому закону **партия, побеждающая в одномандатном избирательном округе, получает компенсационный бонус**. Тем самым была усилена **диспропорциональность избирательной системы**. (В 2009 г. «Фидес» не поддержала ни один из вариантов законопроекта, предусматривавшего создание 200-местного парламента, потому что сокращение числа парламентских мест намечалось осуществить при одновременном усилении пропорциональности избирательной системы.)

● Укрупнение избирательных округов, число которых уменьшилось со 176 до 106, было осуществлено с помощью перекройки границ округов, ставшей средством создания **избирательного ландшафта**, благоприятного для правительственных партий. (При проведении выборов по новым избирательным округам «Фидес» выиграла бы все выборы с 1998 г., в том числе и выборы 2002 и 2006 гг.).

● Введение **предварительной регистрации** должно было вытеснить из электората слои неудачников, сильнее других подверженные влиянию социального популизма, что позволило бы смягчить воздействие избирательного маятника, приводимого в движение обещаниями социальных благ. Однако это

намерение не было осуществлено из-за негативных откликов в стране и за рубежом.

- Хотя, как считал Бертольт Брехт, «народ нельзя заменить», часть избирателей можно заменить путем *виртуальной смены населения*: если венгры, живущие за границами страны, главным образом в Трансильвании (Румыния), и воспользовавшиеся возможностью получения двойного гражданства, в основном укрепляют лагерь сторонников правительственных партий, то лица, на какое-то время покидающие Венгрию, скорее принадлежат к потенциальному электорату оппозиционных партий. Первые могли голосовать и по облегченной процедуре, по почте. К тому же заграничные венгерские общественные организации, лояльные к правительству, получили возможность собрать по предоставленным только им адресным спискам десятки тысяч голосов и предоставить их (в конце концов минуя почту) в распоряжение органов, отвечающих за проведение выборов. В то же время сотни тысяч венгерских граждан, работавших в Западной Европе и США, практически не имели возможности воспользоваться своим избирательным правом: иногда для подачи голоса им приходилось проезжать сотни километров, тратить сотни долларов и стоять в многочасовых очередях. Так несколько сотен тысяч критически относящихся к правительству избирателей были заменены на несколько сотен тысяч сторонников правительства. В 2014 г. более 90 % стотысячного контингента зарубежных венгерских избирателей проголосовали за «Фидес». С тех пор число зарубежных венгерских граждан, проживающих на территориях, потерянных по Трианонскому договору, неуклонно увеличивалось: весной 2016 г. оно уже превышало 80 тыс. человек^[194], и примерно треть этого электората может быть мобилизована на выборах 2018 г. Между тем Конституционный суд не увидел дискриминации в том, что проживающие в Венгрии, но работающие за границей венгерские граждане не имеют права голосовать по почте, а должны делать это лично в венгерских дипломатических представительствах.

- Избиратели могли зарегистрироваться в качестве членов национальных меньшинств, но в этом случае они не могли подавать голоса за партийные списки, а только за организации, перечисленные в *списке национальных меньшинств*. Это правило привело не к укреплению прав национальных меньшинств, а к дискриминативному лишению политических прав сотен тысяч граждан, причем наиболее деформирующее влияние оно оказало в случае цыганского меньшинства, крупнейшего на территории Венгрии.

- *Упразднив период предвыборной тишины*, обладающая крупными ресурсами и списком партийного директора Габора Кубатова партия «Фидес» превратила выборы в *направляемую из центра логистическую операцию*, на которую оппозиция, за отсутствием средств, не может ответить такой же мобилизацией избирателей^[195]. (Это проявилось уже во время промежуточных выборов 2013 г. в городе Бая.)

Даже в случае значительного изменения воли электората и падения популярности «Фидес» новый избирательный закон способен удержать эту

партию у власти, принимая во внимание ее центральное положение в политическом пространстве и пристрастное изменение избирательной системы.

6.2.2. Прокуратура как отдел избирательного штаба

Обычно выделяют два фактора, наряду с избирательной системой оказывающие определяющее влияние на результат выборов: финансирование партий и предвыборных компаний и доступ к СМИ. Об этом уже говорилось выше. Однако даже международные наблюдатели стыдливо молчат о роли **прокуратуры** в криминализации противников «Фидес». А между тем речь идет не о новой, а об уже опробованной практике, когда прокуратура привлекает к судебной ответственности кого-либо из политических противников «Фидес». Сверяясь с графиком избирательной кампании, прокуратура «сливает» фидесистской прессе порочащую их информацию, причем иногда объявляет начатое дело государственной тайной, чтобы обвиняемые не могли защищаться публично. В отдельных случаях общественное мнение обрабатывается известиями о предварительном или домашнем аресте, фотографиями обвиняемых, которых вводят в зал суда на цепи. Начало дел продуманно приурочивается к определенным событиям, в то же время эти дела могут тянуться годами без вынесения приговора, их публичное освещение приурочивается к сезонным колебаниям различных кампаний. **Селективная борьба с преступностью, приспособленная к интересам избирательных кампаний**, может одинаково затронуть невинных, тех, кого при предъявлении обвинений можно шантажировать в связи с совершением мелких преступлений, и действительно виновных. Во всяком случае, значительная часть этих дел или не дошла до суда, или окончилась оправданием обвиняемых. Этого, однако, было достаточно, чтобы дискредитировать человека. Настоящей целью этих акций является не правосудие, не наказание признанных виновными лиц, а их удаление с политической арены и/или дискредитация политических организаций, которые они представляют.

В ходе предвыборной кампании, предварявшей парламентские выборы 2014 г., предметом агитационной деятельности прокуратуры стали 240 млн форинтов неизвестного происхождения, помещенные на иностранном банковском счете заместителя председателя социалистической партии. После выборов ведение этого дела вернулось в «привычное» русло, оно пошло тихо и медленно, не давая каждодневной пищи СМИ. Тем временем перед прокуратурой встала задача понизить растущую популярность праворадикальной партии «Йоббик» в предвыборной кампании перед летними выборами депутатов в Европейский парламент, поэтому один из депутатов Европарламента от «Йоббик» был обвинен в шпионаже в пользу России. Нечего и говорить, что со времени окончания выборов об этом деле почти ничего не слышно.

Помимо прокуратуры, **правительственным средством ведения предвыборной кампании мог стать и суд**. Годовщина обнародования записи выступления премьер-министра Ференца Дюрчяня о «лжи» избирателям

послужила символической датой начала процесса над руководством полиции, которая во время осенних демонстраций 2006 г. применяла силу не только к тем, кто занял и поджег здание телевидения, но и к мирным демонстрантам. Просьба прокурора об условном сроке для обвиняемых показывала, что в этом деле важно лишь предвыборное шоу, дискредитирующее противников и спланированное проправительственный электорат, укрепляющее его идентичность. В «самом веселом» мафиозном государстве пока есть лишь показательные процессы без приговоров к тюремному заключению. В данном случае нет даже целевых лиц, есть только «целевое дело», иначе говоря, судебная процедура имеет для правящей партии важное символическое значение не из-за личности обвиняемого, а из-за того, что предъявленным обвинением можно укрепить нарратив, формирующий идентичность сторонников «Фидес». Мотивом других дел может быть и стремление к личной расправе. Примерами могут служить дело по поводу выданного бывшим премьер-министром от социалистической партии бесконкурсного разрешения на обмен недвижимости, связанный с проектом строительства казино, или обвинение в «шпионаже», предъявленное бывшему министру-социалисту, осуществлявшему надзор за деятельностью секретных служб. В этих случаях ставкой была (пока еще не реализованная) возможность вынесения приговора о действительном тюремном заключении.

6.2.3. Создание институциональных возможностей для подтасовок на выборах

Если бы методов, перечисленных выше, оказалось недостаточно, то последнюю спасительную возможность для *мошенничества на выборах обеспечивал бы закон о процедуре выборов.*

- В новом законе нет пункта об обязанности предотвращать мошенничество на выборах и беспристрастно разбирать заявления о нарушениях закона.

- Закон практически обеспечивает выбранным и делегированным представителям правящих партий большинство во всех комиссиях по наблюдению за процедурой выборов. «Независимые» члены комиссий назначаются или парламентом, в котором «Фидес» располагает конституционным большинством, либо муниципалитетами, которые большей частью находятся под контролем правящих партий.

- Фирма, обеспечивавшая компьютерную базу для прежних выборов и заслужившая положительную оценку всех политических сил, перешла в собственность государства и попала под непосредственное управление правящих партий. По закону процесс электронной обработки поданных голосов прерывается включением новых промежуточных этапов, что дает неконтролируемые возможности для подтасовки результатов.

- Ссылаясь на необходимость защищать венгров, живущих за пределами страны, правительство ни до, ни после выборов не публикует списки голосующих за рубежом избирателей и не указывает даже их количество и распределение по отдельным странам. В результате оказывается невозможным

проверить достоверность сотен тысяч голосов. Это уникальный случай в Европе. Результаты почтового голосования венгров, живущих за границей, обнарудутся Национальной избирательной комиссией, большинство в которой составляют представители «Фидес». Никаких возможностей общественного контроля не существует.

- Закон предоставляет министру возможность определять, какие из всех результатов выборов подлежат обнаруждению и каким математическим и логическим параметрам должны удовлетворять рубрики протоколов с результатами.

- Решения об аккредитации или об отказе в аккредитации международных наблюдателей единолично выносит председатель Национальной избирательной комиссии, который выбирается сроком на 9 лет. Его решения не обосновываются и не подлежат обжалованию. В соответствии с законодательством международные наблюдатели не имеют права задавать вопросы представителям партий, кандидатам и избирателям. Все вопросы должны адресовываться только избирательной комиссии.

- Эти параграфы закона, делающие возможным *мошенничество на выборах*, свидетельствуют о том, что в случае необходимости они будут использованы. ***Не самоцельно, а лишь целесообразно.*** Как это иногда делается в посткоммунистических странах, когда, согласно сообщениям международных наблюдателей, результаты выборов частично фальсифицируются. В связи с законами о выборах и об избирательной процедуре, а также с применением других методов ограничения прав и манипуляции можно поставить под вопрос не только чистоту, но и свободу выборов. Речь идет не о методах, применяемых при коммунистических диктатурах, когда настоящие выборы превращались в бессмысленное голосование благодаря тому, что можно было голосовать лишь за одного кандидата и одну партию, а если была возможность выбирать из двух кандидатов, то они представляли одну и ту же категорию заботливо составленного социального спектра: борьба шла между двумя шахтерами, двумя университетскими преподавателями или, например, двумя ткачихами. Причем пользоваться «правом» на голосование нужно было в обязательном порядке, чтобы продемонстрировать приверженность диктатуры демократическим нормам. В противоположность этому в мафиозном государстве, функционирующем среди декораций демократии, осуществляется искажение свободы политического самоопределения участвующих в выборах кандидатов, финансирования предвыборной кампании, возможностей контакта с избирателями, нейтралитета государственных силовых структур, участия в выборах и особенно ценности каждого голоса.

6.2.4. Парламентские выборы весной и муниципальные выборы осенью 2014 г

Манипуляция избирательной системой может считаться своего рода перевернутой «тактикой салями»: не было такого трюка, служащего интересам «Фидес», который не был бы использован, независимо от того, сколько добавочных голосов он принес. С помощью нечестного преимущества

благодаря манипуляции избирательным законом партии удалось снова добиться на парламентских выборах 2014 г. конституционного большинства в две трети голосов. Если на выборах 2010 г. при менее непропорциональной избирательной системе для достижения большинства, обеспечивающего неограниченную политическую власть, требовалось 52,7 % голосов, то в 2014 г. для получения 66,8 % парламентских мест было достаточно и 43,6 % голосов. По старым правилам этого результата хватило бы лишь для получения 59 % парламентских мест^[196].

Благодаря изменению правил выборов и состава столичного представительного органа «Фидес» удалось при сокращении популярности не только сохранить, но и увеличить большинство в руководстве Будапешта. Если по новой избирательной системе в 2014 г. партия получила 61 % мест в собрании будапештских депутатов, то по старой избирательной системе то же количество голосов принесло бы ей всего 39 % депутатских мандатов^[197].

6.2.5. Методы позднейшего непризнания результатов выборов

Непосредственно после поражения на парламентских выборах 2012 г. «Фидес» поставила под сомнение чистоту этих выборов, хотя их проведение было организовано ее собственным правительственным аппаратом. Естественно, результатами выборов 2010 и 2014 гг. партия осталась довольна.

Иная ситуация сложилась в связи с муниципальными выборами, поскольку, даже несмотря на убедительную победу «Фидес», остались муниципалитеты, руководимые другими партиями. Отвлечемся сейчас от таких жалоб, в которых содержались просьбы о пересчете голосов или пересмотре результатов выборов со ссылкой на нарушение избирательного закона. Подобные средства вполне укладываются в рамки демократических процедур, даже если ими пользуются необоснованно. Однако были и попытки изменить результаты выборов в населенных пунктах, где победили не правящие партии, с помощью злоупотребления законодательной властью. Вот несколько характерных примеров:

- На муниципальных выборах 2010 г. пост главы администрации Фелчута, родного поселка премьер-министра, выиграл не кандидат от «Фидес», а независимый предприниматель. После этого парламент принял постановление, согласно которому у главы администрации не может быть задолженности государству, в результате чего победитель лишился своего поста. На повторных выборах победителем стало уже подставное лицо политической семьи, вслед за чем упомянутое правовое ограничение было упразднено.

- На тех же муниципальных выборах 2010 г. население города Эстергом выбрало независимого бургомистра, в то время как большинство в муниципальном собрании принадлежало «Фидес». Это большинство, с одной стороны, лишило бургомистра значительной части полномочий, а с другой стороны, настолько затруднило работу городского руководства, что это дало правительству основание для непосредственного вмешательства в жизнь города.

- Перед осенними муниципальными выборами 2014 г. было заранее известно, что новая структура муниципального собрания, которую планировалось ввести в Будапеште после выборов, будет недееспособной и еще сильнее подчинит столицу партикулярным интересам районов. Кандидат в бургомистры от «Фидес» тоже выразил свои опасения по этому поводу и высказал мысль о необходимости предоставления бургомистру Будапешта права вето. Однако руководство «Фидес» дождалось результатов выборов и изменило закон только после победы своего кандидата. Очевидно, что оппозиционный бургомистр не получил бы полномочий, необходимых для обеспечения нормального функционирования города. Но наблюдается и обратная ситуация: члены столичного муниципального собрания после их избрания были лишены законом определенных прав.

Возникает закономерный вопрос: даже если «Фидес» потерпит поражение на следующих парламентских выборах, то насколько она сумеет сделать эфемерными полномочия нового правительства, избранного большинством электората, с помощью своих ставленников, «забетонированных» в различных органах публичной власти? Достаточно представить, что контролируемый «Фидес» Бюджетный совет не одобрит проекта бюджета, после чего президент республики имеет право назначить новые выборы. Это является независимым от избирательных законов способом не только поставить под сомнение, но и просто аннулировать результаты выборов.

7. Легитимационный идеологический арсенал мафиозного государства	218
7.1. Режим, управляемый идеологией, versus режим, пользующийся идеологией	218
7.2. Целевые идеологические клише: Бог, Родина, семья, трудовое общество	221
7.2.1. Национализм, антисемитизм, расизм	221
7.2.2. Идеологическая пирамида	223
7.2.3. Религия	228
7.3. Инструментальные идеологические клише: «Система национального сотрудничества» и «национально-освободительная борьба»	230
7.3.1. Система национального сотрудничества (СНС)	231
7.3.1.1. Сущностное, ценностное оправдание СНС – «новый принцип справедливости»	231
7.3.1.2. Оправдание СНС с точки зрения технологии власти – «искусство дружбы»	233
7.4. Национально-освободительная борьба	237

7. Легитимационный идеологический арсенал мафиозного государства

7.1. Режим, управляемый идеологией, versus режим, пользующийся идеологией

Мафиозное государство не руководствуется определенной идеологией, а создает конструкции из различных идеологических блоков, следуя требованиям политической целесообразности. Эти конструкции неконсистентны с точки зрения профессиональной политики в различных областях жизни общества, но консистентны эмоционально, в этом их сила, так как они не поддаются рациональной критике. «Путеводная нить моей политики, – заявил Виктор Орбан в одном из интервью в 2006 г., – может быть определена так: **действительность без идеологии**. (...) Для “Фидес”, как и для всех широких союзов, характерно то, что ее членов объединяет не идеология, а общие цели. В “Фидес” и ради победы “Фидес” работают люди, отличающиеся друг от друга образом жизни и ценностными ориентациями, потому что их сплачивают общие цели. “Фидес” не похожа на организации, построенные на основании целостной системы аргументов, и идеологии, которые по достижении определенной границы уже не могут расширяться дальше. У “Фидес” нет такой границы, поэтому и рейтинг поддержки партии не имеет максимальной величины, которая может быть определена заранее»^[198].

Слабость рациональной критики идеологических конструкций мафиозного государства в том, что понятия, которые используются в его коммуникации, например: нация, венгры, производящий ценности труд, трудовое общество, спекулятивный капитал, банк и др., – интерпретируются дословно, а не в реальном социальном контексте, раскрывающем их общественное значение. В такой критике не учитывается тот факт, что на языке создателей и сторонников современного политического курса эти понятия имеют особый смысл: нация, венгры = мы, то есть члены приемной политической семьи, не чужие, не евреи; производящий ценности труд = труд, приносящий прибыль нам; спекулятивный капитал = то, что приносит прибыль не нам; банк = шкуродер; трудовое общество = кто не имеет работы, тот не ест, то есть отрицание социальной солидарности и т. д. Таким образом, вместо критики режима его оппоненты увязают в критике **правительства**, то есть выступают лишь с **профессиональной критикой правительственной политики**, исходя из предположения, что критикуемый режим и его критики одинаково стремятся к общественному благу, только разными путями. Эти две опоры вынужденно «политкорректной» критики – узкое, дословное, а не контекстуальное толкование языка мафиозного государства, а также предположение, что власть стремится к общественному благу, – заставляют либеральную интеллигенцию замкнуться в своего рода субкультуре «непризнанных» мучеников. Чувство интеллектуального превосходства, с

которым критически настроенная интеллигенция пытается, основываясь на западных общественных ценностях, указать на противоречивость и иррациональность меседжей и политики мафиозного государства, свидетельствует как раз о том, что она не понимает природы и механизма функционирования нового режима. В итоге с помощью своей вербальной критики она не способна нанести даже царапину мафиозному государству.

Слабость идеологической критики состоит в том, что она опирается на представление, согласно которому режим руководствуется определенной идеологией, целостной системой ценностей. При таком критическом подходе описательная модель, объясняющая режим одним стремлением к власти и обогащению, считается несерьезной, так как власть имущие придерживаются определенных идей и ценностей. Конечно, мы не утверждаем, что эта форма автократии предстает перед нами без всяких идеологических покровов, как чистое воплощение жажды власти и богатства. Но ясно и то, что мафиозное государство не может считаться реализацией общественного строя, опирающегося на когерентную, выбранную еще до прихода к власти систему ценностей, идеологию или одну из трактовок общественного блага. В таком случае что же придает этому режиму иногда столь обманчивую «идеологическую» целостность?

Ранее уже говорилось о том, что по характеру власти мафиозное государство является результатом нелегитимного распространения прав главы патриархальной семьи на всю нацию. Круг «домочадцев» главы патриархальной семьи охватывает его кровных и приемных родственников, зависимых людей разных сословий и рангов, а также лиц, оказывающих семье косвенные услуги. Глава патриархальной семьи распоряжается людьми, имуществом, статусами. История может пониматься как процесс эмансипации членов семьи и зависимых людей, их освобождения от власти главы патриархальной семьи. (Последней, но трудноосуществимой стадией этого процесса является, например, декларация прав детей или введение наказания за семейное насилие, которые уничтожают последние пережитки монополии главы патриархальной семьи на наказание домочадцев.) Мафиозное государство осуществляет в масштабах нации обратный процесс: ликвидирует автономный статус лиц, принадлежащих к различным группам общества, и старается подчинить их в соответствии с моделями традиционной патриархальной семьи. Таким образом, «идеологическую» целостность придают режиму **культурные модели власти главы патриархальной семьи**, а также основанные на них и гармонирующие с ними идеологические блоки, которые могут заимствоваться из других систем ценностей.

Естественно, не все идеологические блоки совместимы с этими культурными моделями. Например, им чужды идеологии, провозглашающие автономию и свободу личности (вплоть до границ свободы других личностей). Роли главы патриархальной семьи, управляющего своими «домочадцами», лучше всего соответствуют элементы коллективистских идеологий. Конечно, эту функцию могут выполнять не все коллективистские идеологи. Классовый и

интернационалистский коллективизм, характерный для коммунистической идеологии, неприменим для идеологической легитимации моделей власти главы патриархальной семьи, поэтому приходится обращаться к идеологическому арсеналу правых, авторитарных режимов. Однако ценностные рефлексы, которые пытается активизировать в людях мафиозное государство, не обязательно связаны с современными диктатурами. «На фоне консервативной (политической) риторики на мышление человека воздействует хорошо всем знакомая ситуация, которую можно передать метафорой “государство – (строгий) отец”. Отец по заслугам наказывает и награждает своих “детей”, граждан страны, не одобряет плохого поведения, считает себя вправе вмешиваться в их личную жизнь и т. д. Эта модель семьи знакома даже и тем, кто, к счастью, вырос в других условиях, потому что они сталкивались с ней в книгах и фильмах, могли иметь таких родственников, учителей, а позже – начальников. Существует множество клише, которые активизируют эту модель, от “не смей так разговаривать с отцом” и “не перебивай меня, когда я говорю” до “пока ты одеваешься на мои деньги, я буду решать, как тебе одеваться”, – ведь правые партии любят авторитет, создаваемый позицией, а не достигнутыми результатами, любят учить граждан, как им следует жить, поступать и думать, причем в интересах нации, которая отождествляется с семьей, и граждан-детей»^[199].

Эта культурная модель патриархальной семьи, к которой можно пристраивать идеологические блоки, эклектически подобранные, если смотреть на них с иной точки зрения, придает эмоциональную цельность властному режиму. В этой модели власть с добродушной естественностью не терпит возражений и по-семейному персонифицирована. Организуемые властью ритуальные, репрезентативные мероприятия характеризуются не военными парадами фашистских или коммунистических диктаторов с маршами безличных масс и протокольно безличной нацистской или коммунистической номенклатурой на трибунах. Напротив, Крестный отец в рубашке с засученными рукавами приятно проводит время в VIP-ложе своего стадиона вместе со своими «домочадцами», олигархами, подставными лицами, управляющими, приказчиками и наемниками. Если он в чем-то последователен, то не в идеологии, а в поддержании и трансляции этой модели власти.

7.2. Целевые идеологические клише: Бог, Родина, семья, трудовое общество

Важнейшие *идеологические блоки* легитимации власти группируются вокруг понятий *«Бог, родина, семья»*, функция и способ употребления которых, однако, показывают, что режим управляется не идеологией, то есть не этими началами. Когда критики характеризуют идеологические пружины режима Орбана категориями национализма, религии или консервативного культа семьи, они пытаются интерпретировать режим, оставаясь в рамках традиционного понимания этих категорий. А между тем это традиционное понимание не имеет никакого отношения к настоящей природе мафиозного государства.

7.2.1. Национализм, антисемитизм, расизм

Национализм XIX в., породив политические нации, привел к установлению внутринационального равноправия, что послужило базой для борьбы с устремлениями других наций. Однако *национализм мафиозного государства* направлен не против других наций, а на исключение из своей нации всех тех, кто не принадлежит к приемной политической семье, не входит в систему вассалитета или относится к числу оппонентов режима. Те, кто не принадлежит к «домочадцам» Крестного отца, должны испытать на себе все последствия этого. В этом понимании нация – это не что иное, как приемная политическая семья и ее придатки, от Главы семьи вплоть до слуг, то есть до тех, кто занят на общественных работах. Венгерская приемная политическая семья создает для прикрытия своего эгоизма национальную коллективистскую идеологию под знаком лживого обещания установления справедливости.

Бенефициары центрального силового поля легко дешифруют этот язык: нация – это не что иное, как эвфемистическое название приемной политической семьи. В конце концов, не могут же они сказать, что просто «гребут под себя». В то же время они знают, что если Крестный отец ссылается на интересы нации, то он говорит о них, о приемной политической семье. Нация безгрешна потому, что она тождественна Семье, и тот, кто получил доступ в нее, одновременно получил прощение, отпущение грехов и защиту. При прошлом режиме он мог быть доносчиком, коммунистическим аппаратчиком или уголовником, но все это прощается, если он лоялен к приемной политической семье. Обеспечиваемая патроном защита укрепляет единство, а изгнание из семьи представляет собой угрозу. В случае критического выступления против режима не существует таких личных заслуг, которые могли бы защитить непокорного от уничтожающей, криминализующей или стигматизирующей силы органов или СМИ мафиозного государства.

А сторонникам, не получающим различных благ и привилегий, за неимением лучшего достается чувство принадлежности к национальной общности, возможность свободно придерживаться положительных или

отрицательных пристрастий, исключительное право на «истинную любовь к родине» и презрение к врагам нации («не нашим», «изменникам родины», «банкирам», проще говоря – к «евреям») и паразитам нации (цыганам, бездомным, безработным). Они – восторженные простофили, которые вознаграждаются вполне легитимным и неприкрытым – чувством собственной избранности и презрения, а порой и ненависти к другим.

7.2.2. Идеологическая пирамида

Однако руководители «Фидес» не антисемиты, их мишень не «еврей», просто для них *антисемиты тоже относятся к целевой политической аудитории, которую необходимо покорить*. И в связи с банками беда тоже не в том, что они якобы принадлежат «евреям», а в том, что они не контролируются лидерами «Фидес». Точно так же руководители «Фидес» не расисты, однако *расистские настроения наблюдаются в аудитории, которую необходимо привлечь в лагерь сторонников «Фидес»*, привлечь сознательно, прагматично, без эмоций. Этой аудитории и делаются уступки, которые невозможно оправдать с моральной точки зрения. В закодированном антисемитском, но достаточно однозначном контексте могут быть интерпретированы: *язык «Фидес»*, с помощью которого осуществляется стигматизация политических противников как «не наших» людей, «губителей нации», «правительства банкиров»; *преферируемые партией исторические и литературные деятели*, как, например, правитель Венгрии между двумя мировыми войнами Миклош Хорти, писатели-антисемиты Альберт Вашш, Йожеф Нирё и Цециль Тормаи; а также *символические жесты*, как, например, включение произведений упомянутых писателей в Национальный основной учебный план, перезахоронение останков Йожефа Нирё в Трансильвании, переименование и наименование общественных мест, награждение государственными премиями лиц праворадикальных убеждений и их назначение на руководящие посты в культурных учреждениях. «Фидес» утилитарно и цинично относится к антисемитизму и расизму, так как нуждается в зараженной ими аудитории потенциальных сторонников.

Закономерным следствием *идеологической пирамиды* с целью привлечения праворадикальных избирателей является *легитимация и расширенное воспроизводство антисемитских и расистских настроений и высказываний, расширение круга сторонников расизма и антисемитизма*. (В этом политика настоящего режима отличается от принимаемой ныне за образец политики Иштвана Бетлена после Первой мировой войны, так как Бетлен лишь недостаточно решительно и эффективно выступал против массовых антисемитских настроений и движений, но не выводил их на политическую арену.) С институционализацией и усилением правового радикализма (достаточно вспомнить праворадикальную партию «Йоббик» и ее первую победу в одномандатном избирательном округе на промежуточных парламентских выборах весной 2015 г.) прежнее двухполюсное политическое пространство сменилось на трехполюсное, в котором партия, воплощающая в себе центральное силовое поле, как называет себя «Фидес» в своей политической коммуникации, танцует «танец павлина»^[200] между двумя «крайностями», левыми и правыми радикалами, возмущаясь при этом тем, что первые подвергают сомнению ее преданность демократии, а вторые – ее приверженность принципу национальности. В то же время «Фидес» с иронией наблюдает за бесплодной борьбой двух «радикальных» сил, фокусирующих

свое внимание друг на друга. В свою очередь «танец павлина» – жанр, которым управляет не идеология: в нем есть танцевальные па, которые никогда не исполнит убежденный антисемит или расист, и есть па, которые никогда не исполнит убежденный демократ. Но суть этого танца именно в том, что он имеет не идеологическую, а чисто политическую, тактическую цель.

Те, кому режим не может дать никаких ощутимых выгод, по крайней мере получают возможность завидовать «еврею» и презирать «цыгана». Эти чувства связывают их с домочадцами Семьи, с ее нацией. Причем понятие «нация» получает разные значения на разных ступенях иерархии приемной семьи: в высших сферах политической семьи оно означает идеологему, легитимирующую ее «национальное господство»; для служилых дворян и придворных поставщиков – адаптацию, «национальные полномочия» на деятельность; а для тех, кто не получает своей доли благ, – «национальный наркотик».

Любой критически настроенный интеллигент может превратиться в чуждого нации еврея, любой бедняк, безвинно оказавшийся в тяжелом положении, может превратиться в цыгана и стать предметом яростных нападок антисемитской и расистской толпы. Конкурентная борьба между «Фидес» и праворадикальными силами за антисемитски и расистски настроенных избирателей, круг которых, между прочим, ширится под влиянием этой борьбы, создает опасное положение, уничтожая преграды на пути пропаганды ненависти. Хотя мафиозное государство, конечно, не вводит расистских законов (вследствие чего параллели с фашизмом или нацизмом необоснованны), его политика, сознательно порождающая определенные ассоциации, лишь утверждает культуру самосуда как метода разрядки социальной напряженности. Нередко двусмысленное поведение полиции лишь усугубляет незащищенность стигматизированных групп населения перед лицом антисемитской, расистской агрессии.

Похожую функцию могут выполнять и беженцы, лишь немногие из которых выбирали до 2014 г. Венгрию в качестве конечной цели своих скитаний. Характерное для широких кругов населения настороженное отношение к беженцам нагнетается до уровня страха, больше того, ненависти массивной правительственной пропагандой, которая пытается отвлечь внимание от причин потери правительством популярности посредством стигматизирующих, разжигающих ненависть акций. Из руин разрушенных североафриканских и ближневосточных диктатур выросла не демократия, а главным образом хаос, нищета и насилие. А Европа пока еще не нашла политического и экономического решения проблемы растущего потока беженцев, хлынувшего весной 2015 г. в Венгрию как транзитную страну. Орбан почувствовал напряженность, создаваемую страхами граждан и бессилием официальных органов ЕС, и весной 2015 г. в рамках «национальной консультации» разослал на бюджетные средства всем взрослым венгерским гражданам список вопросов, служащих хрестоматийным примером **правительственного подстрекательства** и внушающих людям мысль, что существует «связь»

между терроризмом, проблемой беженцев и безработицей. Драматургия этого внушения такова: правительство начинает список вопросов с запугивания терроризмом, затем связывает эту тему с беспомощной миграционной политикой ЕС, а в качестве следующего шага упоминает о том, что венгерскую границу пересекает все больше нелегальных иммигрантов, которые подвергают опасности «рабочие места и средства к существованию венгров», поэтому, по мнению правительства, нужно выступить против «уступчивой политики Брюсселя», а нелегальных иммигрантов «необходимо взять под стражу» и «повернуть обратно», но, пока *«корыстные иммигранты»* находятся в Венгрии, они должны сами покрывать расходы на свое содержание». Наконец, последний вопрос должен с циничным популизмом указать на решение дилеммы, стоящей перед венграми: «Согласны ли вы с венгерским правительством в том, что вместо помощи иммигрантам нужно оказывать помощь венгерским семьям и рождающимся детям?»^[201] Средство ксенофобии используется здесь не по идеологическим причинам, а лишь по прагматическим политическим соображениям. Правительство в который раз обращается к методу изощренно навешиваемых ярлыков: как показал Миклош Харасти^[202], употребленное в вопроснике выражение «корыстный иммигрант» означает не просто «экономического иммигранта», а скорее достойного презрения паразита, охотника за наживой. Это выражение используется для разжигания ненависти, как и похожие фразеологизмы: «корыстные родители», «корыстный преступник» или «корыстный политик», относящиеся к цыганским родителям, цыганским преступникам и сервильным политикам. После этого началась правительственная плакатная кампания, в рамках которой по всей стране были размещены огромные плакаты с надписями на венгерском языке, «тыкающими» «корыстных иммигрантов» и предупреждающими их: «Если ты приехал в Венгрию, ты не можешь лишиться работы венгров». И, предположив, что этого предупреждения будет недостаточно, правительство намерено установить на сербско-венгерской и хорватско-венгерской границе ограду длиной 175 км и высотой 4 м, а также планирует и строительство других пограничных стен. Поначалу проникновение беженцев и мигрантов в страну было беспрепятственным. Их скопление на центральном вокзале Будапешта, а также возникновение невыносимых условий в результате хорошо продуманного бездействия правительственных органов (например, ведомства по борьбе с катастрофами) и столичного муниципалитета нужно было лишь для того, чтобы население поняло, что может произойти, если правительство не защитит его. Построив заграждение на границе и отведя поток беженцев от Венгрии, Орбан продемонстрировал способность эффективно действовать в сложной ситуации и защитить не только венгров, но и всю Европу.

Несмотря на популистскую кампанию правительства, согласно опросу института изучения общественного мнения TÁRKI, «показатель ксенофобии, зарегистрированный в июле 2015 г., снова находится на уровне 2014 г. (который был ниже уровня, зафиксированного перед началом кампании), то есть высок, но не вырос под влиянием национальной консультации, плакатной кампании и

наплыва мигрантов со стороны Сербии, подробно освещавшегося в СМИ. Зато возросла доля респондентов, считающих, что вопрос о предоставлении убежища или отказе в нем должен быть продуман основательнее, и наполовину сократилась доля ксенофилов. По сравнению с предыдущими годами среди сторонников более продуманного решения сократилась доля лиц, выступающих против принятия потенциальных просителей об убежище, но все же три четверти (76 %) этой группы респондентов и сейчас выступает против принятия арабов. Степень ксенофобии превышает средний уровень (39 %) на тех территориях и у тех людей, где и для кого присутствие беженцев наиболее заметно/обременительно, а также у тех, кто считает беженцев подходящим объектом для выражения предубеждения против иностранцев. Сюда относятся жители Южного Альфёльда (53 %), симпатизанты партии «Йоббик» (54 %), лица, находящиеся в плохом материальном положении (43 %), перебивающиеся со дня на день (43 %) или с трудом живущие на получаемые доходы (40 %)»^[203]. Террористические акты в Париже и Брюсселе привели к росту ксенофобии, так как с тех пор правительственная пропаганда сознательно отождествляет беженцев и иммигрантов с террористами. Правительство с помощью всего арсенала коммуникационных средств настойчиво держит на повестке дня вопрос миграции уже потому, что популярность мер, принимаемых им в этой области, далеко превосходит рейтинг «Фидес», в то время как в остальном систематически отстает от него^[204]. Весной 2016 г. под влиянием активной правительственной пропаганды отрицательное отношение населения к беженцам и иммигрантам достигло кульминации: уже 78 % респондентов «не желали, чтобы по соседству с ними жили мигранты»^[205]. Возросшая ксенофобия «впитала в себя такие запасы ненависти, что по сравнению с прошлыми годами даже привела к некоторому сокращению неприязни к цыганам, евреям, румынам, швабам и китайцам»^[206].

Однако если «чужаки» являются платежеспособными бизнесменами или криминальными авторитетами, то политическая семья, нарушая государственную монополию на предоставление гражданства, создает для своих подставных лиц частный бизнес, давая им возможность получать обильные прибыли от торговли паспортами, действительными на территории ЕС. По 29 тыс. из суммы 250 тыс. евро, в которую обходится одна «облигация на поселение», дающая право на венгерское гражданство и паспорт, переходят к этим подставным фирмам в качестве комиссионных, что к февралю 2015 г. принесло им доход размером 65 млн евро^[207]. В январе 2015 г. минимальный размер взноса был повышен до 300 тыс. евро, сверх чего необходимо выплачивать фирмам-посредницам 40–60 тыс. евро за «администрацию». «Закон, принятый в 2013 г., предписывает, что эти облигации могут быть зарегистрированы в Центре по управлению государственным долгом только посредническими фирмами, выбранными парламентской комиссией по экономике, которую сейчас возглавляет Антал Роган («Фидес»), а иностранные инвесторы получают ценные бумаги, выпущенные этими фирмами»^[208]. Шесть из семи выбранных парламентской комиссией фирм оказалась офшорными.

Следует подчеркнуть, что в данном случае правительство (подобно криминальной организации) уступает частным офшорным фирмам огромный доход, причитающийся государству. «Инвесторы, прибывающие из-за пределов Евросоюза и приобретающие выпущенные специально для этой цели государственные ценные бумаги с пятилетним сроком погашения номинальной стоимостью не менее 300 тыс. евро, в течение полугода получают вид на жительство. Однако посреднические фирмы переводят государству лишь по 271 тыс. из 300 тыс., уплачиваемых иностранцами, а остаток удерживают у себя. Через пять лет иностранец получит обратно 300 тысяч евро, примерно 29 тысяч из них доплачиваются из денег налогоплательщиков. К тому же посреднические фирмы получают плату за администрацию в размере 40–60 тыс. евро. По нашим подсчетам, с 2013 г., когда была введена эта программа, посреднические фирмы, зарегистрированные на Каймановых островах, на Мальте, Кипре, в Лихтенштейне и Сингапуре, положили в карман минимум 74, а с учетом более высокой цены за услуги – 95 миллиардов форинтов»^[209]. Позиция правительства, согласно которой «Венгрии не нужны экономические иммигранты»^[210], представляется особенно ханжеской в свете того, что в 2014 г. в западных странах находилось по крайней мере 300 тыс. венгров, выехавших туда в поисках работы. «Согласно национальным счетам ЦСУ, в прошлом году их трудовые доходы, полученные за границей, достигли 920 миллиардов форинтов, что на 43 миллиарда превышает уровень 2013 г. и на 236 миллиарда – уровень 2012 г.»^[211].

Нагнетание страха под предлогом «террористической угрозы» со стороны «мигрантов» не только служит сплочению «нации», то есть бенефициаров и жертв правительственной политики, но и дает повод к ограничению гражданских прав: **введению особого правопорядка**, принятию чрезвычайных мер. Парижский теракт создал эмоциональную атмосферу, позволившую правительству, сославшись на «террористическую угрозу», попытаться ограничить гражданские права и свободы законом о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий. По мнению одной из самых значительных венгерских правозащитных организаций TASZ, «согласно этому законопроекту, правительство, с одной стороны, получит полномочия по использованию армии внутри страны в мирное время для выполнения задач по обеспечению внутреннего порядка и национальной безопасности. С другой стороны, оно будет наделено особой властью, которая позволит ему не только давать указания правительственным органам, но и ограничивать гражданские права и свободы. Посредством указов оно сможет ограничивать свободу торговли, накладывать арест на предприятия физических и юридических лиц и ограничивать собственнические права этих лиц, контролировать интернет-коммуникацию и почтовое движение писем и посылок, приостанавливать почтовые и электронно-информационные услуги, ограничивать и контролировать пользование телекоммуникационными и компьютерными сетями и оборудованием, конфисковать помещения, студии, трансляционные передатчики, оборудование и здания, принадлежащие радио, телевидению и

другим органам массовой информации, запрещать демонстрации, вводить комендантский час и обязательную явку в официальные органы, ограничивать или запрещать поездки и пребывание в определенных местах, а также дорожное, железнодорожное, водное и воздушное движение, запрещать въезд иностранцев, а также сношения и контакты с иностранными лицами, организациями и учреждениями, выселять население. Под ограничение попадают не только некоторые права и свободы, зафиксированные в Основном законе Венгрии, но и свобода перемещения лиц, товаров, услуг и капиталов в ЕС, являющаяся основополагающим принципом этой организации»^[212]. В 2016 г. правящие пратии, потерявшие конституционное большинство, уже не имели возможности самостоятельно изменить конституцию и были вынуждены вступить в переговоры с оппозиционными партиями. (Результаты этих переговоров пока неизвестны.)

В качестве последнего хода в идеологической пирамиде Орбан возвел в ранг правительственной политики одно из давних требований правых радикалов, которое в прошлом году поддержал и глава кабинета премьер-министра Янош Лазар, заявив, что «в Венгрии необходимо держать на повестке дня вопрос о введении *смертной казни*, а также нужно дать понять, что мы не остановимся ни перед чем»^[213]. При этом Орбан, конечно, знает, что по сравнению с десятилетиями, предшествовавшими запрещению смертной казни в 1990 г., количество убийств в настоящее время значительно сократилось^[214]. Как знает и то, что требование восстановления смертной казни противоречит нашим международным обязательствам и уже поэтому едва ли осуществимо. Но это его и не интересует, он просто пытается эксплуатировать распространенные инстинктивно-эмоциональные реакции, и даже если это ему не удастся, то все равно принесет идеологические барыши в кампании против ЕС.

7.2.3. Религия

Не менее прагматична и приверженность вере, религиозность приемной политической семьи. Ее функция, во-первых, в том, чтобы перенести легитимацию власти с демократического фундамента, когда у власти можно потребовать отчета за ее действия, в сферу абсолютного авторитета и представить деятельность Крестного отца результатом Божественного промысла. Во-вторых, возникает возможность ритуализировать все общественные проблемы с помощью языка, который не может быть вовлечен в пространство дискуссии. В-третьих, с помощью религии власть «Фидес» укореняется в труднодостижимых для политики регионах и социальных группах. Наконец, в-четвертых, религия служит средством идеологической индоктринации в сфере образования. *Связь между церковью и властью носит светский, деловой характер.*

Так Орбан из молодого атеиста превратился в верующего реформата, которому уже не трудно, если нужно, принять участие в католическом крестном

ходе. Как не затруднился он в надежде на выгодный бизнес сделать реверанс в сторону азербайджанского лидера-автократа и отпустить на свободу мусульманина, убившего армянина-христианина. Об идеологически немотивированной политике свидетельствует и то, что Орбан, невзирая на судебное решение и постановление Конституционного суда, лишил прежнего статуса церковь, крестившую двух его первенцев, поскольку ее глава критикует его политику. Случай, напоминающий историю Томаса Бекета. Наличие ценностного приоритета очевидно, только он носит властный, а не христианский характер.

7.3. Инструментальные идеологические клише: «Система национального сотрудничества» и «национально-освободительная борьба»

Моральные обязанности и ответственность приемной политической семьи – как и в случае ее исторического прообраза, патриархальной семьи, – распространяются лишь на членов семьи и «домочадцев». В отношениях «мы – они» «мы» означает уже не совокупность граждан нации, а «они» – не представителей других наций. Напротив, значение понятия «нация» сузилось до приемной политической семьи, а «они» – это все остальные, включая тех, кто ранее естественным образом относился к нации в традиционном понимании. Однако с недавнего времени они превратились в чужих, за которых приемная политическая семья не несет ни моральной, ни материальной ответственности.

7.3.1. Система национального сотрудничества (СНС)

В парламентском заявлении, принятом после выборов в Государственное собрание 2010 г., говорится: «Весной 2010 г. венгерская нация вновь собрались с силами и совершила революцию в избирательных кабинетах. Государственное собрание заявляет, что признает и уважает эту революцию, осуществленную в конституционных рамках. Государственное собрание заявляет, что на апрельских выборах родился *новый общественный договор*, по которому венгры приняли решение о создании новой системы, Системы национального сотрудничества. Этим своим историческим деянием венгерская нация обязала новое Государственное собрание и новое правительство *решиительно, бескомпромиссно и неустанно руководить работой, которая позволит Венгрии построить Систему национального сотрудничества*»^[215].

7.3.1.1. Сущностное, ценностное оправдание СНС – «новый принцип справедливости»

В действительности Система национального сотрудничества – это не что иное, как отказ от характерных для либеральной демократии правил игры со ссылкой на «революцию в избирательных кабинетах» и провозглашение политики, нацеленной на создание орбановской нелиберальной демократии. Как пишет Дюла Теллер, идеолог, оказавший, быть может, наибольшее влияние на Виктора Орбана^[216], в демократии западного типа, сложившейся после смены режима, «даже по прошествии двадцати пяти лет в основном наблюдалось и наблюдается противостояние интернационалистических групп (элит, партий, электората), наследников социализма, старающихся сохранить или вернуть прежние властные позиции, и буржуазных, национальных сил, стремящихся к смене режима. (...) Идущая между ними борьба, которая должна была разрешиться уже в момент смены режима, – это и должно было стать сменой режима – на самом деле является борьбой не на жизнь, а на смерть, исход которой до последнего времени был неясен. Обе стороны располагают приблизительно одинаковыми силами, но выражают принципиально разные, исключаящие друг друга жизненные интересы и концепции развития общества». Ниже он продолжает так: «Принципиальная основа новой системы крайне проста. Это – принцип общности (...) в противовес (нео)либеральной доктрине. (...) Нация есть органическое образование с общей исторической памятью, служащее определению общих интересов и осуществлению вытекающих отсюда общих задач, обеспечивающее решение этих задач с помощью общей культуры, общих институтов и общего языка. Нация требует от своих членов мотивированности и поведения, необходимых для существования и жизнедеятельности общности, то есть участия в решении общих задач, предоставляя в их распоряжение необходимые для этого средства»^[217]. «Первым необходимым элементом национальной системы является распределение в соответствии с “новой

правдой”, (особое) вознаграждение (особых) усилий и достижений, служащих благу нации, массовый запуск цикла “вознаграждение – результат – вознаграждение” и высвобождение мобилизующей силы, скрывающейся в этом цикле (...) Вторым необходимым элементом национальной системы является **новый принцип справедливости**, а также взаимная помощь и взаимная защита участников основанного на этом принципе процесса распределения и правительства, обеспечивающего функционирование системы. Правительственная власть должна от цикла к циклу поддерживать тех, кто добивается результатов, а те должны от цикла к циклу обновлять полномочия поддерживающего их правительства, что обеспечит запуск и функционирование спирали “результат – власть – результат”»^[218]. «Для правительства, строящего национальную систему, структура клиентарного типа является лишь дополнительным элементом, своего рода “материнским чревом”, в котором зарождается и растет новый, приносящий результаты сегмент общества»^[219].

«Решающим является вопрос о том, как мы оцениваем перераспределение собственности после смены режима. Непосредственно перед сменой режима был период спонтанной приватизации, когда люди, близкие к коммунистической власти, могли легко, в обход закона получить долю государственной собственности. Этот период быстро закончился, однако законная приватизация породила множество конструкций, посредством которых многие “товарищи” смогли добыть себе состояние. (...) Здесь можно говорить об Америке, (...) однако венгерский государственный строй формируется не по американскому образцу. Не надо внушать нам, что происходящее ныне – это “грабеж” или “коррупция”. Нет, идет политическая революция с экономическими последствиями», – пишет другой идеолог СНС, Андраш Ланци^[220]. Суть в том, что «[нужно] во что бы то ни стало создать национальную буржуазию. (...) Конечно, из Америки это кажется капитализмом для корешей. Рассчитанные на определенных лиц конкурсы, “подмазывание” ради получения субсидий, подтасованные тендеры. Только по-другому не получается. Если делать по-другому, то Венгрия никогда не станет экономически сильной страной», – доказывает Габор Бенчик, директор праворадикального еженедельника Demokrata^[221].

Достаточно простая формула, если под нацией и национальными интересами, которыми оперирует эта коллективистская идеология, понимать приемную политическую семью и ее интересы, а связь между поддерживающими друг друга сторонами заменить на патронажно-клиентарные отношения. Хотя категории, встречающиеся в этих легитимирующих режим идеологиях, ошеломляюще похожи, а иногда и тождественны категориям, используемым в нашем описании. Это, в свою очередь, подводит нас к проблематике оправдания мафиозного государства с точки зрения технологии власти.

7.3.1.2. Оправдание СНС с точки зрения технологии власти – «искусство дружбы»

Взгляды на политику как на «искусство дружбы», которых придерживается ученый-гуманитарий, бывший генеральный секретарь ЮНЕСКО Тило Шаберт, ближе подводят нас к пониманию логики властного механизма партии «Фидес». Как пишет журналист информационного сайта Index Гергей Тот^[222], «для политологов не секрет, что эта книга (Boston Politics – The Creativity of Power) послужила основой для создания СНС. В Венгрии есть по крайней мере два больших поклонника трудов Шаберта: Андраш Ланци и Габор Г. Фодор, входящие в состоящий из трех членов кураторий Фонда Századvég. Того самого Фонда Századvég, который с 2011 г. с бешеной скоростью превратился в важнейший “мозговой трест” правительства, причем немалую роль в этом превращении сыграло то, что руководителем фонда стал Арпад Хабонь». «Шаберт лучше и глубже других описывает отношение Виктора Орбана к управлению страной», – заявил в непреднамеренно разоблачительном интервью Габор Г. Фодор^[223]. Познакомимся с сутью теории власти Шаберта, которую кратко обобщил в пяти пунктах Гергей Тот^[224].

- *Легче управлять человеком, чем учреждением*

По мнению Шаберта, крупнейшим противоречием современной политики является то, что публичное право тщательно ограничивает и расчленяет власть с помощью различных институтов, но в то же время правительству для достижения своих целей всегда необходима концентрация власти. Поэтому для обеспечения своей деятельности правительство стремится обходить *институты*, сопротивляющиеся властной логике, и проводить свою политику посредством *лиц*, которые могут быть поставлены в зависимость, связаны признательностью и которыми можно манипулировать. Парадоксальным образом ориентированность управления страной на личности приводит к чрезмерному разрастанию институтов, но это только видимость: по мнению Шаберта, правительственные институты практически не имеют отношения к реальной власти.

- *Необходимо расшатывать властные структуры*

По мнению Шаберта, реальная структура правительства не может быть описана институционально, поэтому он предпочитает термин *Двор*, заимствованный из эпохи Ренессанса. При Дворе *Автократ* – единственная неподвижная звезда, вокруг которой вращается «второе правительство», состоящее не из институтов, а из лиц, образующих властную сеть. Границы Двора размыты, формальные и неформальные позиции часто смешиваются друг с другом и находятся в постоянном движении, но есть и архетипичные фигуры. По железным законам Двора Автократа должен немедленно расшатывать все складывающиеся вне его влияния властные структуры.

- *Друзья, повсюду друзья*

Двор и управляемые им организации, институты, сети функционируют в качестве невидимых бюро трудоустройства. Но Шаберт провокационно утверждает, что это не коррупция или nepotism, поскольку для политической

власти нужны друзья в античном смысле этого слова, нужны люди, готовые на личные и материальные инвестиции во власть. Больше того, чем больше у Автократа таких друзей, тем лучше: тем меньше он обязан какой-либо одной стороне. Подчеркивая значение личных и доверительных отношений, Шаберт неоднократно заявляет, что современные политические теории слишком высоко оценивают публичность, а между тем реальная политика, означающая чистую власть, всегда должна прятаться.

- *Конфликт вместо порядка*

Настоящий лидер работает не над установлением порядка, а старается поддерживать лишь ему понятный хаос, непрерывно порождающий новые проблемы и конфликты.

- *Власть творит новое и хорошее*

Власть Автократа не деспотия или мафиозное управление, а, как ее называет Шаберт, *креативное управление*. Это самая интересная мысль его теории, поскольку, вопреки всем устоявшимся представлениям граждан, она внушает, что политизирующее все вокруг управление и есть то самое пресловутое *добросовестное управление*. Согласно этой теории, напряженность, порождаемая противоречиями и конфликтами, дает эффект ускорения атомов, «подогревая» деятельность правительства креативной энергией. Это состояние возбужденности должно стать мотором продвижения общественных услуг, в противном случае все замыслы, направленные на улучшение жизни, останутся пустыми мечтами.

Правительственный «мозговой трест» Századvég опубликовал на венгерском языке сборник, в который наряду с другими входит работа Шаберта о 16-летнем правлении мэра Бостона Кевина Уайта, его партии и властной технологии^[225].

Эти тексты могут восприниматься как описание складывания и функционирования системы власти Орбана, как история «естественного развития» «партии друзей», то есть «личной партии», «становления политической партии на базе общих интересов, складывания масштабных общественных связей на основе семейных»^[226], «превращения политических устремлений нескольких друзей в эффективную политическую организацию, а затем в правительство»^[227]. «В центре этой структуры стояла “политическая семья”. Численность этой семьи не превышала трех дюжин человек, ее “семейный” характер объясняется тем, что подавляющее большинство этих людей находилось друг с другом в родственных отношениях. (...) Они образовывали в полной мере “политическую” семью; все они занимали какой-либо пост (или несколько постов) в правительственной структуре, созданной главой семьи, Кевином Уайтом; некоторые исполняли в партии “неофициальную”, но несомненно политическую функцию. Политическая семья калькировала мир интересов Уайта, и эти интересы были и интересами партии. Наряду с членами его семьи и старыми друзьями политическая семья включала представителей двора, исследователей общественного мнения и политических советников, девелоперов и других активно развивающих город

предпринимателей, журналистов, одного сборщика пожертвований и одного универсального политика»^[228].

В то же время Шаберт выражает недовольство тем, что критики Кевина Уайта и журналисты «показывали все то, что служило необходимым средством управления, в качестве чистой, то есть “грязной” формы политического механизма. Все, что приводилось в действие искусством дружбы, они преподносили в качестве язвы коррупции. Все, что делалось в поисках стабильных основ города с неопределенными контурами, истолковывалось в качестве крайних примеров политического *боссизма*»^[229]. А между тем такая модель управления существовала еще в республиканском Риме, где «жизнь общины в значительной мере обуславливалась личными партиями патрицианских семей», в которых «глава одной из патрицианских семей становился патроном, то есть защищал клиентов, пользуясь политическим весом партии. Чем больше клиентов обращалось к данной партии, тем больше у нее накапливалось влияния, то есть последователей и друзей»^[230]. «В конце концов партия – это не что иное, как сообщество друзей, удлиненное хвостом», – актуализирует эту мысль Андраш Ланци^[231]. А Габор Г. Фодор как будто продолжает ее: «Эти друзья укрепляют свою власть, концентрируя силы на одном-единственном друге, который обязан усвоить старое правило политики: с союзниками нужно хорошо обращаться, чтобы они активно работали на общее дело»^[232].

Здесь мы подходим к важному пункту, ведь *проблема легитимности* отличает уже и руководимые патронами партии Римской республики от политического искусства дружбы, связываемого с именем Кевина Уайта. Возглавлявшиеся патрициями партии Римской республики легитимно строились на базе патронажно-клиентарных отношений. Они функционировали, не нарушая правил несовместимости и распределения государственных заказов. Что же касается бостонского мэра XX в., то он действительно многократно переизбирался, однако это не давало ему полномочий на ведение политики в собственных интересах посредством «личной партии», да к тому же в такой широкой политической среде, которая отрицает систематическое применение этой модели управления. Но режим Орбана качественно совершенствует эту модель, поскольку при этом режиме речь идет уже не просто о манипулировании демократическими институтами при формальном соблюдении правил игры, а о сознательном применении нелегитимного государственного насилия для реализации собственных интересов. Это уже относится к категории *преступного государства*, одним из типов которого является мафиозное государство. (Об уголовных последствиях будет сказано ниже.)

Когда идеологи Фонда Századvég, следуя Шаберту, описывают режим Орбана, они понимают под *легитимацией режима* нечто совсем иное, нежели его критики, требующие соблюдения норм западной либеральной демократии. Главным образом это и разделяет соответствующие друг другу категории СНС и мафиозного государства для оправдательного, апологетического и

отрицательного, критического описания режима. Наиболее важные из этих категорий собраны в приведенной ниже таблице соответствий (в апологетическом описании режима приведены термины, которые используются политиками и идеологами «Фидес», а также Шабертом):

Апологетическое описание режима	Критическое описание режима
Система национального сотрудничества креативность власти в преодолении устоявшихся отношений, неортодоксальная экономическая политика и т.д.	мафиозное государство нелегитимное распространение прав главы патриархальной семьи на всю нацию
нация, политическая семья калькирование частных интересов главы политической семьи	приемная политическая семья глава патриархальной семьи и его «домочадцы»
автократ, патрон глава политической семьи	Крестный отец глава приемной политической семьи
невидимый двор «второе правительство», состоящее не из институтов, а из лиц, образующих властную сеть	полпбюро принимающий решения высший, узкий круг приемной политической семьи, действующий в качестве неформализованного, нелегитимного органа
личная партия становление на базе общих интересов политической партии, складывание на основе семейных связей более широких общественных связей	вассальная партия, партия — приводной ремень при ее посредничестве приемная политическая семья придает своей воле легитимный характер
патронажно-клиентарные отношения партия защищает клиентов, используя свой политический вес	патронажно-клиентарные отношения уничтожение основ личной автономии и насильственное включение граждан в иерархию подчинения с использованием их материальной незащищенности
легитимный поскольку революция в избирательных кабинетах дала правящей партии конституционное большинство в 2/3 голосов	нелегитимный поскольку правящая партия получила полномочие на добросовестное управление в рамках демократических институтов, а не на упразднение этих институтов

Если до смены режима полная занятость означала, что все граждане имели определенное, зарегистрированное место в обществе, то идея *трудового общества* в настоящее время означает, что членом нации, одним из домочадцев политической семьи считается лишь тот, у кого есть работа, даже если он занят на общественных работах. Те, кто не имеет работы: безработные, больные, бомжи, цыгане и т. д. – не принадлежат к нации, приемной политической семье, к домочадцам Крестного отца, они исключены из Системы национального сотрудничества. Если они не могут быть включены в семью хотя бы на роли прислуги, то их бросают на обочине дороги, на границе нации и чужого мира. Руководители СНС не чувствуют и не берут на себя никакой моральной или материальной ответственности за этих людей. «По крайней мере треть венгерского общества уже окончательно потеряна и никакими средствами не может быть вырвана из окончательной нищеты. Эти люди могут быть практически списаны со счетов общества. Они не хотят работать, да и не востребованы на рынке рабочей силы. И нельзя открыто сказать, что их придется бросить на обочине, потому что если не сделать этого, то остальные никогда не доберутся до цели», – заявил один из экономистов-идеологов, поддерживающих режим^[233]. Социальная политика СНС не «консервативная», не антибедняцкая и не мотивирована расистской идеологией. Она просто не замечает тех, кто не принадлежит к числу домочадцев. Эти люди находятся вне Семьи, они чужие, по отношению к ним у СНС нет никаких обязанностей. Потому что, как сказал министр, руководящий кабинетом премьер-министра, «у кого ничего нет, тому такая и цена»^[234], а у них действительно ничего нет. Другой вопрос, что в борьбе за голоса избирателей сознательно открывается путь расистским настроениям по принципу неоднозначной народной мудрости «Кто не работает, тот не ест».

В ходе этой *идеологической пирамиды* необходимо постоянно увеличивать ставку. По своей идеологии *политический актер* не расист, но в той *социальной среде*, в которой он действует, он пробуждает и легитимирует массивные расистские настроения, в то время как уменьшаются шансы сдерживать эти настроения. Тем более что, по данным правозащитной организации «Общество в защиту прав и свобод», «по своим партийным симпатиям антицыгански настроенные лица не слишком далеки друг от друга. Однозначными расистами являются 46 % сторонников партии “Йоббик”, 33 % сторонников “ВСП” и 31 % фидесистов, но и среди приверженцев партии “Политика может быть другой” их доля составляет 22 %»^[235]. Аналогична и ситуация с антисемитизмом. «Понятно», что среди сторонников партии «Йоббик» особенно велика доля крайних (51 %) и умеренных (19 %) антисемитов, но их доля значительна и среди симпатизантов «Фидес» (соответственно 20 и 19 %), «ВСП» (13 и 25 %), партии «Вместе – диалог за Венгрию» (16 и 13 %) и «Демократической коалиции» (8 и 24 %) ^[236].

Исторический союз «нового национального среднего класса», политической семьи и отстающих, но стремящихся вернуться обратно, провозглашенный Виктором Орбаном в 2009 г. в поселке Кётче, означает, что те, кому не досталось материальных благ и привилегий, могут чувствовать себя частью эмоциональной общности, проникнутой чувством уродливой национальной гордости, участниками национально-освободительной борьбы и имеют возможность ненавидеть за свое злосчастье Евросоюз, иностранные капиталы, банки, евреев, цыган, геев, «коммуняк», «либерастов». Как общность интересов членов приемной политической семьи, так и коренящаяся в вере в нацию эмоциональная общность неудачников являются мощной объединяющей силой. Так же как у первых рационализм личных интересов побеждает ценности республиканской идеи, так и у последних *общий эмоциональный настрой* создает преграду на пути рациональных суждений и делает неэффективным любое убеждение, опирающееся на аргументы. Тем самым у них парализуется способность к здравым рассуждениям и пониманию людей, находящихся в ином положении.

А тем, у кого уже нечего взять, предполагается дать еще меньше. В то время как «наверху» делаются попытки вытеснения *«чуждой нации» интеллектуальной и экономической элиты*, «внизу» подвергаются наказанию *«не входящие в титульную нацию» бедняки*. Да и к чему заниматься бедными и обездоленными, если они уже не ходят голосовать, не могут защитить свои интересы и если на них можно обрушить лавину фрустрации и раздражения тех, кто стоит на социальной лестнице чуть выше, но так же обманут и разочарован? Пусть теперь варятся в собственном соку...

7.4. Национально-освободительная борьба

Мы и они, семья и прочие, чужие, другие. Как мы видели, часть оказавшихся вне приемной политической семьи – обездоленные и

беспомощные, но другие представляют настоящую опасность, потому что, например, как утверждал Виктор Орбан^[237], «когда левые иногда получали возможность, они всегда набрасывались на собственную нацию». Эти стоящие вне семьи чужаки – политические соперники, автономные гражданские организации, конкурентоспособные, не зависящие от государства предприниматели, независимая пресса. С ними нужно вести непрерывную борьбу. ***В центре секулярной религии мафиозного государства стоит нация, защите которой служит национально-освободительная борьба.*** С помощью этой идеологии, а также посредством разжигания неприязни или зависти к другим социальным группам власть имущие не без успеха пытаются превратить в «верующих» непривилегированные слои населения.

Но что же означают три элемента этого мобилизующего определения? Как уже неоднократно говорилось, эпитет ***национальный*** служит для обозначения группы с общими интересами, «нас», приемной политической семьи, отождествление которой с нацией позволяет целенаправленно прикрыть частные интересы мнимыми интересами общества. Ведь это та «национальная, общностная демократия», при которой так называемые национальные цели «нелиберального государства» берут верх над «эгоистическими, частными интересами», представляемыми либеральной демократией, базирующейся на уважении прав человека. ***Свобода*** означает освобождение приемной политической семьи от институциональных ограничений либеральной демократии, то есть институционализацию произвола. А средством этого является «***решительная, бескомпромиссная и неустанная***»^[238] ***борьба***, которая дает возможность различным образом, в различной степени и на разное время нелегитимно приостанавливать действие прав политических противников, а участники этих акций могут переступать через все моральные соображения, ссылаясь на интересы нации. «В некоторых вопросах Карл Шмитт, по всей видимости, прав, – пишет Габор Г. Фодор^[239], один из идеологов политической стратегии «Фидес». – По его мнению, политические действия и мотивы могут быть выведены из ***специфического разделения людей на друзей и врагов.*** Это – конечный и наиболее важный критерий, поскольку он показывает максимальную интенсивность соединения или разделения, ассоциации или диссоциации. Он наиболее важен и потому, что способен превратить в политический конфликт все другие конфликты, а в конечном счете и деполитизирующие устремления либерализма». Так политика, как и право, может быть освобождена от морального балласта, и все политические действия могут стать правомерными. В другом месте Г. Фодор пишет о легитимирующем влиянии политической коммуникации, построенной на дихотомии друзья – враги, следующим образом: «Я оцениваю проблему доверия в другой плоскости. Людям неинтересно, кто что думает о либерализме и кто что думал о нем 12 лет назад», – заявляет он, имея в виду слова Орбана. И продолжает: «Им интересно одно: защитит их правительство, если они столкнутся с трудностями, или нет. Противники и враги обыкновенных людей меняются. Если эти люди видят, что правительство

последовательно выступает на их стороне в этих конфликтах, то они будут доверять ему»^[240].

А теперь приведем пространную цитату из книги Клары Шандор «*Natártalan nyelv*» («Безграничный язык»)^[241]: «Изначально мы представляем себе управление страной исходя из понятия управления каким-либо средством передвижения (в первую очередь кораблем). На это указывают слова *руководство, управление, правление, правительство, глава правительства* и выражения *надеюсь, мы избежим водоворотов, не сядем на мель, а достигнем гавани, выдержим политические бури, наша экономика не потерпит крушения, не получит пробоины*. Но если строить понятие управления страной не по аналогии с мореплаванием, а по аналогии с войной, то это сделает естественными, бесспорными, приемлемыми иные действия, представит само собой разумеющимся то, что мы считаем несовместимым с нормальным функционированием демократических государств в мирное время. Если страна находится на военном положении, то естественным кажется не только то, что постоянно идет *борьба, схватки, сражения, походы* непрерывно сменяют друг друга. На войне у нас есть *враги*, с которыми не нужно вести переговоры, а которых нужно *победить* или, не дай бог, *уничтожить*, и было бы просто смешно учитывать их мнение или стремиться к компромиссу с ними. На войне нет возможности для тщательных размышлений и долгих дискуссий, как этого требуют правила законодательства в мирное время. На войне штаб *не согласует, не торгуется* с солдатами, а принимает решения без них. Нет места *неподчинению*, иное мнение – *предательство*, а недовольные могут стать *дезертирами*. Известно, что на войне есть *человеческие и материальные жертвы*, что многие живут в стесненных условиях, что нужно отказаться от благоденствия, что могут быть применены методы реквизиции и принудительной разверстки, конечно, под другим названием, скажем, посредством повышения налогов или основательного сокращения доходов причисленных к врагам учреждений и организаций, например банков, телефонных компаний, СМИ, предприятий коммунального обслуживания и т. д. Все же сама по себе метафора *войны* является не слишком удачным выбором, так как порождает неприятные ассоциации, поэтому важно как-то улучшить ценностное содержание этого понятия, например внушая, что государство выступает не в роли агрессора, а защищает наши общие ценности от всяких подстерегающих нас подлых внутренних и внешних врагов. В силу того, что враг может быть и внутренним, все диктатуры охотно применяют метафору войны. В свое время многие иронизировали над тем, что в годы социализма и коммунистической диктатуры говорили не только о *классовой борьбе и внутренних врагах*, но и о *лагере сторонников мира и борьбе за мир*».

Не случайно автократические, диктаторские режимы часто прибегают к военной риторике как к своего рода универсальному средству для стигматизации конкурентов, дальнейшего временного и частичного замораживания их и без того ограниченных прав, присвоения их собственности и ликвидации остатков автономии их статуса. Если эти устремления

государственной власти фокусируются во времени, пространстве или в отношении определенных социальных групп, то они принимают форму различных **кампаний, направляемых из центра**. Эти кампании базируются одна на другой, у них есть своя динамика и идеологизированный, пропагандистски преподносимый нарратив. Только если при классических коммунистических режимах серия кампаний, принимавшая форму **перманентной революции**, была нацелена на насильственное подавление парциальных общественных интересов, то кампании, проводящиеся в рамках **перманентной национально-освободительной борьбы** мафиозного государства, направлены именно на насильственную реализацию парциальных интересов приемной политической семьи.

Эти кампании, в которых, конечно, много общего, несмотря на различия между автократическими режимами, лучше всего можно определить как акции или серию акций властного центра, в ходе которой бюрократия используется в качестве управляемого сверху движения. На время кампаний приостанавливается рутинная, правомерная деятельность властной, административной иерархии. В таких случаях аппарат переступает собственные институциональные, правовые и “моральные” границы и даже вопреки собственным, провозглашенным нормам применяет насилие против выбранных учреждений, социальных групп и лиц. Тем не менее это насилие не является простым, единичным правонарушением, это не случайные ошибки или преступления отдельных представителей или уровней бюрократии. Нет, это – инициированные из центра, обязательные правонарушения различных масштабов и различной направленности, характерные для определенных сегментов аппарата или для всего аппарата в целом^[242].

До сих пор мы писали о роли национально-освободительной борьбы в подавлении «внутреннего врага». Однако она имеет свою роль и в противодействии «внешним врагам». Но, как писал Дэвид О. Фридрикс, в настоящее время претензии автократических режимов «на суверенитет в их традиционной форме являются иллюзиями. Они скорее служат оправданию различных форм правонарушений, организованных государством»^[243].

8. Преступное государство	241
8.1. Венгерское уголовное право о преступных организациях	241
8.2. Палермская конвенция	243
8.3. Мафиозное государство как один из типов преступного государства[251]	244
8.3.1. Пример: отъем собственности преступной организацией	245
8.4. Типизация организованной преступной деятельности	247

8. Преступное государство

Продолжим наши рассуждения, обратившись к работам Дэвида О. Фридрикса, который классифицирует преступления на основе того, какие организации их совершили^[244]. Он различает преступления, совершенные предприятиями, и преступления, совершенные государством. В отдельных случаях правительство и предприятия могут сотрудничать, больше того, побуждать друг друга и способствовать друг другу в совершении определенных преступлений. Так возникают еще три категории: стимулированная государством преступность предприятий, стимулируемая предприятиями государственная преступность, а в случае равноправного участия двух сторон – совместная преступность государства и предприятий. **«Правительственная преступность** родственна беловоротничковой. **Государственная преступность** – вред, причиненный на макроуровне государством или его органами. **Политическая беловоротничковая преступность** – это совокупность преступлений, которые совершаются лицами или группой лиц, занимающих должности в органах управления, для получения экономических или политических преимуществ для себя или для своих партий»^[245].

Однако существует не только **государственная преступность**, но и **преступное государство**, то есть государство, которое систематически, сознательно и грубо нарушает и ограничивает основополагающие права собственных граждан. В таком государстве хозяйственные организации, живущие за счет госзаказов и тендеров, и гражданские организации, в действительности служащие целям властей и функционирующие в качестве политических марионеток, практически сращиваются с государством, с правительством. В таких случаях акторы коррупции и угнетательного режима связаны друг с другом тысячью нитей^[246]. Имеет смысл выделить различные типы таких государств по характеру их главной преступной деятельности. С этой точки зрения можно различать **«преступные государства**, основной проект которых состоит в совершении преступлений против человечности»; **«угнетательные государства**, основной проект которых состоит в систематическом противодействии реализации основополагающих прав граждан или групп граждан»; **«коррупционные государства**, в которых осуществляется систематическое ограбление государства для обогащения его руководителей, их родственников и связанных с ними лиц»; и, наконец, **«беспечные государства**, характеризующиеся тем, что они пренебрегают обязанностью смягчать страдания людей, которым можно было бы оказать государственную помощь»^[247]. Конечно, преступные государства могут характеризоваться и различными комбинациями этих «государственных проектов».

8.1. Венгерское уголовное право о преступных организациях

В соответствии с Уголовным кодексом Венгрии **«преступная организация – это состоящая из трех или более членов, организованная на**

продолжительное время, согласованно действующая группа лиц, целью которой (...) является совершение преднамеренных преступлений»^[248]. При применении закона согласованное действие означает, что члены преступного сообщества *«распределяют между собой задачи, связанные с совершением преступления»*, что *«очевидно предполагает предварительное планирование, определенную степень управления и организаторской деятельности»*. В постановлении Курии по обеспечению единообразия в судебной практике^[249], принятом в 2005 г., подробно объясняется, как нужно понимать деятельность преступных сообществ при разбирательстве конкретных дел:

- преступные организации качественно отличаются от простого совместного действия отдельных лиц; *преступная организация должна вести организованную и согласованную деятельность в течение продолжительного времени;*

- «согласованная деятельность» – составной элемент понятия *преступная организация*, который по содержанию означает, что *действия членов этой организации оказывают друг на друга усиливающее влияние*; в то же время наличие согласованности не предполагает непосредственной связи между членами преступной организации и конкретной осведомленности о других ее действиях или о личности других ее членов; обвинение в преступлении, совершенном в качестве *члена преступной организации*, может быть предъявлено лишь тем лицам, которые совершали действия в рамках организации, основанной на распределении задач между членами и имеющей иерархическую структуру, будучи осведомленными о существовании этой организации и находясь в постоянной связи с ее членами;

- действующие положения УК не делают различий с точки зрения места преступного действия в *иерархии преступной организации*, его активности и интенсивности, эти обстоятельства оцениваются при определении наказания;

- поручение, данное преступной организацией не входящему в нее лицу, не делает последнего членом преступной организации, поскольку для этого необходимо реальное вхождение в организацию, осведомленность о внутреннем функционировании организации и активное участие в нем; необходимо проводить четкое различие при правовой квалификации преступлений, совершенных членами преступной организации, и *преступлений, совершенных по поручению преступной организации (или одного из ее членов)*;

- если доказано, что преступление совершено в связи с деятельностью реально существующей преступной организации, в рамках этой организации, то на основании обстоятельств исполнения преступления, особенно на основании характера конкретных поступков, предполагающих *серию действий*, которые были совершены ранее или должны быть совершены позже другими лицами, на основании закономерной, а следовательно, предполагаемой череды событий, вызванных этими действиями, можно сделать вывод, что исполнитель (соучастник) при совершении своих деяний понимал, что действует в качестве члена преступной организации.

Здесь все ясно. Хотя упомянутое постановление помогает интерпретировать случаи контрабанды людей, организации проституции, наркоторговли и других подобных классических преступлений, характерных для организованной преступности, ни уголовный кодекс, ни постановление Курии не исключают применения положений этих документов и в таких случаях, когда значительная часть членов преступной организации представляют собой высшее руководство, больше того, когда именно они составляют определяющий элемент, направляющий деятельность преступной организации, то есть представляют не организованное криминальное подполье, а организованное криминальное «надполье».

8.2. Палермская конвенция

Заключенная в 2000 г. Палермская конвенция против транснациональной организованной преступности, ратифицированная Венгрией в 2006 г. ^[250], тоже не исключает того, что борьба может вестись не между организованными преступными группами и представителями государственной власти, а сами представители государственной власти могут составлять ядро преступной группы.

В связи с заключением Палермской конвенции экспертная группа Совета Европы по уголовному праву и криминалистическим аспектам организованной преступности (PC-S-CO) определила те признаки, на основании которых можно говорить о наличии *преступной организации*. Установленные этой группой критерии делятся на обязательные и факультативные. И можно видеть, что с помощью критериев, используемых экспертной группой для определения мафии, то есть организованного криминального подполья, как и с помощью Уголовного кодекса Венгрии, можно описать и деятельность организованного криминального «надполья», то есть мафиозного государства. Обязательные и факультативные критерии различаются в Конвенции следующим образом.

Обязательные критерии:

- согласованная деятельность трех или более лиц;
- согласованная деятельность в течение длительного или неопределенного времени;
- подозрение в совершении или совершение серьезных преступлений;
- цель в виде получения материальной выгоды и/или овладения властной позицией.

Факультативные критерии:

- все члены организации имеют определенную задачу или роль;
- использование какой-либо формы внутренней дисциплины или контроля;
- применение насилия или иных средств с целью устрашения;
- распространение влияния на политиков, СМИ, административные органы, правоохранительные органы, органы правосудия и акторов экономики с помощью коррупции или любых иных средств;
- использование коммерческих или иных экономических структур;

- участие в отмывании денег;
- деятельность на международной арене.

8.3. Мафиозное государство как один из типов преступного государства^[251]

Даже непосвященному читателю не составит труда установить соответствие между этими критериями и персонами и событиями в мафиозном государстве. «Что такое “фомка” по сравнению с акцией? Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка?» – спрашивает Мэкки-Нож из «Трехгрошовой оперы» Б. Брехта. В случае мафиозного государства мы тоже можем спросить, что такое правонарушение по сравнению с правотворчеством? Что такое грабеж по сравнению с отъемом собственности средствами законодательства? Что такое превышение полномочий начальника на работе по сравнению с направляемыми из властного центра чистками? Что такое взлом какого-нибудь сайта по сравнению с незаконным лишением частоты вещания? И так можно перебрать все сферы нашей жизни, где институты публичной власти являются не стражами законности и гражданского равноправия, а, наоборот, институционализированными органами произвола, служащего частным интересам.

Вопрос уже не в том, как можно интерпретировать с правовой точки зрения такие случаи, когда «согласованная деятельность трех или более лиц», вопреки предположительным ожиданиям венгерских законодателей и экспертной группы Совета Европы, относится не к мафиози из криминального подполья, а к членам организованного криминального «надполья», иногда занимающим должности в органах публичной власти. Вопрос в том, как можно привести в движение механизм правосудия в мафиозном государстве, как можно активизировать общество, еще не вполне парализованный иммунитет публичной власти. Конечно, ответ на этот вопрос уже выходит за пределы «описательной», «понимающей» социологии.

Главный актер преступного государства не властная элита, которая может иметь любую структуру и культуру, а в случае мафиозного государства, как мы уже многократно упоминали, это не имеющий формализованных, легитимных полномочий высший, узкий круг руководителей приемной политической семьи, нелегитимно распространяющей права главы патриархальной семьи на всю нацию. В нашем случае действующий субъект, *совершающая преступления преступная организация – само полипбюро*, в котором есть члены, находящиеся на руководящих постах на вершинах различных ветвей власти и во главе важнейших властных институтов, есть «консультанты», не входящие в органы публичной власти, а также доверенные олигархи, а иногда и подставные лица. Полипбюро мафиозного государства, быть может, состоит из одной-двух дюжин человек. К ним применимы критерии преступной организации: «трое или более лиц», «согласованная деятельность в течение длительного времени», наличие «иерархии», «действия членов группы

оказывают друг на друга усиливающее влияние», целью этих лиц, помимо прочего, является «совершение преступлений», необходимые для этого «задачи распределяются между ними», а в случае необходимости «даются поручения» лицам, не входящим в преступную организацию.

Серийные действия организованной преступности связывают между собой отдельные правонарушения, вырисовывая контуры мафиозного государства. При этом действия, которые противоправны уже сами по себе (например, шантаж, мошенничество, экономическое мошенничество, казнокрадство, растрата денег и имущества, отмывание денег, инсайдерская торговля, соглашения, ограничивающие конкуренцию при тендерах на госзакупки и концессии, активные и пассивные формы подкупов, а также дача взяток должностным лицам, злоупотребление служебным положением, покупка влияния, торговля влиянием и т. д.), сочетаются с мерами, которые сами по себе не противоречат закону (например, с внесением самостоятельных депутатских предложений, инициированием налоговых проверок и т. д.).

8.3.1. Пример: отъем собственности преступной организацией

Серийные действия могут заключаться в различных комбинациях указанных выше составов преступления. Моделирование действий государственной преступной организации и их типизация в терминологии уголовного кодекса требуют особого исследования. Здесь мы просто приведем описанный ранее случай фирмы ESMA, занимающейся размещением рекламы на общественных территориях, и рассмотрим его в вышеописанном контексте уголовного кодекса. Итак: собственнику упомянутой рекламной фирмы через посредство министерства делается предложение продать фирму, при этом называется и имя потенциального нового собственника, который принадлежит к числу ведущих олигархов приемной политической семьи; собственник фирмы отклоняет сделанное ему предложение, после чего у него появляются сотрудники налоговой службы, которые должны убедить его без всякого физического насилия, но это тоже не убеждает владельца фирмы, вследствие чего применяется еще одно средство бескровного насилия: приняв предложенную одним из депутатов законопоправку, парламент лишает фирму возможности заниматься определенной в концессии деятельностью, из-за чего стоимость фирмы начинает резко падать, и, наконец, в качестве последнего шага с помощью другой законопоправки конкурент собственника фирмы освобождается от негативных последствий законопоправки, разорившей фирму ESMA. Вся акция была осуществлена за очень короткое время. Позже, после нескольких лет блокады, собственник продает свою находящуюся в безвыходном положении фирму по умеренно заниженной цене новому любимому олигарху Крестного отца. И наконец, дискриминативная правовая норма, нанеся удар по фирме, отменяется парламентом, чтобы новый олигарх, верный Крестному отцу, мог запустить ее деятельность на полную мощность. В отличие от традиционной мафии мафиозное государство навязывает свою волю бескровными методами.

Это дело содержит в себе признаки деятельности преступной организации:

- совершение преднамеренного преступления (шантаж, злоупотребление служебным положением и т. д.);
- согласованность действий, поскольку в данном случае требовалась координированная деятельность различных ветвей власти (министерств, правительственных контрольных и правоохранительных органов, Законодательного собрания) и частных лиц (выбранного властью олигарха-бенефициара, кандидатура которого изменилась со временем), которая имела определенную продолжительность и порядок событий;
- члены преступной организации образовывали иерархию, в которой лица, знакомые со всей операцией, были отделены от исполнителей отдельных задач, размещавшихся на низшем уровне иерархии (например, осуществлявший налоговую проверку чиновник или депутат, внесший предложение о поправке к закону);
- действия членов преступной организации усиливали друг друга, так как в одиночку им не удалось бы добиться поставленной цели (отъема собственности).

Примерно в таких же рамках можно рассматривать и множество случаев, о которых говорилось выше, от аренды земли и игровых автоматов до казино и концессий на табачные киоски.

8.4. Типизация организованной преступной деятельности

1. Характер ущерба, нанесенного организованной преступной деятельностью государству и частным лицам:

- *ущерб государственному имуществу / государственным доходам:*

- передача потенциальных государственных доходов частным лицам (например, газовая сделка между Венгерским предприятием по снабжению электроэнергией (MVM) и MET Holding AG);

- отказ от потенциальных налоговых доходов (например, списание миллиардных налоговых задолженностей без расследования дела Налоговой службой);

- передача потенциальных государственных доходов частным лицам (например, «облигация на поселение») – по 29 тыс. дисконта с каждых 250 тыс. евро, которые получают около полудюжины фирм, близких к «Фидес»;

- передача государственной концессии частным лицам (например, азартные игры онлайн);

- лишение права на аренду (например, лишение преимущественного права на аренду государственной земли, принадлежащего частному арендатору согласно положениям гражданского права);

- передача муниципальной или государственной недвижимости частным лицам, входящим в круг политической семьи, по цене ниже рыночной (например, афера с недвижимостью в центре Будапешта, где возникает подозрение в растрате имущества);

- нелегитимное перенаправление тендерных денег в тендеры с завышенными бюджетами, которые получают фирмы из сферы интересов политической семьи (например, серийные тендерные победы Шимички, Месароша и Тиборца);

- *ущерб частному имуществу / частным доходам:*

- отъем имущества (например, отъем сбережений, накопленных в частных пенсионных кассах, или принудительное огосударствление сберегательных кооперативов с их последующей передачей частным лицам);

- отъем частных фирм (по некоторым оценкам, это коснулось 300–400 частных фирм, например уже упомянутой фирмы ESMA);

- введение обязательного получения концессии на определенные виды деятельности, которыми занимаются частные предприниматели (например, на розничную и оптовую торговлю табачными изделиями);

- лишение государственных концессий и права на аренду (например, целенаправленное распределение внутри политической семьи прав на аренду государственных земель и игровых автоматов без учета прежних арендных и производственных отношений);

- *ущерб, одновременно нанесенный государству и частным лицам* (например, передача «своим» людям концессий на игровые автоматы и казино).

2. Серийность организованной преступной деятельности:

- *одноэтапная:* под одноэтапной коррупционной деятельностью мы понимаем одноразовую коррупционную сделку между двумя сторонами,

распространяющуюся на одно конкретное дело. Такие сделки относятся к области классической коррупции и по отдельности не затрагивают крупных сумм, хотя в совокупности могут быть широко распространены. Мафиозное государство стремится взять под контроль такие единичные, партизанские акции;

- *многоэтапная*: в процессе многоэтапной, серийной деятельности становится возможным и более сложное сотрудничество, в которое могут быть вовлечены даже многие институты и органы законодательной и исполнительной власти. Это гораздо более характерно для «повседневного функционирования» криминального государства, так как подобные сложные механизмы, естественно, более пригодны для осуществления крупномасштабных проектов, предполагающих сращивание государства и бизнеса и неоднократно коренным образом изменяющих рыночную ситуацию.

3. Институциональное пространство осуществления коррупционных транзакций в рамках организованной преступной деятельности:

- *в рамках одного института*:

- «делопроизводительский» уровень: почти без исключений совпадает с одноэтапными, несерийными коррупционными действиями. Понятно, что сложные, например, охватывающие всю страну коррупционные планы неосуществимы на уровне делопроизводителя и требуют задействования всей вертикали данного государственного учреждения;

- вся вертикаль учреждения: невозможно представить, что вызывающие подозрения в коррупции действия некоторых центральных органов, например хорошо известное списание миллиардных налоговых задолженностей Национальной налоговой службой, могли быть осуществлены без ведома и одобрения всей служебной вертикали данного учреждения. В этих случаях понятие «справедливость» используется как средство злоупотребления, хотя первоначально оно было предназначено для того, чтобы облегчить положение мелких должников государству, попавших в стесненное положение, а не для повышения прибыли крупных предпринимателей.

- *межинституциональное пространство*:

- горизонтальное сотрудничество: соучастие нескольких институтов, которое можно назвать редким, поскольку требуется присутствие высшего координатора;

- вертикальное сотрудничество: учитывая описанное выше функционирование Венгерского криминального государства, на первый план закономерно выходит институциональная вертикаль.

4. Сфера юрисдикции учреждений, участвующих в преступной деятельности:

- *локальная*: классическими примерами относительно автономных по отношению к центру, но все же тесно связанных с политической семьей территорий являются «доминии», практически отданные в качестве вознаграждения доверенным «управителям», например Ходмезёвашархей или Дебрецен. В определенном смысле сюда же относится и афера с недвижимостью в центре Будапешта.

- *всемирная:* сюда можно отнести, например, аномалии вокруг тендера, связанного с атомной электростанцией в Пакше, а также нефтегазовую сделку между принадлежащим государству Венгерским предприятием по снабжению электроэнергией и MET Holding AG, которая привела к выплате дивидендов на сумму около 50 млрд форинтов, большей частью осевших в офшорных фирмах.

- *локальная и всемирная:* в качестве классического примера сюда можно отнести операции с арендой земли и табачных киосков, которые направлялись из центра, но осуществлялись в первую очередь на местном уровне и не могли быть осуществлены ни без координации из центра, ни без координации на местах.

5. Типы учреждений, участвующих в преступной деятельности, по принадлежности к различным ветвям власти:

- *законодательная власть:* в 2010–2016 гг. парламент принял, с одной стороны, массу скроенных по индивидуальной мерке законов, которые чаще всего служили рамками для дальнейших манипуляций, а с другой стороны, законы, которые способствовали функционированию коррупционных механизмов, например:

- закон, предусматривающий повышение стоимостной границы при применении процедуры госзакупок (облегчает увеличение масштабов коррупции при госзаказах);

- закон об облегчении необоснованного засекречивания данных, представляющих общественный интерес (со ссылкой на соображения национальной стратегии и безопасности), а также особый закон о засекречивании данных в отдельных государственных учреждениях, например в ЗАО Magyar Posta (хотя позже Конституционный суд признал этот закон антиконституционным);

- закон об оплате журналистами и гражданскими организациями запрашиваемой ими информации, имеющей общественный интерес;

- закон, по которому имущество общей стоимостью 250 млрд форинтов (более 800 млн евро), переданное фондам, созданным Венгерским национальным банком, «утеряло статус государственного имущества», вследствие чего эти фонды не обязаны предоставлять информацию об его использовании; (позже Конституционный суд признал антиконституционным и этот закон, а у «Фидес» уже не было конституционного большинства в парламенте для изменения Основного закона, к которому «Фидес» обычно прибегает в подобных случаях) [\[252\]](#);

- закон об отмывании денег;

- закон, предусматривающий упразднение несовместимости при присуждении грантов;

- закон, предусматривающий сохранение секретности имущественных деклараций родственников политиков;

- поправка к закону, предусматривающая изменение бюджета указами правительства, которое получило право неограниченно брать на себя платежные обязательства, выходящие за рамки принятого бюджета [\[253\]](#);

- закон, предусматривающий возможность произвольного исключения из тендера на госзакупки на продолжительный срок.

- *исполнительная власть* (государственное управление): в преступной деятельности участвует целый ряд учреждений от центральных органов (например, налоговой службы) до муниципалитетов и профессиональных палат, а в случае земельной аренды – вплоть до Национальной организации по управлению земельным фондом. В истории с собственником цифровой базы данных и компьютерной программы для евросоюзных тендеров, фирмой WELT 2000, можно говорить и об использовании Центра по борьбе с терроризмом в политических целях.

- *судебная власть*: селективная борьба с преступностью, в ходе которой в ранее невиданной степени сократилось количество уголовных расследований по коррупционным делам.

- *их комбинация*.

Об организованной преступной деятельности свидетельствуют и результаты расследования 123 тыс. тендеров на госзакупки, проведенных в 2009–2015 гг.^[254] Расследование показало, что если в 2009 г. доля открытых тендеров, извещения о которых публиковались в СМИ, составляла 81 %, то в 2015 г. она сократилась до 37 %. В отчете о расследовании говорится: «В 2015 г. цены, указанные в договорах о госзакупках, были искажены в гораздо большей степени, чем когда-либо ранее. По нашему предположению, это может свидетельствовать об усилении коррупции, приводящей к завышению договорных цен по сравнению с рыночными»^[255]. Однако речь идет не о традиционной коррупции. При традиционных коррупционных транзакциях, когда представитель сферы бизнеса вступает в сделку с государственным чиновником, возможности завышения цен ограничиваются обособлением тендерных процедур: выработки тендерной стратегии, планирования проведения тендера, определения его условий, оценки тендерных предложений и рассмотрения апелляций (в арбитражной комиссии по госзакупкам и суде). Обособленное функционирование этих институциональных элементов ограничивает возможности произвольного, массового и систематического устранения конкурентов, которые тоже могут прибегать к коррупции. Если же в роли преступной организации выступает само правительство, которое подчиняет себе все органы, ранее контролировавшие друг друга, то этим устраняются все преграды, мешающие заранее выбранному победителю тендера по своему усмотрению завышать договорную цену. В таких случаях взятки получают не чиновники, исполняющие волю начальства. Они лишь сохраняют свою должность.

6. Составы преступления в ходе организованной преступной деятельности:

шантаж, мошенничество, экономическое мошенничество, казнокрадство, растрата денег и имущества, отмывание денег, инсайдерская торговля, активные и пассивные формы подкупа и дачи взяток должностным лицам, злоупотребление служебным положением, покупка влияния, торговля влиянием и т. д.

Категоризация организованных преступных действий в мафиозном государстве на четырех примерах

	Рекламная фирма ESMA	Аренда государственной земли и приватизация	Игровые автоматы казино, букмекерские ставки онлайн	Концессии на табачные кноски
<i>Пострадавший</i>	Частная сфера	Частная сфера + государственная сфера	Частная сфера + государственная сфера	Частная сфера
<i>Серийность</i>	Многоэтапная	Многоэтапная	Многоэтапная	Многоэтапная
<i>Институциональное пространство</i>	Межинституциональное (горизонтальное и вертикальное сотрудничество)	Межинституциональное (горизонтальное и вертикальное сотрудничество)	Межинституциональное (горизонтальное сотрудничество)	Межинституциональное (горизонтальное и вертикальное сотрудничество)
<i>Сфера юрисдикции учреждений, участвующих в преступной деятельности</i>	Всеенгерская	Всеенгерская и локальная	Всеенгерская	Всеенгерская и локальная
<i>Типы учреждений, участвующих в преступной деятельности, по принадлежности к различным ветвям власти</i>	Исполнительная власть (министерство, налоговая служба, законодательный орган)	Законодательный орган, исполнительная власть (министерство, Национальная организация по управлению земельным фондом)	Законодательный орган, исполнительная власть (министерство)	Законодательный орган, исполнительная власть
<i>Состав уголовного преступления</i>	Шантаж, злоупотребление служебным положением, покупка влияния, дача взятки должностному лицу (активная и пассивная)	Покупка влияния, торговля влиянием, дача взятки должностному лицу (активная и пассивная)	Покупка влияния, торговля влиянием, дача взятки должностному лицу (активная и пассивная)	Злоупотребление служебным положением, торговля влиянием, дача взятки должностному лицу (активная и пассивная)

В большинстве случаев нет необходимости доводить до конца запущенный процесс, так как жертвы понимают, что от «предложения» приемной политической семьи, поддержанного всем арсеналом средств воздействия государственной власти, «нельзя отказаться». В результате сделки, заключенные под влиянием угроз и шантажа, сохраняют видимость добровольных, поскольку «понятливость» и готовность к соглашению, проявленные жертвой, сокращают ее потери. Подобно тому как в случае деятельности мафии доля жертв физического насилия ничтожна по сравнению с количеством лиц, «добровольно» соглашающихся платить за «крышевание» или оказывать различные услуги, в случае мафиозного государства для получения «добровольного» согласия тоже, как правило, достаточно сопроводить предложение демонстрацией арсенала средств нелегитимного государственного насилия. (Наверное, не стоит и говорить, что в условиях настоящей диктатуры эти цели достигаются без подобных церемоний, имитирующих функционирование демократических институтов.)

По мере нейтрализации институциональной иммунной системы либеральной демократии продвигается вперед процесс обучения и социализации, обеспечивающий покорность и подчинение. Ограничение контролирующей роли гласности, сокращение шансов на смену правительства путем манипулирования избирательной системой и разрушение веры в корректную деятельность судебных и правоохранительных органов практикой селективной борьбы с преступностью – все это подталкивает людей к примирению и приспособлению к реальности. Нельзя не заметить, что руководитель прокуратуры тоже является членом полипбюро, одним из игроков сыгранной команды, поэтому *нет средств, позволяющих запустить в*

противовес преступной организации полибюро механизм правосудия. Если надо, то прокуратура прекращает следствие по делу депутатов местных самоуправлений от «Фидес», произвольно раздававших концессии на табачные киоски, даже несмотря на наличие аудиозаписи, доказывающей нарушение закона^[256]. Если надо, то в течение целых двух недель после обнародования чувствительно затронувшего членов правительства скандала с брокерской фирмой Quaestor, которая нанесла своим клиентам ущерб на сумму 200 млрд форинтов, не отдается приказ об аресте руководителя фирмы, что дает ему возможность уничтожить множество документов^[257]. Если надо, то генеральный прокурор мирно пьет вино вместе с президентом Венгерского национального банка после того, как в прокуратуре была инициирована проверка законности деятельности четырех фондов ВНБ^[258]. Наконец, в случае надобности, а такая надобность есть, они вместе болеют за футбольную команду премьер-министра в VIP-ложе стадиона в Фелчуте. (Больше того, в ходе селективной борьбы с преступностью вопрос уже не только в том, кого и в чем обвинят, кому позволят избежать ответственности или разрешат продолжать «работу» в рамках вассальной зависимости, подчиняясь указаниям «сверху», а кого обвинят лишь с целью криминализации, но и в том, против кого будет начато «превентивное», прикрывающее его дело, которое позволит с помощью оправдания венгерской прокуратурой и судом, освободить его от расследования со стороны международных правоохранительных органов^[259].)

В результате этого процесса социализации в 2010–2013 гг. количество заявлений по поводу трех типов коррупционных преступлений, активного и пассивного должностного взяточничества и торговли влиянием, сократилось на половину – на две трети по сравнению с четырьмя предшествующими годами^[260]. Одна из причин этого явления может состоять в том, что «ранее граждане видели в подаче заявлений больше смысла или меньше боялись расплаты, то есть превращения обвинения в самообвинение»^[261]. Более чем показательно, что, как бы иллюстрируя селективную борьбу с преступностью, в три раза возросла доля отклоненных заявлений и в два раза доля прекращенных расследований.

Беспрепятственному обогащению приемной политической семьи, защищенному от расследований в отношении состояний подозрительного происхождения, служит изменившая правила налоговой службы поправка к закону, согласно которой «Национальная налоговая и таможенная служба не будет инициировать расследований обстоятельств обогащения на основании поступающих заявлений. В соответствии с законопоправкой, принятой 1 декабря 2015 г., ННТС будет начинать такие расследования в отношении частных лиц лишь по инициативе самих этих лиц или в том случае, если полиция уже ведет расследование в отношении данного лица по подозрению в имущественном преступлении»^[262].

9. Пирамиды – пределы мафиозного государства	253
9.1. Экономическая пирамида	253
9.1.1. Автократия и автаркия	255
9.2. Внешнеполитическая пирамида – «танец павлина» и «венгерское хитроумие»	257
9.2.1. Дилеммы Евросоюза	258
9.2.2. Открытость на Восток	263
9.2.3. Различная логика санкций ЕС и США	269
9.3. Хрупкое равновесие мафиозного государства: делегитимационная спираль и предел применимости насилия	276

9. Пирамиды – пределы мафиозного государства

Необходимость в легитимации требует от мафиозного государства сохранения демократических декораций. Однако это было бы невозможно без наличия множества преданных сторонников, которых режим материально обеспечивает и из которых лепит духовно сплоченную общность, а также без предположительно еще большей массы людей, которой достаточно лишь духовной пищи.

9.1. Экономическая пирамида

В результате массового перераспределения доходов и насильственного передела имущества издержки властной перестройки, сопровождавшей складывание мафиозного государства, сильно обременили экономику, уподобив страну *в кризисный период нефтяной диктатуре без нефти*. Доходы, обеспечивающие власть и обогащение приемной политической семьи, необходимо добывать из других источников. К числу таких венгерских источников относятся единая налоговая ставка, сокращение расходов на социальную сферу, здравоохранение и образование, контрибуции, наложенные на банки, предприятия сферы услуг и другие сетевые звенья, а также спорадические грабежи.

В результате введения *единой налоговой ставки* семьи из высшего дециля ежегодно экономят почти 500 млрд форинтов дохода. Эти семьи принадлежат к социальному слою, наиболее эффективно влияющему на общественное мнение и защищающему свои интересы. Члены этого слоя, даже если они не загнаны в положение клиентов «Фидес» и не симпатизируют новой власти, на выборах оказываются перед дилеммой: если они проголосуют за противников «Фидес», то содержащееся в оппозиционной программе требование прогрессивного налогообложения лишит их значительных доходов. Когда члены демократической оппозиции с полным правом бичуют антисолидарный характер единой налоговой ставки и подчеркивают незначительность его стимулирующего влияния на экономику, они одновременно укрепляют в бенефициарной группе поощряемой «Фидес» «среднеклассовый» эгоизм и сплоченность. Другие известные из истории автократические режимы (корпоративистско-фашистские и коммунистические) осуществляли перераспределение доходов противоположной направленности, конечно принимая во внимание, что первые добились этого передачей имущества евреям арийцам, а последние – посредством экспроприации собственности и контрибуции, наложенной на крестьян в качестве социалистического первоначального накопления капитала.

Мафиозное государство осуществляет перераспределение доходов в пользу зажиточных социальных групп с помощью налоговых и бюджетных средств, используя не только единую налоговую ставку, но и *высокий налог с оборота и сокращение социальных расходов*. Это не проявление классического

общественного консерватизма, а, как уже упоминалось, отсутствие у приемной политической семьи интереса к не принадлежащим к кругу «домочадцев», вытесненным за его пределы социальным группам, отказ от них. Многие, будучи жертвами налоговой системы, рады и тому, что у них еще есть работа. В этой *экономической пирамиде на одного бенефициара приходится три проигравших*. Отказ от граждан, лишних с точки зрения центрального силового поля, ведет к углублению социальной пропасти, застою в экономике и тупиковому развитию. Трудно сказать, как долго удастся лидерам мафиозного государства обеспечивать политическую пассивность слоя социальных аутсайдеров, то есть изолировать и демобилизовать с помощью изоциренных средств репрессий и промывания мозгов.

Таким образом, внутренними ресурсами, мобилизованными в соответствии с властными нуждами режима, являются, с одной стороны, рекордный для Европы 27-процентный налог с оборота и упомянутые выше особые налоги, а с другой стороны – сокращение расходов. Оба этих канала соответствовали требованиям пропаганды, согласно которым «люди» не должны непосредственно чувствовать лежащие на них тяготы: пособия и дотации нужно преподносить как непосредственные дары правительства, в то время как отъем средств – в качестве результата деятельности враждебных сил. Таким образом, или

- на правительство должны работать безличные рыночные механизмы (благодаря исключительно высокому налогу с оборота), или
- бюджет должен пополняться за счет контрибуций, наложенных на мультинациональные фирмы, которые сталкиваются с воинственной риторикой, а иногда и с санкциями правительства, если пытаются переложить свои тяготы на потребителя, или
- источником перегруппировки средств в рамках медленно развивающейся экономики служит трудно заметное ухудшение услуг крупных распределительных систем (сфер социального и медицинского обслуживания, а также образования).

Беда в том, что эти источники уже не могут быть расширены, а определенные коммунальные услуги оказались на грани развала. К тому же под давлением ЕС некоторые особые налоги пришлось упразднить. В таких случаях наступает время лихорадочных поисков других, хотя бы и менее крупных сумм, однако при этом произвольно создаются трудности, мешающие достигнуть коммуникационной цели. Два правительственных замысла неожиданно вызвали активное недовольство общества. Одним из них была попытка изъять 200 млрд форинтов сбережений, накопленных в частных пенсионных кассах, а другим – намерение установить налог на Интернет. Однако первая из этих акций затронула интересы около 60 тыс. граждан из среднего класса, серьезно относящихся к личной ответственности за свою судьбу и до последнего сопротивлявшихся правительственному шантажу, а вторая, налог на Интернет, ударила по интересам массы молодежи, ранее непосредственно не вмешивавшейся в политику, но чувствительно

реагирующей на ущемление личной свободы. В итоге правительству удалось добиться того, что в конце 2014 г. на уличные демонстрации протеста выходило иногда по несколько десятков тысяч человек. Конечно, правительство взяло реванш у сопротивлявшихся членов частных пенсионных касс: за отсутствием необходимых распоряжений правительства кассы не смогли начать выплату денег своим членам, достигшим пенсионного возраста. «Это не что иное, как разбой, совершенный правовыми средствами», – сказал представляющий партию социалистов заместитель председателя парламентского комитета по социальным вопросам^[263].

Хотя снижение цен на нефть, а также конвертация валютных кредитов в форинты, сопровождавшаяся ревизией условий кредитов, повысили покупательную способность беднеющих средних слоев населения на несколько сотен миллиардов форинтов и временно увеличили экономический рост, но это не меняет того факта, что за последние 25 лет Венгрия не смогла сократить своего отставания от стран – основателей Евросоюза. Больше того, начинает становиться драматическим и наше отставание от восточноевропейских стран – членов ЕС, особенно в сравнении со стабильно динамичным развитием Польши и Словакии.

9.1.1. Автократия и автаркия

Адекватной экономической базой *автократии* должна быть *автаркия*, так думает и Орбан, ведь в глубине души он не может примириться с тем, что в радиусе его политической власти экономика может функционировать не по диктуемой им логике. Этим и объясняется бесконечный ряд кампаний, посредством которых он хочет приструнить и обложить «данью» идеологически криминализированных игроков экономической сферы. Это одно из реальных препятствий, с которым столкнулся политический поворот, осуществленный с помощью парламентского большинства в две трети мест: правительство может единственным словом добиться повиновения госслужащих, но ни приказами, ни заклинаниями не сможет успокоить волнения на биржах. Институты мирового рынка оказываются сильнее законодательной власти автократа: сколько бы дыр он ни хотел заткнуть с помощью государственного насилия, сколько бы плотин ни воздвигал на пути рыночной логики, рынок пробивает все больше брешей в плотинах внеэкономического принуждения. Если же рынок не желает повиноваться неортодоксальному произволу автократа, то в ход пускаются параноидная теория заговора и сложившаяся на ее эмоциональной почве национально-освободительная борьба, а также все новые и новые средства административного принуждения.

Однако насилие, которое политика совершает над экономикой, как свидетельствует и памятная сталинская попытка построения «социализма в одной стране», имеет ограниченный эффект даже в крупных закрытых режимах. Венгрия в границах, установленных Трианонским договором, окончательно стала органической частью глобализованного рынка. Если

руководители коммунистических режимов, закрыв границы, еще могли воспрепятствовать тому, чтобы граждане проголосовали против режима «ногами», то ныне в стране – члене ЕС никакое политическое вмешательство в экономику не может помешать предпринимателям и гражданам страны выразить свой протест вывозом капитала и сбережений за границу и эмиграцией.

Поскольку средства, имеющиеся в распоряжении режима, недостаточны по сравнению с его нуждами, а свобода их расходования сильно ограничена тем, что учреждения имеют фиксированные финансовые обязательства, об экономической самоизоляции не может быть и речи, самое большее можно выставить иголки, уподобившись политическому ежу. Парадоксальным образом свободу, служащую обогащению приемной политической семьи, прежде всего обеспечивают *евросоюзные средства*, от земельных субсидий сельскому хозяйству до крупных капиталовложений в развитие инфраструктуры. Стремление сделать использование этих средств независимым от соблюдения норм Евросоюза и его контроля неизбежно обостряет конфликт с Брюсселем. Лидеры крупных стран-доноров рано или поздно должны будут столкнуться со щекотливым политическим вопросом, до каких пор их налогоплательщики будут терпеть, что их деньги, вопреки целям евросоюзных субсидий, идут на личное обогащение бенефициаров венгерского мафиозного государства.

9.2. Внешнеполитическая пирамида – «танец павлина» и «венгерское хитроумие»

Постоянные «воинственные» мобилизации и демобилизации, происходящие под знаком национально-освободительной борьбы, имеют последствия не только для Венгрии. Параллельно с существованием венгерской идеологической и экономической пирамиды, *на международной арене также имеется политическая пирамида с непрерывным повышением ставок*, которую, пользуясь выражением Миклоша Харасти, можно охарактеризовать как «*плавание в западной лодке с восточным ветром*». Если во внутренней политике национально-освободительная борьба означает холодную гражданскую войну с целью покорения граждан собственной страны, то во внешней политике под вывеской национально-освободительной борьбы исполняется своеобразный «танец павлина»^[264] в пограничье между трансатлантической и восточной ориентацией. Исполняя внешнеполитический танец павлина, Венгрия в своих отношениях с ЕС, как сказал Виктор Орбан, «должна в рамках очень сложного ряда тактических шагов смешивать элементы согласия, договоренности, несогласия и сопротивления»^[265]. Одной из фигур этого танца являются заявления типа «Нам не могут диктовать ни Брюссель, ни Москва»^[266] и «Мы не станем колонией, венгры не будут жить под диктатом иностранцев»^[267], а другой фигурой – выражения преданности Евросоюзу, например: «Конечно, нет сомнений в том, что нашим главным партнером остается сообщество стран, принадлежащих к Евросоюзу»^[268]. Танец павлина нацелен на достижение политического равновесия, которое позволило бы выдаивать из Евросоюза средства таким образом, чтобы при этом приемная политическая семья могла свободно использовать их в своих частных интересах и для поддержания мафиозного государства.

Таким образом, наши связи с Евросоюзом одновременно становятся и вопросом идентичности: *каково соотношение венгерской и европейской идентичности* для отдельного взятого гражданина? Если исключительной, перечеркивающей все прочие ценности является первая идентичность, то Евросоюз для нас – лишь объект паразитирования, из которого нужно выжать все, что возможно, а взамен дать лишь столько, сколько необходимо. Это и есть политика «Фидес», неприкрыто ставящая «национальные интересы» выше всех ценностных соображений. Это – *своеобразный кодекс воровской чести*, согласно которому данное слово, моральные обязанности считаются действительными только в отношении нации, приемной политической семьи. Все остальные – не мы, другие, чужие, поэтому из всех ситуаций нужно извлекать максимальную пользу для себя. В этом помогает «венгерское хитроумие», раз уж нет сил на большее. Лес флагов, который образует сценический фон выступлений венгерского премьер-министра и в котором даже случайно нельзя заметить ни одного флага Евросоюза, ясно показывает позицию правящих ныне политических сил по вопросу идентичности.

9.2.1. Дилеммы Евросоюза

Постепенно Евросоюзу стало ясно, что его геополитические цели не могут быть достигнуты на базе одной только общности ценностных ориентиров, что неизбежно приведет к возникновению долговременной буферной зоны внутри ЕС, но более или менее вне еврозоны^[269]. В отношении входящих в эту зону стран, самым различным образом нарушающих нормы либеральной демократии, приходится закрывать глаза на восточные особенности отправления власти в этих странах. ЕС намеревался достичь своих геополитических целей предоставлением субсидий буферным государствам внутри Евросоюза, а также долговременным принятием к сведению ранее лишь иногда допускавшегося дефицита демократии. Однако вызывающая агрессивность режима Орбана, который открыто провозгласил строительство нелиберального государства и своей политикой открытости на Восток создал угрозу международной безопасности, затруднила положение ЕС. Орбан загнал западные демократии в такое положение, когда они должны смотреть на него не как на изредка ошибающегося политика, а как на решительного противника либеральной демократии.

Венгерской особенностью в системе власти Орбана является то, что осуществляемая им перестройка осуществляется внутри Евросоюза и Венгрия движется *back to the future*, от либеральной демократии назад, к полнокровному автократическому режиму. Даже внешние политические и экономические преграды складывания и консолидации мафиозного государства – Евросоюз и укорененность в мировой экономике – не могут принудить к изменению политического курса автократическое руководство, для которого мораль и демократические ценности не являются препятствиями в стремлении к концентрации власти и наращиванию богатства приемной политической семьи. Самоограничение не было характерно для правления «Фидес» уже и в 1998–2002 гг., только в то время отсутствие конституционного большинства в две трети парламентских мест не позволило ему показать свою истинную природу.

В то же время Евросоюз не может, да и не хочет вмешиваться в венгерские дела на уровне повседневной политики. Он усиливает давление, вызванное антидемократическими шагами венгерского правительства, однако при этом видно, насколько ограничены средства, которыми Евросоюз пытается достичь восстановления демократических норм. Он вынужден вести дискуссии по отдельным вопросам, но в то же время практически не имеет легитимной возможности сделать объектом критики весь автократический контекст в целом. Евросоюз способен корректировать спорадические, разрозненные нарушения общих ценностных норм скорее с помощью посредничества, убеждения или судебных процессов, но не подготовлен к оказанию противодействия попыткам систематического разрушения либеральной демократии. Он успокаивает себя тем, что те, кто принят в клуб, не станут плевать на пол, во всяком случае не ежеминутно, поэтому у него и нет средств

для борьбы с этими новыми привычками. В свою очередь, «Фидес», не смущаясь некоторым ущербом для своего престижа, крайне находчиво вносит коррективы, не затрагивающие суть новой системы власти. Венгерский пример проливает свет на недостаток Евросоюза, который заключается в том, что серьезное сообщество не может существовать без общего правового порядка, позволяющего эффективно наказывать за отход от ценностей сообщества. Это ограничивает круг ответных мер Евросоюза даже в случае самых серьезных шагов отдельных правительств, направленных против системы демократических институтов. В то же время ограниченность возможностей политического сообщества создает преграды на пути будущего развития европейского экономического сотрудничества.

Антикоррупционные меры международных организаций главным образом сконцентрированы на, так сказать, повседневных формах коррупции, на борьбе с ее отдельными случаями. Например, критике подвергаются качество и практика проведения конкурсов на госзакупки, поскольку это самая характерная опасность в западных демократиях. Международные организации, вероятно, видят и коррупцию второго типа, связанную с возвышающимися, получающими все большее влияние олигархами из криминального подполья, однако не желают заниматься ею, за исключением явлений международного масштаба, например наркоторговли, нелегальной миграции или проституции. Что же касается третьего, характерного для мафиозного государства типа коррупции, направляемого политиками с помощью неправомερных, внеэкономических средств, то его пока стараются просто не замечать, ведь в противном случае на Венгрию пришлось бы смотреть так же, как на автократические режимы и диктатуры, находящиеся за пределами Евросоюза. Неизвестно, что это – обман чувств или политическое заблуждение, во всяком случае международные организации *не видят за деревьями леса, за коррупцией мафиозного государства*. У них даже нет для него адекватного языка.

Некоторую фрустрацию у правительств развитых евросоюзных стран, вероятно, вызывает необходимость бессильно наблюдать за тем, как благодаря деятельности мафиозного государства налоги, уплачиваемые гражданами этих стран, увеличивают состояние приемной семьи. «Около 88 % от исчисляемой сотнями миллиардов форинтов стоимости тендеров на госзакупки, выигранных фирмами, входящими в сферу интересов Лайоша Шимички, имеют своим источником евросоюзные проекты. Хотя эта цифра может не отражать точной доли доходов этих фирм за счет средств ЕС, она все же указывает, насколько значительную часть их деятельности составляют проекты, финансируемые Евросоюзом. Еще более велика их доля в деятельности фирм Иштвана Тиборца (зятя Виктора Орбана) и Лёринца Месароша (главы муниципалитета Фелчута), которые также набрали заказов на миллиарды форинтов. Евросоюзные проекты составляют более 94 % общей суммы госзаказов, полученных фирмой ЗАО *Elios Innovatív*, одним из собственников которой является Тиборц, а у

строительной фирмы главы муниципалитета Фелчута ООО Mészáros és Mészáros эта цифра составляет более 99 %»^[270].

С 2013 г., под влиянием резких дискуссий о положении в Венгрии, Европейский парламент по крайней мере начал выступать против систематического разрушения политических институтов либеральной демократии. Важнейшим документом в этой связи является доклад Комитета Европейского парламента по вопросам гражданских свобод, правосудия и внутренних дел, подготовленный Руи Таварешем^[271]. В этом докладе содержится уже не критика отдельных явлений, а **критика режима**, а также адресованный Комитету призыв «не только сосредотачивать внимание на отдельных (...) случаях нарушения правовых норм ЕС, но и давать соответствующие ответы на попытки какого-либо из членов ЕС системно изменить свой конституционный строй и правовой порядок, а также конституционную и правовую практику»^[272]. Применению такого подхода на практике пока мешает медлительность ЕС в области создания институтов и процедур. К тому же, помимо независимых от различных интересов бюрократических препятствий, эффективному ответу на нелиберальные эксперименты мешает и наличие реальных контринтересов: во-первых, **«грязная партийная солидарность»** (характеризующая как правые, так и левые партии), во-вторых, **коалиционные интересы внутри ЕС**, в-третьих, **стремление к минимализации конфликтов** с учетом необходимости защиты экономических интересов в критикуемых странах и, в-четвертых, более масштабные **геополитические соображения**.

В перспективе ЕС может **выбирать из трех возможностей**. Первая возможность – **оставаться заложником системы мелкого шантажа**, при которой высшей правовой нормой становится национальный интерес, а международная, евросоюзная солидарность считается обязательной при любых обстоятельствах. Вторая возможность состоит в том, что ведущие политические и экономические державы ЕС **будут двигаться в сторону «двускоростной» Европы**, в которой взрослые разрешают неуправляемым детям оставаться в гостиной, но для обсуждения серьезных дел удаляются в комнату для карточной игры по принципу *nicht vor dem Kind*. Третья возможность – решительный курс на создание **федеративной Европы** и расширение сферы евросоюзного правотворчества. Однако для этого нужно, чтобы национальная и европейская идентичность европейских граждан были одинаково сильны.

Согласно наиболее вероятному сценарию, противоречие между мечтой об общих ценностных ориентациях и геополитической реальностью может быть разрешено только в системе «двускоростного» Евросоюза. Все политические императивы действуют в этом направлении. Об осознании этой перспективы свидетельствует предложение французского министра экономики Эммануэля Макрона и его немецкого коллеги Зигмара Габриэля, предусматривающее такие экономические реформы, как введение общего бюджета с собственными, евросоюзными доходами и общих регуляторов налогообложения и социального

обслуживания; включение программы помощи налоговым должникам в число юридических документов Евросоюза и создание соответствующей монетарной институциональной структуры, а также их изъятие из ведения национальных государств и перевод на уровень Евросоюза^[273]. Для этого необходимо создание соответствующей политической институциональной среды с общим парламентом и общими механизмами правотворчества и контроля.

Одной из скоростных зон многоскоростной Европы, которую можно назвать западной, является сама еврозона. Упомянутые посткоммунистические государства, окончательно укорененные в Евросоюзе, либо уже входят в еврозону, либо, независимо от идеологических оттенков их правительств, решительно требуют принятия в нее в течение нескольких лет. В других странах, в том числе и в Венгрии, создается государственная идеология, оправдывающая длительное пребывание вне еврозоны. Стремление к независимости, заложенное в риторике «национально-освободительной борьбы», в действительности является эвфемистическим требованием освобождения от соблюдения норм либеральной демократии. Лидеры этих стран понимают под «Европой наций» свое намерение создать и укрепить автократические режимы. Против этого намерения могут эффективно выступить лишь граждане этих стран, если этого не произойдет или если их выступление будет неудачным, то попытка «национальных автократий» стабилизировать свое положение окажется более или менее успешной. В то же время, исходя из своих геополитических соображений, Евросоюз не может позволить, чтобы территория Российской империи опять простиралась до Лейты, то есть до западной границы Венгрии. Западноевропейская политическая элита, отказавшись от своей первоначальной миссии и романтической мечты, связанной с разрушением Берлинской стены, ныне все чаще вынуждена смотреть на отстающую часть Восточной Европы не как на культурного партнера, а всего лишь как на зону экономического влияния. Ведь в настоящее время восточноевропейские политические элиты стремятся не распространять ценности западной цивилизации, а с помощью национального и социального популизма скорее укреплять в своих странах ценностную структуру восточного типа, соответствующую интересам утверждения и консервации автократической власти этих элит. Последствия не предвещают нам ничего хорошего: место солидарности с Восточной Европой и политики, направленной на ее «подтягивание» к наиболее развитым странам, займет политика простого умиротворения. Странам еврозоны это обойдется гораздо дешевле, а их населению будет гораздо понятнее, чем напрасные стремления к интеграции, на которые в Восточной Европе отвечают такими явлениями, как, например, коррумпированная Система национального сотрудничества. Другими словами, лидеры развитых стран вместо дорогостоящей консолидации демократии ограничатся требующим минимальных затрат умиротворением полуавтократических режимов в этой буферной зоне.

Миграционный кризис, а также нерешительность и колебания, проявляемые ЕС при его решении, дали Орбану возможность, во-первых, вдохнуть жизнь в

сотрудничество вышеградской четверки под знаком критики ЕС и «национально-освободительной борьбы», во-вторых, завоевать признание европейских праворадикальных сил и поддерживающих их кругов, а в-третьих, выступить в роли критика А. Меркель.

9.2.2. Открытость на Восток

Венгерская внешняя политика, идущая вразрез с евросоюзными и трансатлантическими обязательствами страны, нацелена на вымалывание легитимации и денежных средств у восточных автократов. Это не что иное, как расширение средствами внешней политики поля маневрирования, то есть автократических амбиций и средств обогащения приемной политической семьи. Да и «зачем подобным Орбану автократам уводить свои страны из Евросоюза, – пишет Атила Ара-Ковач, – если в этих буферных зонах они получают возможность “собирать дань с двух империй”»: дополнительные ресурсы обеспечиваются им структурными фондами и фондами сплочения ЕС, а также энергетическими соглашениями с российской империей. ЕС оплачивает цивилизованное, приличное политическое поведение и видимость идеалов свободы, а Россия – подчинение восточной системе зависимости. (...) В этом смысле внешняя политика действительно стала продолжением политики внутренней: если во внутренней политике национально-освободительная борьба означала свободу правительственного произвола по отношению к нормам либеральной демократии, то единственной задачей внешнеполитической деятельности стала политическая и материальная защита этой автократической свободы»^[274].

Место национальной внешней политики и политики в области внешнеэкономических связей занял семейный бизнес, и этой цели служила и многоэтапная перестройка институциональной базы внешней политики. Ранее внешней политикой руководило Министерство иностранных дел, состоявшее главным образом из профессиональных дипломатов, в то время как внешнеэкономические сношения находилась в ведении Министерства экономики. Однако последовавшее в 2012 г. назначение на пост госсекретаря кабинета премьер-министра по внешней политике и внешнеэкономическим связям Петера Сиярто, бывшего пресс-секретаря партии «Фидес», а позже начальника кабинета Орбана, главы штаба по вопросам прессы, международных сношений и организации, уже свидетельствовало об изменении функции внешней политики. Деятельность Сиярто, непосредственного представителя Крестного отца, главным образом состояла в посещении стран с самыми разными автократическими режимами, от Саудовской Аравии до Азербайджана, от Москвы до Пекина, и налаживании особых дипломатических связей, подчиненных интересам приемной политической семьи. Эта деятельность уже была подчинена не профессиональным требованиям национальной дипломатии, а интересам «семейного бизнеса». А с сентября 2014 г. Сиярто стал не просто особым послом приемной политической семьи, но и министром иностранных дел и внешнеэкономических связей. Однако для этого была необходима гораздо более масштабная, чем это принято при смене правительства, практически полная замена кадров в Министерстве иностранных дел, которое, как и Министерство финансов, располагало контингентом опытных, потомственных

специалистов. В данном случае произошла не замена дипломатов прежнего правительства на дипломатов, лояльных к новому правительству, а замена лояльных дипломатов на вассалов-дилетантов. Уже в 2010–2011 гг. наблюдалась невиданная ранее **волна чисток** дипломатических кадров, когда были уволены или отправлены на пенсию около сорока послов. Однако если до 2014 г. для назначения «было достаточно лояльности к правым или партбилета, подтверждающего членство в “Фидес”, то отныне этого уже мало: стабильные руководящие посты получают лишь те, у кого нет возражений против применения **недипломатических средств**. (...) В течение года после повторного прихода к власти правительства Орбана на 100 из 112 постов руководителей дипломатических миссий были назначены новые люди, 30 из них были направлены на новую работу из окружения или из сферы интересов “Фидес”»^[275].

Из-за нереальности мечтаний о Венгрии как «восточных воротах Европы», «финансовом и логистическом центре Центральной и Восточной Европы» и т. д., а также из-за неудачных попыток заменить кредиты МВФ средствами ближневосточных автократических режимов или Китая политику открытости на Восток пришлось ограничить Россией и двумя-тремя бывшими советскими среднеазиатскими республиками (Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном). Укрепление личных контактов между автократами психологически питается и стремлением компенсировать дефицит своей международной легитимации путем взаимного признания: «В вас, сударь, живет демократ». – «Да и в вас, сударь, тоже».

Если же взглянуть на «деловую» сторону этих контактов, то быстро выяснится, что восточная торговля остальных стран Вышеградской четверки, Чехии, Польши и Словакии, даже без всякой открытости на Восток развивается гораздо динамичнее, чем торговля четвертого члена группы, Венгрии^[276]. В Венгрии в области торговли увеличивается доля сделок, в которых заинтересована приемная политическая семья. Однако, помимо семейного гешефтмахерства, у венгров, по существу, **нет других по-настоящему «заманчивых» товаров, кроме нелояльности к ЕС и НАТО**. Конечно, в качестве бонуса к ней можно добавить освобождение осужденного в Венгрии за убийство азербайджанского офицера, которого на родине приняли как героя, или выпуск Венгерской почтой марки, посвященной бывшему генералу КГБ, азербайджанскому автократу, а также мемуаров его сына и автократа-преемника. Немаловажным легитимационным жестом в сторону автократического казахского «авторитарного режима», занимающего 132-е место в составленном компанией Economist Intelligence Unit и включающем 167 стран Индексе демократии, и одновременно недвусмысленным месседжем Брюсселю стало заявление Орбана, сделанное им во время визита в Казахстан: «Мы с большой радостью едем в Казахстан. В Евросоюзе в политическом отношении с нами обращаются как с равноправными партнерами, но по своему происхождению мы там чужие. Когда мы едем в Брюссель, у нас там нет родственников. Зато, приезжая в Казахстан, мы находим там родственников.

Достаточно странное чувство, что человек должен ехать на восток, чтобы почувствовать себя дома»^[277]. Демонстрацией лояльности к Путину и укрепляющим легитимацию жестом в его сторону можно считать прозвучавшую в разгар российско-украинского конфликта венгерскую критику западных санкций как неэффективных и не способствующих разрешению конфликта, а также освобождение Путина из дипломатического карантина и его более чем сердечный прием в Будапеште в феврале 2015 г.

Однако настоящую опасность представляет то, что, ведя «национально-освободительную борьбу» против Брюсселя, венгерское правительство в то же время становится покорным средством наступательной энергетической политики Москвы, нацеленной на расширение российского влияния: причем зависимость Венгрии от восточных энергоносителей не только не сокращается, но еще усугубляется. Как же функционирует Бермудский треугольник газ – нефть – атомная энергия, в котором исчезает свобода действий затронутых стран, зато проявляется личная заинтересованность правящей элиты?

Правительство:

- выступило за расширение АЭС в Пакше, которое специалисты не считают совершенно необходимым. Подавляющая часть расходов по проекту, 10 млрд евро, будет предоставлена в виде кредита российской стороной. Документы этой сделки были засекречены на 30 лет. И это не случайно, так как из нескольких «просочившихся» в прессу документов «стало очевидным, – пишет в своем блоге депутат Европарламента Бенедек Явор^[278], – что эти подготовительные материалы отчасти недопустимо низкого качества, не затрагивают даже самых элементарных вопросов, а то, что в них содержится, свидетельствует о том, что Пакш будет иметь катастрофические последствия как для отечественной энергосистемы, так и для доходности Пакша и теплового баланса Дуная». Согласно оценкам, примерно 40 % затрат пойдет на строительную деятельность, заказ на которую будет размещен без тендера и послужит обогащению приемной политической семьи. В конце 2015 г. Европейская комиссия все же решила принять меры по поводу этого огромного проекта и «начала расследование в связи с расширением атомной электростанции в Пакше, подозревая Венгрию в нарушении законодательства ЕС, касающегося правил госзакупок. И даже не это расследование, связанное с госзакупками, является самым важным. Это лишь одно из трех расследований, которые ведутся в Брюсселе по поводу расширения атомной электростанции в Пакше. Предметом особых разбирательств являются вопрос государственных субсидий, а также вопросы соблюдения энергетических правил ЕС»^[279]. Европейская комиссия призвала венгерское правительство приостановить дальнейшие госзакупки, связанные с проектом, хотя это не накладывает на правительство никаких юридических обязательств;

- вразрез с мнением ЕС настойчиво поддерживало проект *газопровода «Южный поток»* до того момента, когда от него отказалась Россия. Принятый в октябре 2014 г. Лех «Южный поток» (который разрешил строительство газопровода газопромышленным компаниям, не располагающим разрешением на эксплуатацию газотранспортной системы) обеспечил возможность

осуществления этого проекта даже в случае отрицательного отношения к нему со стороны ЕС или других международных организаций^[280];

- купило фирмы, владеющие *газохранилищами* E.ON, по цене, которая не может быть оправдана рыночной логикой. В то же время на повестке дня может оказаться проект продажи части мощностей венгерских газохранилищ (см. транзитное огосударствление или огосударствление *bagrain chip*), что «означает не что иное, чем продажу Венгрией купленных у немецкой компании E.ON газохранилищ российской энергетической компании “Газпром”, так как в настоящее время другие фирмы не интересуются приобретением подобных объектов в Европе»^[281];

- с 2011 г. государственное Венгерское предприятие по снабжению электроэнергией (MVM) заключило несколько договоров с компанией *MET Holding AG*, отчасти находящейся во владении офшорных фирм. Модель выкачивания денег, организованного из центра при участии парламента, правительства, крупной государственной фирмы и частной компании с офшорными связями, вкратце выглядит так^[282]:

- Государство в рамках акции по снижению платы за коммунальные услуги поручило фирме MVM найти доступ к значительной части мощности газопровода, идущего через австрийско-венгерскую границу (речь идет о ввозе сначала 2,2 млрд, а позже – 2,9 млрд кубометров газа). Не имея таких полномочий от государства, газоторговые компании вынуждены были бы участвовать в торгах за право пользования газопроводом.

- Газопровод важен потому, что со стороны Австрии в Венгрию можно ввезти более дешевый газ, чем с востока. Фирма MVM покупала на австрийской стороне границы дешевый газ компании MET, перекачивала его по приграничному газопроводу на венгерскую сторону и в тот же день тут же продавала обратно компании MET, которая свободно реализовывала его на рынке.

- В результате на возможности, предоставленной государством фирме MVM, зарабатывала не государственная фирма, а MET, к тому же не уменьшилась и сумма платежей населения за коммунальные услуги. Если государственной фирме MVM газоторговля принесла в 2012 г. полмиллиарда убытков, то собственники MET (среди которых можно найти несколько известных олигархов, которые опосредованно, но не через Шимичку связаны с Орбаном) получили от фирмы дивиденды на сумму 55 млрд форинтов^[283]. Особое значение этой операции в том, что это независимое от деловых интересов Шимички «первоначальное накопление капитала» заложило материальную базу для серии акций по «разжалованию», оттеснению Шимички на задний план после 2014 г.

Согласно обзору, составленному информационным сайтом Index^[284], на основании представляющих общественный интерес документов, полученных к июню 2015 г. судебным путем, неясно:

- почему государство не распределило мощности на аукционе и почему поставщиков, партнеров для MVM позже искали не с помощью открытых тендеров;

- почему государственной фирме было дано поручение, с которым она, по собственному признанию, не могла справиться самостоятельно;

- почему MVM Partner заключила договор с офшорной компанией MET, не зная, кто является ее настоящими собственниками;
- почему фирма MET International AG (METI) продавала MVM газ по ценам, превышавшим биржевые, а также сопоставимые цены конкурентов;
- если у фирмы MVM Partner были более дешевые источники газа, чем METI, то почему она покупала наибольшее количество газа именно у METI;
- почему для собственных нужд, вне рамок крупного бизнеса, фирма MVM Partner получала от METI газ по более низкой цене;
- почему бывали случаи, когда MVM продавала фирме MET газ по цене ниже той, по которой покупала его у METI.

Из документов о приобретении еще 1 млрд кубометров газа, обнародованных по решению суда, выяснилось, что «в 2011–2014 гг. MVM покупало газ в Западной Европе и без посредничества MET, причем по цене ниже той, по которой ввозила газ MET»^[285].

В данном случае цели национальной экономики были перечеркнуты стремлением к овладению средствами, которые можно тратить без контроля со стороны общества, к краткосрочной и долгосрочной эксплуатации «денежных насосов». А цена, которую платит за это полипбюро, в действительности отчасти оплачивается из бюджета, то есть на средства налогоплательщиков, а отчасти она имеет политическую природу. Визит председателя правления «Газпрома» «Алексея Миллера 22 сентября 2014 г. запомнится надолго. После состоявшихся в понедельник переговоров, в четверг вечером, представители газотранспортного предприятия MOL неожиданно заявили о прекращении поставок природного газа на Украину, причем это произошло перед трехсторонней встречей на высшем уровне представителей ЕС, России и Украины в Берлине, то есть, по мнению нашего источника в дипломатических кругах, даже преднамеренно нельзя было бы лучше создать впечатление, что мы играем по нотам Москвы. Как сказал один из наших источников, похожее впечатление произвело бы, если бы Венгрия захотела использовать построенный при поддержке ЕС словацко-венгерский интерконнектор (то есть оборудование, позволяющее передавать газ в обоих направлениях) для обеспечения «Газпрому» более благоприятных позиций в ЕС»^[286].

««Газпром», «Роснефть» и «Росатом» – это не обычные крупные предприятия, располагающие лишь экономическими интересами, но и поддерживаемые секретными службами орудия осуществления российских имперских интересов и расширения возрождающегося российского имперского влияния. Они гармонично вписываются в эту картину мира: их цель не просто «погоня за прибылью», но и служение национальным интересам. При этом почти само собой разумеется, что они достигают этой цели путем коррупционного соблюдения частных интересов. Хотя нужно знать, что осуществляемое посредством энергетического сектора коррумпирование российской стороной политической элиты стран, которые она желает привлечь в свою зону влияния, не исключительно венгерское явление. Венгрия, Чехия и Словакия за последние годы стали троянским конем России в Евросоюзе»^[287].

Намерение добыть для страны роль самого веселого барака «Газпрома» может обещать некоторый успех лишь в случае мирного сосуществования конкурирующих блоков великих держав. Однако в условиях холодной войны это роковая стратегия. Если во время мирного сосуществования она может быть стилизована под выполнение роли некоего соединительного моста, то во время холодной войны она превращается в деятельность двойного агента, который не пользуется доверием ни у одной из сторон. К тому же, в то время как с точки зрения одной стороны эта стратегия означает измену легитимно взятой на себя роли союзника, на другой стороне она обеспечивает лишь позицию оплачиваемого вассала. «По мнению Расмуссена, Россия ведет против Европы “гибридную войну”, в которой применяются традиционные элементы ведения войны, а также новые средства, пропаганда и дезинформационные кампании, цель которых – повлиять на общественное мнение с помощью экономических связей с политическими партиями стран НАТО и проникновения в гражданскую сферу. “Мы знаем, что националистические правые, а также праворадикальные партии открыто симпатизируют России. Такие партии действуют в Греции, Венгрии, Болгарии и Франции”», – сказал Расмуссен^[288].

В союзнической системе Запада Венгрия уже представляет серьезную *угрозу для безопасности* как ЕС, так и НАТО. На это указывают, например, и идущие среди дипломатов разговоры о том, что германское и французское посольства в Москве уже воздерживаются от передачи своим венгерским коллегам любой деликатной информации. А повторяющаяся резкая критика со стороны Билла Клинтона, Джона Маккейна и Барака Обамы ясно свидетельствует о том, что венгерское правительство однозначно упоминается наряду с другими автократическими режимами. Виктория Нуланд, помощник Государственного секретаря США по делам Европы и Евразии, открыто заявила, что Восточная Европа одновременно поражена «раком демократического регресса и коррупции»^[289].

Проект строительства 160-километрового венгерского отрезка железной дороги Будапешт – Белград, который в рамках политики поворота к Востоку будет финансироваться за счет китайского кредита на сумму в 500 млрд форинтов, дает возможность правительству пренебречь требованием транспарентности^[290]. К тому времени, когда начнется осуществление этого проекта, подставное лицо Орбана Лёринц Месарош, слесарь-газовщик и глава администрации Фелчута, овладеет и профессией строителя-железнодорожника, поскольку его до сих пор практически неизвестное предприятие ООО R-Kord, на котором занято всего 30 человек, получило заказ на электрификацию железной дороги Сомбатхей – Залаэгерсег, которая будет стоить около 8 млрд форинтов, на 40 % дороже, чем первоначально предполагалось^[291].

9.2.3. Различная логика санкций ЕС и США

Существуют опасения, что Венгерское мафиозное государство будет не единственным в лагере бывших коммунистических стран, ставших членами ЕС. Хотя для его возникновения необходимо стечение множества несчастных обстоятельств, тенденции к его созданию существуют не только в Венгрии. А европейское сообщество *не располагает эффективными средствами не только для исключения, но даже для призвания к порядку* стран, вставших на этот путь.

Имеет смысл сравнить различную философию, мотивацию и механизмы санкций, применяемых ЕС и США.

Европейские санкции применяются в двух главных областях. Первая возможность понимаемого в широком смысле европейского вмешательства – деятельность страсбургского *Европейского суда по правам человека*, функционирующего в рамках Совета Европы, а вторая – применение санкций непосредственно Евросоюзом.

К Европейскому суду можно обращаться в отдельных случаях, когда уже использованы все возможности правосудия в собственной стране. Однако в таких случаях неприменим институт *actio popularis*, иначе говоря, сложившаяся практика суда лишь в узком круге дел допускает обращение в суд лица, не являющегося непосредственной жертвой правонарушения, совершенного государством. Это означает, что в суд должно обращаться именно то физическое или юридическое лицо, которое пострадало от закона своей страны, нарушающего европейские нормы, при этом, учитывая длительность судебных процедур в данной стране, пострадавшему нередко приходится рассчитывать на многолетнее разбирательство. За этой практикой стоит предположение, что демонстративное влияние отдельных решений суда, предписывающих в конкретных случаях выплату компенсации пострадавшим, принудит учреждения и ведомства затронутой страны внести в законодательство и общие изменения. Однако это осуществляется лишь тогда, когда нарушение международных норм является следствием непреднамеренных действий правительства.

Реализация другого круга полномочий, которыми располагает именно Евросоюз (то есть «санкций ЕС» в узком смысле), предусматривает возможность ограничения доступа стран – членов организации к евросоюзным средствам или полного лишения этих средств. В случае не слишком серьезных нарушений евросоюзных норм применяется метод так называемой «процедуры по делу о нарушении обязательств», суть которого в том, что Европейская комиссия изучает предполагаемое нарушение евросоюзного права одной из стран – членов Союза, а затем, если она считает неудовлетворительными результаты переговоров с данной страной, то может передать дело в находящийся в Люксембурге Европейский суд. В самом крайнем случае затронутое государство может рассчитывать на финансовые санкции, то есть должно уплатить в качестве штрафа сумму, определенную судом. Другое

средство влияния, находящееся в распоряжении ЕС, которое может применяться именно в случае неправомерного использования *евросоюзных субсидий*, состоит в *приостановке выплаты субсидий, невыплате какой-либо их части* или в прямом *требовании их возвращения*. Однако эта возможность ограничивается различными внешнеполитическими соображениями. Поэтому до сих пор, несмотря на широкое распространение коррупции, она затрагивала лишь малую часть евросоюзных субсидий. Однако к весне 2015 г. провозглашение Орбаном строительства нелиберального государства, угроза для безопасности Европы, связанная с политикой открытости на Восток, а также осознание системного характера выкачивания денег, осуществляемого мафиозным государством в частных интересах, перечеркнули соображения грязной партийной солидарности на уровне ЕС и привели к более интенсивному применению Евросоюзом ограниченных санкционных процедур, имеющих в его распоряжении. В апреле 2015 г. Европейская комиссия приостановила выплату Венгрии евросоюзных субсидий на общую сумму 708 млрд форинтов в рамках венгерской Оперативной программы развития экономики, и, как ожидается, Венгрии придется заплатить штраф в размере приблизительно 10 % от этой суммы. Изучив тендеры 2012–2013 гг., Брюссель обнаружил серьезные недостатки в области инноваций и развития экономической и деловой инфраструктуры, поскольку тендеры систематически объявлялись в расчете на победу конкретных фирм^[292].

Пользуясь военной терминологией, *подобные санкции ЕС* можно назвать *локальными ковравыми бомбардировками*, сопровождающимися прежде всего жертвами среди гражданского населения. За этими санкциями стоит предположение, что приостановка выплаты или лишение субсидий приведет к свертыванию важных для граждан проектов, что усилит их недовольство; в свою очередь, правительство пожелает избежать падения своей популярности и изменит свою политику, сделав таким образом ненужными дальнейшие санкции. Брюссель представляет себе эти события как процесс обучения демократии, когда сами ученики тоже заинтересованы в успешной сдаче экзамена на демократию. Однако в действительности ситуация совершенно иная. Поскольку запуску санкций препятствуют многочисленные политические и бюрократические факторы и даже если процедура начинается, то объектом критики становится деятельность безличных учреждений, а правительству удается снять с себя непосредственную ответственность. Больше того, оно пользуется представившейся возможностью для того, чтобы, интерпретируя события как часть национально-освободительной борьбы, представить венгров, то есть себя, в качестве жертв и разжечь ненависть к ЕС.

Внешние преграды по своей природе пассивны: они не активно формируют политику, а самое большее указывают границы политики, нарушающей демократические нормы, или волонтаристской экономической деятельности. Система внешних преград предполагает существование общности основных ценностей и опирается на механизм предупреждений и следующего за предупреждениями осознания допущенных ошибок. Если

общности основных ценностей нет, то эта система сама по себе непригодна для предотвращения построения авторитарного режима. Международные организации легко могут попасть в ловушку, обычно подстерегающую всех, кто выступает против диктатур: санкции чувствительно затрагивают население данной страны, но не могут пошатнуть ее политический строй. Больше того, поступающие извне предупреждения, санкции могут стать причиной того, что для поддержания равновесия обладатели власти будут в большей степени прибегать к неправовым и неэкономическим средствам и смогут мобилизовать своих сторонников лозунгами национальной самообороны и защиты независимости.

В качестве самого показательного примера *американских санкций* в близкой к «Фидес» газете в октябре 2014 г. была напечатана информация, что на основании указа президента США № 7750 «О приостановке въезда в США лиц, участвующих в коррупции или получающих от нее выгоду» венгерские правительственные чиновники были занесены в список лиц, которым было отказано в визе для въезда в США. Через несколько дней руководитель Национальной налоговой и таможенной службы Ильдико Вида обнародовала сообщение о том, что является одним из затронутых лиц. До сих пор она остается единственной, кто публично признался в своей причастности к этому делу. Как пишет Давид Янчич^[293], по свидетельству двух независимых друг от друга источников, причина применения к ней санкции в том, что близкие к венгерскому правительству лица потребовали у представителей двух американских фирм взятку за предоставление налоговых льгот и изменение ставки налога с оборота. Утверждалось, что сумма взятки должна была составить около 2 млрд форинтов и она должна была быть уплачена через околотрудовое учреждение в форме заказов на проведение исследований и аналитической работы. По полученной информации, в сделанном американцам предложении содержалось обещание оштрафовать по линии налоговой службы деловых конкурентов упомянутых фирм на миллиардную сумму, что значительно ослабило бы конкурентов и предоставило бы американцам преимущество на рынке. Поскольку подвергшиеся шантажу фирмы не сдавались, налоговая служба начала чинить им препятствия, и в конце концов они «заложили» всю компанию своему правительству. Эта версия подтверждается тем, что в американском запретном списке с большой вероятностью находятся имена высших руководителей налоговой службы. Но поскольку американские власти не начали уголовного расследования, а лишь вынесли официальное решение запретить затронутым лицам въезд в страну, точные обстоятельства этого дела узнать невозможно.

В противоположность практике ЕС, *американские санкции* похожи на *удар ракетами с GPS-наведением*, когда предполагается, что случаи правонарушений являются не единичными, спорадическими коррупционными действиями, совершенными вопреки режиму, а организованы или по крайней мере одобрены властным центром. В соответствии с этим не предполагается, что существует механизм демократической самокорректировки, вследствие

чего удар наносится непосредственно по командному пункту, руководящему незаконными действиями, и делается попытка с лазерной точностью подвергнуть санкциям участников предполагаемых беззаконий, коррупции. В результате, несмотря на все старания правительства, эту акцию трудно использовать для пропаганды против США, поскольку она не нарушает интересов венгерских граждан, больше того, скорее подтверждает их мнение о политическом руководстве страны.

Запрет на въезд главы Национальной налоговой и таможенной службы Ильдиико Виды в США может считаться прямой критикой режима, поскольку – в свете вышеизложенного случая – он иллюстрирует системное функционирование мафиозного государства. Дело, о котором идет речь, является шантажом, совершенным средствами государственной власти, а также попыткой сбора ренты и отмывания денег, поскольку:

- речь идет не о заказе «снизу», инициированном каким-либо экономическим игроком;
- данная транзакция не может быть осуществлена предполагаемым заказчиком и одним государственным служащим;
- будучи организованным из центра отмыванием денег, в ходе которого налоговые льготы предоставлялись в обмен на частную прибыль, эта транзакция должна была выйти за пределы
 - низших уровней бюрократической иерархии, так как она не могла быть осуществлена без привлечения высшего уровня иерархии;
 - учреждения, так как выполнение определенной части обещаний, сделанных в ходе коррупционной транзакции, вышло бы за рамки учреждения, а сумма, которая должна была быть уплачена экономическим игроком в рамках коррупционной транзакции, также предназначалась лицам, стоявшим вне учреждения или круга его представителей;
 - размеров повседневных коррупционных подкупов, так как в данном случае стоимость взаимных услуг в рамках коррупционной транзакции измерялась в миллиардах;
- в лице руководителя налоговой службы мы видим не только государственного служащего, занимающего высокий пост, но и одновременно доверенное подставное лицо приемной политической семьи, которому принадлежит ключевая позиция, позволяющая и раздавать милости и заниматься шантажом.

Американские санкции, примененные после нескольких предварительных предупреждений, попали в ахиллесову пяту мафиозного государства, так как суть мафиозного государства в том, что благодаря селективному правосудию сидящие в различных аппаратах исполнители незаконных действий, совершенных по поручению или указанию полипбюро, состоят под защитой приемной политической семьи и поэтому пользуются безнаказанностью. Без этого мафиозное государство не могло бы использовать нелегитимные средства принуждения публичной власти. Хрупкость, ограниченность этой защиты продемонстрировала санкция, связанная с отказом в визе, которая содержит в

себе и перспективу дальнейших последствий, например замораживания зарубежных счетов.

	Санкции США	Санкции ЕС
Запуск санкций	Отчасти зависит от политических соображений, но обязанность предпринимателей сообщить о сделанном им предложении тоже создает необходимость введения санкций	Бюрократический, тяжеловесный, может быть предметом политических торгов
Остановка санкций	Санкции не могут быть остановлены, начавшись, они выходят из круга предметов особых политических сделок	Может быть предметом политических сделок
Круг лиц, ставших мишенью санкций	Лица, совершившие предполагаемые правонарушения, что позволяет создать персонифицированный нарратив	Учреждения, совершившие предполагаемые беззакония, поэтому связь между преступлением и преступником сложнее персонифицировать и предать публичности
Месседж, скрытый в выборе круга лиц, ставших мишенью санкций	Эрозия неуязвимости членов приемной политической семьи и защиты, предоставляемой Крестным отцом, что лишает чиновников мафиозного государства чувства безопасности в связи с участием в незаконных процедурах	Не затрагивает вопроса личной ответственности и тем самым способствует дальнейшему участию чиновников мафиозного государства в применении противозаконных механизмов принуждения; гарантией личной безопасности по-прежнему остается Крестный отец
Критический горизонт санкций	Критика режима	Критика правительства

Характерной чертой обоих видов санкций является то, что в противодействии порицаемым действиям (например, коррупции), за неимением лучшего, приходится надеяться на осознание совершенных ошибок, на то, что защитные механизмы республики, прежде всего правосудие, будут приведены в действие и сделают свое дело, как это принято в странах с демократическим устройством. Однако в случае мафиозного государства надеяться на это бессмысленно.

Следовательно, жизненно важным является вопрос о том, можно ли в стране, входящей в ЕС, привести в действие национальные институты правосудия с помощью институтов Евросоюза. Такое предложение было сделано гражданскими организациями на демонстрации, проходившей в феврале 2015 г., перед визитом в Венгрию Ангелы Меркель, под лозунгом создания новой Венгерской республики. Тамаш Латтман, доцент Национального университета государственной службы и Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, внес три предложения, направленные на реформирование контрольных и судебных механизмов Евросоюза, чтобы они могли в будущем оказывать правовое содействие демократическому самоисцелению автократий, возникающих в рамках ЕС:

- **Создание евросоюзной прокуратуры и правовых норм для уголовного преследования правонарушений, связанных с использованием евросоюзных денежных средств.** Европейская прокуратура может быть создана на основании 86-й статьи Договора о функционировании Европейского союза, однако в случае внесения Европейской комиссией соответствующего законопроекта он должен быть одобрен Советом Европейского союза. Действующая модель предоставляет евросоюзным учреждениям (например, антикоррупционному бюро Евросоюза OLAF) возможность осуществления контроля, однако право привлечения виновных к ответственности сохраняется за ведомствами данных стран – членов ЕС. Однако эта система не работает, если надзорное ведомство данной страны по каким-либо причинам не принимает соответствующих мер. Эта трудность может

быть эффективно устранена, если полномочия по предъявлению обвинений будут переданы евросоюзному учреждению. Само судопроизводство по-прежнему останется в ведении судебных органов отдельных стран с соблюдением их суверенитета и независимости суда. В соответствии с существующими ныне правилами, если в ходе судебной процедуры будут возникать вопросы в связи с правовыми нормами Евросоюза, то судебные органы стран – членов ЕС смогут и в дальнейшем пользоваться процедурой вынесения предварительного решения, а правовые процедуры в странах – членах ЕС по-прежнему будет контролироваться страсбургским Европейским судом по правам человека. Многие правительства не поддерживают идею создания евросоюзной прокуратуры. Однако, поскольку правительства стран, являющихся нетто-донорами, тоже несут ответственность перед гражданами своих стран за корректное использование обеспечиваемых ими евросоюзных средств, возникает справедливое требование лишить страны, не признающие компетенции европейской прокуратуры в вопросах использования евросоюзных средств, права на использование этих средств.

- Достижение европейского соглашения о введении *института actio popularis*, то есть усиление деятельности Европейского суда по правам человека в области противодействия массовым и системным нарушениям прав человека, а также опосредованное включение выводов, сделанных по итогам подобных процедур, в евросоюзные процедуры по вопросам правовой государственности.

- Создание возможности для участия *международных органов в тендерных процедурах в странах – членах ЕС* на основании решения Евросоюза в тех случаях, когда евросоюзные средства регулярно и системно используются в данной стране не по первоначальному предназначению, то есть в коррупционных целях.

Какой бы широкой ни была деятельность венгерского автократического режима по разрушению правового государства, она пока еще не смогла с основательностью открытой диктатуры ликвидировать все его атрибуты. Режиму не удалось, например, полностью подчинить СМИ, как не завершилось и покорение судебных органов. О правовой государственности как о системе всеобъемлющего функционирования говорить не приходится, ее здание разрушено, от нее остались обломки, за которые еще могут ухватиться критики мафиозного государства. Их укрепление чрезвычайно важно для будущего успешного возвращения в мир западных либеральных демократий. В то же время для Евросоюза дилемма будет состоять в том, как следует относиться к возникающим в его рамках автократическим режимам, которые, сохраняя правовую преемственность, делают невозможной ликвидацию дефицита демократии. Пока не нужно отвечать на этот вопрос, но задать его уже необходимо. Ведь, если при оценке оранжевых или «цветных» революций и смен режимов за пределами Евросоюза, прерывающих правовую преемственность, нет необходимости в их легитимации или делегитимации, то, когда подобное происходит внутри Евросоюза, такая необходимость обязательно появляется. Поэтому самым простым решением было бы укрепление евросоюзного права и обеспечивающих гарантии институтов и

содействие созданию тех гарантийных правовых опор, благодаря которым национальные стратегии демократического самоисцеления будут эффективными даже при сохранении правовой преемственности. Иначе говоря, это должно оказать активную помощь в превращении *техники апелляции к праву*^[294] в эффективное средство ликвидации автократического режима в руках отечественных правозащитников. На это и были нацелены упомянутые выше, адресованные Евросоюзу предложения гражданских движений, выдвинутые весной 2015 г.

9.3. Хрупкое равновесие мафиозного государства: делегиитимационная спираль и предел применимости насилия

Различные пирамиды подошли к переломному моменту, в результате их совместного воздействия нарушается состояние равновесия режима и начинает действовать *делегиитимационная спираль*:

- О *невозможности продолжения строительства экономической пирамиды* свидетельствует то, что уже резко ограничены возможности наложения такой новой «дани», в отношении которой остается тайной, на кого же в конечном итоге возлагаются тяготы по ее выплате. Лихорадочный поиск новых источников дохода (проекты налога на Интернет и отъема остатков сбережений частных пенсионных касс, введение новой платы за пользование автострадами) вызвал открытое сопротивление. Часть задач по сбору средств перебрасывается практически полностью лишенным автономии муниципалитетам в рамках своеобразного движения «собери сам»: если у тебя есть расходы на социальные нужды, покрывай их за счет введения новых местных налогов. Это, конечно, крайне циничная политика, ведь налогообеспособность населения ниже всего именно там, где наблюдается наибольшая необходимость в социальных пособиях.

- Раз за разом появляются новые, исходящие из неясных источников предложения о материальной поддержке *«национального среднего класса»* (например, введение одноставочного подоходного налога со снижением ставки до однозначного уровня или предоставление дальнейших налоговых льгот для членов больших семей, причем эти льготы могут быть реализованы при наличии работы и доходов, превышающих средний уровень). Однако эти предложения могут быть осуществлены лишь при обложении новой «данью» различных секторов экономики, что вызвало бы организованное сопротивление со стороны экономических игроков.

- В то же время *идеологизированные вмешательства в частную сферу*, обслуживаемые предполагаемые ценностные ориентации национально-христианского среднего класса, уже не приносят политической прибыли и не только раздражают широкое общественное мнение, но и вносят раздор в лагерь сторонников. Эти вмешательства задуманы скорее как коммуникационная жвачка для отвлечения внимания общественного мнения. К их числу относятся, например, установка пропускных систем в школах или введение обязательного наркотеста для крупных социальных групп и профессиональных категорий, в том числе для журналистов, впрочем, и у этих инициатив предусматривалась функция повышения неподнадзорного обществу государственного контроля. С другой стороны, имели место идеологизированные акции, служившие экономическим интересам приемной политической семьи, например запрет на работу магазинов, универмагов и торгово-развлекательных центров в воскресные дни, против которого высказалось около двух третей опрошенных граждан. Этот запрет в такой степени нарушает привычный распорядок миллионов людей в конце недели, что они воспринимают его как агрессию против их образа жизни,

причем он вызывает раздражение против правительства даже у прежде аполитичных слоев населения.

- Расширение круга неудачников и аутсайдеров помогает общественности увидеть в *«легитимированной», открытой коррупции приемной политической семьи* суть «искусства дружбы» – мафиозное государство. Крах брокерских домов, множеством нитей связанных с правительственными игроками (например, дома Quaestor), весной 2015 г., а также вызволение части оставшегося имущества и селективная выплата компенсации пострадавшим также стали разоблачительной иллюстрацией системной коррупции.

- В то же время приемную политическую семью ослабляет и *бандитская война между* Орбаном и Шимичкой. Хотя Крестный отец может перекрыть государственные источники, ранее питавшие фирмы Шимички, и приступить к «обезвоживанию» его империи, все же, с одной стороны, учитывая накопленные ею резервы, этот экономический проект не может быть краткосрочным, а с другой стороны, Орбан не может устранить Шимичку легитимными средствами насилия.

- Провозгласив после 2010 г. политику открытости на Восток, Орбан *отказался от существенного элемента своей идентичности*, от антикоммунизма, соединенного с русофобией. Тем самым он переломил суть той политики, которой он следовал с 1993 г. В надежде на получение экономической и политической прибыли для приемной политической семьи он разрушил один из символов своей идентичности, однако даже его сторонники не могут быть перепрограммированы столь радикально. Орбан может думать, что политика – это искусство введения умеренных доз непоследовательности, однако это уже выходит за рамки такого представления, так как подрывает эмоциональную целостность его политики: нельзя быть одновременно и антикоммунистом, и русофилом, особенно в обстановке роста имперских амбиций России.

- Правительство Орбана оказалось в *международной изоляции*, санкции, примененные США и ЕС, не только сузили пространство маневрирования режима, но и сделали очевидным его отверженность для общественного мнения.

- Помимо узкого до 2014 г. круга критически настроенных по отношению правительству СМИ, обо всем этом ежедневно информировал своих зрителей и телеканал *RTL Klub*, сопротивлявшийся насильственным попыткам купить его, а потом пострадавший от налога на рекламу. Если один из двух крупных коммерческих телеканалов, TV2, перешел во владение приемной политической семьи, то аквизионная попытка, нацеленная на RTL Klub, оказалась безуспешной. За последние полгода аполитичный, бульварный стиль ежедневной информационной программы последнего стал сдабриваться резко критическими по отношению к правительству политическими блоками, что удвоило зрительскую аудиторию канала. Руководство канала как бы дает понять зрителям, что их каждодневные впечатления не изолированные, разрозненные происшествия, а общие и постоянные характеристики функционирования режима. Позиции правительства ослабляет и альтернативная медиаимперия Шимички, сотрудники которой своей умеренной, но изощренной критикой приводят в замешательство верных сторонников «Фидес».

- Однако в результате *идеологической пирамиды* «Фидес» разрушила моральный барьер, который в случае потери партией популярности мог бы помешать ее разочарованным приверженцам пополнить лагерь праворадикалов.

С осени 2014 г. ряд промежуточных муниципальных и парламентских выборов, на которых «Фидес» потерпела поражение, доказывает усиливающее влияние друг на друга отдельных элементов делегитимационной спирали. В столичном районе Уйпешт кандидата от «Фидес» победил социалист, в городе Веспрем – независимый кандидат, поддержанный гражданскими организациями и демократическими оппозиционными партиями, в то время как в городе Тапольца победил представитель партии «Йоббик», в результате чего было сломлено парламентское конституционное большинство в две трети голосов, которым располагали правительственные партии. Почти все досрочные муниципальные выборы принесли победу оппозиции. Несмотря на это, позиция Орбана по миграционному вопросу снова укрепила лагерь его сторонников, как это уже однажды произошло несколькими годами раньше, когда он выступил с идеей снижения платы за коммунальные услуги. Хотя эти популистские политические кампании на некоторое время задерживают эрозию режима, недовольство правительством растет. Однако институционализированной альтернативы для электората пока не существует.

Руководство страны могло бы остановить эту тянущую вниз *делегитимационную спираль и создать новое стабильное состояние своей власти, имеющей уже меньшую легитимацию*, лишь путем расширения средств узаконенного и незаконного насилия. Однако приемная политическая семья не может сделать этого из-за *предела применимости насилия*. Нарращивание средств принуждения в Венгрии, являющейся членом ЕС и НАТО, встречается с иными преградами, чем в странах, не входящих в эти организации, например в России или, тем более, в бывших советских среднеазиатских республиках. Хотя внутренняя логика режима, вытекающая из потери легитимации, требовала бы движения в сторону более откровенной насильственной формы автократического устройства, этому препятствует то, что *предел применимости насилия находится на различном уровне в зависимости от геополитического положения* конкретной страны.

Руководители Венгерского мафиозного государства могут манипулировать демократическими институтами, запугивать и шантажировать представителей экономики, подчинить себе сколько угодно социальных групп, при этом приемная политическая семья может пользоваться всесторонней поддержкой парламента, фидесистских муниципалитетов, налоговой службы, Правительственного контрольно-ревизионного управления, прокуратуры или даже Центра по борьбе с терроризмом, несмотря на все это, благодаря геополитическому положению Венгрии и ее членству в ЕС и НАТО, господствующий в ней режим, в отличие от его восточных «родственников», *не может применять средства открытого насилия, а если и применяет, то в меру*. Выше мы подробно показали, как мафиозное государство использует в своих интересах бескровные средства нелегитимного принуждения. Да и зачем

ему поступать иначе, если в его распоряжении имеются уже недоступные для общественного контроля средства государственного насилия. Насильственные меры необходимо применять лишь к тем, кто не встроен в структуру подчинения патронажно-клиентарных отношений и «не понимает по-хорошему», кто «не желает замечать, где он живет». Не случайно, что, например, в России жертвами покушений, как правило, становятся критикующие правительство журналисты. По степени открытого насилия положение в Венгрии несравнимо с положением в России или в бывших советских среднеазиатских республиках. Вместе с тем мафиозно-государственная природа этих государств похожа, только предел применимого в них насилия находится на разных уровнях. Разница между этими режимами не больше той, которая в свое время существовала между однопартийными коммунистическими диктатурами, опиравшимися на монополию государственной собственности, например между Венгрией, Румынией и СССР. О возможности применения «в случае необходимости» насилия, выходящего за рамки бескровного государственного принуждения, свидетельствует отражавший общие настроения журналистский вопрос, возникший в ходе первой серьезной бандитской войны в мафиозном государстве: «Из-за них дрожит от страха Шимичка? Таинственные смерти, невероятные объяснения...»^[295] В своей статье журналист-расследователь Антония Ради проанализировала четыре смертельных случая, произошедшие за последние несколько лет, и нашла в трех из них общую черту: покойные располагали такой компрометирующей информацией, такими базами данных, которые приемная политическая семья постаралась добыть, приложив для этого максимум усилий.

В то же время наличие предела применимости насилия приводит к тому, что для противодействия делегитимационной спирали Орбан запускает на полную мощность манипулятивную идеологическую пирамиду, с помощью которой он желает мобилизовать «худшие инстинкты» граждан: в главный поток его коммуникации добавляется взрывоопасная смесь из элементов гомофобии, ксенофобии, религиозного фундаментализма, «национально-освободительной борьбы» и «открытости на Восток». В соответствии с этим в мае 2015 г. на мероприятии Фонда друзей Венгрии он, начав с цитаты, сказал: «Вся энергия, имеющаяся сейчас в международной системе, исходит от автократических великих держав. Они действуют, в то время как демократии лишь реагируют на их действия. В настоящее время суть происходящего в мире в том, что, пока Европа спорит, Восток работает. Иногда создается впечатление, что на нашем континенте спор в большем почете, чем работа. (...) Ныне преимущественно пользуются те, кто считает, что Европа должна двигаться дальше по пути расширения свободы, и сейчас это означает три вещи. Например, говорят они, свободе пошло бы на пользу, если бы мы смогли освободиться от нашей половой идентичности. Далее, они думают, что можно будет продвинуть дело свободы, если мы сможем освободиться, скажем, от нашей национальной идентичности. И дела пойдут еще лучше, если мы сможем освободиться от

наших мыслей, которые можно вывести из тварности человека, поскольку тогда, освободившись от ограничений, вытекающих из порядка творения, мы могли бы более свободно принимать решения о своей жизни. И мы с этим не согласны. Лучше сказать об этом открыто. Итак, по нашему мнению, человек не станет свободным, если избавится от ограничений, вытекающих из его тварности. По нашему мнению, не нужно освобождаться от нашей половой и национальной идентичности. В этом мы не сможем уступить. Пусть лучше у нас будет дурная слава, но мы не будем врать, что согласны в этих вопросах. Честно говоря, мы не согласны со считающим себя прогрессивным направлением мыслей, которое укрепилось в Европе»^[296].

В своей работе мы все время пытались убедить читателя в том, что если отдельные шаги и реакции Орбана кажутся ему иррациональными, непоследовательными, случайными или хаотичными, то это происходит потому, что читатель видит за поступками Орбана мотивы, отличающиеся от тех, которые приписываем ему мы, исходя из представления о принадлежащей ему нелегитимной власти главы патриархальной семьи. Мы считаем поступки и слова Орбана расчетливо и последовательно рациональными. И все же, когда его властная конструкция пошатнется, эта «последовательность» принудит его сделать шаги иррациональные и с точки зрения его собственной власти. То, что кажется сейчас иррациональным, бессмысленным, сумасшествием или помешательством, в действительности является выражением невозможности для Орбана удержать свое положение, свидетельством того, что и его настигла участь всех автократов.

* * *

Система национального сотрудничества, мафиозное государство разоблачены, но не потеряли своей силы, а самое большее – утратили свою привлекательность. Далее последуют эрозия, агония, затем – крах... Но это уже другая история.

Настоящая книга написана с использованием моих перечисленных ниже статей, интервью и заявлений, заимствования из которых, даже дословные, особо не оговариваются:

- Magyar B. Európai Magyarország – Liberális Ajánlat (program alkotási vázlat). (Европейская Венгрия – предложение либералов /конспект программы/.) In: *Egy leendő program elé*. SZDSZ, 1999, november;

- Magyar B. Egy liberális választási és kormányzati program vázlata. (Конспект либеральной предвыборной и правительственной программы.) *A Korszakváltás Programja*. SZDSZ, 2000, november;

- Magyar B. Magyar polip – a szervezett felvilág. (Венгерский полип – организованное криминальное «надполье».) *Magyar Hírlap*, 2001, február 21.;

- Magyar B. Maffia-fejlesztési bank. (Банк мафиозного развития). *Népszabadság*, 2001, március 7.;

- Magyar B. A visszautasíthatatlan kétharmados ajánlat. (Предложение конституционного большинства, от которого нельзя отказаться.) *Népszabadság*,

2011, március 12.;

- Kozák M., Magyar B. Szürkéségből sötétségbe. (Из сумрака во тьму.) *Népszabadság*, 2011, június 4.;

- A hatalmi logika Mengyelejev-táblája – Magyar Bálint volt oktatási miniszterrel Rádai Eszter készített interjút. (Таблица Менделеева властной логики. Интервью Эстер Радаи с бывшим министром образования Балинтом Мадьяром.) *Élet és Irodalom*, 2011, október 28.;

- A demokrácia alkonyán, a diktatúra hajnalán. Az egykori magyar demokratikus ellenzék tagjainak újévi üzenete. (На закате демократии – на заре диктатуры. Новогоднее обращение бывшей венгерской демократической оппозиции.) 2012, január 2.;

- Magyar B. Az új nemzeti középosztály. Szolgáló nemesek és udvari beszállítók rendje. (Новый национальный средний класс. Служилые дворяне и придворные поставщики.) *Élet és Irodalom*, LVI, évf. 2012, március 9. 10. sz.;

- Csillag I., Magyar B. Az európai válságkezelés válsága. (Кризис борьбы с кризисом в Европе.) *Heti Világgazdaság*, 2012, június 16.;

- Magyar B., Pető I. Profi amatőrök – amatőr profik. Szociológiai csapdák és az SZDSZ. 10. rész. (Профессиональные любители – любители-профессионалы. Социологические ловушки и ССД, часть 10.) *Manuskript*;

- «Ki játszik ilyet, majd megmondom, milyet» – Rádai Eszter interjúja Magyar Bálinttal. («Кто будет играть в интересную игру, а в какую – не скажу»). Интервью Эстер Радаи с Балинтом Мадьяром.) *Mozgó Világ*, XXXIX. évf. 2013. 5. sz. 19–32. p.;

- Rádai E. A posztkommunista maffiaállam. Interjú Magyar Bálinttal. (Посткоммунистическое мафиозное государство. Интервью с Балинтом Мадьяром.) *ÉS*, LVII. évf. 2013, június 14. 24. sz. 5–9. p.

- Magyar B. Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam. (Венгерский полип. Посткоммунистическое мафиозное государство.) In: *Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam*, ed. Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2013.

- Ara-Kovács A., Magyar B. Birodalmak perifériáján. (На периферии империй.) *Magyar Narancs*, 2014, február 24.

- Magyar Bálint: A posztkommunista maffiaállam rendszerképző sajátossága. (Системообразующая особенность посткоммунистического мафиозного государства.) In: *Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam*. Ed. Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2014.

- Ara-Kovács A., Magyar B. Az Európai Egyesült Államok és Magyarország. (Соединенные Штаты Европы и Венгрия.) *Élet és Irodalom*, 2015, június 12.

Примечания

1

Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. СПб.: Амфора, 2013. С. 49.

2

Там же. С. 194, 53.

3

Hobsbawm E. Primitív lázadó. (*Простые бунтовщики*). Budapest: Kossuth, 1974. 73. o.

4

«Вчера вечером член муниципалитета V района от партии “Вместе” Петер Юхас провел антикоррупционную прогулку, альтернативный осмотр города, который должен был привлечь внимание жителей к, мягко выражаясь, подозрительным операциям с недвижимостью районного руководства. Демонстрация была организована против “действующей в центре города мафии недвижимости Рогана – Сентдёрдьвёлди”, которая, по мнению Юхаса, успешно стерла с карты уже треть недвижимого имущества района». Czenkli D. És töled mennyit lopott el a Fidesz? (А сколько украли «Фидес» у тебя?) *Magyar Narancs*, 2015. január 15., <http://magyarnarancs.hu/belpol/es-toled-mennyit-lopott-el-a-fidesz-belvarosi-antikorrupcios-seta-93364>; Антал Роган – бывший глава районного муниципалитета, руководитель фракции «Фидес» в Государственном собрании; Петер Сентдёрдьвёлди – действующий глава районного муниципалитета, член партии «Фидес».

5

<http://atlatszo.hu/2015/03/02/ennel-a-nagysagrendu-penznel-nincsenek-partszinek-portik-tamas-ingatlanokrol-olajos-alvilagrol-politikai-kapcsolatokrol/>

6

Tölgyessy P. Rajtunk múlik. (Это зависит от нас). *Index*, 2014.12.23. http://index.hu/belfold/2014/12/23/tolgyessy_peter_elemzes_masodik_resz/

7

Keller T. Magyarország helye a világ értéktérképén. (Место Венгрии на ценностной карте мира). Budapest: TÁRKI, 2009.

8

Esterházy P. Búcsúszimfónia (A gabonakereskedő). (Прощальная симфония / Хлеботорговец/). Komédia három felvonásban. 1994.
http://dia.pool.pim.hu/html/muvek/ESTERHAZY/esterhazy00086_kv.html

9

Опрос института изучения общественного мнения и рынка «Медиан». In Gyekiczki A. (szerk.): Hol tart a szabad gondolat? (Каково положение свободной мысли?) Budapest: Politikai Tanulmányok Intézete Alapítvány, 1991.

10

Párhuzamos liberalizmusok. Kik a liberális szavazók Magyarországon? (Параллельные либерализмы. Кто относится к либеральным избирателям в Венгрии?) Budapest: Republikon Intézet, 2013. május 22.

11

Kis J. Az összetorlódott idő – második nekirugaszkodás. (Нагроможденное время – вторая попытка). *Beszélő*, 2013. május 5.

12

Пал Телеки (1879–1941) – консервативный политик. В первый срок его премьерства парламент принял закон Numerus clausus (XXV закон 1920 г.), ограничивавший прием в университеты абитуриентов еврейского происхождения. Во второй срок его премьерства был принят IV закон 1939 г., то есть второй закон о евреях. В 1941 г. он совершил самоубийство в знак протеста против участия Венгрии в оккупации Югославии немцами.

13

Альберт Вашш (1908–1998) – правый писатель-антисемит. После Второй мировой войны жил в эмиграции в США.

14

Nőtt a «pirézekkel» szembeni elutasítás. (Усилилось неприязненное отношение к «пирезам»). *TÁRKI*, 2007. március 8.

15

Самокритичная речь, произнесенная 26 мая 2006 г. на закрытом совещании фракции премьер-министром и председателем ВСП Ференцем Дюрчанем об ошибках его партии и правительства.

16

Sándor K. Miért nemzeti a trafik? (Почему табачные киоски называются национальными?) *Galamus*, 2013. július 2.

17

Один из лозунгов ВСП в избирательной кампании перед парламентскими выборами 1994 г.

18

HVG, 1999. december 18.

19

Mesterházi D. A legfőbb ügyész lelépésének háttere. (Закулисные подробности отставки генерального прокурора). <http://index.hu/belfold/gyorgyi2/>

20

<http://atlatszo.hu/2015/02/06/polt-peter-kinevezese-ota-meredeken-zuhan-a-politikai-korrupcios-ugyekben-inditott-buntetoeljarasok-szama/>

21

Подробнее об этом см.: Trencsényi B. Minek nevezzelek? A magyar demokrácia válsága – regionális értelmezési keretben. (Как же тебя называть? Кризис венгерской демократии в региональных рамках интерпретации). *Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam 2*. Budapest: Noran Libro, 2014.

22

Fareed Zakaria: The Rise of Illiberal Democracy, *Foreign Affairs*, November/December 1997; Fareed Zakaria. The Rise of Putinism, *Washington Post*, July 31st, 2014; http://www.washingtonpost.com/opinions/fareed-zakaria-the-rise-of-putinism/2014/07/31/2c9711d6-18e7-11e4-9e3b-7f2f110c6265_story.html

23

Andreas Schedler. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. Boulder and London, 2006, Lynne Rienner Publishers; Steven Levitsky – Lucan A. Way: Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge, 2010.

24

Среди венгерских исследователей, мыслящих категориями гибридных режимов, наиболее ясную компаративную модель создал Янош Корнай, выделивший три типа посткоммунистических государств: посткоммунистические демократии, посткоммунистические автократии и посткоммунистические диктатуры. Согласно интерпретации Корнай, Венгрия как раз находится на пути от первого типа ко второму. (Kornai J. Fenyégető veszélyek. (Грозящие нам опасности). *Élet és Irodalom*, 2014, május 23., а также Kornai J. Hungary's U-Turn Prepublication working paper January, 2015; http://www.kornai-janos.hu/Kornai2015-Hungarys_U-turn.pdf)

25

Hughes H. Crony Capitalism and the East Asian Currency and Financial 'Crises', <http://www.cis.org.au/images/stories/policy-magazine/1999-spring/1999-15-3-helen-hughes.pdf>

26

Dawisha K. Putin's Kleptocracy – Who Owns Russia? New York: Simon and Schuster, 2014.

27

Bokros Lajos beszéde 2013. október 23-án a Műegyetem előtt. (Выступление Лайоша Бокроша перед зданием Технического университета 23 октября 2013 г.) (<https://www.youtube.com/watch?v=ADFX3wM4Qpk>). Позже он тоже начал писать о «венгерском полипе» и «мафиозном государстве Орбана» (Bokros L. Képzelt varázsló és törpe bohóc. (Мнимый волшебник и карлик-клоун). *Élet és Irodalom*, 2015, március 6.).

28

Ungváry R. A láthatatlan valóság – A fasisztoid mutáció a mai Magyarországon. (Невидимая реальность. Фашистоидная мутация в современной Венгрии). Pozsony: Kalligram, 2014.

29

Szelenyi I., Wilk K. From socialist workfare to capitalist welfare state: Competing strategies and outcomes of transformation of social institutions in European neo-patrimonial and neo-liberal post-communist regimes during the second phase of reforms, *Paper presented at the 1989: Twenty Years After conference at UC-Irvine*, 2009, november 6–8.; Csillag T., Szelenyi I. Drifting from liberal democracy, Neo-conservative ideology of managed illiberal democratic capitalism in post-communist Europe, 2014.

30

Zakaria F. The Rise of Putinism, *Washington Post*, 2014, július 31. (http://www.washingtonpost.com/opinions/fareed-zakaria-the-rise-of-putinism/2014/07/31/2c9711d6-18e7-11e4-9e3b-7f2f110c6265_story.html)

31

Belkovszkij Sz. Putyin – Az ember, aki nem létezett. (Путин. Человек, которого не было). *Athenaeum*, 2014, 177–178. old.

32

<http://www.economist.com/news/books-and-arts/21633785-academic-investigation-networks-control-russia-band-brothers>

33

Kim Lane Scheppele: Legal but not Fair: Viktor Orbán's New Supermajority, April 13., 2014, <http://krugman.blogs.nytimes.com/?s=Scheppele>; «The European Union imagines itself as a club of democracies, but now must face the reality of a Potemkin democracy in its midst. The EU is now going into its own parliamentary elections, after which it will have to decide whether Hungary still qualifies to be a member of the club».

34

Fricz T. Illiberális helyett inkább: közösségelvű és nemzeti demokrácia. (Вместо нелиберальной – скорее общностная, национальная демократия). MNO.hu, 2014, augusztus 11. (<http://mno.hu/fricztamasblogja/illiberalis-helyett-inkabb-kozossegelvu-es-nemzeti-demokracia-1241777>)

35

<http://nepszava.hu/cikk/468578-keszult-orban-viktor-az-ellenfelek-kiikta-tasara>

36

«Putin has been a finalist every year so you might consider this a lifetime achievement award», said Drew Sullivan, editor of OCCRP. «He has been a real innovator in working with organized crime. He has created a military-industrial-political-criminal complex that furthers Russia's and Putin's personal interests. I think Putin sees those interests as one and the same». OCCRP (Organized Crime and Corruption Reporting Project).

37

Hobsbawm E. Primitív lázadók... 65. o.

38

По следам заметок Акоша Рона-Таша.

39

Magyar Bálint: Magyar polip – a szervezett felvilág. (Венгерский полип – организованное криминальное «надполье»). Magyar Hírlap, 2001, február 21.

40

Hobsbawm E. Primitív lázadók... 73. o.

41

Кристина Ференци посвятила целую книгу журналистскому расследованию обогащения семьи Виктора Орбана. (Ferenczy K. Narancsbőr – Az Orbán vagonok nyomában. (Апельсиновая кожа. По следам состояния семьи Орбана). Budapest: Tény 2014 Kft., 2014). См. еще: Becker A. Orbán Zrt. (ЗАО Орбан). In: Magyar polip – A posztkommunista maffia állam. Szerk.: Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2013. 234–236 o.; Becker A. Az oligarchacsere-projekt. (Проект смены олигархов). In: Magyar polip – A posztkommunista maffia állam 2. Szerk.: Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia; Budapest: Noran Libro, 2014. 174–182 o.

42

Удачное выражение Тамаша Фрея. «Полигарх (...) – это слияние политика с олигархом, ставшим миллиардером благодаря государственным заказам». Frei T. 2015 – A káosz éve és a magyar elit héborúja. (2015 – Год хаоса и война венгерской элиты.) Budapest: Ulpius-höz, 2013. 18. o.

43

http://hu.wikipedia.org/wiki/Simicska_Lajos

44

http://hvg.hu/itthon/20130812_Lazar_Csanyi_Sandor_uzsoras/

45

<http://444.hu/2014/09/01/uj-klan-lep-simicska-lajos-helyebe-mikor-veget-er-a-csatajuk-orbannal/>

46

Rényi P. D. Orbán Viktor vs. Simicska Lajos – Csak egy maradhat talpon.
(Виктор Орбан против Лайоша Шимички: должен остаться только один.)
<http://magyarnarancs.hu/belpol/csak-egy-maradhat-talpon> – 91576

47

Там же.

48

Там же.

49

<http://www.hir24.hu/belfold/2015/05/16/hetente-talakoztak-orbannal-ahol-eldontottek-kik-nyerhetnek-palyazati-penzeket-kitalalt-a-volt-nagykovet/>

50

Лайош Шимичка, «бизнесмен-медиасобственник, по пути в редакцию газеты *Magyar Nemzet* дал из машины интервью сайту *Index* об уходе в отставку руководства газеты. Лайош Шимичка сказал, что выкинет с работы всех орбанистов, и обозвал премьер-министра бранными словами.

– Вы уже знаете, что произошло в газете *Magyar Nemzet*?

– Конечно, знаю, я сейчас поеду в редакцию и всех выкину на х...

– Этого уже не нужно, ведь они уже ушли сами.

– Знаю, но меня это не интересует. Еще раз повторяю, всех выкину на х...

Они поставили меня в говенное положение, и я прочитал их заявление тогда же, когда и вы. Мне никто ничего не сказал.

– Если вы всех выкинете, кто будет делать газету?

– Поверьте мне, я уже много раз был в таком положении и всегда выкручивался. Я выкину всех орбанистов и назначу на их место своих людей, которых нельзя ни подкупить, ни запугать. Еще раз говорю, везде будут сидеть мои люди.

– Как вы думаете, почему ушли руководители газеты?

– Я уже сказал. Мне хорошо известно, о чем идет речь. Орбан – сука.

– То есть вы думаете, что Виктор Орбан и его люди уговорили руководителей газеты покинуть ее?

– А что же еще могло произойти, как вы думаете? Я же говорю, так и напишите: Орбан – сука».

http://index.hu/belfold/2015/02/06/simicska_lajos_orban_egy_geci/

51

http://www.mfor.hu/cikkek/Iden_mar_11_milliard_forinttol_esett_el_Simicska_.html

52

<http://nol.hu/gazdasag/felmond-a-kormany-a-kozgep-csapatanak-az-m4-en-1526051> –

53

<http://444.hu/2015/06/24/szasa-kinyirja-a-kozgepet/>

54

http://www.blikk.hu/blikk_aktualis/1440-hektar-allami-foldet-vettek-vissza-simicskaektol-2345277

55

http://www.blikk.hu/blikk_aktualis/mtva-simicska-lajos-orban-viktor-szerencseszombat-haboru-lotto-musor-2342961

56

<http://sztarklikk.hu/kozelet/simicska-oda-ut-ahol-igazan-faj/175289>

57

Erdélyi P., Magyar P. Új klán lép Simicska Lajos helyébe, mikor véget ér a csatájuk Orbánnal. (Новый клан придет на место Шимички, когда закончится его война с Орбаном). *444*, 2014, szeptember 1.; <http://444.hu/2014/09/01/uj-klan-lep-simicska-lajos-helyebe-mikor-veget-er-a-csatajuk-orbannal/>

58

A 100 leggazdagabb magyar, 2014. (Сто самых богатых венгров, 2014); Szerk: Szakonyi Péter, *Napi.hu*, 2014. 101. old.

59

<http://atlatszo.hu/2014/06/03/a-joisten-a-szerencse-es-orban-viktor-szemelye-igy-vagyonosodott-meszáros-lorinc/>

60

<http://444.hu/2015/11/03/hany-meszáros-lorinc-ad-ki-egy-csanyi-sandort>

61

<http://magyarnarancs.hu/kismagyarország/foldek-asvanyviz-pekseg-teszta-hotel-lista-meszáros-lorinc-összes-üzleterol-96943>

62

<http://magyarnarancs.hu/kismagyarorszag/foldek-asvanyviz-pekseg-teszta-hotel-lista-meszáros-lorinc-összes-üzleterol> – 96943

63

http://www.mfor.hu/cikkek/A_legtobb_TAO_Felcsut_zsebebe_kerult_tavaly_is.html;
<http://atlatszo.hu/2013/07/09/orban-fociakademiaja-a-legegyenlobb-civil-szervezet-tavaly> – 3-milliárdos-bevetele-volt/

64

<http://gepnarancs.hu/2015/02/felcsuti-fenyben-ragyog-a-magyar-epito/>

65

Там же.

66

<http://index.hu/gazdasag/2014/01/27/mol/>

67

http://nol.hu/belfold/20130816-garancsinal_lakik_orban_gaspar – 1406873

68

<http://www.origo.hu/gazdasag/20140506-a-kormany-het-kaszinora-adott-ki-engedelyt.html#>

69

http://hvg.hu/gazdasag/20150601_Olcsobb_lesz_az_adocsalas

70

<http://444.hu/2015/07/09/tenyleg-zsenialis-ahogy-a-kormany-segit-a-bunozoknek-penz-t-mosni/>

71

http://www.rubicon.hu/magyar/oldalak/a_romai_csalad_jogi_rendje/

72

Там же.

73

Там же.

74

http://hvg.hu/itthon/20140710_Terminal_Etterem_Pap_Karpati_Tiborc

75

<http://444.hu/2015/03/11/igy-kaptak-tiborczekek-szabad-utat-a-milliardokhoz/>

76

<http://atlatszo.hu/2014/12/20/mibol-telik-orban-rahelnek-15-millio-forintos-tandijra-meg-fogsz-dobbenni/>

77

<http://444.hu/2015/12/01/tud-hatekony-lenni-ez-az-allam-ha-akar-tiborc-istvan-csak-egyetlen-honapig-nem-indulhatott-kozbeszerzesen-de-most-korrigalta-a-kormany-ezt-az-apro-hibat>

78

http://tenytar.blog.hu/2015/02/27/fideszes_uradalmak_lettek_a_magyar_sportszo_vetsegek

Близкие к «Фидес» люди, стоящие во главе спортивных федераций		
Спортивная федерация	Имя	«Прочая деятельность»
Венгерская федерация настольного тенниса	Роланд Натран	При министре Матольчи был госсекретарем Министерства экономики. Ныне — генеральный деректор государственных банков ЗАО Magyar Export-Import Bank и ЗАО Magyar Exportitel Biztosító
Венгерская федерация борьбы	Силард Немет	Депутат «Фидес», ответственный за «снижение платы за коммунальные услуги»
Венгерская федерация хоккея	Миклош Немет	Президент — генеральный директор ЗАО Közgép
Венгерская федерация гандбола	Иван Ветеш	Во время назначения, в 2011 г., был комиссаром правительства
Венгерская федерация конькобежного спорта и фигурного катания	Лайош Кош	Депутат парламента от партии «Фидес»
Венгерская федерация баскетбола	Ференц Салан	С 2010 г. бургомистр Сольнока от партии «Фидес»
Венгерская федерация волейбола	Чаба Поор	Основатель фирмы ЗАО SME Hungary, занимающейся маркетингом и коммуникацией. Поддерживал предвыборную кампанию сегедских кандидатов от партии «Фидес» в 2010 г., по слухам поддерживает хорошие отношения с Габором Кубатовым
Венгерская федерация шахмат	Миклош Шестак	Депутат парламента с 2010 г. С 2014 г. министр национального развития в третьем кабинете Орбана

Венгерская федерация лыжного спорта	Габор Каломишта	Один из крупнейших поставщиков венгерских государственных СМИ, возглавляемый Эндрю Вайной. Венгерский национальный фонд кино предоставил программам, связанным с именем этого продюсера, материальную поддержку на сумму более 1 млрд форинтов
Венгерская федерация тенниса	Лайош Сюч	Депутат парламента от партии «Фидес»
Венгерская федерация туризма	Иштван Гаранчи	Президент клуба «Видестон», хороший друг Виктора Орбана
Венгерская федерация триатлона	Бела Баторфи	Семейный стоматолог Орбана, один из инициаторов развития стоматологического туризма
Венгерская федерация фехтования	Жолт Чампа	Ранее был членом партии «Венгерский демократический форум», позже стал политиком в партии «Фидес», заместитель госсекретаря Министерства внутренних дел

Источник: 444.hu и atlatszo.hu

На посту главы Венгерской федерации гандбола Ивана Ветеша сменил Мате Кочиш, коммуникационный директор «Фидес».

79

EU Anti-Corruption Report, Brussels, 3.2.2014, COM(2014) 38 final, ANNEX 17, HUNGARY; http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/organized-crime-and-human-trafficking/corruption/anti-corruption-report/docs/2014_acr_hungary_chapter_en.pdf

80

При включении категории брокера-коррупционера в понятийный аппарат описания посткоммунистического мафиозного государства я в значительной степени опирался на указанную ниже работу Давида Янчича и на личные беседы с ним. Jancsics D. “A friend gave me a phone number” – Brokerage in low-level corruption, *International Journal of Law, Crime and Justice* (2014), <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijlcj.2014.07.003>

81

http://index.hu/belfold/2015/06/12/de_akkor_ki_akarta_az_ugyvedi_bevetelek_u_jratitkositasat/

82

Katherine Stovel and Lynette Shaw: «Brokerage», *Annu. Rev. Sociol.* 2012. 38:139 – 58, First published online as a Review in Advance on April 13, 2012, *The Annual Review of Sociology* is online at soc.annualreviews.org, This article's doi: 10.1146/annurev-soc – 081309 – 150054

83

http://hvg.hu/velemeney.nyuzsog/20130123_Nem_artatlannak_valo_vidék#39i70
bg http://hvg.hu/cimke/UD_Zrt

84

[http://www.xn--infordi-lwa8n.hu/hir/belfold/hir – 400579](http://www.xn--infordi-lwa8n.hu/hir/belfold/hir-400579)

85

[http://nol.hu/belfold/a_jogvedok_strasbourgban_tamadjak_a_terrorel_haritok_jogositvanyait_ – 1429269](http://nol.hu/belfold/a_jogvedok_strasbourgban_tamadjak_a_terrorel_haritok_jogositvanyait_-1429269)

86

http://hu.wikipedia.org/wiki/Simicska_Lajos

87

<http://nepszava.hu/cikk/1015154-napokra-leall-a-nav-informatikai-rendszere>

88

http://hvg.hu/gazdasag/20140423_Mire_kell_Matolcsyeknak_a_nagy_adatbank/
«ЗАО Giro по существу представляет собой огромную информационную систему, которая приводится в действие из двух мест в Будапеште. Фирма была основана еще в 1988 г. 12 финансовыми учреждениями, в том числе ВНБ, и с тех пор ВНБ был ее совладельцем. Первичная деятельность фирмы, услуги по осуществлению денежно-расчетного оборота, была начата в 1994 г. До запуска этой системы в банках существовал самый разный порядок создания банковских счетов, а после создания расчетной палаты появились используемые в настоящее время единообразные номера счетов. Суть системы в том, что она унифицирует, упрощает и убыстряет процесс расчета. До осуществления сделки акционерное общество находилось в собственности 21 банка, и в отношении обстоятельств сделки можно лишь предположить, что не банки стремились освободиться от приносящей прибыль фирмы. Состоявшаяся покупка ЗАО Giro является неожиданной потому, что и ВНБ, во главе которого стояли сначала Жигмонд Ярай, а позже Андраш Шимор, тоже хотел избавиться от своей доли Giro. До 2005 г. ВНБ располагал 14,6-процентной долей в компании. Тогда была продана половина этой доли, так сложилась 7,3-процентная доля собственности, существовавшая до недавней сделки. В 2005 г. возглавлявшийся Жигмондом Ярай ВНБ заявил, что в стратегическом плане на длительную перспективу не предусматривается сохранение доли в ЗАО Giro».

89

Там же.

90

<http://444.hu/2016/03/31/magyarorszagra-magyar-bankkartyat-akarnak-matolcsyek?fbfanpage444+20160331+1013>

91

<http://444.hu/2014/03/03/meghalt-a-welt> – 2000-alapítója/
http://index.hu/gazdasag/2014/03/03/az_allammal_uzletelt_masnap_meghalt/

92

Удачное выражение Шандора Ревеса. (Révész S. Polip bíró, *Népszabadság*, 2013. december 7.)

93

Vörös I7 «Alkotmányos puccs» Magyarországon, 2010–2014. («Конституционный путч» в Венгрии, 2010–2014). In: Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam. Szerk.: Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2014. 73. o.

94

Там же, 72. o.

95

http://tenytar.blog.hu/2014/11/28/lex_baratok_es_ellensegek_torvenyhozas_az_uzleti_erdekek_szolgaltaban

96

В подборе случаев, примеров, относящихся к различным типам огосударствления, участвовали сотрудники сайта Ténytár.

97

http://ataszjelenti.blog.hu/2015/10/08/onkenyes_alkotmanybirosag

98

Orbán Viktor, *MTI*, 2011, február 2.

99

Weber M. Gazdaság és társadalom. A megértő szociológia alapvonalai 1. Budapest, 1987, KJK. (Книга является переводом немецкого издания: Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie* 1. Haldband. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1976.)

100

Там же, 234. о.

101

Там же, 238–239. о.

102

Там же, 226–227. о.

103

Там же, 246. о.

104

<http://444.hu/2015/05/20/ujabb-hatarozott-lepeseket-tesz-a-kormany-az-atlathatatlansag-iranyaba/>

105

Там же, 235. о.

106

Там же, 238. о.

107

Hegedűs J., Péteri G. A helyi önkormányzatok államosítása. (Огосударствление венгерских муниципалитетов). In: Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam. Szerk.: Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2014. 351–352. о.

108

После промедления, растянувшегося на несколько десятилетий, весной 1998 г. началось инициированное либеральным министром строительство нового Национального театра в Будапеште. Проект, победивший на крупнейшем в истории венгерской архитектуры конкурсе, в котором принял участие 71 архитектор, получил подавляющее число голосов в жюри из 15 человек. Несколько месяцев спустя сформированное «Фидес» правительство остановило развернувшееся строительство и без объявления конкурса поручило домашнему архитектору комиссара по театральным делам построить здание театра в другом месте. Оно было построено с многолетним опозданием и вызвало резкую критику со стороны венгерских архитекторов.

109

http://index.hu/gazdasag/2014/08/28/igy_szorja_a_penzet_az_mnb/;
http://index.hu/gazdasag/2015/01/21/250_milliard_a_forint_a_matolcsy-tanokra/

110

Nagy C. Á. A civil társadalom domesztikálása. (Одомашнивание гражданского общества). In: Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam. Szerk.: Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2014. 140. o.

111

Семь политологов дали 150 отобранными редакторами персонам оценки по десятибалльной системе в зависимости от степени их влияния на общество, политику и экономику. Список лиц, занявших первые 40 мест, был опубликован под названием «Барометр влияния». См.: A 100 leggazdagabb 2014. (Сто самых богатых – 2014). Szerkesztette Szakonyi Péter, *Napi.hu*, 114–118. o.

112

http://index.hu/belfold/2015/06/03/panikban_az_ugyvedek_a_magyar_allam_leh_allgatasatol_felnek/

113

http://rtl.hu/rtlklub/hirek/kozmunkasok-gyujtottak-alairast-a-fidesznek#_=_

114

http://hvg.hu/itthon/20150612_Pinter_uj_otlete_napszamosnak_lehetne_ige

115

Там же.

116

<http://www.fidesz.hu/hirek/2012-10-19/orban-nem-joleti-allam-hanem-munka-alapu-tarsadalom-epul-kepek/>

117

<http://index.hu/gazdasag/2014/11/13/szocialpolitika/>

118

<http://atlatszo.hu/2014/11/22/januartol-konnyebb-lesz-lopni-megint-lehet-majd-kozpenzbol-tamogatni-a-partkozeli-szervezeteket-es-a-csaladot/>

119

[http://nol.hu/belfold/kozszolgak-csak-janicsarkepzobol – 1540453](http://nol.hu/belfold/kozszolgak-csak-janicsarkepzobol-1540453)

120

Banfield E. C., with the assistance of Laura F. Banfield. *The Moral Basis of a Backward Society*. Glencoe, IL: The Free Press, 1958.

121

http://mandiner.hu/cikk/20150702_orban_viktor_valositja_meg_a_rendszervaltast_interju_lanczi_andras_teller_gyula

122

<http://hu.budapestbeacon.com/kiemelt-cikkek/nyugdij-reform-allamadossag-csokkentese-es-koltsegvetesi-lyukak-betomesere-haszmagyarorszagon/> mot-az-naltak-

123

<http://www.origo.hu/gazdasag/hirek/20040921draskovics.html>

124

[http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=430480:a-diktatura-bore – 1 – 430480&catid=9: vendegek&Itemid=134](http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=430480:a-diktatura-bore-1-430480&catid=9:vendegek&Itemid=134)

125

[http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=430480:a-diktatura-bore – 1 – 430480&catid=9: vendegek&Itemid=134](http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=430480:a-diktatura-bore-1-430480&catid=9:vendegek&Itemid=134)

Полный перечень налогов, введенных после 2010 г., можно найти в следующем блоге:

http://tenytar.blog.hu/2014/11/05/2015_a_megszoritasok_eve_ime_az_uj_adok

126

http://www.portfolio.hu/en/economy/two_charts_that_reveal_the_mindset_of_the_hungarian_government.28805.html;
http://www.portfolio.hu/gazdasag/adozas/ez_a_ket_abra_mindent_elarul_a_kormany_gondolkodasarol.207476.html

Изменение особых налогов в различных секторах экономики Венгрии						
	2010	2011	2012	2013	2014 (ожидается)	2015 (намечено)
Особый налог финансовых учреждений	182,3	186,5	84,9	139,1	148,4	144,2
Отчисления кредитных организаций	10,0	9,4	9,7	17,5	21,6	15,4
Особый налог в некоторых отраслях	151,7	171,9	165,6	9,8	0,0	0,0
Налог на доходы энергоснабжающих организаций	17,0	1,9	5,6	54,1	35,6	44,7
Телекоммуникационный налог	0,0	0,0	12,2	47,0	56,4	56,4
Здравоохранительный налог на продукты	0,0	3,3	0,0	13,0	19,0	26,4
Налог для оплаты лечения после несчастного случая	0,0	0,0	0,0	20,0	23,4	23,6
Налог на финансовые транзакции	0,0	0,0	0,0	259,6	269,4	206,2
Налог на страхование	0,0	0,0	0,0	26,2	28,0	28,6
Электронная дорожная плата	0,0	0,0	0,0	45,0	127,7	150,0
Коммунальный налог	0,0	0,0	0,0	600,0	54,0	54,0
Налог на рекламу	0,0	0,0	0,0	0,0	2,4	6,6
Плата за надзор за сетями продовольственных магазинов	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	30,0
Особый налог на табачную промышленность	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	10,0

Итого	361,0	388,0	278,1	721,3	815,9	825,1
Ужесточение исчисления базы местного налога на ведение бизнеса*	0,0	0,0	0,0	30,0	30,0	30,0
Всего	361,0	388,0	278,1	751,3	845,9	355,1

Источник: Государственная счетная палата, Portfolio* Приблизительная оценка

127

<http://mediapedia.hu/reklamado>

128

<http://index.hu/gazdasag/2014/11/06/kiskereskedok/>

129

<http://444.hu/2014/12/18/a-magyar-allam-egy-resze-ugy-szervezi-a-mukodeset-hogy-minel-konnyebb-legyen-korruptnak-lenni/>

130

<http://tldr.444.hu/2015/11/30/az-elelmiszerpiacot-akartak-atrendezni-a-plazastoppal>

131

<http://index.hu/gazdasag/2014/11/06/kiskereskedok/>;
[http://www.vg.hu/vallalatok/kereskedelem/megerositettek-tilos-lesz-az-online-vasarlas-is-vasarnap – 441680](http://www.vg.hu/vallalatok/kereskedelem/megerositettek-tilos-lesz-az-online-vasarlas-is-vasarnap-441680)

132

http://index.hu/gazdasag/2015/10/28/ujabb_szivatas_a_tesconak_es_az_auchannak_kotelezo_letszamnoveles_a_hipermarketeknek/

133

<http://fn.hir24.hu/gazdasag/2014/11/19/itt-a-nagy-parharc-cba-vagy-tesco/>

134

Там же.

135

Любезное сообщение Пала Юхаса.

136

<http://hir.ma/belfold/a-vilagon-elsokent-napelem-ado-a-napot-is-mega-doztatjak/473080>

137

<http://nol.hu/belfold/pelikan-elvtarsak-az-orban-kormanyban> – 1510531

138

<http://www.politicalcapital.hu/blog/?p=1937739>

Страна	Величина банковского налога (млн евро)	Способ использования	Год вступления в силу
Швеция	250	Особый фонд помощи банкам	2009
Великобритания	2300	Бюджетный доход	2011
Германия	1200	Особый фонд помощи банкам	2011
Франция	500	Особый фонд помощи банкам	2011
Австрия	500	Бюджетный доход	2011/2012
Венгрия	695	Бюджетный доход	2010
Польша	380	Бюджетный доход	2011?
Хорватия	?	Бюджетный доход	?

139

http://hvg.hu/gazdasag/20150424_Orosz_rulettre_kapott_felhivast_Orban

140

<http://nol.hu/gazdasag/sinen-az-elmu-emasz-vetel> – 1568285

141

http://tenytar.blog.hu/2016/04/07/rezsicsokkentes_aldozatai_mi_fizetjuk_a_vizikoizmu-cegek_tizmilliardos_veszteseget

142

[http://2010 – 2014.kormany.hu/hu/nemzetgazdasagi-miniszterium/strategiai-partnersegi-megallapodasok](http://2010-2014.kormany.hu/hu/nemzetgazdasagi-miniszterium/strategiai-partnersegi-megallapodasok)

143

http://atlatszo.blog.hu/2013/07/30/milliardos_palyazatok_a_strategiai_partnereknek1

144

http://mandiner.hu/cikk/20150702_orban_viktor_valositja_meg_a_rendszervaltast_interju_lanczi_andras_teller_gyula

145

http://nepszava.hu/document/6/original/Felhivas%20Oktober%202023-ra.pdf?utm_source=mandiner&utm_medium=link&utm_campaign=mandiner_201501

146

http://hvg.hu/gazdasag/20110704_megapolis_metropolis_fonyo_karoly

147

http://index.hu/gazdasag/2014/09/17/megvette_a_fradistadiont_epito_ceget_orban_milliardos_baratja/

148

<http://www.pecsistop.hu/regio/felszamolas-kuszoben-a-zsolnay-porcelanmanufaktura-zrt/1399415/>

149

<http://civilhetes.net/velemenye/elvette-a-fidesz-a-ceget-belehalt>

150

[http://nol.hu/belfold/foldharcban-veszitettek – 1508211](http://nol.hu/belfold/foldharcban-veszitettek-1508211)

151

Там же.

152

Там же.

153

	Аграрные субсидии (млрд форинтов)				Субсидируемая территория (тыс. га)		
	2011	2013	Всего	Рост %	2011	2013	Рост %
СФЕРА ИНТЕРЕСОВ (СЕТЬ ФИРМ) / ЛИЦО (СОБСТВЕННИК)							
1. ЖОЛТ НЕРГЕШ— ЛАЙОШ ШИМИЧКА (ГРУППА MEZORT)	3,739	5,186	8,925	38,7%	14,70	23,17	57,6%
2. ШАНДОР ЧАНИ (ГРУППА VONAFARM)	3,969	4,997	8,966	25,9%	16,84	20,73	23,1%
3. ТАМАШ ЛЕЙСТИНГЕР (ГРУППА FORRÁS)	2,676	3,139	5,815	17,3%	11,97	23,75	98,4%
4. ИШТВАН МАДЛЬ (ГРУППА AGRO- RO-DUKT)	1,479	2,475	3,954	67,3%	5,10	11,30	121,6%
5. АРПАД ДОРОГИ— ГЕЛЬМУТ ГЗУК—ТИБОР ЗАСЛОШ (ГРУППА GSD)	1,150	1,813	2,963	57,7%	7,66	13,96	82,2%
6. ЛАСЛО КАРПА- ТИ—ЖОЛТ ХАРША- НИ—ЙОЖЕФ ДЕЛИТЬ (ГРУППА KHD, ЗАО HÓD- MEZŐGAZDA)	0,927	1,613	2,540	74,0%	2,10	10,13	382,4%
ВСЕГО	13,940	19,223	33,163	37,9%	58,37	103,04	76,5%

154

[http://nol.hu/belfold/ingyenbirtok-a-holdudvarnak – 1552969](http://nol.hu/belfold/ingyenbirtok-a-holdudvarnak-1552969)

155

http://index.hu/belfold/2016/04/15/igy_nez_ki_felcsut_kornyeke_bevasaroltak_orbanek_baratai/

156

http://index.hu/gazdasag/2016/03/11/meg_4000_hektar_allami_foldhoz_jutott_meszaros_lorinc/

157

<http://nol.hu/belfold/felcsuti-felsohaz> – 1610039

158

http://hvg.hu/itthon/20130509_trafik_Szekszard_Fidesz_hangfelvetel?utm_source=mandiner&utm_medium=link&utm_campaign=mandiner_201502

159

http://hvg.hu/gazdasag/20151112_Ezert_erte_meg_a_trafikmutyi Multi milliomo

160

<http://nepszava.hu/cikk/644749-hallo-itt-a-trafikmutyi-hangja-beszol>

161

http://hvg.hu/enesacegem/20150603_Tomegesen_zarnak_be_a_boltok_a_trafikok_m

162

<http://444.hu/2014/12/18/300-ezret-kell-fizetnie-a-fideszes-kepviselonek-aki-haromszor-sem-ugy-szavazott-ahogy-elvartak-tole/>

163

<http://nol.hu/gazdasag/valami-nagyon-gyanus-az-orbank-kormany-alo-muzleteben> – 1539525; <http://propeller.hu/itthon/3118393-kihuzta-gyufat-kormany-nemzetkozi-dohanycegeknel>

164

<http://nol.hu/gazdasag/habony-emberevel-erositenek> – 1541333

165

<http://valasz.hu/uzlet/lazar-janos-dohanyos-embere-a-napi-gazdasag-uj-tulajdonosa> – 113652

166

<http://feol.hu/gazdasag/a-felkaru-rablok-kivegzese> – 1123941

167

http://hvg.hu/itthon/20121002_Megszavaztak_a_nyerogek_betiltasat

168

Там же.

169

http://hvg.hu/gazdasag/20131209_Tobbezer_felkaru_rablo_lepi_el_Ma_gyarorsz

170

<http://www.origo.hu/gazdasag/20140506-a-kormany-het-kaszinora-adott-ki-engedelyt.html>

171

http://www.napi.hu/ado/varga_ezert_kap_milliardos_adokedvezmenyt_vajna.585449.html

172

<http://nol.hu/belfold/vajna-a-neten-is-mindent-visz> – 1497253;
http://hvg.hu/gazdasag/20150616_Vajnat_es_Szimat_online_kaszinoszervezess

173

<http://www.vg.hu/gazdasag/felepult-a-vajna-birodalom> – 448456

174

Там же.

175

<http://24.hu/fn/gazdasag/2016/03/29/brusszel-elkaszalta-a-magyar-kaszinoszabalyozast-johetnek-a-szazmilliardo-perek/>

176

В подборе случаев, иллюстрирующих различные формы огосударствления, участвовали сотрудники сайта Ténytár.

177

<http://nol.hu/belfold/falank-az-allami-kukaholding> – 1570425

178

Brückner Gergely: 20 pont az MKB eladásáról (20 пунктов сделки о продаже MKB), Figyelő, 2016/14

<http://444.hu/2016/02/11/senkivel-sem-egyeztetett-a-kormany-mielott-bejelentette-hogy-allamositja-a-kozetkeztetest>

180

Vásárhelyi M. A médiapolip működése – agy – és pénzmosoda. (Функционирование медиаполипа: промывание мозгов и отмывание денег). In: Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam. Szerk.: Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2013.

181

Диаграмма предоставлена нам журналистом сайта [kreativ.hu](http://www.kreativ.hu) Атилиой Баторфи. См. также следующую ссылку: http://www.kreativ.hu/databanya/cikk/hogyan_mukodott_orban_es_simicska_mediab_irodalma)

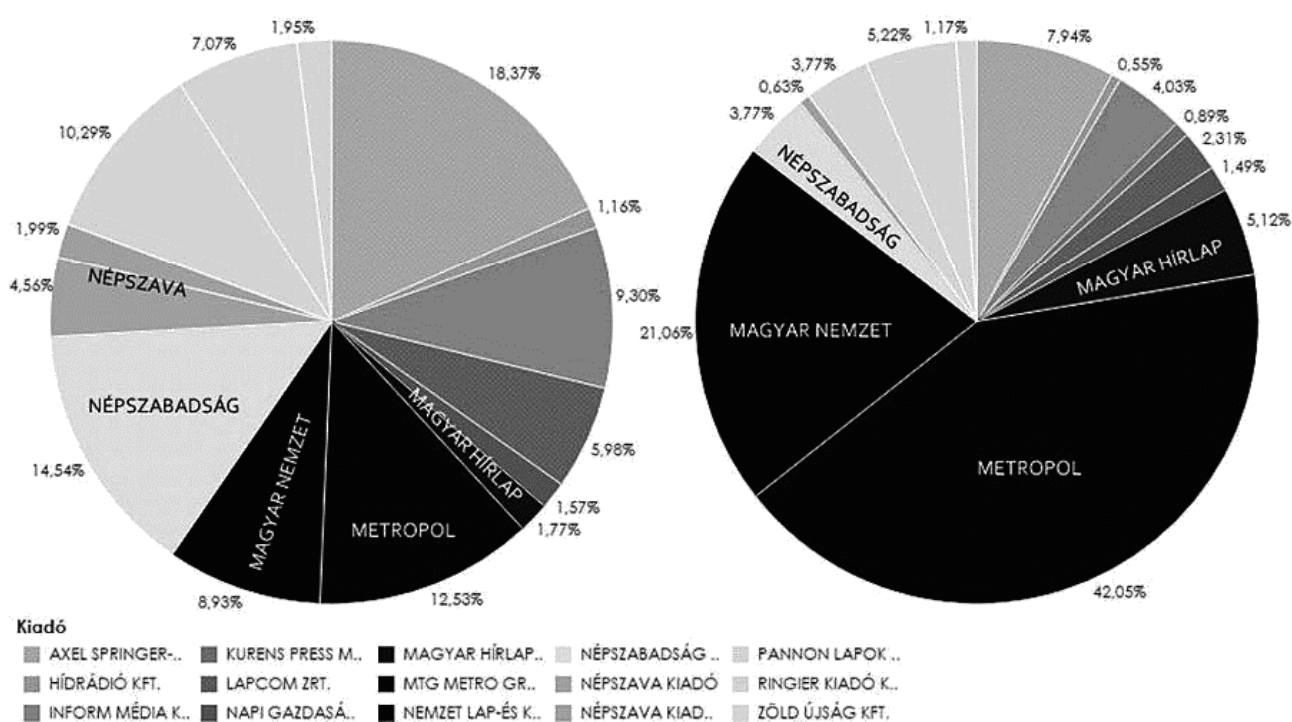
182

Диаграммы предоставлены нам журналистом сайта [kreativ.hu](http://www.kreativ.hu) Атилиой Баторфи. См. также следующую ссылку: http://www.kreativ.hu/databanya/cikk/hogyan_mukodott_orban_es_simicska_mediab_irodalma)

Napilapok részesedése az állami reklámbevételekből (2006. 05. - 2014. 04.)

Gyurcsány-Bajnai kormányok (2006. 05. - 2010.04.)

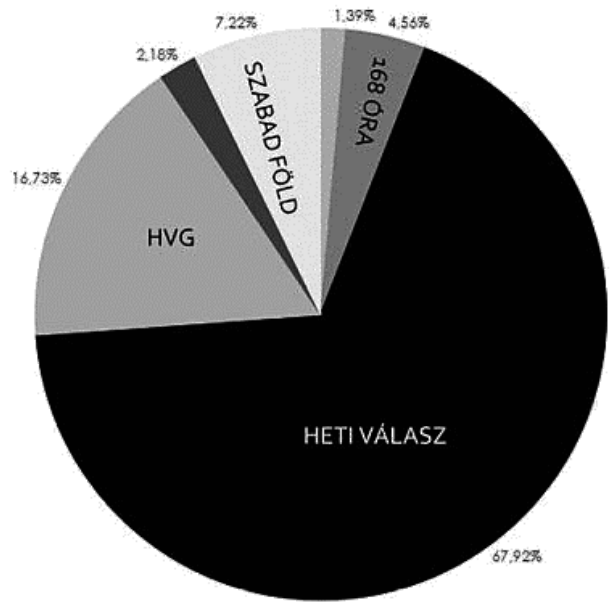
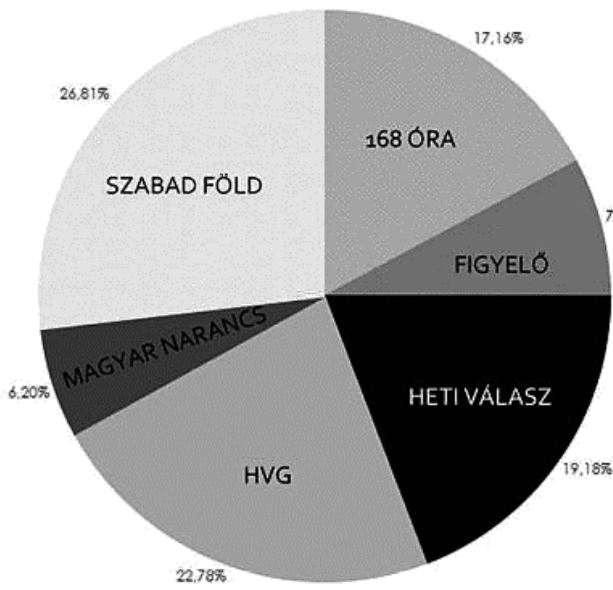
Második Orbán-kormány (2010.05. - 2014.04.)

A politikai-közéleti hetilapok részesedése az állami reklámbevételekből (2006. 05. - 2014. 04.)

Gyurcsány-Bajnai-kormányok (2006.05. - 2010.04.)

Második Orbán-kormány (2010.05. - 2014.04.)

Újság/csatoma

168 ÓRA

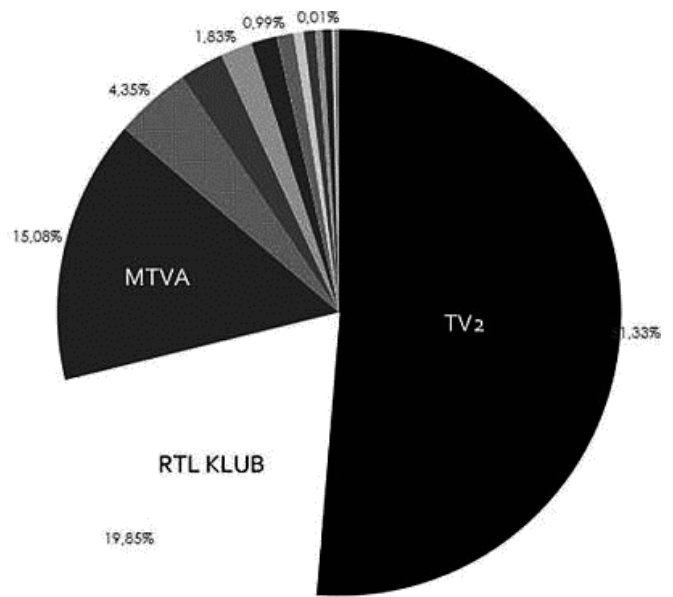
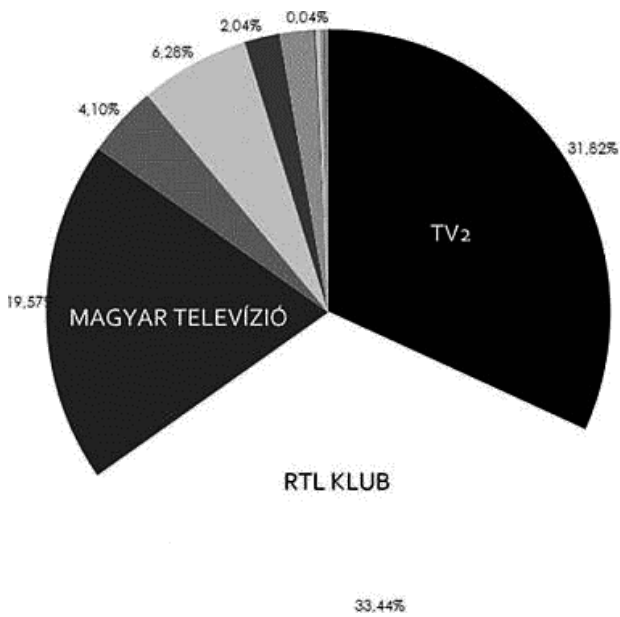
FIGYELŐ

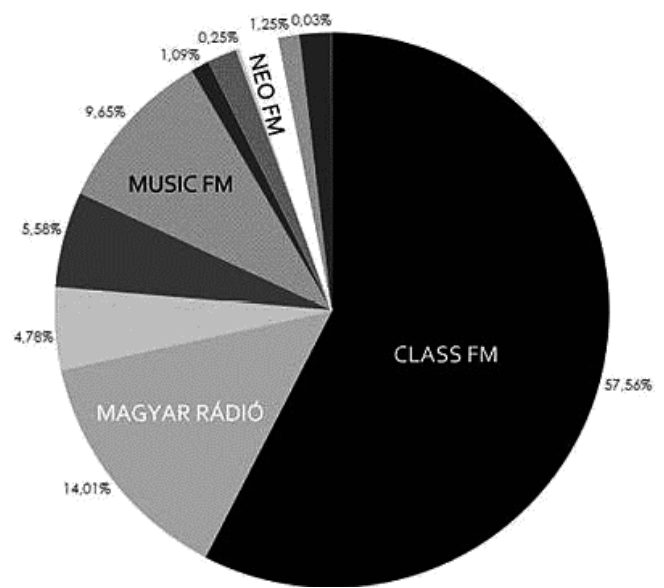
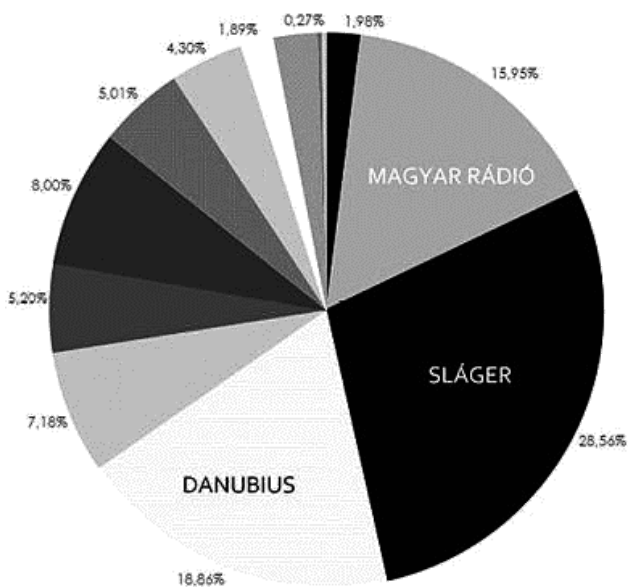
HETI VÁLASZ

HVG

MAGYAR NARA.

SZABAD FÖLD

183

<http://vs.hu/mind/osszes/itt-a-kapcsolat-a-fidesz-es-a-tv2-eladasa-kozo-tt-0120>

184

[http://abcug.hu/milliardokat-nyom-az-allam-az-origonak-es-tv2-nek/;](http://abcug.hu/milliardokat-nyom-az-allam-az-origonak-es-tv2-nek/)
http://magyarinfo.blog.hu/2015/02/05/itt_vannak_a_szamok_igy_befolyasoljak_orbanek_a_mediat

185

<http://nol.hu/belfold/nagy-testver-a-tv2-t-figyeli-1569911>

186

<http://nol.hu/belfold/raszalltak-az-rtl-klubra-1574503>

187

http://index.hu/kultur/media/2015/12/15/vajna_kozel_7_milliardot_kap_a_tv2-re_az_allamtol/

188

Схема предоставлена нам журналистом сайта kreativ.hu Аттілой Баторфи.

189

<http://444.hu/2015/04/15/habony-arpad-elolep-az-arnyekbol-es-media-cezar-lesz/>

190

<http://valasz.hu/itthon/eldolt-habony-lesz-az-uj-simicska> – 111628

191

http://hvg.hu/velemeney/20150609_A_media_elfoglalasanak_haditerve

192

Подробнее об избирательной системе см.: Kim Lane Scheppelle: Legal But Not Fair (Hungary), Apr 13, 2014; <http://krugman.blogs.nytimes.com/?s=Scheppelle&r=0>;

http://tenytar.hu/elemzes/kampany_es_valasztasi_rendszer_tanulsagai#.VMlVddKG9tM

193

http://tenytar.hu/elemzes/kampany_es_valasztasi_rendszer_tanulsagai#.VPoK2XyG9tO

194

<http://propeller.hu/itthon/3205414> – 825-ezer-magyar-allampolgarsagot-osztott-ki-semjen

195

<http://444.hu/2015/02/20/szecs/>

196

http://tenytar.blog.hu/2014/04/22/ezzel_az_eredmennyel_2010-ben_messze_nincs_ketharmad

197

http://tenytar.blog.hu/2014/10/20/budapesten_meg_tobbsege_sem_lenne_a_fidesznek_a_regi_valasztasi_rendszerben

198

http://2001-2006.orbanviktors.hu/hir.php?aktmenu=3_4&id=2755

199

Так передает Клара Шандор мысли Джорджа Лакоффа, активного сторонника американских демократов, который «сильно досадует на своих

идеологических подопечных из-за того, что они не используют метафорическую силу понятия “государство – заботливый родитель” (...) в отличие от республиканцев, чьи тексты легко активизируют мыслительную модель “строгий родитель”». In: Sándor K. Határtalan nyelv. (Безграничный язык). Bicske: Szak Kiadó, 2014. 305–306. o.

200

Orbán V. Pávatánc avagy hogyan verjük át az EU-t. (Танец павлина, или как нам обмануть ЕС.) 2012. 05. 31; <https://www.youtube.com/watch?v=0s5gzvb87ZY>

201

<http://444.hu/2015/04/24/itt-vannak-a-kerdesek-a-bevandozlasrol-amiket-a-kormany-egymilliardert-kuld-ki-onnek/>

202

<http://hungarianspectrum.org/2015/04/26/miklos-haraszti-the-intricacies-of-translation/>

203

http://www.tarki.hu/hu/news/2015/kitekint/20150804_idegen.html

204

<http://www.median.hu/object.c38fa2c9-5bc2-40c9-ae38-bab515a5f172.ivy>

205

http://www.median.hu/kepek/upload/2016-04/antiszemizmus_tanulm%C3%A1ny_sajtt%C3%A1j.pdf

206

Там же.

207

http://index.hu/gazdasag/2015/01/29/valaki_boduleset_kaszal_rogan_otleten/

208

http://mno.hu/magyar_nemzet_gazdasagi_hirei/otvenmilliardos-uzlet-a-letelepedes-1289722

209

http://hvg.hu/gazdasag/20160318_Negy_evre_bebetonozhatjak_Meszaro_sekat_kozbeszerzes_nfp_unios_forras_palyazat#utm_source=hirlista&utm_medium=aggregator&utm_campaign=hvg

210

<http://www.kormany.hu/hu/belugyminiszterium/parlamentiallamtitkarsag/hirek/magyarorszagnak-nincs-szuksege-megelhetesi-bevandorlokra>

211

<http://www.vg.hu/gazdasag/soha-nem-kuldtek-meg-ennyi-penzt-haza-a-kivandorolt-magyarok-461467>

212

<http://tasz.hu/gyulekezesi-jog/miert-kell-kormany-nak-extra-felhatalmazas-terrorveszelyre-hivatkozva>

213

http://hvg.hu/itthon/20150428_Orban_A_halalbuntetes_kerdeset_napirenden?s=hk

214

http://mandiner.blog.hu/2015/04/30/halalbuntetes_a_visszatarto_ero_visszatarto_ereje#

215

<http://www.kozlonyok.hu/nkonline/MKPDF/hiteles/mk10103.pdf>

216

Tellér Gy. Született-e Orbán-rendszer 2010 és 2014 között? (Родился ли режим Орбана в 2010–2014 гг.?) *Nagyvilág*, 2014, március. 348. old.; http://www.nagyvilag-folyoirat.hu/2014-03_beliv_OK.pdf

217

Там же, 356. о.

218

Там же, 361. о.

219

Там же,

220

Lánczi A. Mi a tét? (Какова ставка?) Heti Válasz, 2014/12.

221

Bencsik G. Kapitalizmus magyar módra: innen merre van előre? (Капитализм по-венгерски: где же теперь «вперед»?) mandiner.hu, 2015. árpilis 22. (http://mandiner.hu/cikk/20150422_bencsik_gabor_kapitalizmus_magyar_modra_innen_merre_van_eloire)

222

http://index.hu/belfold/2014/08/29/az_orban-rendszer_titkos_bibliaja/

223

[http://magyarnarancs.hu/belpol/a-rendszer-igazsagait-vedem – 93802](http://magyarnarancs.hu/belpol/a-rendszer-igazsagait-vedem-93802)

224

http://index.hu/belfold/2014/08/29/az_orban-rendszer_titkos_bibliaja/

225

Schabert T. A politika méltóságáról és jelentőségéről. (О достоинстве и значении политики). Budapest: Századvég, 2013.

226

Там же, 73. о.

227

Там же, 85. о.

228

Там же, 86–88. о.

229

Там же, 67. о.

230

Там же, 69. о.

231

Интервью Ильдико Чухай с Андрашем Ланци: Láncti: Orbán tudja, mi a néplélek, és a politikában minden próbaszerencse. (Ланци: Орбан знает, что нужно народу и что в политике все идет по принципу «попытка не пытка».) Népszabadság, 2014, október 2.

232

<http://gfg.blog.hu/>

233

<http://kanadaihirnap.com/2013/01/26/ne-higgyetek-a-szemeteknek/>;
[http://valasz.hu/itthon/megszoritjuk-magunkat – 59267/](http://valasz.hu/itthon/megszoritjuk-magunkat-59267/)

234

http://index.hu/belfold/2011/03/19/lazar_szerint_akinek_nincs_semmije_az_annyit_is_er/

235

<http://www.hir24.hu/belfold/2013/12/14/nincs-hatara-a-rasszizmusnak-magyarorszagon/>

236

Kovács A. Zsidóellenes előítéletesség és az antiszemitizmus dinamikája a mai Magyarországon. (Антиеврейские предрассудки и динамика антисемитизма в современной Венгрии). <http://www.tarki.hu/adatbank-h/kutjel/pdf/b342.pdf>

237

<http://index.hu/belfold/orbiet0723/>; <http://regi.sofar.hu/hu/node/35163>

238

<http://www.kozlonyok.hu/nkonline/MKPDF/hiteles/mk10103.pdf>

239

[http://valasz.hu/publi/schmittnek-igaza-van – 60296/](http://valasz.hu/publi/schmittnek-igaza-van-60296/)

240

[http://magyarnarancs.hu/belpol/a-rendszer-igazsagait-vedem – 93802](http://magyarnarancs.hu/belpol/a-rendszer-igazsagait-vedem-93802)

241

Sándor K. Határtalan nyelv. Bicske: Szak Kiadó, 2014. 313–314. o.

242

Magyar B. Kampanyok a falusi térben az ötvenes évek elején. (Кампании на селе в начале пятидесятих годов). На правах рукописи, 1986.

243

Friedrichs D. O. Transnational Crime and Global Criminology: Definitional, Typological, and Contextual Conundrums, *Social Justice*. Vol. 34, No. 2 (2007), 13–14. o.

http://www.socialjusticejournal.org/archive/108_34_2/108_02Friedrichs.pdf

244

Friedrichs D. O. Trusted Criminals, *Wadsworth Publishing*, Belmont, (2010).

245

Friedrichs D. O. Transnational Crime and Global Criminology: Definitional, Typological, and Contextual Conundrums, *Social Justice* Vol. 34, No. 2 (2007), 9. o; http://www.socialjusticejournal.org/archive/108_34_2/108_02Friedrichs.pdf

246

Friedrichs D. O. Trusted Criminals, *Wadsworth Publishing*, Belmont, (2010). 132–158. o.

247

Friedrichs D. O. Transnational Crime and Global Criminology: Definitional, Typological, and Contextual Conundrums, *Social Justice*. Vol. 34, No. 2 (2007), 10. o; http://www.socialjusticejournal.org/archive/108_34_2/108_02Friedrichs.pdf

248

http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1200100.TV, 459. §(1)

249

<http://www.lb.hu/hu/print/joghat/42005-szamu-bje-hatarozat>
Постановление КУРПИИ № 4/2005.

250

Закон № CI от 2006 г. об опубликовании Конвенции против транснациональной организованной преступности, принятой в рамках ООН в Палермо 14 декабря 2000 г.

251

О квалификации общественно-правовой системы, которая по своим характеристикам находится на грани преступной организации, см. еще статью Имре Вёрёша: Vörös I. Alkotmányos puccs Magyarországon, 2010–2014. (Конституционный путч в Венгрии в 2010–2014 гг.) In: Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam 2. Szerk.: Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2014. 69–96. о.

252

<http://444.hu/2016/03/16/miattuk-lett-konnyebb-eszrevetlenul-ellopni-a-kozpenzt-magyarorszagon?fbfanpage444+20160316+0937>

253

http://www.napi.hu/magyar_gazdasag/rendkivuli_dologra_keszul_a_kormany_25_even_nem_volt_ilyen.612004.html

254

http://www.crcb.eu/wp-content/uploads/2016/03/hpp_2016_crcb_report_2016_hu_160303_.pdf

255

Там же, 53. old.

256

<http://444.hu/2016/04/01/miert-nem-eleg-semmire-ma-magyarorszagon-ha-hangfelvetelt-keszitesz-arrol-ahogy-politikusok-egymas-kozott-osztogatnak>

257

http://tenytar.blog.hu/2016/03/01/rovid_porazon_az_ugyeszseg_orbanek_uralkodnak_a_vadhatosag_felett_is

258

<http://444.hu/2016/03/10/egy-nappal-azutan-hogy-az-ugyeszseghez-kerultek-a-magyar-nemzeti-bank-ugyei-polt-peter-es-matolcsy-gyorgy-elmentek-ebedelni>

259

[http://nol.hu/gazdasag/ujabb-botranyos-hangfelvetel – 1469927](http://nol.hu/gazdasag/ujabb-botranyos-hangfelvetel-1469927)

«В стенограмме, опубликованной в понедельник польским либеральным еженедельником Wprost, приведен разговор между генеральным директором польской нефтяной компании PKN Orlen Яцеком Кравцом, министром казначейства Влодзимежем Карпинским и заместителем последнего Здиславом Гавликом. Их встреча состоялась в январе этого года в варшавском ресторане “Сова и друзья”.

Помимо прочего, глава нефтяной компании рассказал о своем визите в Будапешт и о беседе с Жолтом Хернади, президентом и генеральным директором фирмы MOL. Этот рассказ звучал так (цитируем): Кравец: Слушайте, расскажу вам один случай и увидите, насколько у нас другая ситуация, чем у венгров. Я ездил к Хернади, потому что он не может покинуть Будапешт. Спрашиваю у него, сколько лет ты получишь? А он как ни в чем не бывало, с улыбкой говорит: слушай, мои юристы тут придумали одну штуку. Если меня отдадут под суд в любой стране ЕС и оправдают, то приговор должны будут признать во всех странах ЕС, и тогда я смогу ездить по Европе. Я спрашиваю: дело будут слушать в Венгрии? Он говорит, да. Я ему на это: но ведь это может длиться два-три года. А он: приговор будет уже в апреле. Сидит рядом с ним мужик, юридический директор, чванливая фигура, некто Абель (речь идет об Абеле Галаце, занимающем пост не юридического, а коммерческого директора). Он (Хернади) оборачивается к нему: Абель, скажи-ка Яцеку, кто будет обвинителем на этом венгерском процессе? А тот: моя жена. Понимаете? Представьте себе эту ситуацию! Обвинитель – жена, оправдательный приговор, все в порядке. Можете представить это у нас?

Здислав Гавлик: Может, это возможно и у нас, только мы не знаем об этом.

Влодзимеж Карпинский: Об этом мечтает Качиньский, он хочет как раз таких внутривластных отношений».

260

Oroszi B., M. Tóth B. Polt Péter kinevezése óta meredeken zuhan a politikai korrupciós ügyekben indított büntetőeljárások száma. (Со времени назначения Петера Польша резко сократилось число уголовных дел, связанных с политической коррупцией); <http://atlatszo.hu/2015/02/06/polt-peter-kinevezese-ota-meredeken-zuhan-a-politikai-korrupcios-ugyekben-inditott-buntetoeljarasok-szama/>

261

Там же.

262

<http://www.origo.hu/gazdasag/20151202-ami-jo-az-embereknek-az-jo-lesz-a-politikusoknak-is.html>

263

[http://nol.hu/belfold/a-kormany-ezzel-bosszut-all-a-magannyugdijpenztar-ban-maradt-embereken – 1553061](http://nol.hu/belfold/a-kormany-ezzel-bosszut-all-a-magannyugdijpenztar-ban-maradt-embereken-1553061)

264

Orbán Viktor – Pávatánc avagy hogyan verjük át az EU-t. 2012. 05. 31;
<https://www.youtube.com/watch?v=0s5gzvb87ZY>

265

Orbán Viktor – Pávatánc avagy hogyan verjük át az EU-t. 2012. 05. 31;
<https://www.youtube.com/watch?v=0s5gzvb87ZY>

266

Orbán Viktor beszéde 2011. március 15-én. (Речь Виктора Орбана 15 марта 2011 г.); <http://www.origo.hu/itthon/percrolpercre/20110315-tudositas-a-marcius-15i-unnepsegekrol.html?pIdx=1>

267

Orbán Viktor beszéde 2012. március 15-én (Речь Виктора Орбана 15 марта 2012 г.); <http://www.origo.hu/itthon/20120315-orban-viktor-miniszterelnok-marcius-15i-unnepi-beszede.html>

268

Orbán Viktor – Pávatánc avagy hogyan verjük át az EU-t. 2012. 05. 31;
<https://www.youtube.com/watch?v=0s5gzvb87ZY>

269

Не случайно, что под вопросом оказалось, например, положение, занимаемое внутри еврозоны Грецией с ее «неортодоксальными» экономическими желаньями и медленно приспособляющимся к этим желаньям экономическим окружением.

270

<http://444.hu/2015/02/26/orban-ot-eve-harcol-az-eu-val-legszukebb-kore-addig-gazdagodott-belole/>

271

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+REPORT+A7-2013-0229+0+DOC+XML+V0//HU>

272

Там же.

273

Europe cannot wait any longer: France and Germany must drive ahead, *The Guardian*, 2015, június 3.
<http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jun/03/europe-france-germany-eu-eurozone-future-integrate>

274

Ara-Kovács A. Nemzeti diplomácia helyett családi üzlet – Az Orbán-kormány külpolitikája. (Семейный бизнес вместо национальной дипломатии. Внешняя политика правительства Орбана). In: Magyar polip – A posztkommunista maffiaállam 2. Szerk.: Magyar Bálint és Vásárhelyi Júlia. Budapest: Noran Libro, 2014. 265–267. o.

275

Там же, 271. o.

276

http://indavideo.hu/video/InfoRadio_-_Arena_-_Tolgyessy_Peter_-_1resz_1

277

http://index.hu/belfold/2015/04/01/orban_kazahsztan_idegenek/

278

http://javorbenedek.blog.hu/2015/06/22/vannak_tanulmanyok_paks2-rol_de_nem_veletlenül_titkosak

279

http://hvg.hu/gazdasag/20151119_Brusszelben_elmeszeltek_Paks_IIot

280

http://hvg.hu/gazdasag/20141022_Roganek_modositoja_Dorgolozzuk_meg_jobba

281

[http://vs.hu/kozelet/osszes/ujabb-nagy-biznisszel-tehet-szivesseget-az-oroszoknak-magyarorszag – 1222#!s15](http://vs.hu/kozelet/osszes/ujabb-nagy-biznisszel-tehet-szivesseget-az-oroszoknak-magyarorszag-1222#!s15)

282

<http://444.hu/2015/02/10/a-met-es-az-mvm-menedzserei-atultek-egymas-szekebe/>

283

<http://tldr.444.hu/2015/01/14/a-legtobb-penzet-most-igy-lehet-csinalni-magyarorszagon/>

284

[http://index.hu/gazdasag/2015/06/22/met_mvm/;](http://index.hu/gazdasag/2015/06/22/met_mvm/)
http://mszp.hu/hirek/a_nagy_gazlopas

285

<http://444.hu/2015/11/05/nem-stimmel-a-met-mvm-uzlet-miniszteri-magyarazata>

286

[http://vs.hu/kozelet/osszes/ujabb-nagy-biznisszel-tehet-szivesseget-az-oroszoknak-magyarorszag – 1222#!s16](http://vs.hu/kozelet/osszes/ujabb-nagy-biznisszel-tehet-szivesseget-az-oroszoknak-magyarorszag-1222#!s16)

287

<http://vilagterkep.atlatszo.hu/2015/02/17/igy-foglalta-el-putyin-cse-horszagot-hogyan-haloztak-be-az-oroszok-a-cseh-politikai-elitet/>

288

<http://444.hu/2015/04/16/oroszország-hibrid-haborut-inditott-europa-ellen/>

289

<https://euobserver.com/foreign/125881>

290

http://index.hu/gazdasag/2016/04/20/torvenybe_iktattak_a_vilag_legdragabb_vas_uti_felujitasat/

291

http://hvg.hu/gazdasag/20160324_8_milliardot_kaszal_Meszáros_Lorinc_a_vasuton#utm_source=hirlista&utm_medium=aggregator&utm_campaign=hvg

292

<http://444.hu/2015/04/16/sorra-buknak-brusszelben-a-magyar-penzek/>

293

<http://blog.atlatszo.hu/2014/10/a-rejtelyes-7750-diszkret-es-drasztikus/>

294

Kürthy Emil (Magyar B.). Polgárrá válni. (Стать гражданином.) *Beszélő Szamizdat*, 4. szám, 1982, szeptember; <http://beszelo.c3.hu/epublish/3/v1n2>

295

<http://atlatszo.hu/2015/02/13/miattuk-retteg-simicska-rejtelyes-halalesetek-hihetetlen-magyarazatok/>

296

http://hvg.hu/itthon/20150509_Orban_Az_autokratikus_rendszerek_cseleked